

**БЮЛЛЕТЕНЬ
КОНСТИТУЦИОННОГО
ПРАВОСУДИЯ**

СПЕЦИАЛЬНЫЙ ВЫПУСК

**ОСНОВНЫЕ РЕШЕНИЯ
ЕВРОПЕЙСКОГО СУДА ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА**

БЮЛЛЕТЕНЬ КОНСТИТУЦИОННОГО ПРАВОСУДИЯ

Темпы развития конституционного правосудия показывают растущую значимость и новаторство конституционного правосудия в современной Европе. Конституционное правосудие неразрывно связано с принципами правового государства и защитой прав человека и основных свобод. Как результат, трудно переоценить вклад конституционных судов и судебных органов с аналогичными полномочиями в процессы демократизации, охватившие в недавнем прошлом страны Восточной и Центральной Европы.

Конституционное правосудие одна из основных сфер деятельности Европейской Комиссии за демократию через право («Венецианская комиссия»). С момента своего создания в 1990, она работала в тесном сотрудничестве с конституционными судами и судебными органами с аналогичными полномочиями Европы и других частей света. Венецианская Комиссия регулярно организует конференции, материалы которых публикуются в серии «Наука и техника демократии», а также с успехом провела ряд рабочих встреч с вновь образованными конституционными судами, чтобы помочь им решить ряд вопросов, связанных с начальным этапом их деятельности.

Под эгидой Венецианской Комиссии была создана сеть корреспондентов Конституционных Судов и судебных органов с аналогичными полномочиями. Совместно с секретариатом Венецианской Комиссии они разработали системный указатель, а также правила презентации решений судов с тем, чтобы ознакомить читателя с основными моментами наиболее важных решений. Три раза в год такие решения публикуются в Бюллетене конституционного правосудия. Одновременно Комиссия готовит Специальные выпуски Бюллетеня. Первые выпуски были посвящены Конституционным судам и условиям их работы, что позволяет правильно рассмотреть эти судебные решения в контексте правовой системы страны.

Данное издание является первым в новой серии Специальных выпусков, посвящённой судебной практике общеевропейских судебных органов. Мы посчитали очень важным начать эту серию с выпуска, посвящённого наиболее важным решениям Европейского Суда по Правам Человека. Судебная практика Суда привносит новые элементы в конституционную практику стран, создавая общие стандарты и подходы к данным проблемам на европейском континенте. Целый ряд конституционных судов ссылаются на эту судебную практику в своих решениях и, таким образом, эти органы конституционного правосудия вносят свой вклад в общеевропейское конституционное наследие.

Опубликованные в данном выпуске решения приняты в период с 1968 по годы [\[1\]](#). Венецианская Комиссия признательна Европейскому Суду по Правам Человека за помощь, оказанную при подготовке данного издания.

Вся информация, содержащаяся в специальных и обычных выпусках Бюллетеня конституционного правосудия (английское и французское издание) занесены в базу данных CODICES, разработанную Венецианской Комиссией. Эта база данных содержит также большое количество полных текстов решений, кратко изложенных в Бюллетене и тексты конституций стран, участвующих в проекте, на английском и французском языках. CODICES существует на CD-ROM, а также в версии Интернет. Бюллетень и база данных CODICES являются полезным инструментом в процессе сотрудничества между конституционными судами, а также ценным источником информации для всех тех, кто интересуется развитием конституционного права и правосудия в Европе и ряде неевропейских стран.

ВЕНЕЦИАНСКАЯ КОМИССИЯ

Европейская комиссия за демократию через право, известная также как Венецианская комиссия, была создана в 1990 в результате парциального соглашения в рамках Совета Европы. Речь идёт о консультативном органе, сотрудничающим как с государствами-членами Совета Европы, так и с государствами, которые не являются его членами. В состав Комиссии входят независимые эксперты в области права и политических наук, а среди её основных задач можно указать такие как:

- содействие новым демократиям Центральной и Восточной Европы в деле создания новой системы политических и правовых органов.
- укрепление существующих демократических институтов.
- содействие развитию и укреплению принципов и институтов, являющихся основой подлинной демократии.

В числе различных областей деятельности Венецианской Комиссии среди прочих можно указать такие, как проведение исследований, семинаров и составление юридических заключений по различным вопросам, касающимся конституционных реформ, проектов конституций, избирательных законов, защиты национальных меньшинств, сбора и распространения документации, касающейся судебной практики европейских конституционных судов.

ОГЛАВЛЕНИЕ

| | |
|---|----------------|
| Абдулазиз, Кабале и Балкандали против Великобритании | ECH-1985-S-002 |
| (иммиграция, воссоединение семьи ст. 8 и 14) | |
| . против Австрии | ECH-1997-2-012 |
| (вмешательство в осуществление права на свободу выражения своего мнения ст. 10) | |
| Айдын против Турции | ECH-1997-3-016 |
| (запрет пыток и бесчеловечного или же унижающего достоинство обращения, право обжаловать судебные решения ст. 3 и 13) | |
| Айрей против Ирландии | ECH-1979-S-003 |
| (стоимость судебных издержек и доступ в суд ст. 6) | |
| <u>Андреадис и общество "Стран"</u> против Греции | ECH-1994-3-021 |
| (Ст. 1 Протокола 1) | |
| Альбер и Ле Конг против Бельгии | ECH-1983-S-001 |
| (дисциплинарная процедура в корпорации врачей ст. 6) | |
| <u>Ассоциация австрийских солдат-демократов и г-н Губи</u> против Австрии | ECH-1994-3-023 |
| (меры, несообразные преследуемым законным целям) | |
| "Ауэроник АГ" против Швейцарии | ECH-1990-S-003 |
| (спутниковое телевидение ст.10) | |
| Ахмед против Австрии | ECH-1997-1-003 |
| (запрет пыток и бесчеловечного или же унижающего достоинство обращения ст. 3) | |
| ...против Бельгии | ECH-1995-3-019 |
| (вмешательство в пользование правом требования возмещения причиненного ущерба ст. 1 Протокола 1) | |
| Ахмед и другие против Великобритании | ECH-1998-2-011 |
| (свобода выражения своего мнения ст. 10) | |
| Б против Франции | ECH-1992-S-001 |
| (смена пола ст. 8) | |
| Бербера, Мессега и Хабардо против Испании | ECH-1988-S-008 |
| (судопроизводство по делу о терроризме ст. 6) | |
| Бенгем против Нидерландов | ECH-1985-S-003 |
| (процедура обращения к Короне ст. 6) | |
| Бенхам против Великобритании | ECH-1996-2-009 |
| (содержание под стражей ст. 5.1) | |
| Беррехаб против Нидерландов | ECH-1988-S-005 |
| (выдворение разведенного иностранца - ст. 8) | |

| | |
|--|----------------|
| Бозано против Франции («скрытая» экстрадиция ст. 5) | ECH-1986-S-005 |
| Боуман против Великобритании (свобода выражения своего мнения ст. 10) | ECH-1998-1-003 |
| Брайан против Великобритании (право на справедливое судебное разбирательство ст. 6.1) | ECH-1995-3-022 |
| Броугэн и другие против Великобритании (арест и содержание под стражей лиц, обвинённых в терроризме ст. 5) | ECH-1988-S-007 |
| Буамар против Бельгии (задержание несовершеннолетнего - ст.5) | ECH-1988-S-001 |
| Буганеми против Франции (выдворение из страны пребывания ст. 8) | ECH-1996-2-007 |
| Бушелькиа против Франции (выдворение из страны ст. 8) | ECH-1997-1-004 |
| Ван дер Мусселе против Бельгии (обязанность адвоката-стажера бесплатно защищать интересы обвиняемого ст. 4) | ECH-1983-S-003 |
| Вебер против Швейцарии (профессиональная тайна ст. 6 и 10) | ECH-1990-S-002 |
| Ваттс против Великобритании (права заявителя на доступное судебное разбирательство ст. 6) | ECH-1995-2-011 |
| Велозе Баретто против Португалии (произвольного вмешательства органов власти в личную жизнь ст. 8) | ECH-1995-3-020 |
| Вемхофф против Германии (длительность задержания ст. 5) | ECH-1968-S-001 |
| Вингерверп против Нидерландов (помещение в психиатрическую больницу ст. 5) | ECH-1979-S-004 |
| . против Великобритании (уважение личной и семейной жизни - ст. 8) | ECH-1997-2-010 |
| . против Великобритании (ст. 7) | ECH-1995-3-021 |
| . против Великобритании (право на жизнь ст. 2) | ECH-1995-3-016 |
| . против Греции (предоставление заинтересованному лицу возможности предстать перед судом одновременно с прокурором ст. 5.4) | ECH-1995-2-013 |
| Г. против (осуждение за деяние, не образовавшее на момент его совершения состава преступления ст.7) | ECH-1995-3-017 |
| Гайгюсюз против Австрии (дискриминация, основанная на национальном происхождении - ст. 14) | ECH-1996-3-012 |
| Гентрих против Франции (Ст. 1 Протокола 1 ЕКПЧ) | ECH-1994-3-013 |
| Герра и другие против Италии (уважение личной и семейной жизни - ст. 8) | ECH-1998-1-002 |
| Герхард Зюссманн против Германии (превышение разумного срока ст. 6.1) | ECH-1996-3-013 |
| Гинчо против Португалии (длительность разбирательства в гражданском суде ст. 6) | ECH-1984-S-006 |
| Годди против Италии (Заочное судебное производство (<i>in absentia</i>) ст. 6) | ECH-1984-S-003 |
| Голдер против Великобритании (запрет обратиться к адвокату ст. 6) | ECH-1975-S-001 |
| Гудвин против Великобритании (свобода выражения своего мнения - ст. 10) | ECH-1996-1-006 |
| Гудзарди против Италии (принудительное поселение ст. 5) | ECH-1980-S-002 |
| Гюль против Швейцарии (выбор супругами места их совместного проживания ст. 8) | ECH-1996-1-002 |
| Гюстафсон против Швеции (коллективные соглашения и трудовые отношения ст. 11) | ECH-1996-2-008 |

| | |
|---|----------------|
| Даджен против Великобритании (уголовное законодательство в отношении к гомосексуалистам ст. 8) | ECH-1981-S-003 |
| Дарби против Швеции (обязанность платить «конфессиональный» налог ст. 14) | ECH-1990-S-005 |
| Девир против Бельгии (уплата штрафа во избежание закрытия магазина ст. 6) | ECH-1980-S-001 |
| Де Йонг, Балжэ и Ван ден Бринк против Нидерландов (содержание под стражей военнослужащих, обвиненных в военных правонарушениях ст. 5) | ECH-1984-S-004 |
| Делькур против Бельгии (присутствие работника прокуратуры при вынесении решения в совещательной комнате ст. 6) | ECH-1970-S-001 |
| Дельта против Франции (анонимные свидетели ст. 6) | ECH-1990-S-006 |
| Демиколи против Мальты (санкционирование журналиста парламентом ст. 6) | ECH-1991-S-003 |
| Дело, "относящееся к некоторым аспектам законов об использовании языков в системе образования Бельгии" (обязательство государств гарантировать право доступа к существующим учебным заведениям - ст. 2 Протокола 1) | ECH-1968-S-003 |
| Де Уилд, Оомс и Версиш против Бельгии (задержание за бродяжничество ст. 5) | ECH-1971-S-001 |
| Джамиль против Франции (ст. 7) | ECH-1995-2-010 |
| Джонстон и другие против Ирландии (конституционный запрет на развод - ст. 8, 12 и 14) | ECH-1986-S-006 |
| Дьеннэ против Франции (открытость судебного разбирательства ст. 6.1) | ECH-1995-3-015 |
| Доймеланд против Германии (несчастные случаи на рабочем месте - ст. 6) | ECH-1986-S-001 |
| Доорсон против Нидерландов (безопасность свидетелей ст. 8) | ECH-1996-1-005 |
| "Домбо Бехеер" против Нидерландов (равная возможность давать свидетельские показания ст. 6) | ECH-1993-S-007 |
| Еженедельник "Блюф!" против Нидерландов (свобода распространять информацию и идеи ст. 10) | ECH-1995-1-001 |
| Жан-Пьер Пьер-Блох против Франции | ECH-1997-3-019 |
| Жигтонас, Палеотодорос, Сифунакис, Каваратзис и Жиакуматос против Греции (Ст. 3 Протокола 1) | ECH-1997-2-013 |
| Имброшиа против Швейцарии (нарушение права на справедливое судебное разбирательство и права на юридическую помощь защитника ст. 6.1 и 6.3) | ECH-1993-S-008 |
| "Институт по подготовке кадров для аудиовизуальных средств массовой информации им. Отто Премингера" против Австрии (свобода вероисповедания, свобода выражения мнений ст. 9 и 10) | ECH-1994-3-012 |
| Ирландия против Великобритании (бесчеловечное и унижающее достоинство обращение при предварительном заключении ст. 3) | ECH-1978-S-001 |
| Йенс Олаф Йерсидл против Дании (права заявителя на свободу выражения мнения) | ECH-1994-3-014 |
| Карамжит Сингх Шахал против Великобритании (право на действенный судебный контроль - ст. 5-4) | ECH-1996-3-015 |
| Кастеллс против Испании (обвинение парламентария в оскорблении правительства ст. 10) | ECH-1992-S-003 |
| Кайа против Турции (право на жизнь, действенные средства правовой защиты ст. 2 и 13) | ECH-1998-1-004 |

| | |
|---|----------------|
| Кениг против Германии (длительность процедуры в административном суде ст. 6) | ECH-1978-S-003 |
| Кьелдсен, Буск, Мадсен и Педерсен против Дании (обязательное образование в области половых отношений ст. 2, Протокола 1) | ECH-1976-S-002 |
| Клаас против Германии (бесчеловечное и унижающее достоинство обращение, нарушение права на личную и семейную жизнь ст. 3 и 8) | ECH-1993-S-006 |
| Класс и другие против Германии (меры тайного надзора за перепиской и другими видами связи ст. 8) | ECH-1978-S-004 |
| Клоот против Бельгии (длительность предварительного заключения ст. 5) | ECH-1991-S-005 |
| Коккинаки против Греции (прозелитизм в действиях Свидетелей Иеговы ст. 9) | ECH-1993-S-002 |
| Копп против Швейцарии (защита права на личную жизнь ст. 8) | ECH-1998-1-005 |
| Колоцца против Италии (обычное судопроизводство - ст. 6) | ECH-1985-S-001 |
| Костовски против Нидерландов (анонимные свидетели ст. 6) | ECH-1989-S-004 |
| Кроон против Нидерландов (уважение семейной жизни ст. 8) | ECH-1994-3-016 |
| Круз Варас и другие против Швеции (выдворение иностранца ст. 3) | ECH-1991-S-002 |
| Крюслен против Франции (прослушивание телефонных разговоров ст. 8) | ECH-1990-S-001 |
| Кюрт против Турции (право на свободу и безопасность, запрет пыток и бесчеловечного или же унижающего достоинство обращения ст. 3 и 5) | ECH-1998-2-007 |
| Кэмбелл и Кузес против Великобритании (телесные наказания в школах ст. 3, ст. 2 Протокола 1) | ECH-1982-S-001 |
| Кэмбелл и Фелл против Великобритании (дисциплинарные меры в местах лишения свободы ст. 6) | ECH-1984-S-005 |
| L.C.V. против Великобритании (право на жизнь, запрет пыток и бесчеловечного или же унижающего достоинство обращения - ст. 2 и 3) | ECH-1998-2-008 |
| Леандер против Швеции (секретное досье в полиции ст. 8) | ECH-1987-S-002 |
| Ле Конт, Ван Левен и Де Мейер против Бельгии (дисциплинарное производство в корпорации врачей ст. 6) | ECH-1981-S-001 |
| Лесли Стаббингс против Великобритании (право на доступное судебное разбирательство ст. 6.1) | ECH-1996-3-014 |
| Лингенс против Австрии (осуждение журналиста за клевету на политика ст. 10) | ECH-1986-S-003 |
| Литгоу против Великобритании (возмещение акционерам национализированного предприятия - ст. 1, Протокола 1) | ECH-1986-S-002 |
| Лобо Мачадо против Португалии (беспристрастность разбирательства ст. 6.1) | ECH-1996-1-003 |
| Лоулесс против Ирландии (административное задержание в интересах государственной безопасности ст. 5, 15) | ECH-1961-S-001 |
| Луизиду против Турции (защита права собственности - ст. 1 Протокола 1) | ECH-1996-3-016 |
| Люберги против Италии (изоляция умалишенных ст. 5) | ECH-1984-S-002 |
| Люди против Швейцарии (прослушивание, совмещенное с показаниями внедренного агента ст. 6 и 8) | ECH-1992-S-004 |
| Людике, Белькасем и Кош против Германии (взимание с приговоренных иностранцев | ECH-1978-S-005 |

| | |
|--|-----------------------|
| затрат на переводчика ст. 6) | |
| . против Кипра | ECH-1997-3-017 |
| (право на жизнь ст. 2) | |
| Маркс против Бельгии | ECH-1979-S-002 |
| (статус матерей-одиночек и внебрачных детей ст. 8) | |
| Маррей против Великобритании | ECH-1996-1-001 |
| (право подсудимого пользоваться помощью адвоката ст. 6.3) | |
| Г-жа Маррей против Великобритании | ECH-1994-3-017 |
| (уважение личной жизни - ст. 8) | |
| Матье-Муэн и Клерфэйт против Бельгии | ECH-1987-S-001 |
| (голосование ст. 3 Протокол 1) | |
| Махад, Лахима, Абделькадер и Мохамед Амюор против Франции | ECH-1996-2-011 |
| (удержание иностранцев в международной зоне аэропорта ст. 5.1) | |
| Мехди Зана против Турции | ECH-1997-3-020 |
| (длительность разбирательства ст. 6.1) | |
| Мейлоун против Великобритании | ECH-1984-S-007 |
| (прослушивание телефонных разговоров ст. 8) | |
| . против Великобритании | ECH-1997-2-001 |
| (запрет пыток и бесчеловечного или же унижающего достоинство обращения ст. 3) | |
| Минелли против Швейцарии | ECH-1983-S-002 |
| (возмещение затрат на судопроизводство ст. 6) | |
| Мустахим против Бельгии | ECH-1991-S-001 |
| (выдворение иностранца, проживающего в стране с детства ст.8) | |
| Мюллер и другие против Швейцарии | ECH-1988-S-003 |
| (конфискация картин и осуждение художника ст. 10) | |
| Наби Яак и Г-н Нихат Сарг против Турции | ECH-1995-2-009 |
| (продолжительность судопроизводства ст. 6.1) | |
| Насри против Франции | ECH-1995-2-012 |
| (высылка из страны пребывания ст. 8) | |
| Национальный профсоюз бельгийских полицейских против Бельгии | ECH-1975-S-002 |
| (свобода создавать профсоюзы и вступать в них - ст. 11) | |
| Неймайстер против Австрии | ECH-1968-S-002 |
| (длительность предварительного заключения ст. 5) | |
| Нимиц против Германии | ECH-1992-S-007 |
| (обыск в юридической фирме ст.8) | |
| . против Нидерландов | ECH-1997-1-002 |
| (ст. 6.1) | |
| Объединенная коммунистическая партия Турции против Турции | ECH-1998-2-010 |
| (право объединения в политические партии ст. 11) | |
| "Обсервер" и "Гардиан" против Великобритании | ECH-1991-S-004 |
| (ограничение прав прессы ст. 10) | |
| Озгюрк против Германии | ECH-1984-S-001 |
| (возмещение затрат на переводчика обвиняемым-иностранцем ст. 6) | |
| Олссон против Швеции | ECH-1988-S-002 |
| (помещение детей в дом попечителей - ст. 8) | |
| "Оупен Дор" и "Даблин Уелл Вумен" против Ирландии | <i>ECH-1992-S-006</i> |
| (запрет на предоставление беременным женщинам информации о возможности совершения аборта ст. 10) | |
| Папамихалопулос и другие против Греции | ECH-1993-S-004 |
| (экспроприация собственности ст. 1 Протокола 1) | |
| Петрович против Австрии | ECH-1998-1-006 |
| (защита права на личную жизнь ст. 8) | |
| Пьермон против Франции | ECH-1995-2-007 |
| (вмешательство в пользование правом на свободу выражения своего мнения ст. 10) | |
| Поль Серв против Франции | ECH-1997-3-018 |
| (справедливое судебное | |

| | |
|--|----------------|
| разбирательство ст. 6) | |
| Прагер против Австрии | ECH-1995-1-006 |
| П. против Великобритании | ECH-1996-2-010 |
| (беспристрастность суда ст. 6.1) | |
| Пудас против Швеции | ECH-1987-S-003 |
| (право на судебное разбирательство ст. 6) | |
| Раймондо против Италии | ECH-1994-1-002 |
| (Ст. 1-2 Протокола 1, Ст. 2 Протокола 4) | |
| Расмуссен против Дании | ECH-1984-S-008 |
| (доступ в суд отца с тем, чтобы оспорить отцовство ст. 14) | |
| Рибич против Австрии | ECH-1995-3-023 |
| (нанесение телесных повреждений при задержании ст. 3) | |
| Руиз-Матеос против Испании | ECH-1993-S-003 |
| (превышение разумного срока судопроизводства ст. 6) | |
| Санди Таймс против Великобритании | ECH-1979-S-001 |
| (ограничение свободы прессы ст. 10) | |
| Салабиаку против Франции | ECH-1988-S-006 |
| (презумпция невиновности ст. 6) | |
| Саундерс против Великобритании | ECH-1997-1-001 |
| (гарантии справедливого судебного разбирательства ст. 6.1) | |
| Серинг против Соединенного Королевства | ECH-1989-S-003 |
| (экстрадиция в иное государство, где заявитель может быть приговорён к смертной казни ст. 3) | |
| Сигудур А. Сигурйонссон против Исландии | ECH-1993-S-005 |
| (право гражданина на свободу ассоциации - ст. 11) | |
| Сидиропулос и другие против Греции | ECH-1998-2-010 |
| (свобода объединения в ассоциации ст.11) | |
| Сильвер против Великобритании | ECH-1983-S-001 |
| (ограничение права переписки заключённых ст. 8) | |
| Сколю против Италии | ECH-1995-3-018 |
| (защита права пользования своей собственностью ст. 1 Протокола 1) | |
| Спорронг и Леннрот против Швеции | ECH-1982-S-002 |
| (разрешение на экспроприацию и разрешение на строительство ст. 1 Протокола 1) | |
| Сюзанна Бургари и Альберт Шнидер против Швейцарии | ECH-1994-1-001 |
| (ст. 8 и 14) | |
| Тайрер против Великобритании | ECH-1978-S-002 |
| (физическое наказание ст. 3) | |
| Томази против Франции | ECH-1992-S-005 |
| (физическая неприкосновенность личности при предварительном задержании ст. 3) | |
| Туалиб против Греции | ECH-1998-2-009 |
| (право на помощь адвоката - ст. 6) | |
| . против Турции | ECH-1997-2-014 |
| (равновесие между соблюдением права на собственность и общим интересом - ст. 1 Протокола 1) | |
| Унтерпертингер против Австрии | ECH-1986-S-004 |
| (уголовное преследование за отказ давать свидетельские показания - ст. 6) | |
| Хадинастасиу против Греции | ECH-1992-S-008 |
| (разглашение военной тайны ст. 6) | |
| Хандисайд против Великобритании | ECH-1976-S-003 |
| (наложение ареста и конфискация книги, расцененной непристойной ст. 10) | |
| Хаушильдт против Дании | ECH-1989-S-001 |
| (участие представителей следственных органов в принятии решения по делу - ст. 6) | |
| Хуссейн против Великобритании | ECH-1996-1-004 |
| (соблюдение принципа состязательности судебного процесса 5.4) | |
| Х против Франции | ECH-1992-S-002 |
| (длительность процедуры в отношении больного гемофилией и СПИДом ст. 6) | |
| Ф против Швейцарии | ECH-1987-S-004 |
| (временный запрет на повторное вступление в брак ст. 12) | |
| Фокс, Кэмпбэл и Хартли | |

| | |
|---|----------------|
| против Великобритании (арест и содержание под стражей в силу закона о чрезвычайном положении ст. 5) | ECH-1990-S-004 |
| Фохт против Германии (нарушение права на свободу выражения своего мнения ст. 10 и 11) | ECH-1995-3-014 |
| Функе против Франции (обыск в квартире заявителя, осуществлённый сотрудниками таможни ст. 8) | ECH-1993-S-001 |
| Шененбергер и Дурмаз против Швейцарии (помощь адвоката ст.6) | ECH-1988-S-004 |
| Энгель и другие против Нидерландов (военная дисциплинарная процедура - ст. 6) | ECH-1976-S-001 |
| Эрикссон против Швеции (помещение детей в дом попечителей - ст. 8) | ECH-1989-S-002 |
| Эр-Канада против Великобритании (ст. 6.1 и ст. Протокола 1) | ECH-1995-2-008 |
| Юнг, Джеймс и Уебстер против Великобритании (обязательное членство в профсоюзе для получения работы ст. 11) | ECH-1981-S-002 |

Ответственные редакторы:
Х. Якомопулос, Ш. Р. Дюрр, С. Кузнецов
П. Гаррон, К. Мартэн

Корреспонденты:

| | |
|--|---|
| Австрия..... Р. Хупманн | Литва..... С. Стасиокас |
| Азербайджан..... Р. Гулиев | Лихтенштейн..... Х. Хоф, И. Элькух |
| Албания..... К. Печи | Люксембург..... Г. Киль |
| Аргентина..... Х. Маснатта, Р.Е. Жиаљдино | Мальта..... А. Элул |
| Армения..... Г. Ваханян | Молдова..... М. Которобай |
| Бельгия..... Р.Рикебоер, П. Вандерноот | Норвегия..... А. М. Самуэльсон |
| Болгария..... К. Манов | Польша..... Г. Плак |
| Босния-Герцеговина..... М. Далагия | Португалия..... А. Дуарте Сильва |
| Бывшая Югославская Республика | Румыния..... Г. Янку |
| Македония..... С. Петровский | Российская Федерация..... Е. Пыриков |
| Венгрия..... П. Пажолай, К. Ковач | Словакия..... Д. Драгонец |
| Германия..... Р. Ягер, В. Рорхубер | Словения..... А. Мавчич |
| Голландия..... М. Крийнен, С. Ван дер Овен | США..... Д. Дуфф, П. Круг, Ф. Лорсон |
| Греция..... К. Менудакоc, О. Пападопулу | Турция..... М. Турхан |
| Грузия..... Л. Бодзашвили | Украина..... П. Мартыненко |
| Дания..... С. С. Андерсен | Финляндия..... П. Линдхольм, Т. Куосма |
| Ирландия..... Дж. Дальтон | Франция..... Д. Реми-Гранже |
| Исландия..... Х. Торфасон | Хорватия..... М. Салежич |
| Испания..... И. Боррахо Иньеста | Чешская Республика..... И. Ян |
| Италия..... Г. Каттарино, Н. Сандулли, Е. Бианчи Фигерето | Швейцария..... Р. Тшумперлин Д.Альберини-Бойат |
| Канада..... С. Маркиз | Швеция..... Л. Линдстам, Д. Мунк |
| Казахстан..... Н. Акуев | Эстония..... П. Роосма |
| Кипр..... П. Каллис | ЮАР..... С. Литули, К. Ориган, С. Баруа |
| Киргизия..... Ч. Баскова | Япония..... А. Асакура |
| Латвия..... А. Ушачка | |

Европейский Суд по правам человека..... Х. Пецольд, Н. Сансонетис
Суд Европейских Сообществ..... П. Сингер

Худ. Оформление SEDDOC
Обложка: А. Стабель, С. Рединг

Редакция благодарит кандидата юридических наук, магистра права и дипломатии Сергея А. Беляева ^[2], доктора права, доцента Института экономики и управления Удмуртского государственного университета (г. Ижевск) Светлану Г. Севильяно ^[3] и Д. Монокова ^[4] за вклад в подготовку данного издания.

Секретариат Венецианской Комиссии
Совет Европы/ Conseil de l'Europe
F-67075 STRASBOURG CEDEX
Tél : (33) 3 88 41 20 00 Fax : (33) 3 88 41 37 38

Европейский Суд по Правам Человека

Основополагающие судебные решения

Кюрг против Турции.

а) Совет Европы / б) Европейский суд по Правам Человека / в) Палата / д) 25.05.1998 / е) 15/1997/799/1002 / ф) Кюрг против Турции / г) решение представлено к опубликованию в *Сборнике постановлений и решений*, 1998 / **h)**

Ключевые слова для системного указателя:

Источники конституционного права - Категории - Писанные правовые нормы - Европейская конвенция о защите Прав Человека 1950 г.

Основополагающие права - Гражданские и политические права - Право на жизнь.

Основополагающие права - Гражданские и политические права - Запрещение пыток и бесчеловечного или же унижающего достоинство обращения.

Основополагающие права - Гражданские и политические права - Свобода личности - Лишение свободы - Арест.

Основополагающие права - Гражданские и политические права - Право на безопасность.

Основополагающие права - Гражданские и политические права - Процессуальные гарантии и справедливое судебное разбирательство - Доступность судебного разбирательства.

Ключевые слова для алфавитного указателя:

Силы охраны порядка, вмешательство / Терроризм / Задержание / Особые доказательства, плохое обращение / Исчезновение / Заявление, отзыв под воздействием давления / Личное обжалование, право / право на предоставление действенных средств правовой защиты, лишение.

Краткая аннотация:

Отсутствие, со стороны властей, сведений о местонахождении сына заявительницы, замеченного в последний раз в окружении работников правоохранительных органов, а также сведений о его дальнейшей участи повлекло нарушение его права на свободу и на безопасность, игнорировало запрет пыток и бесчеловечного или же унижающего достоинство обращения, а так же право самой заявительницы на предоставление действенных средств правовой защиты.

Сокращенное содержание:

Заявление было подано от имени заявительницы и от имени ее сына, которого - по ее утверждению - она имела возможность видеть в последний раз в тот момент, когда он подвергнулся задержанию работниками сил охраны порядка, осуществлявшими оперативные действия на территории их села, и который впоследствии исчез. Заявительница утверждала, что исчезновение ее сына влечет ответственность государства-ответчика, и ссылалась на статьи 2, 3, 5 и 13 ЕКПЧ. Она также заявляла, что власти воспрепятствовали осуществлению ее права на личное обжалование, гарантированное ст. 25 ЕКПЧ.

Сын заявительницы исчез после операции, проведенной с 23 по 25 ноября 1993 г. силами охраны порядка в поселке Ажилли (*Agilli*) и вызвавшей столкновения с лицами, подозреваемыми в террористической деятельности. Обстоятельства этого исчезновения спорные. Согласно заявительнице, она видела в последний раз сына в сопровождении взявших его под стражу военнослужащих и работников поселкового жандармского подразделения. Он производил впечатление человека, подвергнувшегося избиению. Согласно Правительству, сын заявительницы никогда не задерживался и есть веские основания полагать, что он ушел из села, чтобы влиться в ряды Курдской Коммунистической Партии (далее - ККП), или же что он был похищен таковой.

Когда - вскоре после исчезновения сына - заявительница оповестила власти с тем, чтобы попытаться справиться о его судьбе, в районном отделении жандармерии ей сообщили, что он никогда не подвергался задержанию, и что в Суде по делам о государственной безопасности не имеется следов его заключения под стражу. 21 марта 1994 г. прокурор г. Бисмила (*Bismil*) заявил о неподсудности ему вопроса о похищении ее сына на том основании, что преступление было совершено ККП.

По утверждению заявительницы, после подачи заявления в Комиссию она и ее адвокат стали мишенью кампании, организованной властями с целью принуждения ее к отзыву жалобы. Правительство опровергло факт оказания такого давления на заявительницу. Оно поставило под вопрос искренность намерения последней подать заявление на государство и утверждало, что она использовалась в политических целях враждебными государству элементами.

Касательно статьи 2 ЕКПЧ, Суд счел, что - за отсутствием конкретных доказательств - доводы, приведенные заявительницей, не были достаточными для того, чтобы можно было сделать заключение о юнчине ее сына в период нахождения его в руках органов власти. Суд пришел к выводу о неуместности вынесения решения по жалобе заявительницы, согласно которой власти не защитили жизнь ее сына: поднятые вопросы относятся к статье 5 ЕКПЧ.

Как и в случае с жалобой, поданной на основании статьи 2 ЕКПЧ, Суд счел следующее: заявительница не привела особых доказательств, свидетельствующих о том, что ее сын действительно стал жертвой плохого обращения, противоречащего статье 3 ЕКПЧ. Он расценил, что данная жалоба также относится к статье 5 ЕКПЧ.

Касательно статьи 5 ЕКПЧ, Суд указал, что непризнанное заключение лица под стражу составляет полное отрицание гарантий, предусмотренных статьей 5 ЕКПЧ, и является чрезвычайно серьезным нарушением этого положения. Власти, в чьих руках оказалось лицо, были обязаны сообщить о его местонахождении. Вот почему следовало считать, что статья 5 ЕКПЧ обязывала их принять реальные меры во избежание риска пропажи такого лица и оперативно произвести эффективное расследование на случай подачи обоснованной жалобы на то, что лицо подверглось задержанию, и с тех пор его никто не видел.

На этом основании Суд отметил, что нахождение по стражей сына заявительницы никогда не было официально запотоколировано. Сам этот факт должен рассматриваться как одно из серьезнейших упущений, позволявших лицам, ответственным за лишение свободы, скрыть свое участие в преступлении, запутать следы и уйти от ответственности за дальнейшую участь заключенного. С точки зрения Суда, отсутствие официальной регистрации таких сведений как число, время и место задержания, фамилия задержанного, а также причина задержания и личность осуществлявшего его лица, должно расцениваться как несовместимое с самой целью статьи 5 ЕКПЧ.

Более того, прокурор действительно не рассмотрел обоснованность жалобы заявительницы, утверждавшей, что ее сын был задержан на территории поселка. Он не предложил ей, как заинтересованному лицу, дать письменные показания и не допросил ее устно. Прокурор безоговорочно принял объяснения, данные жандармерией: сын заявительницы не мог находиться под стражей, потому как его фамилия не фигурировала в списках лиц, подвергнувшихся задержанию. Прокурор отклонил версию заявительницы, неизменно утверждавшей, что ее сын был задержан, в пользу неправдоподобной и не подтвержденной версии следствия, связавшего его исчезновение с действиями ККП.

Суд пришел к тому заключению, что власти не предоставили правдоподобных и подтвержденных объяснений касательно местонахождения сына заявительницы и его дальнейшей судьбы после задержания на территории поселка. Будучи ответственным за безопасность ее сына, они не смогли дать за него отчет. Необходимо признать, что он подвергся непризнанному заключению под стражу при полном отсутствии гарантий, содержащихся в статье 5 ЕКПЧ. Суд счел, таким образом, что имело место особо серьезное нарушение права на свободу и неприкосновенность личности, гарантируемого данной статьей.

Заявительница также утверждала, что стала в свою очередь жертвой бесчеловечного и унижительного обращения вследствие исчезновения ее сына в то время, когда он оказался в руках властей. Суд напомнил по этому поводу, что власти никогда серьезно не рассматривали жалобу заявительницы. Следовательно, таковая в течение длительного времени пребывала в состоянии подавленности и тревоги, осознавая, что ее сын содержится под стражей, но не имела при этом никаких официально предоставленных сведений о его судьбе.

Принимая во внимание данные обстоятельства, Суд счел, что государство-ответчик нарушило статью 3 ЕКПЧ в отношении заявительницы.

Относительно статьи 13 ЕКПЧ, с точки зрения Суда, в том случае, если родители лица имеют аргументированные основания утверждать, что такое лицо пропало, оказавшись в руках органов власти, то понятие действенных средств правовой защиты, в смысле статьи 13 ЕКПЧ, предполагает - кроме выплаты там, где это подпадает, возмещения - проведение углубленного и действенного расследования, способного установить личности и наказанию виновных, включая реальный доступ родителей к допросу свидетелей.

В этих условиях, как и в отмеченном Судом случае с жалобой, основывавшейся на статье 5 ЕКПЧ, ходатайство заявительницы серьезно не рассматривалось. Прокурор не провел действенного расследования в то время, как заявительница, заинтересованное лицо, упорно утверждала, что ее сын удерживался под стражей силами охраны порядка на территории поселка. Таким образом, Суд счел, что заявительница была лишена права на предоставление действенных средств правовой защиты, и что имело место нарушение статьи 13 ЕКПЧ.

И наконец, заявительница утверждала, что на нее оказывалось давление с тем, чтобы она отозвала свое заявление в Комиссию, в то время как ее адвокату угрожали привлечением к уголовной ответственности за заявления, сделанные им по поводу ее обращения в Комиссию.

Отвергая возражения Правительства на эти утверждения, Суд отметил, что заявительница неоднократно допрашивалась властями после того, как Комиссия передала ее заявление Правительству. Вследствие этих допросов она сделала заявления, опровергающие все ходатайства (петиции), подававшиеся от ее имени. Суд не был убежден, что эти заявления составлялись по инициативе заявительницы. Кроме того, заявительница дважды посетила нотариуса. И каждый раз она опровергала жалобы, подававшиеся от ее имени в Комиссию. Суд не допускает того, что эти посещения были организованы самой заявительницей. Суд нашел достойным внимания тот факт, что она приводилась в нотариальную контору военнослужащим в униформе, и не должна была платить вознаграждения за составление заявлений.

Эти обстоятельства дают основания полагать, что заявительница была подвержена косвенному неправомерному давлению, направленному на принуждение ее к заявлениям по поводу ее обращения в Комиссию, давлению, воспрепятствовавшему осуществлению ее права на личное обжалование, гарантированное ст. 25 ЕКПЧ.

Касательно угрозы привлечения к уголовной ответственности адвоката заинтересованного лица, Суд подчеркнул, что власти не должны вмешиваться в процесс судопроизводства, возбужденного в Комиссии заявительницей, угрожая уголовным преследованием ее представителю. Даже если бы разбирательство и не имело продолжения, такие угрозы должны сами по себе рассматриваться как вмешательство в осуществление права заявительницы на личное обращение в Комиссию.

На этом основании Суд пришел к заключению, что государство-ответчик не выполнил своих обязательств в отношении статьи 25 ЕКПЧ.

Идентификационный номер: ECH-1998-2-008

L.C.V. против Великобритании

а) Совет Европы / б) Европейский суд по Правам Человека / в) Палата / г) 09.06.1998 / д) 14/1997/798/1001 / е) L.C.V. против Великобритании / ж) решение представлено к опубликованию в *Сборнике постановлений и решений*, 1998 / з)

Ключевые слова для системного указателя:

Источники конституционного права - Категории - Писанные правовые нормы - Европейская конвенция о защите Прав Человека 1950 г.

Общие принципы - Разумность.

Основополагающие права - Гражданские и политические права - Право на жизнь.

Ключевые слова для алфавитного указателя:

Вдерные испытания / Излучение, подвержение / Военнослужащий / облучение, подвержение / Причинно-следственная связь / Разумное доверие.

Краткая аннотация:

Отсутствие мер в отношении ребенка военнослужащего, находившегося на острове Кристиас (*Christmas*) в ходе ядерных испытаний, не влечет нарушения права этого ребенка на жизнь.

Сокращенное содержание:

С ноября 1957 г. по сентябрь 1958 г. Великобритания произвела шесть ядерных испытаний в атмосфере на острове Кристиас, расположенном в Тихом океане. В указанный период отец заявительницы отбывал воинскую службу на этом острове в составе подразделения, ответственного за обеспечение британских ВВС.

В ходе испытаний военнослужащие получили приказ построиться в колонну под открытым небом, повернуться спиной к месту предполагаемого взрыва, закрыть глаза, прикрыть их и находиться в таком состоянии в течение 20 секунд после того, как прозвучат разрывы. По утверждению заявительницы, такая процедура имела задачей сознательно подвергнуть военнослужащих облучению с испытательными целями. Правительство оспаривает подобное обвинение и утверждает, что заинтересованные лица находились на достаточном расстоянии от эпицентра взрыва, чтобы не оказаться подвергнутыми вредным дозам облучения, и что построены они были в колонну во избежание ущерба зрению или же других возможных повреждений, которые могли быть причинены предметами, поднятыми в воздух взрывной волной.

Отсутствуют выписки показаний уровня облучения, которому могли подвергнуться военнослужащие, среди которых находился и отец заявительницы, в связи с тем, что фотодозиметры (будучи подвержена облучению, их чувствительная пленка сразу чернеет) были выданы только нескольким тысячам лиц - по большей части не принадлежащим к армии - работавшим в строго ограниченных, контролируемых активных секторах острова Кристиас.

Примерно в 1970 году у заявительницы была обнаружена лейкемия, возникновение которой она объясняет присутствием ее отца на острове Кристиас. Она прошла до десяти лет курс химиотерапии и в настоящий момент не осмеливается заводить детей, опасаясь, что они могут унаследовать генетическую предрасположенность к этой болезни.

Согласно жалобе заявительницы, неоповещение государством ее родителей о возможности риска ее здоровью в связи с участием ее отца в ядерных испытаниях в совокупности с предыдущим бездействием государства в отслеживании уровня доз облучения, полученных ее отцом, представляет собой нарушение статей 2 и 3 ЕКПЧ.

Касательно жалобы о непринятии государством мер в отношении состояния здоровья заявительницы, Суд отметил, что статья 2 ЕКПЧ обязывает каждое государство предпринимать шаги необходимые для защиты жизни лиц, подпадающих под его юрисдикцию.

Суд отметил, что замеры радиационного фона, осуществленные в то время на острове Кристиас сразу же после ядерных испытаний, свидетельствовали, что

радиация не достигла опасного уровня в зонах размещения обычных военнослужащих, к которым и принадлежал отец заявительницы. Эти замеры давали основание полагать, что в период с 14 января 1966 года, то есть с момента признания Великобританией права на личное обжалование ее действий перед Комиссией, и по октябрь месяц 1970 года, когда у заявительницы была обнаружена лейкемия, государственные органы власти с разумной степенью доверия могли быть уверенными, что отец заявительницы не подвергался опасным дозам облучения.

Тем не менее, Суд также попытался выяснить, можно ли было разумно ждать от властей консультирования в тот период родителей заявительницы с соответствующим отслеживанием состояния ее здоровья на тот случай, если в их распоряжении окажутся сведения, дающие основания опасаться, что отец заявительницы был облучен. Суд считал, что можно было бы требовать принятия от государства подобных мер по своей собственной инициативе, только если бы представилось в тот период времени вероятным, что подобное облучение ее отца способно подвергнуть реальному риску здоровью заявительницы. Изучив имеющиеся в его распоряжении доклады экспертов, и в частности, решение вынесенное Верховным Судом (*High Court*) по делу Рей и Хоуп против компании Бритиш Нуклеар Фьюэлз (*British Nuclear Fuels*), Суд не пришел к убеждению, что было установлено существование причинно-следственной связи между облучением отца и возникновением лейкемии у родившегося впоследствии от него ребенка. Таким образом, Суд разумно не мог прийти к тому заключению, что в конце шестидесятых годов британские власти могли и были обязаны принять меры в отношении заявительницы на основании подобной не установленной связи.

На этом основании Суд пришел к заключению об отсутствии нарушения статьи 2 ЕКПЧ.

На тех же основаниях Суд не обнаружил нарушения статьи 3 ЕКПЧ.

Идентификационный номер: ECH-1998-2-009

Туалиб против Греции.

а) Совет Европы / б) Европейский суд по Правам Человека / в) Палата / г) 09.06.1998 / д) 42/1997/826/1032 / е) Туалиб против Греции / к) решение представлено к опубликованию в *Сборнике постановлений и решений*, 1998 / л)

Ключевые слова для системного указателя:

Источники конституционного права - Категории - Писанные правовые нормы - Европейская конвенция о защите Прав Человека 1950 г.

Основополагающие права - Общая проблематика - Лица, пользующиеся или обладающие правами - Иностранцы.

Основополагающие права - Гражданские и политические права - Процессуальные гарантии и справедливое судебное разбирательство. Право располагать временем и возможностями необходимыми для подготовки дела.

Основополагающие права - Гражданские и политические права - Процессуальные гарантии и справедливое судебное разбирательство - Право на помощь адвоката.

Ключевые слова для алфавитного указателя:

Торговля наркотиками / Кассационное обжалование, отказ / Юридическая помощь, отсутствие.

Краткая аннотация:

Отсутствие юридической помощи в кассационной инстанции повлекло нарушение права на справедливое судебное разбирательство.

Сокращенное содержание:

Заявитель, гражданин Танзании, обладатель поддельного паспорта, был арестован в афинском аэропорту по подозрению в участии в торговле наркотиками. 18 февраля 1990 года он был привлечен к уголовной ответственности. 21 июня 1991 г. в афинском апелляционном суде, собравшимся в составе трех судей, началось судебное разбирательство по делу г. Туалиба (*Twalib*) и троих других обвиняемых, проходивших по тому же делу. Рассмотрение было отложено в связи с забастовкой адвоката заявителя. Судебное разбирательство возобновилось 12 июля 1991 года, но - в связи с отсутствием адвоката г. Туалиба - адвокат одного из сообщииков согласился оказать ему помощь; судья вынес постановление о короткой отсрочке разбирательства с тем, чтобы позволить новому адвокату изучить дело.

16 июля 1991 г. заявитель был объявлен виновным в импорте и транспортировке наркотических средств и приговорен к пожизненному тюремному заключению с выплатой штрафа в размере шести миллионов драм. Он был также признан виновным в использовании заведомо подложных документов; за это правонарушение на него было наложено наказание в виде восьми месяцев тюремного заключения. Г-н Туалиб подал апелляционную жалобу в афинский апелляционный суд, собирающийся в составе пяти судей; 18 марта 1993 г. последний сократил срок тюремного заключения до 12 лет и трех месяцев, а размеры штрафа - до пяти миллионов драм.

26 марта 1993 г., действуя через пенитенциарные власти, заявитель подал кассационную жалобу, указав, что доводы в пользу обжалования будут изложены его адвокатом. 8 июня 1993 г. он ходатайствовал перед прокурором при кассационном суде о назначении ему адвоката в рамках оказания юридической помощи при подготовке обжалования. 12 июля 1993 г. кассационный суд заявил о неприятии жалобы на том основании, что заявитель не выдвинул никаких кассационных доводов. 4 апреля 1994 г. заинтересованное лицо направило вторичное ходатайство прокурору, ссылаясь на свое финансовое положение и, интересуясь тем, как продвигается в суде его дело. 27 апреля 1994 г. он был оповещен пенитенциарными властями об отклонении его кассационного обжалования.

Заявитель утверждал, что недостаточность времени и возможностей необходимых для подготовки своей защиты в ходе уголовного разбирательства, а также отсутствие юридической помощи на этапе кассационного производства по делу нарушили статью 6.1 ЕКПЧ, взятую в совокупности со статьями 6.3.b и 6.3.c ЕКПЧ.

Касательно статей 6.1 и 6.3.b ЕКПЧ, Суд отметил, что -за отсутствием адвоката у заявителя -судебное учреждение назначило для его защиты адвоката другого обвиняемого, проходившего по тому же делу. Несмотря на серьезность правонарушения и сложность самого дела, назначенный адвокат имел в своем распоряжении очень непродолжительный промежуток времени для изучения дела и подготовки защиты г. Туалиба. Принимая во внимание аргументацию заявителя, согласно которому имел место конфликт интересов между ним и его сообщииком, непродолжительность времени подготовки невозможно было оправдать тем доводом, что назначенный адвокат был уже хорошо знаком с делом. Здесь уже имелись серьезные упущения в отношении справедливости судебного разбирательства, упущения, которые могли неблагоприятно повлиять на положение заявителя.

Тем не менее, Суд отметил, что в апелляционной инстанции заявитель был представлен уже другим адвокатом, и что он оспорил сам факт осуждения и наказание, назначенное ему по приговору. В то время как апелляционный суд был правомочен рассматривать все вопросы как с фактической, так и с правовой стороны дела, а также признавать недействительным вынесенный приговор, адвокат заявителя не настоял на том, что осуждение было сомнительным и что необходимо было назначить новое судебное разбирательство. Суд не обнаружил никаких ясных указаний на то, что апелляционный суд мог бы предполагать наличие нарушений в процессе судопроизводства в первой инстанции, если бы только его внимание не было специально привлечено к этому вопросу.

Апелляционный суд пришел к своему заключению после судебного заседания, на котором присутствовали заявитель и его юридический помощник. Принимая во внимание возможность, предоставленную г. Туалибу поднять на слушаниях в апелляционной инстанции вопрос об указанных им нарушениях, принимая во внимание отсутствие каких-либо факторов, наводящих на мысль о том, что справедливость судебного разбирательства в апелляционной инстанции могла бы быть поставлена под вопрос, Суд пришел к выводу об отсутствии в данном случае нарушения статьи 6.1 ЕКПЧ, взятой в совокупности со статьей 6.3.b ЕКПЧ.

Касательно статей 6.1 и 6.3.с ЕКПЧ, Суд отметил крайнюю бедность заявителя и отсутствие у него средств достаточных для оплаты услуг защитника в кассационной инстанции. Более того, принимая во внимание серьезность правонарушения, в совершении которого заявитель был признан виновным, и тяжесть назначенного ему наказания, а также сложность судопроизводства в кассационном суде и отсутствие соответствующих лингвистических и юридических познаний у г-на Туалиба, Суд счел, что интересы правосудия требовали предоставления ему юридической помощи с тем, чтобы заявитель мог возбудить производство в кассационном суде.

На этом основании и выяснив, что греческое законодательство ни в коей мере не предусматривает предоставление безвозмездной юридической помощи лицам, подающим кассационную жалобу, Суд констатировал нарушение статьи 6.1 ЕКПЧ, взятой в совокупности со статьей 6.3.с ЕКПЧ.

Идентификационный номер: ECH-1998-2-010

Сидиропулос и другие против Греции.

a) Совет Европы / **b)** Европейский суд по Правам Человека / **c)** Палата / **d)** 10.07.1998 / **e)** 57/1997/841/1047 / **f)** Сидиропулос и другие против Греции / **g)** решение представлено к опубликованию в *Сборнике постановлений и решений*, 1998 / **h)**

Ключевые слова для системного указателя:

Источники конституционного права - Категории - Писанные правовые нормы - Европейская конвенция о защите Прав Человека 1950 г.

Общие принципы - Территориальные принципы - Неделимость территории.

Общие принципы - Соразмерность.

Основополагающие права - Гражданские и политические права - Свобода объединения с другими лицами.

Основополагающие права - Экономические, социальные и культурные права - Право на культуру.

Ключевые слова для алфавитного указателя:

Ассоциация, не имеющая целью извлечение выгоды, регистрация / Ассоциация, устав, действительность / Национальные интересы / Меньшинство, представительство / Меньшинство, существование.

Краткая аннотация:

Отказ судебных органов зарегистрировать ассоциацию, подозреваемую в нанесении ущерба территориальной целостности страны, нарушило право на свободу объединения заявителей с другими лицами.

Сокращенное содержание:

18 апреля 1990г. заявители, утверждавшие, что они являются этническими "македонцами" и имеют "македонский национальный менталитет", и вместе с ними сорок девять других лиц решили создать ассоциацию, не имеющую целью извлечение выгоды (*somatio*), под названием "Дом македонско цивилизации" ("*Stegi Makedonikou Politismou*"). Штаб-квартира ассоциации должна была располагаться в населенном пункте Флорина (*Florina*), на севере Греции, рядом с границей бывшей югославской республики Македонии.

12 июня 1990г. заявители ходатайствовали перед судом первой инстанции Флорины о регистрации их ассоциации в соответствии со статьей 79Гражданского кодекса.

9 августа 1990г. суд первой инстанции отклонил ходатайство на том основании, что ассоциация имела своей действительной целью распространение мысли о существовании в Греции македонского меньшинства, что входило в противоречие с национальными интересами Греции и, следовательно, закона.

7 сентября 1990 г. заявители подали апелляционную жалобу. 8 мая 1991 г. апелляционный суд г. Салоники (*Thessalonique*) отказал им в удовлетворении их жалобы.

Суд допустил достоверность следующих сведений на том основании, что они относятся к области общеизвестных:

Часть территории страны, соответствующая Македонскому административному району Греции, всегда была греческой. Тот факт, что часть его населения говорит и на втором языке, являющимся в основном болгарским с примесью славянского, греческого, валахского и албанского, ни в коей мере не является доказательством славянского или болгарского происхождения. Македонская социалистическая республика стремилась создать македонское славянское государство для обеспечения себе выхода к Эгейскому морю. С этой целью оно пыталось привлечь на свою сторону греческих жителей Македонского административного района Греции, говоривших на втором вышеуказанном языке. В соответствии с инструкциями, исходившими от славянских организаций, базировавшихся за рубежом, заявители создали "Дом македонской цивилизации" с целью достижения этой задачи.

Кроме того, Суд основывался на статьях, появившихся 5 февраля 1991г. в газете *Этнос (Ethnos)* и 12 мая 1991г. в газете *Эллиникос Воррас (Ellinikos Vorras)*, согласно которым двое из заявителей участвовали в Совещании по вопросам безопасности и сотрудничества в Европе, проходившем в Копенгагене, где они оспаривали греческое личностное самоощущение Македонского административного района Греции, устанавливая различие между греками и македонцами.

Суд счел, что последний факт, взятый в совокупности с названием ассоциации и содержанием ее устава, заставлял сомневаться в ее истинных целях.

Заявители обратились с жалобой в кассационный суд, который постановлением от 16 мая 1994 г. отклонил ее.

Заявители утверждали, что отклонение национальными судебными органами ходатайства о регистрации их ассоциации нарушило их право на свободу объединения с другими лицами, гарантированное статьей 11 ЕКПЧ.

Суд отметил, что имело место вмешательство в осуществление права на свободу ассоциации с другими лицами: отказ греческих судов в регистрации ассоциации заявителей лишил их какой бы то ни было возможности совместно или индивидуально преследовать цели, зафиксированные в уставе, и осуществлять таким образом вышеуказанное право.

Вмешательство было предусмотрено законом, так как Гражданский кодекс позволял судам отклонять ходатайство о регистрации ассоциации в том случае, если они находили, что законность его устава могла быть поставлена под вопрос. Это также преследовало и законную цель: защита национальной безопасности и предотвращение беспорядков.

Суд подтвердил, что возможность для граждан создать юридическое лицо с целью коллективных действий в их общих интересах составляет один из важнейших аспектов права на свободу ассоциации с другими лицами. То, каким образом национальное законодательство закрепляет эту свободу и то, как она осуществляется властями на практике, свидетельствует о состоянии демократии в стране, о которой идет речь.

В данном случае цели ассоциации, указанные в ее уставе, были направлены исключительно на сохранение и развитие народной культуры и традиций района Флорины; они были абсолютно ясны и законны. Что же касается спорных публикаций в прессе, то в них излагались факты, некоторые из которых не имели никакого отношения

к заявителям; их авторы делали выводы, относившиеся к области их личных оценок. Национальные судебные органы приняли во внимание данные статьи, равно как

и политический спор, доминировавший в то время в отношениях между Грецией и бывшей Югославской республикой Македония, и пришли к выводу об опасном характере заявителей и их ассоциации для территориальной целостности Греции. В то время как подобные утверждения основывались на простом подозрении касательно действительных намерений основателей ассоциации и действий, которые она могла бы предпринять после того, как приступила к работе. В этом контексте Суд также учел тот факт, что в греческом законодательстве не устанавливается порядка предварительного контроля при создании ассоциаций, не имеющих целью извлечение выгоды.

Суд не исключил той возможности, что - сразу же после основания - ассоциация могла бы под прикрытием целей, указанных в ее уставе, заняться деятельностью несовместимой с таковыми. Тем не менее, подобная возможность, воспринятая национальными судебными органами как достоверный факт, не могла бы быть опровергнута конкретными действиями, постольку поскольку - так и не возникнув - у ассоциации не было на это времени.

Следовательно, отказ в регистрации ассоциации был несоразмерен преследовавшимся целям и поэтому не был необходим в демократическом обществе.

Идентификационный номер: ECH-1998-2-011

Ахмед и другие против Великобритании

a) Совет Европы / **b)** Европейский суд по Правам Человека / **c)** Палата / **d)** 02.09.1998 / **e)** 65/1997/849/1056 / **f)** Ахмед и другие против Объединенного Королевства / **g)** решение представлено к опубликовано в *Сборнике постановлений и решений*, 1998 / **h)**

Ключевые слова для системного указателя:

Источники конституционного права - Категории - Писанные правовые нормы - Европейская конвенция о защите Прав Человека 1950 г.

Общие принципы - Соразмерность.

Общие принципы - Предел усмотрения.

Основополагающие права - Общая проблематика - Границы и ограничения.

Основополагающие права - Гражданские и политические права - Свобода выражения своего мнения.

Ключевые слова для алфавитного указателя:

Политическая деятельность, местные должностные лица, ограничения / Местные должностные лица, нейтралитет / Политический нейтралитет.

Краткая аннотация:

Ограничения на участие высокопоставленных должностных лиц местной администрации в некоторых формах политической деятельности не влекут нарушения права на свободу выражения своего мнения.

Сокращенное содержание:

В 1990г. Министр окружающей среды издал на основании статьи 1.5 закона от 1989г. об органах местного самоуправления и жилком фонде нормативный акт, ограничивающий возможности местных должностных лиц заниматься политической деятельностью в том случае, если они занимают "посты, подвергнутые ограничениям политического характера". Этот нормативный акт был принят вследствие рекомендаций "Комитета Уиддикомба" ("*the Widdicombe Committee*"), созданного в 1985 г. для расследования соответствующей роли избранных членов и должностных лиц в органах местного самоуправления, принимая во внимание растущую политизацию местных администраций.

Все заявители занимали посты, налагавшие на них ограничения политического характера. Г-н Ахмед (*Ahmed*) работал в качестве юрисконсульта (*solicitor*) для Совета лондонского округа Хакней (*Hackney*). Выставив свою кандидатуру от лейбористской партии на муниципальных выборах 1990 года в Энфилде (*Enfield*), он был вынужден снять ее из-за вышедшего нормативного акта. Главный планировщик района (*Principal Area Planner*) Совета графства Дэвоншир (*Devon*), г. Перрэн (*Perrin*) вынужден был покинуть свой пост вице-президента и члена бюро, ответственного за жилищные вопросы, отделения лейбористской партии в избирательном округе Эксетер (*Exeter*). Архитектор-градостроитель в муниципальном совете города Плимута (*Plymouth*), г. Бентлей (*Bentley*) должен был уйти в отставку со своего поста председателя лейбористской партии в избирательном округе Торридж и Западный Дэвоншир (*Torridge and West Devon*). Что же касается г. Броуха (*Brough*), руководившего секретариатом комиссий в совете лондонского округа Хиллингдон (*Hillingdon*), то он еще раньше участвовал в местной политической жизни в Харроу Ист, (*Harrow East*) и поэтому регулярно приглашался в качестве оратора на заседания обществ. Он был вынужден отказаться от этой деятельности после вступления в силу вышеназванного нормативного акта.

Заявители и профсоюз НАЛГО (*NALGO*) обратились в Верховный Суд (*High Court*) с тем, чтобы подвергнуть данный акт судебному контролю. 20 декабря 1991 г. их ходатайство было отклонено. Судья Хатчинсон (*Hutchinson*) счел, в частности, что нормативный акт соответствовал закону 1989г., и что заявители не могли ссылаться на доводы, основывающиеся на Европейской конвенции о защите Прав Человека. Получив апелляционную жалобу, апелляционный суд отклонил ее 26 ноября 1992 г., а затем, 24 марта 1993 г., и Палата Лордов отказала заинтересованным лицам в возможности обратиться к ней.

Заявители утверждали, что нормативный акт расценивается, как неоправданное вмешательство в исполнение ими их права на свободное выражение своего мнения, начиная с того момента, как он запрещал им продолжать заниматься нормальной политической деятельностью. С их точки зрения, данный нормативный акт, одновременно расплывчатый и составленный слишком субъективно, не преследовал законной цели и не мог рассматриваться как необходимый в демократическом обществе.

Суд отметил, что нормативный акт был направлен на установление правовых норм, ограничивающих участие значительного числа местных должностных лиц в некоторых областях политической деятельности, где мог быть скомпрометирован их политический нейтралитет и беспристрастность. Он счел неизбежным положение, при котором линия поведения, способная привести третью сторону к тому, чтобы поставить под вопрос беспристрастность должностного лица, не может быть определена с абсолютной точностью. Каждый чиновник волен советовать, если ему самому трудно определить, могут те или иные конкретные действия нарушить нормативный акт. Кроме того, сфера действия и применение положений, считающихся расплывчатыми, должны были рассматриваться в свете недостатков, которые базовый закон пытался избежать.

Кроме того, вмешательство в отношении заявителей, возникшее в результате применения рассматриваемого нормативного акта, преследовало законную цель: защитить право других лиц - членов местных представительных органов и избирателей - на действительно демократический политический режим на местном уровне.

Суд отметил, что рассматриваемый нормативный акт был принят в свете заключений, сделанных в результате проведения официального расследования влияния вовлеченности высокопоставленных должностных лиц местных органов самоуправления в политическую деятельность на их обязанность сохранять политическую беспристрастность. В докладе комиссии, приведшем к принятию данного нормативного акта, указываются конкретные случаи злоупотреблений властными полномочиями, совершенных рядом местных должностных лиц, и отмечается возможность роста подобных злоупотреблений вследствие усиления политической борьбы за ведение дел на местном уровне. Суд счел, что нормативный акт удовлетворял ясно определенную, настоятельную общественную потребность в усилении традиций сохранения политического нейтралитета высшими должностными лицами. Удовлетворение таковой потребности через принятие нормативного акта, ограничивающего участие высокопоставленных должностных лиц в строго определенных родах политической деятельности, где может быть поставлена под вопрос их обязанность сохранения политической беспристрастности, наилучшим образом вписывалось в рамки предела усмотрения государства-ответчика в этой области.

По мнению Суда, ограничения, наложенные на заявителей, не могут оспариваться на основании несоразмерности. Нормативный акт применялся только лишь к строго и тщательно определенному кругу высокопоставленных должностных лиц, которые – как это было и в случае с заявителями – занимали посты, где соблюдение политической беспристрастности в отношении членов органов местного самоуправления и широкого общественного мнения имело основополагающее значение. Ограничения относились только к устным или письменным политическим выступлениям политически ориентированного характера или же к деятельности в рядах политических партий, которая, похоже, могла бы связать в глазах общественного мнения высокопоставленное должностное лицо с политической линией той или иной партии. Недавний пересмотр правительством остававшейся необходимости ограничений показал, что их сохранение в силе было оправдано.

Следовательно, нарушения статьи 10 ЕКПЧ не имело места.

Идентификационный номер: ECH-1998-2-010

Объединенная коммунистическая партия Турции против Турции.

a) Совет Европы / **b)** Европейский суд по Правам Человека / **c)** Большая палата / **d)** 30.01.1998 / **e)** 133/1996/752/951 / **f)** Объединенная коммунистическая партия Турции против Турции / **g)** решение представлено к опубликованию в *Сборнике постановлений и решений*, 1998 / **h)**

Ключевые слова для системного указателя:

Источники конституционного права - Категории - Писанные правовые нормы - Европейская конвенция о защите Прав Человека 1950 г.

Общие принципы - Демократия.

Общие принципы - Соразмерность.

Основополагающие права - Гражданские и политические права - Свобода объединения с другими лицами.

Ключевые слова для алфавитного указателя:

Политическая партия, роспуск / Государственная безопасность, обеспечение / Партия, название / Терроризм, борьба.

Краткая аннотация:

Роспуск политической партии Конституционным судом Турции нарушил право на свободу объединения с другими лицами.

Сокращенное содержание:

Объединенная коммунистическая партия Турции (далее - ОКПТ), выступающая в качестве первого заявителя, является политической партией, основанной 4 июня 1990 г. 36 лицами, среди которых находились г.г. Нихат Саргин (*Nihat Sargin*) и Наби Ягси (*Nabi Yagci*), выступающие в качестве второго и третьего заявителей. Будучи гражданами Турции, проживавшими в Стамбуле, двое последних лиц на момент событий исполняли обязанности соответственно президента и генерального секретаря ОКПТ.

14 июня 1990 г. генеральный прокурор при кассационном суде обратился в Конституционный суд с требованием о роспуске ОКПТ, которую он упрекал в желании установить верховенство одного социального класса над остальными, в заступлении на место ранее распущенной политической партии, в использовании в названии партии термина "коммунистическая", запрещенного законом, и в деятельности, способной нанести ущерб территориальной целостности государства и единству нации. В подкрепление своего требования генеральный прокурор ссылался, в частности, на некоторые выдержки из программы партии. 16 июля 1991 г. Конституционный суд вынес решение о роспуске ОКПТ, что вызвало ликвидацию имущества партии и перевод его в государственную казну, а также запрет г.г. Саргину и Ягси исполнять подобные обязанности в каком бы то ни было другом политическом образовании.

Суд указал, что политические партии представляют собой форму объединения граждан, имеющую основополагающее значение для надлежащего функционирования демократии. Принимая во внимание важность места, занимаемого последней в юридической системе Конвенции, не составляет никакого сомнения, что политические партии подпадают под действие статьи 11 ЕКПЧ.

Суд отметил, что объединения граждан, включая политические партии, не исключаются из ряда образований, охраняемых Конвенцией, только потому, что их деятельность рассматривается национальными властями как подрывающая конституционное устройство государства и призывающая к введению ограничений. В принципе, внутрисударственные органы власти свободны в выборе мер, которые они считают необходимыми для обеспечения верховенства закона или же для введения в действие конституционных прав. Тем не менее, они должны пользоваться ими таким образом, чтобы это было совместимо с их обязательствами, вытекающими из Конвенции, и подлежать при этом надзору со стороны созданных в ее рамках органов.

Суд отметил, что защита, обеспечиваемая статьей 11 ЕКПЧ, остается в силе в течение всего существования объединений и, следовательно, их роспуск властями страны должен удовлетворять требованиям статьи 11.2 ЕКПЧ.

Суд пришел к заключению о том, что имело место вмешательство в исполнение тремя заявителями их права на свободу объединения. Подобное вмешательство нарушает статью 11 ЕКПЧ, если только оно не "предусмотрено законом", направленным на достижение цели (целей) законной (законных) с точки зрения статьи 11.2 ЕКПЧ и "необходимо в демократическом обществе" для достижения этих целей. Общеизвестно, что вмешательство было "предусмотрено законом", и Суд счел, что роспуск ОКПТ преследовал как минимум одну из "законных целей", перечисленных в статье 11 ЕКПЧ, а именно, обеспечение "государственной безопасности".

Касательно необходимости этих мер в демократическом обществе, Суд сразу же отметил, что ОКПТ была распущена еще до того, как она смогла приступить к своей работе и что, следовательно, решение о роспуске было вынесено исключительно на основании устава и программы ОКПТ. Выбор партией своего названия не может, в принципе, оправдывать принятия столь жесткой меры как роспуск в отсутствии других значимых и достаточных обстоятельств. Соответственно, за отсутствием каких-либо других доказательств, свидетельствующих, что, решив назваться "коммунистической", ОКПТ сделала выбор в пользу политики, представлявшей реальную угрозу турецкому обществу и турецкому государству, Суд не мог бы согласиться с утверждением, основывающимся на том доводе, что название партии могло бы само по себе быть достаточным для того, чтобы повлечь ее роспуск.

По мнению Суда, одной из характерных черт демократии является возможность решения проблем, встающих перед страной, путем диалога и без использования насилия, даже если эти проблемы и вызывают беспокойство. С этой точки зрения, не может быть оправдания созданию препятствий политическому образованию только из-за того, что оно могло бы публично обсудить положение части населения государства и принять участие в политической жизни страны для нахождения - в соответствии с нормами демократии - решений способных удовлетворить каждое заинтересованное лицо.

Суд был также готов принять в расчет общую обстановку, на фоне которой развивалось представленное на его рассмотрение дело, и, в частности, трудности, связанные с борьбой против террористической деятельности. Тем не менее, в данном случае, за отсутствием деятельности ОКПТ, он не усмотрел никаких обстоятельств, позволяющих сделать вывод о какой бы то ни было ответственности за проблемы, возникающие в Турции в связи с терроризмом.

Столь радикальная мера как моментальный и окончательный роспуск ОКПТ, провозглашенный еще до начала ее работы и сопровождаемый запретом ее руководителям занимать любые другие ответственные политические посты, представляется несоразмерной преследуемой цели и, следовательно, не необходимой в демократическом обществе. Следовательно, эта мера нарушила статью 11 ЕКПЧ.

Идентификационный номер: ECH-1998-1-002

Герра и другие против Италии.

а) Совет Европы / б) Европейский суд по Правам Человека / в) Большая палата / д) 19.02.1998 / е) 116/1996/735/932 / ф) Герра и другие против Италии / г) решение представлено к опубликованию в *Сборнике постановлений и решений*, 1998 / **h)**

Ключевые слова для системного указателя:

Источники конституционного права - Категории - Писанные правовые нормы - Европейская конвенция о защите Прав Человека 1950 г.

Основополагающие права - Общая проблематика - Границы и ограничения.

Основополагающие права - Гражданские и политические права - Свобода выражения своего мнения.

Основополагающие права - Гражданские и политические права - Право на информацию.

Основополагающие права - Гражданские и политические права - Право на семейную жизнь.

Ключевые слова для алфавитного указателя:

Производственная авария, риск, информация / Окружающая среда, риск, информация / Информация, обязанность предоставить / Бездействие.

Краткая аннотация:

Неоповещение населения о риске, которому оно подвергается, и мерах, которые необходимо принять в случае аварии на близлежащем химическом предприятии, нарушило право на уважение частной и семейной жизни.

Сокращенное содержание:

Все сорок заявителей, являющиеся гражданами Италии, проживают в коммуне Манфредония (итальянская провинция де Фоджа), в километре от которой находится химическое предприятие Эникем агрокультура С.п.а. (*Enichem agricoltura S.p.a.*), граничащее с территорией коммуны де Монте Сант'Анджело.

В 1988 г. завод был классифицирован как предприятие, представляющее повышенную опасность в соответствии с классификацией, установленной Президентским декретом №175от 18мая 1988г., которым была перенесена в итальянское законодательство директива 82/501.СЕЕ Европейских Сообществ (так называемая директива "Сезезо"), касающаяся риска серьезных катастроф в ряде опасных отраслей хозяйственной деятельности и благополучия затронутого ими населения.

Заявители утверждали, что в рамках производственного цикла предприятие якобы произвело выброс в атмосферу большого количества опасных веществ. Кроме того, и ранее на нем случались аварии, наиболее серьезная из которых произошла 26 сентября 1976г., когда 150 человек было госпитализировано в результате острого отравления мышьяком.

В своем докладе от 8 декабря 1988 г. комиссия технических экспертов, назначенная муниципалитетом Манфредонии, установила, что вследствие географического положения предприятия его атмосферные выбросы часто шли в сторону данного населенного пункта. Также в докладе отмечалось, что предприятие отказало комиссии в проведении инспекции, и что результаты расследования, осуществленного силами самого предприятия, свидетельствовали о недостаточности оборудования по очистке газообразных выбросов и о неполной изученности их влияния на окружающую среду. В 1989г. предприятие ограничило свою деятельность производством удобрений и, следовательно, продолжало классифицироваться как представляющее опасность. В 1993 г. Министерство окружающей среды и Министерство здравоохранения совместно дали заключение, предписывающее принятие предприятием ряда мер по совершенствованию его оборудования, передали префекту инструкции касательно плана на случай чрезвычайной ситуации, за выполнение которого он нес ответственность, и указали ему на необходимые меры по оповещению местного населения. Тем не менее, заинтересованный муниципалитет не получил никакой документации, относящейся к заключениям министерства, а заявители не получили соответствующей информации. В 1994г. производство удобрений было окончательно прекращено на предприятии.

Суд напомнил, что свобода получать информацию, упомянутая в статье 10.2 ЕКПЧ, по сути своей запрещает Правительству чинить лицу препятствия в получении сведений, которые другие лица желали или же могли бы пожелать сообщить ему. Таковая свобода - при обстоятельствах подобных тем, что имели место в случае с рассматриваемым Судом делом, - не может пониматься, как вменяющая государству в позитивную обязанность сбор и распространение информации по своей собственной инициативе. Следовательно, Суд пришел к выводу о неприменимости в данном случае статьи 10 ЕКПЧ.

С точки зрения Суда, возможные прямые последствия вредных выбросов для права заявителей на уважение их личной и семейной жизни позволяют сделать заключение о применимости статьи 8 ЕКПЧ.

Нельзя сказать, что Италия осуществила "вмешательство" в личную и семейную жизнь заявителей; они жаловались не на действия государства, а на его бездействие. Тем не менее, даже если статья 8 ЕКПЧ и имеет главным образом своей целью защиту личности от произвольного вмешательства органов государственной власти, то она не просто обязывает государство воздерживаться от такого рода вмешательства: к этому обязательству скорее негативного характера могут добавляться позитивные обязанности, присущие действительному уважению личной и семейной жизни. В данном случае достаточно было убедиться в том, приняли ли государственные органы власти соответствующие меры для обеспечения действительной защиты права заявителей на уважение их личной и семейной жизни в том виде, как оно гарантируется статьей 8 ЕКПЧ.

Суд отметил, что серьезное загрязнение окружающей среды может отразиться на благосостоянии лиц и лишить их возможности пользоваться своим жилищем таким образом, что неблагоприятно отразится на их личной и семейной жизни. В данном случае, вплоть до прекращения производства удобрений в 1994 году, заявители были оставлены без наиболее важной информации, позволявшей им оценить степень опасности для них и их близких в том случае, если бы они продолжали проживать на территории Манфредонии, коммуны, подверженной особому риску в случае аварии на предприятии. Таким образом, Суд пришел к выводу о невыполнении государством-ответчиком своего обязательства по обеспечению права заявителей на уважение их личной и семейной жизни в нарушение статьи 8 ЕКПЧ.

Идентификационный номер: ECH-1998-1-003

Боуман против Великобритании

а) Совет Европы / б) Европейский суд по Правам Человека / в) Большая Палата / д) 19.02.1998 / е) 141/1996/760/961 / ф) Боуман против Объединенного Королевства / г) решение представлено к опубликованию в *Сборнике постановлений и решений*, 1998 / **h)**

Ключевые слова для системного указателя:

Источники конституционного права - Категории - Писанные правовые нормы - Европейская конвенция о защите Прав Человека 1950 г.

Общие принципы - Соразмерность.

Основополагающие права - Гражданские и политические права - Свобода выражения своего мнения.

Ключевые слова для алфавитного указателя:

Противник аборта, права / Предвыборная кампания, расходы / Выборы, кампания, ограничения.

Краткая аннотация:

Преследование противницы аборт за распространение брошюр в преддверии парламентских выборов является нарушением права на свободу выражения своего мнения.

Сокращенное содержание:

Заявительница, выступающая в качестве генерального директора Общества по защите неродившихся детей (*Society for the Protection of the Unborn Child*) распространила незадолго до парламентских выборов 1992 г. 25 000 листовок, передающих точку зрения трех основных кандидатов на вопрос об аборте.

Она была осуждена в силу статьи 75 Закона о народном представительстве от 1983 г. (так называемый "Закон 1983 года"). Он возводит в ранг правонарушения выделение любым неправомочным на то лицом более 5 фунтов стерлингов на публикацию сведений с тем, чтобы способствовать или добиться избрания того или иного кандидата. 28 сентября 1993 г. суд присяжных Саусварка (*Southwark Crown Court*) ее оправдал в связи с тем, что вызов в суд был направлен с пропуском срока.

Суд отметил, что статьей 75 "Закона 1983 года" напрямую не ограничивается свобода выражения своего мнения, ограничивая вместо этого пятью английскими фунтами стерлингов денежную сумму, которую неправомочное на то лицо может потратить на публикации или же другие средства информации в период выборов. Кроме того, законом не ограничены вообще расходы на передачу информации или же мнений, а лишь только те, что имеют место в рассматриваемый период "с целью способствовать или добиться избрания того или иного кандидата". Тем не менее, не может быть сомнений в том, что запрет, содержащийся в статье 75 вышеуказанного закона, может быть приравнен к ограничению свободы выражения своего мнения и что он напрямую затронул заявительницу.

По мнению Суда, установленное ограничение расходов было "предусмотрено законом" и его применение преследовало законную цель по защите прав других лиц, а именно, кандидатов на выборах и избирателей.

Суд должен был определить, приняв во внимание все обстоятельства дела, были ли ограничения, наложенные на свободу заявительницы на выражение своего мнения, соразмерны преследуемой законной цели, и были ли основания, приведенные государственными органами власти в оправдание такого вмешательства, значимы для дела и достаточны.

Важно, что ограничение на расходы, содержащееся в статье 75 "Закона 1983 года", было установлено на столь низком уровне в 5 английских фунтов стерлингов. Это ограничение действует лишь в течение четырех или шести недель, предшествующих парламентским выборам; таким образом, заявительница могла бы свободно вести свою кампанию в любой другой момент. Тем не менее, по мнению Суда, это не послужило бы преследуемой ею цели при публикации листовок. Эта цель состояла в том, чтобы, по меньшей мере, информировать население о результатах, полученных тремя кандидатами на предыдущих выборах, и об их отношении к аборту в наиболее критический период, когда мысли избирателей были сконцентрированы на выборе своих представителей. Кроме того, Суд не пришел к убеждению, что на практике заинтересованное лицо получило доступ к каким-либо другим эффективным средствам массовой информации, или что, например, сведения, фигурировавшие в его листовках, публиковались в газете или передавались по радио или телевидению.

Суд установил, что на практике статья 75 "Закона 1983 года" выступала в качестве абсолютной преграды на пути дееспособности заявительницы при опубликовании сведений с целью воздействия на избирателей в пользу кандидата, выступавшего против аборт. Суд не признал необходимым ограничение на этом основании расходов заинтересованного лица суммой в 5 английских фунтов стерлингов для достижения законной цели по обеспечению равенства кандидатов; тем более, если принять во внимание отсутствие каких бы то ни было ограничений, наложенных на политические партии в области рекламы на районном и общегосударственном уровнях при условии, что такая реклама не способствует или же компрометирует продвижение конкретного кандидата на выборах в каком бы то ни было избирательном округе. И, более того, если принять во внимание отсутствие ограничений на свободу прессы в поддержке или же препятствовании избранию того или иного конкретного кандидата. Соответственно, Суд пришел к заключению о несоразмерности наложенного ограничения преследуемой цели и о наличии нарушения статьи 10 ЕКПЧ.

Идентификационный номер: ECH-1998-1-004

Кайа против Турции.

а) Совет Европы / **б)** Европейский суд по Правам Человека / **в)** Палата / **д)** 19.02.1998 / **е)** 158/1996/777/978 / **ф)** Кайа против Турции / **г)** решение представлено к опубликованию в *Сборнике постановлений и решений, 1998 /* **h)**

Ключевые слова для системного указателя:

Источники конституционного права - Категории - Писанные правовые нормы - Европейская конвенция о защите Прав Человека 1950 г.

Основополагающие права - Гражданские и политические права - Право на жизнь.

Ключевые слова для алфавитного указателя:

Органы безопасности, противозаконное убийство / Действительное расследование / Предоставление действенных средств правовой защиты, право.

Краткая аннотация:

Отсутствие действительного расследования турецкими властями обстоятельств предполагаемого противозаконного убийства, совершенного органами безопасности, нарушило право на жизнь и право на предоставление действенных средств правовой защиты.

Сокращенное содержание:

Заявитель, г. Мехмет Кайа (*Mehmet Kaya*), 1949 года рождения, является гражданином Турции. Его брат, г. Абдольменаф Кайа (*Abdulmenaf Kaya*), был убит 25 марта 1993 г. в окрестностях населенного пункта Долунай (*Dolunay*), в районе Лис (*Lice*), на юго-востоке Турции. Заявитель и правительство Турции расходятся в изложении обстоятельств, при которых скончался г. Абдольменаф Кайа. По утверждению заявителя, его брат, не имевший при себе оружия, был застрелен работниками турецких органов безопасности, которые затем оставили у его тела автомат Калашникова. Со своей стороны, Правительство заявляет, что в тот день военнослужащие, подвергшись обстрелу со стороны членов Курдской коммунистической партии (далее - ЖКП), дали вооруженный отпор, и что после последовавшей за этим перестрелки и было обнаружено тело с лежащим рядом оружием.

В тот же день прокурор района Лис в сопровождении районного врача, официально назначенного Правительством, был доставлен вертолетом к месту событий. Произведя на месте внешнее обследование тела, врач составил заключение о смерти вследствие сердечно-сосудистой недостаточности, вызванной перенесенными огнестрельными ранениями. С его точки зрения, не было ни необходимости, ни практической возможности произвести полное вскрытие. Представляется, что

прокурор района Лис распорядился о проведении предварительного дознания. Тем не менее, 20 июля 1993 г. им было вынесено решение о неподсудности ему этого дела, переданного на рассмотрение генеральному прокурору при Суде по делам о государственной безопасности Дийарбакира (*Diyarbakir*). Таким образом, дело, по всей видимости, находилось на рассмотрении, как этого суда, так и совета по административным делам района Лис.

Суд напомнил, что - в соответствии со сложившейся судебной практикой - установление и проверка фактов, прежде всего, относятся к ведению Комиссии. В настоящем случае обстоятельства смерти пострадавшего лица весьма противоречивы. Суд отметил, что работа Комиссии по поиску фактических материалов была серьезнейшим образом затруднена неявкой заявителя и основного свидетеля, предположительно очевидца, которые, таким образом, не смогли дать свидетельские показания делегатам Комиссии в ходе слушаний, организованных ими в Дийарбакире. Тем не менее, выразив некоторые сомнения касательно достоверности правительственной версии, Суд расценил подобного рода факты и материалы как недостаточные для того, чтобы, оставив в сторону какие-либо разумные сомнения, можно было сделать заключение о преднамеренном убийстве Абдольменафа Кайа органами безопасности при обстоятельствах, которые, согласно заявителю, имели место.

Суд напомнил, что статья 2 ЕКПЧ предполагает и требует проведения официального действенного расследования в том случае, если применение силы работниками государственных органов вызывает смерть человека.

В частности, Суд отметил, что смерть брата заявителя не может рассматриваться как явный случай законного лишения жизни лица органами безопасности, принимая во внимание полную противоречивость версий событий, произошедших в тот трагический день. Он отверг доводы Правительства, согласно которому было достаточно выполнить минимум обязанностей при рассмотрении этого дела. С точки зрения Суда, расследование, предпринятое органами власти, имело серьезные недостатки в том, что касается проведения судебно-медицинской экспертизы, вскрытия и попыток сделать конкретные шаги в сторону расследования обстоятельств совершения убийства. Суд был особенно поражен следующим фактом: прокурор, по всей видимости, безапелляционно допустил, что г. Абдольменаф Кайа являлся террористом, убитым в то время, когда он участвовал в нападении на военнослужащих.

Суд пришел к заключению о том, что ни частота вооруженных конфликтов в этом районе, ни большое число пострадавших не влияют на обязательство, вытекающее из статьи 2 ЕКПЧ, проводить действенное расследование по каждому случаю со смертельным исходом, имеющему место в ходе столкновений с органами безопасности. В данном случае, власти не выполнили этих обязательств. Следовательно, Суд пришел к выводу о том, что имело место нарушение статьи 2 ЕКПЧ.

Касательно статьи 13 ЕКПЧ, то, с точки зрения Суда, характер права, одного из наиболее важных основополагающих прав Конвенции, в нарушении которого упрекаются власти, должен предполагать определенный род правовой защиты, которую необходимо обеспечить семье пострадавшего. В частности, по мнению Суда, если семья выдвигает аргументированные факты, согласно которым пострадавшее лицо было противозаконно убито работниками государственных органов, то понятие действенных средств правовой защиты, в смысле статьи 13 ЕКПЧ, предполагает - кроме выплаты там, где это подобает, возмещения - проведение углубленного и действенного расследования, способного привести к установлению личности и наказанию лиц, ответственных за убийство. Рассмотренные под этим углом зрения требования статьи 13 ЕКПЧ идут дальше процессуальных обязательств, накладываемых статьей 2 ЕКПЧ на государства-участники Конвенции, по проведению действенного расследования.

В этих условиях Суд считает, что семья погибшего имела аргументированные основания утверждать, что он был убит противозаконно. Следовательно, власти должны были провести действенное официальное расследование в интересах родственников погибшего лица. Тем не менее, как было отмечено при рассмотрении пункта обвинения по статье 2 ЕКПЧ, они не выполнили своего обязательства в этой области. Вот почему Суд пришел к тому заключению, что заявитель и семья погибшего были лишены действенных средств правовой защиты от властей и, следовательно, доступа к другим средствам защиты, которые могли бы оказаться в их распоряжении, к таким, например, как подача иска о возмещении причиненного вреда. Следовательно, Суд пришел к заключению о том, что имело место нарушение статьи 13 ЕКПЧ.

Идентификационный номер: ECH-1998-1-005

Копп против Швейцарии.

a) Совет Европы / **b)** Европейский суд по Правам Человека / **c)** Палата / **d)** 25.03.1998 / **e)** 13/1997/797/1000 / **f)** Копп против Швейцарии / **g)** решение представлено к опубликованию в *Сборнике постановлений и решений, 1998 / h)*

Ключевые слова для системного указателя:

Источники конституционного права - Категории - Писанные правовые нормы - Европейская конвенция о защите Прав Человека 1950 г.

Основополагающие права - Гражданские и политические права - Право на личную жизнь.

Основополагающие права - Гражданские и политические права - Неприкосновенность связи. - Телефонная связь, переговоры.

Ключевые слова для алфавитного указателя:

Подслушивание телефонных разговоров, необходимые гарантии / Адвокат, подслушивание телефонных разговоров.

Краткая аннотация:

Постановка на "прослушивание" (подключение с целью прослушивания телефонных разговоров) телефонных линий адвокатской конторы по распоряжению генерального прокурора нарушило право на уважение личной жизни.

Сокращенное содержание:

Заявитель, г-н Ханс В. Копп (*Hans W. Kopp*), гражданин Швейцарии, бывший адвокат, 1931 года рождения, проживает в г. Цюрихе. Его жена была членом швейцарского правительства - Федерального совета - в качестве главы Федерального департамента по делам правосудия и полиции. Она была вынуждена выйти из состава Федерального совета и подать в отставку по подозрению в передаче секретных сведений заявителю в пользу одного из клиентов его конторы. Но проведенное впоследствии расследование показало бесосновательность этих обвинений.

В ходе следствия, по требованию генерального прокурора Конфедерации председатель обвинительной палаты Федерального суда распорядился 23 ноября 1989 г. о подключении с целью прослушивания к телефонным линиям заявителя. В распоряжении уточнялась необходимость "игнорировать" разговоры, ведущиеся заявителем в качестве адвоката. Прослушивание телефонных разговоров было прервано 11 декабря 1989 г., когда выяснилась бесосновательность подозрений в отношении заявителя и его супруги. Письмом от 9 марта 1990 г. заявитель был оповещен о прослушивании его телефонных линий и дальнейшем уничтожении всех сделанных при этом записей.

Жалоба на прослушивание его телефонных линий, поданная заявителем в Федеральный департамент по делам правосудия и полиции было отклонена 2 ноября 1992 года. Тогда он уже в административном порядке обратился с обжалованием в Федеральный совет и, в рамках административного права, подал жалобу в Федеральный суд. В обоих случаях он ссылался на положения федерального уголовно-процессуального закона, запрещающего подключение с целью прослушивания к телефонным линиям адвокатов. Жалоба, поданная в административном порядке, бала отклонена 30 июня 1993 года, а обжалование, поданное в рамках административного права, - 8 марта 1994 года.

С точки зрения Суда, основывающегося на своей судебной практике, телефонные звонки, исходящие из рабочих помещений и входящие в них, как это было в случае с адвокатской конторой, могут включаться в понятия "личной жизни" и "корреспонденции", упомянутые в статье 8.1 ЕКПЧ.

Перехват телефонных звонков составляет "вмешательство органов государственной власти" в смысле статьи 8.2 ЕКПЧ. Подобное вмешательство нарушает статью 8

ЕКПЧ, за исключением случаев, когда это "предусмотрено законом", преследует одну или несколько законных в смысле статьи 8.2 ЕКПЧ целей и, более того, когда оно "необходимо в демократическом обществе" для их достижения.

Выражение "предусмотрено законом" предполагает, прежде всего, существование во внутригосударственном праве оснований для принятия рассматриваемой меры. В принципе, Суд не уполномочен выражать мнение, противоречащее точке зрения Федерального департамента по делам правосудия и полиции, а также Федерального совета по вопросу о соответствии назначенного судом телефонного прослушивания, объектом которого стал г. Копп, статьям 66, пункт 1, и 77 федерального уголовно-процессуального закона. Кроме того, Суд не может игнорировать академические установки и судебную практику Федерального суда в этой области. Короче, оспариваемое вмешательство имело законные основания в швейцарском законодательстве.

Тем не менее, выражение "предусмотрено законом" относится также и к качеству рассматриваемого закона: оно требует его доступности для заинтересованного лица, которое, кроме того, должно быть в состоянии предусмотреть его последствия для себя. В данном случае, доступность закона не представляет никаких проблем. По другому обстоит дело с "предсказуемостью" значения и характера принимаемых в его силу мер. Таким образом, Суду необходимо было рассмотреть "качество" правовых норм, примененных в данном случае к г. Коппу.

Суд отметил, что гарантии, обеспечиваемые швейцарским правом, не лишены ценности. Тем не менее, Суд нашел противоречие между ясным законодательным текстом, защищающим профессиональную тайну адвоката, находящегося под наблюдением как третье лицо, и действиями, имевшими место на практике в данном случае. Закон не объясняет, каким образом, при каких условиях и кем должен осуществляться отбор того, что относится к специфическим полномочиям адвоката, а что относится к деятельности сторонней юридической консультации. Прежде всего, Суд нашел удивительным тот факт, что на практике выполнение этой задачи было поручено работнику юридического отдела почты без надзора со стороны независимого судьи. Как адвокат, заявитель не располагал ни в малейшей степени защитой, предоставление которой предполагается верховенством права в демократическом обществе. Следовательно, имело место нарушение статьи 8 ЕКПЧ.

Констатация невыполнения одного из требований статьи 8 ЕКПЧ освобождает Суд от необходимости убедиться в соблюдении двух других содержащихся в ней требований.

Идентификационный номер: ECH-1998-1-006

Петрович против Австрии.

a) Совет Европы / **b)** Европейский суд по Правам Человека / **c)** Палата / **d)** 27.03.1998 / **e)** 156/1996/775/976 / **f)** Петрович против Австрии / **g)** решение представлено к опубликованию в *Сборнике постановлений и решений*, 1998 / **h)**

Ключевые слова для системного указателя:

Источники конституционного права - Категории - Писанные правовые нормы - Европейская конвенция о защите Прав Человека 1950 г.

Общие принципы - Предел усмотрения.

Основополагающие права - Общая проблематика - Базовые принципы - Равенство и недискриминация.

Основополагающие права - Общая проблематика - Границы и ограничения.

Основополагающие права - Гражданские и политические права - Право на семейную жизнь.

Ключевые слова для алфавитного указателя:

Пособие на отпуск по уходу за родившимся ребенком, отец.

Краткая аннотация:

Отказ австрийских властей предоставить отцу оплачиваемый отпуск по уходу за ребенком не является дискриминацией в обращении и, таким образом, не нарушает его права на уважение личной и семейной жизни.

Сокращенное содержание:

25 апреля 1989 г. заявитель, гражданин Австрии, ходатайствовал о предоставлении ему оплачиваемого отпуска по семейным обстоятельствам в связи с необходимостью заниматься своим ребенком, родившимся 27 февраля 1989 г., в то время как его супруга продолжала бы работать. 26 мая 1989 г. ходатайство заявителя было отклонено агентством по занятости на том основании, что - согласно закону о страховании на случай безработицы от 1977 г. - только лишь мать ребенка может претендовать на подобное пособие. Заявитель оспорил решение районного агентства по занятости, ссылаясь на дискриминационный и, следовательно, неконституционный характер примененных к нему положений. 4 июля 1989 г. ему было отказано в удовлетворении его возражений. 18 августа 1989 г. он подал жалобу в Конституционный суд, утверждая, что положения закона, предоставлявшие только матери ребенка право на получение пособия по уходу за ним, были дискриминационными и, следовательно, противоречащими Федеральной конституции. Он ссылался также на статью 8 ЕКПЧ, гарантирующую право на уважение семейной жизни.

12 декабря 1991 г. Конституционный суд отказал в принятии к рассмотрению жалобы заявителя, сославшись на судебную практику и, сочтя, что поправки, внесенные с момента принятия федерального закона о безработице, ни в коей мере не изменяли его положения. Начиная с 1-го января 1990 г., законодательно был изменен предыдущий закон, позволив тем самым отцу ребенка требовать предоставления оплачиваемого отпуска по уходу за ребенком, но только лишь применительно к детям, родившимся после 31 декабря 1989 года. Поэтому он к заявителю был неприменим.

Суду предстояло выяснить, подпадали ли фактические обстоятельства рассматриваемого дела под действие статьи 8 ЕКПЧ и, отталкиваясь от этого, статьи 14 ЕКПЧ Суд счел, что отказ предоставить заявителю оплачиваемый отпуск по уходу за ребенком не явился неуважением семейной жизни, так как статья 8 не накладывает на государство позитивного обязательства по предоставлению финансовой помощи такого рода. Одновременно, выплата этого пособия государством - вместе с предоставлением отпуска по уходу за ребенком - направлена на создание благоприятных условий для семейной жизни и в обязательном порядке сказывается на ее ходе, позволяя одному из родителей оставаться дома и заниматься им. Выделение пособия на финансирование отпуска по уходу за ребенком позволяет государству засвидетельствовать свое уважительное отношение к семейной жизни и подпадает, таким образом, под действие статьи 8 ЕКПЧ. Следовательно, статья 14, взятая в совокупности с этим положением, также применима.

Суд отметил, что на момент событий пособие на финансирование отпуска по уходу за ребенком выделялось только его матери, но не отцу, сроком на восемь недель с момента рождения и прекращения права на пособие по случаю рождения ребенка. Суд не оспаривает того факта, что в данном случае речь идет о различии в обращении, основывающемся на поле лица.

Государствам отдано в определенной степени на усмотрение определение того, оправдано ли и в каких пределах оправдано различие в правовом обращении с лицом в зависимости от различия в других подобных ситуациях. Степень предела усмотрения изменяется в зависимости от обстоятельств дела, предмета спора и общей исходной ситуации; наличие или отсутствие общего знаменателя правовых систем государств может стать фактором первой важности с этой точки зрения. Было ясно, что на момент событий, то есть в конце восьмидесятых годов, такого общего знаменателя в этой области не существовало, так как большинство государств не предусматривали выплаты пособия на финансирование отпуска по уходу за ребенком его отцу. И лишь только постепенно, отражая тем самым продвижение общества к более справедливому разделению ответственности между мужчинами и женщинами в воспитании детей, государства приняли меры, распространяющиеся также и на отцов, предоставив им, например, право пользоваться отпуском по уходу за родившимся ребенком. Австрийское право претерпело ту же эволюцию, так как законодательные власти этой страны в 1989 г. предписали в законодательном порядке предоставить отцам право на такой

отпуск. В дальнейшем, а именно в 1990 году, на них было распространено и право на получение пособия на финансирование отпуска по уходу за родившимся ребенком. Поэтому представляется трудным упрекнуть австрийские законодательные власти в постепенном, следовавшем за развитием всего австрийского общества введении такого законодательства, являющегося, в общем, весьма прогрессивным для всей Европы.

Более того, в этой области даже сейчас существует большая разница между правовыми системами государств. Если большая их часть действительно приняла меры, позволяющие отцу ребенка пользоваться отпуском по уходу за ним, то не везде дело так же обстоит и с выделением для него соответствующего пособия, предоставляемого отцам в редких государствах. Таким образом, отказ австрийских властей предоставить заявителю пособие на финансирование отпуска по уходу за родившимся ребенком не вышел за рамки данного им предела усмотрения. Следовательно, оспариваемое различие в обращении не было дискриминационным в смысле статьи 14 ЕКПЧ.

Идентификационный номер: ECH-1997-3-020

Мехди Зана против Турции

Ключевые слова для алфавитного указателя:

Уголовное судопроизводство, поручительство / Терроризм, поддержка общественного мнения

Краткая аннотация:

Осуждение Судом по делам о государственной безопасности турецкого штата Дийарбакыр (Diyarbakır) журналиста к мере наказания в виде тюремного заключения на основании сделанного им высказывания не нарушило права заявителя на свободу выражения своего мнения. Зато, невозможность для заинтересованного лица дать свидетельские показания в заседании вышеуказанного суда поставило под вопрос справедливый характер данного судебного разбирательства. Период вынужденного бездействия, вменяемый в вину судебным властям, поставил под вопрос также и разумность сроков судопроизводства по искомому делу.

Сокращенное содержание:

Г-н Мехди Зана (Mehdi Zana), гражданин Турции, 1940 года рождения, является бывшим мэром города Дийарбакыра, где он и проживает в настоящее время.

В августе 1987 года, находясь в заключении в военной тюрьме вышеуказанного города, заявитель сделал следующее высказывание в ходе своей встречи с журналистами:

"В поддержку движения национального освобождения партии трудящихся Курдистана (далее - ПТК); но с другой стороны, я не выступаю за массовые убийства. Все могут совершать ошибки и именно по ошибке ПТК убивает женщин и детей."

Данное заявление было опубликовано в ежедневной газете Кюмхурийет (Cumhuriyet) от 30-го августа 1987 года.

Прокуратура города Стамбул обвинила его в "восхвалении акта, наказуемого законом как преступление". Она вынесла решение о прекращении дела в отношении журналистов и заявила о неподсудности ей дела в отношении заявителя по причине несоответствия места совершения деяния месту судебного разбирательства (ratione loci). Судебное дело передавалось, соответственно, на рассмотрение прокурора, затем прокурора Суда по делам о государственной безопасности, и, наконец, военной прокуратуры Дийарбакыра.

19 ноября 1987 года дело г-на Зана было направлено на рассмотрение военного трибунала, не обладающего, по его мнению, соответствующей компетенцией. Он отказался отвечать по иску по существу. Будучи переведен 28 июля 1988 г. в гражданскую тюрьму г. Ескизехир (Eskisehir) он должен был представить доводы в свою защиту перед трибуналом ВВС вышеуказанного города, действовавшего по судебному поручению военного трибунала г. Дийарбакыр. Вследствие объявленной им голодовки г-н Зана смог предстать только во втором заседании, отказавшись при этом общаться с трибуналом. 18 апреля 1989 г. военный трибунал заявил о неподсудности ему дела и отправил его на рассмотрение Суда по делам о государственной безопасности г. Дийарбакыр. Сам же г-н Зана был переведен в гражданскую тюрьму строгого режима г. Айдын (Aydin) 2 августа 1989 г.

Действуя по судебному поручению Суда по делам о государственной безопасности, суд присяжных г. Айдын должен был заслушать г-на Зана, отказавшегося говорить на турецком языке и заявившего по-курдски о своем желании приводить доводы в свою защиту на своем родном языке. Суд присяжных напомнил ему, что если он будет упорствовать, отказываясь приводить доводы в свою пользу, то он будет рассматриваться как лицо, отказавшееся защищаться. Так как заявитель продолжал выступать на курдском, то в протоколе судебного заседания указано, что он ничего не заявил в свою защиту.

Тогда производство по делу продолжилось в Суде по делам о государственной безопасности Дийарбакыра, где г-н Зана был представлен своими адвокатами. Суд приговорил его к 12 месяцам лишения свободы (одну пятую срока он должен был отбыть в заключении и оставшуюся часть - условно) решением от 26 марта 1991 г., подтвержденным 19 июня 1991 г. кассационным судом.

Осуждение заявителя рядом турецких судов на основании высказываний, сделанных им журналистам, расценивается как "вмешательство" в осуществление его права на свободу выражения своего мнения. Вышеуказанное вмешательство нарушает Ст. 10 Европейской Конвенции о защите Прав Человека (далее - ЕКПЧ), за исключением тех случаев, когда оно не а) "предусмотрено законом"; б) руководствуется законной (законными) целью (целями) в свете Ст. 10-2 ЕКПЧ и в) "необходимо в демократическом обществе" для достижения этой (этих) цели (целей).

Европейский Суд по правам человека (далее - Суд) считает, что осуждение заинтересованного лица основывалось на Статьях 168 и 312 Уголовного кодекса Турции и, соответственно, полагает, что рассматриваемое вмешательство было "предусмотрено законом".

Что же касается законности преследуемых целей, то по мнению Суда, подобного рода заявления, исходящие от хорошо известного на юго-востоке Турции политического деятеля в момент серьезных беспорядков, имевших место в то время в данном регионе, могли иметь последствия, по характеру своему оправдывающие принятие турецкими властями мер, направленных на обеспечение национальной безопасности и общественного порядка. Таким образом, оспариваемое вмешательство преследовало цели, являющиеся законными в свете Ст. 10-2 ЕКПЧ.

Что касается необходимости вмешательства, то Суду принадлежит право оценить, отвечало ли осуждение г-на Зана "общественно необходимому требованию" и было ли оно "соразмерно преследуемым законным целям". С этой целью Суд считает важным проанализировать содержание заявлений заинтересованного лица в свете обстановки, превалировавшей в рассматриваемый промежуток времени на юго-востоке Турции. Действительно, его встреча с журналистами совпала по времени с кровавыми покушениями, совершенными членами КПК против гражданских лиц на юго-востоке Турции, где в момент событий царил крайняя напряженность. В подобных обстоятельствах поддержка, оказанная КПК бывшим мэром г. Дийарбакыра в ходе встречи с прессой, содержание которой было опубликовано в крупном периодическом издании Турции, могло рассматриваться как акт, по характеру своему отягчающий и без того взрывоопасную обстановку в этом регионе. Основываясь на этом, Суд считает, что наказание, назначенное заявителю, могло разумно отвечать "общественно необходимому требованию" и что оно было соразмерно преследуемым законным целям. Следовательно, Ст. 10 ЕКПЧ нарушена не была.

Касательно Ст. 6-1 и 6-3 ЕКПЧ, то выдвижение заявителем процессуальных возражений и его желание изъясняться на курдском языке, как он это сделал в заседании суда присяжных г. Айдын, ни в коей мере не значит, что он косвенным образом отказывался выдвигать доводы в свою защиту и предстать перед Судом по делам о государственной безопасности штата Диарбакыр.

Принимая во внимание значение окончательного решения для г-на Зана, приговоренного к 12 месяцам лишения свободы, Суд по делам о государственной безопасности не мог, не ставя под вопрос справедливый характер разбирательства дела, разрешить дело, не оценив непосредственно личные свидетельства заинтересованного лица.

С этой точки зрения, "опосредованное" заслушивание г-на Зана Судом присяжных г. Айдына или же присутствие его адвокатов в заседании Суда по делам о государственной безопасности штата Диарбакыр не может восполнить отсутствие самого обвиняемого.

Основываясь на этом, Суд считает, что подобное посягательство на право на защиту не может быть оправдано, принимая во внимание видное место, которое данное право - столь важное с точки зрения Европейской Конвенции Прав Человека для справедливого разбирательства дела - занимает в демократическом обществе. Следовательно, Ст. 6-1 и 6-3 ЕКПЧ были нарушены.

Что касается сроков разбирательства, то, по мнению Суда, данное исковое производство не было особенно сложным, так как фактическая сторона дела представляется простой, и поведение заявителя, даже если оно и могло в некоторой степени замедлить ход разбирательства, не способно само по себе объяснить подобную его продолжительность.

Кроме того, Суд отмечает, что с 22 января 1990 г., то есть с даты подачи Турцией Декларации о признании ею обязательной юрисдикции Европейского Суда по Правам Человека, и 18 июля 1991 г., датой вручения постановления кассационного суда, прошел год и шесть месяцев. За это время Суд по делам о государственной безопасности штата Диарбакыр вынес свое постановление лишь 20 июня 1991 г., то есть девять месяцев спустя после заседания Суда присяжных г. Айдын от 20 июня 1990, в ходе которого заявитель отказался изъясняться по-турецки.

Комиссия также отметила период вынужденного бездействия, вменяемый в вину судебным властям и относящийся к тому времени, когда Турция еще не подала своей декларации, период, который может быть принят в расчет при оценке соблюдения разумно приемлемых сроков судебного разбирательства.

В свете обстоятельств дела, рассмотренных в их совокупности, Суд не может рассматривать сроки данного искового производства как разумно приемлемые. Следовательно, по этому пункту имело место нарушение Ст. 6-1 ЕКПЧ.

Идентификационный номер: ECH-1997-3-019

Жан-Пьер Пьер-Блох против Франции

Ключевые слова для алфавитного указателя:

Выборы, государственный контроль /Выборы, избирательная кампания, лимит, установленный законом, /Выборы, избирательная кампания, финансовая отчетность / Право на дачу показаний.

Краткая аннотация:

Делопроизводство в Конституционном совете, выполняющим судебные функции по определению законности избрания депутатов, не имеет отношения ни к рассмотрению "споров о правах и обязанностях гражданского характера", ни к разбирательству "обвинения, выдвинутого в уголовном порядке."

Сокращенное содержание:

Г-н Жан-Пьер Пьер-Блох (Jean-Pierre Pïete-Bloch) является гражданином Франции. Выставив свою кандидатуру от партии Союз за французскую демократию в 19-м избирательном округе Парижа не выборах в Национальную Ассамблею 21-го и 28-го марта 1993 г., он был избран по итогам голосования во втором туре.

27 марта 1993 г. г-н Пьер-Блох представил финансовую отчетность за свою избирательную кампанию в национальную комиссию по контролю за финансированием избирательных кампаний и политических партий. Вышеуказанная отчетность, в которой значились расходы в размере 440 603,15 французских франков и доходы в размере 512 661,00 французских франков, была отвергнута комиссией 30 июля 1993 года: последняя, считая, в частности, что к сумме расходов необходимо прибавить стоимость исследования общественного мнения, заказанного партией Объединение за Республику, определила реальный объем расходов суммой в 816 663,84 французских франка - это на 316 663,84 франка превышает лимит, установленный законом. 30 июля 1993 года, согласно Ст. 136-1 Избирательного кодекса, Комиссия обратилась в Конституционный совет.

8 сентября 1993 г. заявитель опротестовал в Государственном Совете законность решения комиссии: он настаивал на несоблюдении ею принципа состязательности и принципа равенства сторон перед законом, так как, в отличии от других кандидатов, она его не заслушала его показания.

24 ноября 1993 г. Конституционный совет вынес решение о лишении заявителя права быть избранным на один год и объявил о его автоматической отставке с поста депутата, установив при этом сумму оспариваемых расходов в 558 987,14 французских франка.

30 ноября 1993 г., оспаривая оценку расходов, произведенную Конституционным советом, заявитель обратился к нему с ходатайством об исправлении фактической ошибки. Адвокат заинтересованного лица дополнил ходатайство служебной запиской, оспаривающей форму решения и избранную процедуру, а также подчеркивающей, что он был лишен представить окончательное заключение, не будучи уведомлен о времени проведения заседания по его делу.

17 декабря 1993 года Конституционный совет изменил калькуляцию расходов на избирательную кампанию заявителя, но не высказался при этом по договорам о форме и избранной процедуре, выдвинутым заинтересованным лицом. Последний не был извещен о времени проведения заседания.

8 апреля 1994 г. национальная комиссия по контролю над финансированием избирательных кампаний и политических партий установила в размере 59 572 франков сумму, которую заявитель был обязан выплатить государственной казне.

9 мая 1994 г. Государственный Совет объявил ходатайство г-на Пьера-Блоха от 8 сентября 1993 г. неприемлемым.

9 июня 1994 г. заявитель обратился в административный суд (для рассмотрения административно-правовых споров - Д.М.) г. Парижа с ходатайством об отмене решения национальной комиссии по контролю над финансированием избирательных кампаний и политических партий от 8 апреля 1994 г., но вышеуказанный суд вынес решение об отклонении ходатайства.

Суд напоминает о недостаточности одного факта разбирательства дела в конституционном судебном органе для того, чтобы вывести его из поля применения Ст. 6-1 ЕКПЧ. Необходимо выяснить, относилось ли исковое производство по данному делу к "спору о гражданских правах и обязанностях" или же к "обвинению уголовного порядка".

Так как существование "спора" никем не оспаривается, то задача Суда ограничивается определением того, относится ли он к "гражданским правам и обязанностям". Суд отмечает, что Конституционный совет установил превышение лимита расходов на избирательную кампанию и объявил о лишении заявителя

права быть избранным и о вытекающей отсюда отставке. Это, в свою очередь, ставит под вопрос право заявителя выставить свою кандидатуру на парламентских выборах и сохранить депутатский мандат. Так вот, это право политического характера, а не "гражданского" в смысле пункта 1 Ст. 6-1 ЕКПЧ.

Суд признает, что исход искового производства по данному делу имел также и имущественное значение для заявителя. И все же, невозможность добиться возмещения расходов на избирательную кампанию в случае установления превышения установленных лимитов, и обязательство внести в государственную казну сумму, эквивалентную превышению, являются прямым следствием обязательности ограничения расходов на избирательные кампании. Следовательно, имущественная сторона данного искового производства не придает ему "гражданского" характера в том смысле, как таковое понятие трактуется Ст. 6-1 ЕКПЧ.

Так как существование "обвинения" также никто не оспаривает, то задача Суда ограничивается определением того, относится ли оно к уголовному порядку судопроизводства. Для этого Суд принимает во внимание три критерия: а) юридическое определение спорного правонарушения во французском праве; б) сам характер правонарушения; в) характер и степень суровости наказания.

Что касается первого и второго критериев, то Суд определил, что положения Избирательного кода Франции, устанавливающие принцип ограничения расходов на избирательную кампанию (Ст. L. 52- 11) и контроль над соблюдением этого принципа, относятся не к области уголовного права, а к области избирательного права Франции. Следовательно, нарушение правовой нормы в вышеуказанной области, не может быть отнесено по природе своей к "уголовному" порядку судопроизводства.

Касательно третьего критерия, то три меры наказания применяются к кандидату, не соблюдающему ограничения расходов на избирательную кампанию: а) лишение права быть избранным, б) обязательство внести в государственную казну сумму, эквивалентную превышению установленных ограничений, и в) меры, предусмотренные Ст. L. 113-1 Избирательного кодекса Франции.

По мнению Суда, лишение права быть избранным напрямую вписывается в рамки мер, направленных на обеспечение правильного хода парламентских выборов, и не подпадает при этом под действие "уголовного" права. Кроме того, лишение права быть избранным ограничивается сроком в один год, начиная с момента избрания, и относится только к рассматриваемому избранию. Таким образом, Суд пришел к выводу, что ни характер, ни степень суровости этой меры наказания не относят данный вопрос к области действия "уголовного" законодательства.

По мнению Суда, обязательство внести в государственную казну сумму, эквивалентную превышению установленного лимита на избирательную кампанию также относится к мерам, направленным на обеспечение правильного хода парламентских выборов и, в частности, равенства кандидатов. Следовательно, такая обязанность не может рассматриваться как штраф.

Статья L. 113-Избирательного кодекса предусматривает выплату штрафа в размере 25000 французских франков и/или один год лишения свободы в случае превышения кандидатом лимита расходов на избирательную кампанию. Суд отмечает по этому поводу, что эти меры наказания к делу не относятся, так как заявитель не подвергался никаким преследованиям на основании вышеуказанной статьи. Таким образом, Суд пришел к выводу, что Ст. 6-1 ЕКПЧ не может быть применена при рассмотрении данного дела ни в ее гражданском, ни уголовном аспектах.

Идентификационный номер: ECH-1997-3-018

Поль Серв против Франции

Ключевые слова для алфавитного указателя:

Военное уголовное судопроизводство / Свидетель, присяга, отказ.

Краткая аннотация:

Присуждение лица к выплате штрафов на основании отказа приносить присягу и давать показания следователю, вызвавшего его в качестве свидетеля, не может расцениваться как принуждение, направленное на то, чтобы лишить содержания право осужденного не способствовать своему собственному осуждению.

Сокращенное содержание:

Заявитель, г-н Поль Серв (M. Paul Serves), гражданин Франции, является кадровым офицером. В момент событий он имел звание капитана.

14 апреля 1988г. в Центрально-Африканской Республике военнослужащими из 2го заграничного полка воздушно-десантных войск Франции (далее - 2й заграничный полк ВДВ), находившимся под командованием заявителя, был ранен, а затем застрелен и захоронен браконьер.

Силами командования было проведено первоначальное дознание. Два сообщения было послано комиссару-представителю от правительства от 18 и 20 мая 1988 года. 21 мая 1988г. был составлен протокол дознания и военнослужащие, привлеченные по этому делу, отправлены на родину. 20 мая 1988г. было начато предварительное следствие и заявитель, вместе с тремя другими военнослужащими, был допрошен в качестве подозреваемого в умышленном нанесении телесных повреждений, повлекших за собой непреднамеренную смерть пострадавшего, а затем помещен под стражу. 23 июня 1988г. заявитель был допрошен в качестве подозреваемого в убийстве, после чего, 21 июля 1988г., освобожден из под стражи. 9 октября 1989г. обвинительная палата (следственный орган второй инстанции - Д.М.) Апелляционного суда г. Парижа отменила на основании нарушения процессуального порядка требование прокурора о производстве предварительного следствия от 20 мая 1988 г. и последующие процессуальные акты, уточнив при этом, что эта отмена не относится к первоначальному дознанию и сообщениям от 18 и 20 мая 1988 г.

Новое предварительное следствие было открыто 13 мая 1990г. в отношении двоих военнослужащих 2го загранполка ВДВ Франции на основании подозрения в убийстве. В рамках этого следствия г-н Серв вызывался военным следователем для дачи показаний в качестве свидетеля. На допрос г-н Серв явился, но давать присягу отказался, не объясняя своего поведения. На основании определений от 12, 19 и 26 сентября 1990, следователь приговорил его к выплате штрафов за отказ от принесения присяги. 29 октября 1990г. обвинительная палата Апелляционного суда г. Парижа отвергла обжалование этих определений на том, в частности, основании, что заявитель не был поименован в требовании прокурора о проведении предварительного следствия от 13 марта 1990г. и что, следовательно, он мог быть вызван в качестве свидетеля.

23 октября 1991 г. Кассационный суд отверг его ходатайство об обжаловании приговора.

6 мая 1992 г. заявитель допрашивается в качестве подозреваемого в убийстве. 11 мая 1994 г. он приговаривается военным трибуналом г. Парижа к четырем годам лишения свободы, один из которых - условно, за соучастие в совершении убийства. В момент вынесения своего решения Европейским Судом по Правам Человека это постановление было обжаловано в кассационном порядке.

Суду предстоит в данном деле определить, подпадал ли г-н Серв, который даже не имелся в виду в требовании прокурора о проведении предварительного следствия от 13 марта 1990 г. и который не был ни в чем обвинен при вызове к следователю в качестве свидетеля, под понятие "обвинения" в смысле Ст. 6-1 ЕКПЧ.

В данном случае, Суд констатирует, в частности, что первоначальное дознание по спорному убийству, начатое 18 мая 1988г., велось в отношении четырех

военнослужащих, в том числе и заявителя, что в докладе командования от 20 мая, приобщенном к протоколу дознания от 21 мая, подробно описано участие заявителя в событиях и делалось заключение о его "полной" ответственности, и что заинтересованные лица были соответственно высланы во Францию 21 мая 1988 года. Суд делает из всего вышесказанного заключение, что - будучи вызванным в качестве свидетеля и приговоренным к выплате оспариваемых штрафов - г-н Серв мог расцениваться как лицо, подпадающее под "обвинение" в смысле Ст. 6-1, рассматриваемой отдельно. Следовательно, в данном случае Ст. 6-1 ЕКПЧ подлежит применению.

Суд напоминает, что право любого "обвиняемого" молчать и его право не способствовать своему собственному осуждению являются международно-признанными нормами, составляющими сердцевину понятия справедливого судебного разбирательства, закрепленного Ст. 6 ЕКПЧ. Таким образом, задача Суда состоит в определении того, можно ли рассматривать присуждение г-на Серва к выплате оспариваемых штрафов как принуждение, направленное на то, чтобы лишить содержания его право не способствовать своему собственному осуждению.

По мнению Суда, присяга состоит в торжественном акте, в котором присягающий клянется говорить следователю "всю правду и только правду". Если сама обязательность присяги для свидетеля и санкции, выносимые в случае ее несоблюдения, и относятся некоторым образом к области принуждения, то сама по себе присяга направлена на обеспечение правдивости показаний, даваемых следователю, а не на принуждение заинтересованного лица к даче показаний.

Иными словами, присуждение г-на Серва к выплате оспариваемых им штрафов не может расцениваться как мера, направленная на принуждение его к тому, чтобы способствовать своему собственному обвинению, потому как решение о присуждении к штрафам было вынесено еще до того, как возник подобный риск. Таким образом, Ст. 6-1 ЕКПЧ нарушена не была.

Идентификационный номер: ECH-1997-3-017

Ключевые слова для алфавитного указателя:

Полиция, полномочия / Сила, использование / Добросовестная убежденность.

Краткая аннотация

Предположительно противозаконное убийство будущих молодоженов сотрудниками спец. подразделения полиции в ходе операции по спасению одного из них не является нарушением права на жизнь.

Сокращенное содержание

Утром 24 декабря 1993 г. в результате домашней ссоры между Лефтерисом Андронику (Lefteris Andronicou) и Эльзой Константиноу (Elsie Constantinou), которые были обручены, в их квартиру в местечке Шлюрака (Chlogaka), рядом с г. Пафос (Paphos), на Кипре, была вызвана полиция. Утверждалось, что г-н Андронику был вооружен и удерживал г-жу Константиноу против ее воли. На протяжении всей второй половины дня усилия полиции были направлены на то, чтобы Андронику ее освободил. К 17 часам начальник полиции Пафоса выслал в населенный пункт Шлюрака подразделение специального назначения полиции "ММАД" (далее - ММАД).

Подразделение ММАД по прибытии на место было информировано о том, что г-н Андронику вооружен двухствольным ружьем и, возможно, имел в своем распоряжении другие виды оружия. Из этого власти заключили, что он намеревался убить г-жу Константиноу и покончить жизнь самоубийством вскоре после полуночи.

Начальник полиции г. Пафоса решил одобрить план операции по спасению г-жи Константиноу силами ММАД, намеченной на время ближе к полуночи. Были произведены выстрелы гранатами со слезоточивым газом по окнам квартиры, дверь которой была взломана. Почти одновременно г-ном Андронику было сделано два выстрела: одна пуля попала в первого сотрудника ММАД, упавшего назад и опрокинувшего навзничь следовавшего за ним бойца, вторая задела г-жу Константиноу. Третий и четвертый сотрудники спецподразделения проникли в квартиру несколько секунд спустя и открыли огонь из полуавтоматического оружия.

Лефтерис Андронику был убит как минимум двадцатью пятью выстрелами, произведенными из автомата. Эльза Константиноу получила тяжелые ранения и увезена в госпиталь, где она и скончалась между 5 и 6 часами утра того же дня. Вскрытие показало, что смерть наступила от пули из автоматического оружия. Суд отмечает, что в данном случае он должен определить "точно ли соразмерна" использованная сила осуществлению целей, изложенных в Статьях 2-2а и 2-2в ЕКПЧ, и что, производя эту оценку, он должен учесть не только факт использования силы, но и то, как была подготовлена и контролировалась операция по спасению, осуществленная властями.

Что касается подготовки и контроля за проведением операции по спасению, то Суд подчеркивает, что решение об использовании подразделения ММАД рассматривалось, как последняя, крайняя мера. Принимая во внимание призывы о помощи девушки в районе полуночи и тот факт, что г-н Лефтерис Андронику был вооружен двухствольным охотничьим ружьем, власти могли вполне логично сделать заключение о необходимости вмешательства спецподразделения ММАД для пресечения осложнявшегося кризиса. Суд учитывает получение сотрудниками спецподразделения ясного приказа прибегать лишь к адекватно "соразмерному" насилию и открывать огонь лишь только в том случае, если жизнь г-жи Эльзы Константиноу или их собственная окажется в опасности. Следовательно, по мнению Суда, не было доказано, что операция по спасению не была спланирована и организована таким образом, чтобы свести до минимума какой бы то ни было риск для жизни обоих заинтересованных лиц.

Касательно использования силы, Суд считает, что решение Лефтериса Андронику открыть огонь по сотрудникам спецподразделения и по Эльзе Константиноу привело к ситуации, в которой решения должны были приниматься за считанные доли секунды для устранения реальной и неминуемой опасности, угрожавшей жизни девушки и бойцов спецподразделения. Хотя сотрудник №2 и подумал, ошибочно, что Лефтерис Андронику убил одного из его сослуживцев, что он не произвел еще второго выстрела из своего двухзарядного ружья и что он мог располагать другими видами оружия, Суд допускает вполне добросовестную убежденность в подобных условиях сотрудников №2 и 4в необходимости открыть огонь на поражение по Лефтерису Андронику для спасения жизни Эльзы Константиноу и своей собственной. Суд напоминает по этому поводу, что применение силы государственными служащими для достижения одной из целей, перечисленных в Ст. 2-2 ЕКПЧ, может быть оправдано в том случае, если оно основывается на добросовестной убежденности, мотивированно рассматриваемой в качестве действительной в момент события, но оказывающейся впоследствии ошибочной.

Суд пришел к выводу, что государство-ответчик не может рассматриваться, как пренебрегшее своими обязанностями во исполнение Ст. 2 ЕКПЧ.

Идентификационный номер: ECH-1997-3-016

Айдын против Турции

Ключевые слова для алфавитного указателя:

Задержание, пытка / Доказательство, обследование / Действительное расследование, необходимость.

Краткая аннотация:

Изнасилование заключенной и плохое обращение с ней со стороны турецкого государственного служащего образуют состав пытки. За отсутствием реального

расследования властями по факту пытки по жалобе заключенной, заявительница была лишена реального права на обжалование в национальные судебные органы.

Сокращенное содержание:

Заявительница, 1976 года рождения, является гражданкой Турции курдского происхождения. В момент событий она проживала вместе со своей семьей в поселке Тазит (Tasit), на юго-востоке Турции.

Фактические обстоятельства дела спорные. По словам заявительницы, ее арестовали 29 июня 1993 г. вместе с отцом и золовкой. Сотрудники поселкового отделения гвардии и жандармы их якобы привели в участок жандармерии поселка Дерик (Derik). В течение всего задержания заявительница якобы находилась с завязанными глазами. Ее якобы избивали, раздели, поместили в автомобильную покрывку и обливали мощными струями воды. После чего она якобы была изнасилована одним из сотрудников сил безопасности. Три дня спустя она якобы была освобождена из под стражи вместе с остальными членами ее семьи.

По версии Правительства, заявительница и другие члены ее семьи якобы никогда не содержались под стражей в участке жандармерии поселка Дерик и ее утверждения якобы лишены каких бы то ни было оснований.

8 июля 1993 г. заявительница, ее отец и золовка обратились в прокуратуру поселка Дерик с жалобой на то, как с ними обращались. Прокурор принял их заявления, а самих их направил в городской госпиталь для медицинского освидетельствования. В ответ на запрос прокурора жандармерия п. Дерик утверждала, что ни заявительница, ни другие члены ее семьи никогда не содержались под стражей в ее помещении. 13 мая 1994 г. прокурор указал генеральному адвокату г. Мардин (Mardin) на то, что жалобы заявительницы не были ничем подтверждены, но следствие при этом продолжалось.

Суд напоминает, что, согласно его устоявшейся судебной практике, установление и проверка фактических обстоятельств лежит прежде всего на Европейской Комиссии по правам человека (далее – Комиссия). Следовательно, Суд считает должным принятие фактов, установленных Комиссией, так как она убеждена, учитывая результаты допроса основных свидетелей, в обоснованности заключения Комиссии, согласно которой утверждения заявительницы были доказаны таким образом, что не осталось никакого разумного сомнения.

Суд подчеркивает, что изнасилование заключенной государственным служащим должно рассматриваться, как особо грубая и отвратительная форма плохого обращения. В частности, заявительница не могла не почувствовать себя опороченной и изнасилованной как в физическом, так и в моральном плане в результате перенесенных половых надругательств. Кроме того, в ходе задержания она была подвергнута ряду других ужасных и унижительных истязаний.

Суд убежден, что вся совокупность учиненного физического и морального насилия, а также акт изнасилования, приобретающий характер жестокости, образуют состав пыток, запрещенных Ст. 3 ЕКПЧ. Суд констатирует также, что он пришел бы к такому же заключению по каждому из вышеуказанных оснований, взятых в отдельности.

Принимая во внимание основополагающую важность запрещения пыток и особо уязвимое положение их жертв, Ст. 13 ЕКПЧ обязывает Государства проводить углубленное и действительное расследование случаев применения пыток.

Суд отмечает, что власти удовлетворились проведением поверхностного расследования при проверке достоверности фактов, изложенных в жалобе на изнасилование, поданной заявительницей прокурору. Прокурор не пытался определить степень серьезности ее утверждений и не принял никаких мер для отыскания возможных свидетелей – очевидцев задержания семьи Айдын. Точно также, он не искал в жандармерии доказательств, подтверждающих факты, на которых настаивала заявительница.

Суд считает также, что медицинские обследования не соответствовали тому, как должно проводится справедливое и действительное расследование по делу о предполагаемом изнасиловании в ходе задержания. Во время этих обследований не было предпринято ни одной попытки установить, соответствовало ли в психологическом плане поведение заявительницы состоянию лица, ставшего жертвой изнасилования. Суд считает, что для проведения углубленного и действительного расследования по делу о предполагаемом изнасиловании в ходе содержания под стражей – необходимо также, чтобы жертва была обследована врачами, обладающими специальными познаниями в данной области, независимость которых не ограничивалась бы инструкциями, данными властями, преследующими предполагаемую жертву. Так вот, нельзя утверждать, что медицинские обследования, назначенные прокурором, соответствовали данному требованию.

Суд пришел к заключению, что проведенное расследование имело серьезные недостатки, снизившие эффективность других действий по обжалованию, которые заявительница могла бы предпринять, в частности, иска о возмещении причиненного ей ущерба. Соответственно, Суд пришел к выводу о имевшем место нарушении Ст. 13 ЕКПЧ.

Идентификационный номер: ECH-1997-2-014

Ключевые слова для алфавитного указателя:

Возмещение убытков, причиненных экспроприацией, / Инфляция, девальвация / Проценты, платеж / Отсроченный платеж, девальвация.

Краткая аннотация:

Суд заявил о наличии нарушения права на уважение к имуществу по причине задержки администрацией выплаты заявительнице дополнительного возмещения за убытки, понесенные в результате экспроприации, и обесценивания вышеуказанного возмещения, вызванного разницей между уровнем инфляции и процентами, положенными по закону.

Сокращенное содержание:

В сентябре-октябре 1987 г. национальная администрация водных ресурсов Турции экспроприировала земли заявительницы под строительство плотины для гидро-электростанции. Администрация ей выплатила 122 000 турецких ливров в порядке возмещения. 17 сентября 1990 г. Кассационный суд вынес решение по ходатайству об увеличении суммы возмещения за экспроприацию, поданному заявительницей в порядке обжалования в суд большой инстанции города Дураган (Duragan), выделив заинтересованному лицу дополнительную сумму в размере 271 039 ливров с одновременной выплатой мораторного процента (*процент за просрочку исполнения денежного обязательства* - Д.М.) по установленной законом ставке в 30%, начиная с 4 сентября 1987 года. Эта сумма была выплачена в феврале 1992 года, то есть примерно 17 месяцев после принятия окончательного судебного решения и 6 месяцев после подачи заявления в Комиссию.

Заявительница жаловалась на недостаточность выплаты по мораторному проценту, сопровождавшей дополнительное возмещение за экспроприацию ее земельного участка, а также на задержку администрацией выплаты этих сумм, в то время как годовой уровень инфляции достигал в Турции в момент событий 70%.

Так как ситуация, на которую жаловалась заявительница, относилась к ее "праву на уважение к ее имуществу", то Суд должен был определить, было ли сохранено справедливое равновесие между требованиями общего интереса и императивами основополагающих прав личности; с этой точки зрения, необходимо было принять во внимание порядок возмещения убытков, предусмотренный законодательством Турции, и то, как этот порядок соблюдался в конкретном случае применительно к заявительнице.

В рассматриваемом случае дополнительное возмещение, плюс законные проценты из расчета 30% годовых, были выплачены заявительнице 17 месяцев после вынесения решения Кассационным судом в то время, как инфляция в Турции в этот момент достигала 70% в год. Подобный разрыв между стоимостью долгового обязательства заинтересованного лица в момент окончательного определения его размера Кассационным судом и его стоимостью на момент реальной выплаты,

разрыв, вменяемый в вину исключительно медлительности администрации, причинил заявительнице отдельный ущерб, прибавившийся к убыткам от экспроприации ее земельного участка. Отсрочив на 17 месяцев выплату оспариваемого возмещения, турецкие власти изменили его адекватный характер и, следовательно, нарушили равновесие между соблюдением права на собственность и требованиями общего интереса. Таким образом, имело место нарушение Ст. 1 Протокола 1 ЕКПЧ.

Идентификационный номер: ECH-1997-2-013

Жигонас, Палеотодорос, Сифунакис, Каваратзис и Жиакуматос против Греции.

Ключевые слова для алфавитного указателя:

Парламент, несовместимость / Выборы, кандидат, качество

Краткая аннотация:

Аннулирование избрания пяти депутатов за выполнение ими в течение более трех месяцев -и это на протяжении трех лет, предшествовавших выборам, - служебных обязанностей в госаппарате, лишаящих права быть избранным, не влечет нарушения права народа на свободу выражения своего мнения о выборе законодательного корпуса.

Сокращенное содержание:

В случае с господами Жигонасом (Gitonas), Палеотодоросом (Paleothodoros) и Сифунакисом (Sifounakis), первый заявитель был временно откомандирован для занятия поста заместителя генерального директора кабинета премьер-министра до мая 1989 года. Второй заявитель занимал пост генерального директора второго канала греческого телевидения до ноября 1988 года, и третий заявитель занимал пост генерального директора первого канала телевидения до июня 1988 года. Все три заявителя выставили свои кандидатуры на парламентских выборах, состоявшихся 8 апреля 1990 г., и были избраны от избирательных округов в Афинах, Занте и Лезбосе. В апреле и мае 1990 г. четыре избирателя от этих округов и один кандидат - соперник третьего заявителя на этих же выборах - обратились в Специальный верховный суд: они требовали аннулировать избрание вышеперечисленных заинтересованных лиц, ссылаясь на некоторые основания лишения права быть избранным, изложенные в Ст. 56-3 греческой Конституции. Тремя постановлениями, вынесенными соответственно 23 января и 29 мая 1991 г., Специальный верховный суд аннулировал избрание заявителей: он счел, что выполнение ими вышеуказанных обязанностей в течение периода, превышающего три месяца, на протяжении трех лет, предшествовавших выборам, составляют основание для лишения их права быть избранными во всех избирательных округах на территории Греции.

В случае с г-ном Каваратзисом (Kavaratzis), заявитель занимал пост первого заместителя управляющего Органа по социальному обеспечению до сентября 1993 г., и в случае с г-ном Жиакуматосом (Giakoumatos) заявитель занимал пост заместителя второго управляющего Органа по социальному обеспечению до сентября 1993 г. Заявители выставили свои кандидатуры на парламентских выборах, состоявшихся 10 октября 1993 г., и были избраны от избирательных округов Эвроса и Афин. В ноябре 1993 г. два кандидата, бывших их соперниками в тех же избирательных округах, обратились в Специальный верховный суд: они требовали аннулировать избрание вышеперечисленных заинтересованных лиц. Двумя постановлениями, вынесенными 22 марта 1995 г., Специальный верховный суд Греции аннулировал избрание заявителей по тем же причинам, что и в делах, о которых речь шла выше.

Заявители утверждали, что отмена их избрания Специальным верховным судом Греции на основании Ст. 56-3 Конституции игнорирует право избирательного корпуса на свободный выбор своих представителей и тем самым их собственное право быть избранными.

Суд утверждает, что государства обладают широкой свободой действия при установлении в своем конституционном порядке правил, относящихся к статусу парламентариев, и в частности, к критериям лишения права быть избранным. Множество случаев, предусматриваемых конституциями и законодательствами о выборах многих государств - членом Совета Европы, свидетельствует о самом широком выборе, представляющимся в этой области.

Суд отметил, что лишение права быть избранным, устанавливаемое Ст. 56-3 преследует двойную цель, имеющую основополагающее значение для правильного функционирования и сохранения демократического строя: с одной стороны, обеспечить равенство в средствах влияния, которыми располагают кандидаты от различных политических направлений, и с другой стороны, уберечь избирательный корпус от давления со стороны лиц, исполняющих общественные служебные обязанности. Суд признал определенную сложность системы, установленной Ст. 56 Конституции Греции. Несмотря на это, он не усмотрел в статье никакого несоответствия и, тем более, не мог бы определить ее, как самоуправную.

Далее Суд отметил, что обязанности, выполнявшиеся заявителями в явной форме не фигурировали среди постов, указанных в Ст. 56-3 греческой Конституции. Но это вовсе не гарантировало заинтересованным лицам права быть избранными. Специальный верховный суд Греции, суверенно выносящий решения по любому спору, касающемуся лишения права быть избранным, проанализировал характер постов, занимавшихся заявителями, и применимое к этой области законодательство, констатировал, что условия, относящиеся к периоду исполнения ими обязанностей, а также к их продолжительности и объему, приведшими к лишению права быть избранными, оказались выполненными в отношении каждого из заинтересованных лиц. Суд не может прийти к другому выводу: ничто в постановлениях Специального Верховного суда Греции не заставляет полагать, что аннулирование избрания заявителей противоречило греческому законодательству, было самоуправным или несоразмерным. Следовательно, Ст. 3 Протокола 1 ЕКПЧ нарушена не была.

Идентификационный номер: ECH-1997-2-012

Ключевые слова для алфавитного указателя:

Оскорбление, политик / Политик, критика, границы / Оскорбление, контекст.

Краткая аннотация:

Осуждение журналиста за оскорбление политического деятеля является нарушением права на свободу выражения своего мнения.

Сокращенное содержание:

В марте 1991 г. заявитель опубликовал в журнале Форум, главным редактором которого он был тогда, статью по поводу речи, произнесенной г-ном Йоргом Хайдером (Jorg Haider), в то время бывшим председателем либеральной партии Австрии и главой правительства Земли Каринтии (Land de Carinthie). В своей статье он назвал последнего немецким словом "Trottel" (дурак). Г-н Хайдер привлек главного редактора журнала Форум к ответственности как частное лицо, и в результате исправительный суд г. Вены приговорил заявителя в мае 1991 г. за оскорбление к выплате штрафа в размере 20 ежедневных единиц по 200 шиллингов. Апелляционный суд г. Вены подтвердил приговор, но сократил до 50 шиллингов ставку ежедневных единиц. Суд рассудил, что для читателей, не ознакомившихся с речью г-на Хайдера и со всей статьей заявителя, термин "Trottel" относился не к выводу, который можно сделать из слов г-на Хайдера, а к его личности. Исползованный термин становился, таким образом, оскорблением, выходящим за рамки приемлемой объективной критики.

Суд напомнил, что, за исключением случаев, перечисленных Ст. 10-2 ЕКПЧ, свобода выражения своего мнения применима не только к "сведениям" и "идеям", воспринимаемым благоприятно или нейтрально, но и к тем, что будоражат, шокируют или беспокоят.

Суд отметил, что судебные решения, с которыми к нему обращаются, должны быть рассмотрены с точки зрения всего дела, включая спорную публикацию и обстоятельства ее написания. Речь участвующего в деле политического деятеля была явно направлена на то, чтобы вызвать провоцирующий эффект и резкую ответную реакцию.

С точки зрения Суда, письменные материалы заявителя и, в частности, слово "Trottel" могли, конечно же, сойти за спорные; но в них не содержалось все же личных беспочвенных нападок, так как автор дал использованному термину объективно понятное объяснение, вытекающее из речи г-на Хайдера. С этой точки зрения, данные письменные материалы были составной частью политической дискуссии, вызванной г-ном Хайдером, и могут рассматриваться, как высказанное мнение. Действительно, будучи публично адресовано политическому деятелю, термин "Trottel" мог оскорбить его. Но в конкретном случае, использованное определение соответствовало, как представляется, степени возмущения, сознательно вызванного г-ном Хайдером. Касательно полемического тона статьи, следует напомнить, что - кроме существа выражаемых мыслей и сведений - Ст. 10 ЕКПЧ защищает также их способ распространения. В заключении Суд полагает, что необходимость вмешательства в осуществление заявителем права на свободу выражения своего мнения доказана не была. Таким образом, имело место нарушение Ст. 10 ЕКПЧ.

Идентификационный номер: ECH-1997-2-011

Ключевые слова для алфавитного указателя:

Высылка / Тюрьма, заражение ВИЧ-инфекцией / ВИЧ, заражение в тюрьме / Наркотики, контрабанда.

Краткая аннотация:

Власти государства -ответчика нарушили бы Ст. 3 ЕКПЧ, если бы выслали заявителя, зараженного ВИЧ-инфекцией в ее последней стадии и приговоренного за незаконную торговлю наркотиками, на родину, в Сэн-Киттс.

Сокращенное содержание:

Заявитель прибыл в лондонский аэропорт Гатуик (Gatwick) 21 января 1993 г. При обнаружении у него значительного количества кокаина ему было отказано во въезде на территорию Великобритании. Но, вместо выдворения, приказ о котором был отдан, последовал арест заинтересованного лица. В апреле 1993 г. лондонский суд признал его виновным и приговорил к шести годам лишения свободы. В августе 1994 г., уже находясь в заключении, заявитель был признан зараженным ВИЧ-инфекцией. Согласно медицинскому освидетельствованию от 13 июня 1996 г., прогнозы по его поводу были весьма пессимистическими и жить ему оставалось от 8 до 12 месяцев при продолжении применяемого лечения. 20 января 1996 г., за несколько дней до его условно-досрочного освобождения, иммиграционная служба отдала распоряжение о его высылке в Сэн-Киттс. Напрасно заявитель обращался с просьбой в Высший Суд (High Court) о том, чтобы разрешить судье проверить решение главы иммиграционной службы, отказавшей ему в разрешении остаться в Великобритании и соображений гуманности. 15 февраля Апелляционный суд отверг его новое ходатайство на том основании, что иммиграционная служба справедливо усмотрела в его ходатайстве просьбу о разрешении ему въезда. Начиная с этого момента, иммиграционная служба не обязана считаться с официальными инструкциями о ВИЧ-инфицированных больных, касающихся лишь решений, принимаемых по заявлениям лиц, желающих остаться в Великобритании.

Суд напомнил, что, если оправдано применение государствами - участниками Конвенции суровых мер наказания к наркоторговцам, включающих, в частности, выдворение иностранных контрабандистов, абсолютный характер запрещения, утверждаемый в Ст. 3 ЕКПЧ, должен тем не менее соблюдаться государствами и в том случае, когда они прибегают к выдворению. Гарантии, предоставляемые Ст. 3 ЕКПЧ, применяются независимо от того, какова тяжесть правонарушения, совершенного заявителем; принимая во внимание распространение на него юрисдикции Великобритании с 21 января 1993 г., британские власти должны были обеспечить ему эти гарантии независимо от того, проник ли он или нет на территорию этого государства в физическом смысле этого слова. Суд отметил, что данный принцип до сих пор применялся в тех случаях, когда для лица риск быть подвергнутым какому бы то ни было виду обращения, запрещенному Ст. 3 ЕКПЧ, вытекал из преднамеренных действий государственной власти стран назначения или же действий организаций, независимых от государства, от которых власти были неспособны предоставить ему соответствующую защиту. Тем не менее, Суд должен быть способен применять Ст. 3 ЕКПЧ и в других случаях с тем, чтобы не смягчать абсолютный характер защиты, предоставляемой этой статьей.

Суд констатировал, что государство-ответчик взяло на себя ответственность за обращение с заявителем начиная с августа месяца 1994 г. и что последний стал зависимым от медицинского и других видов лечения, облегчающих его состояние. Он дошел до конечной фазы своей смертельной болезни. Ничто не свидетельствовало о том, что родители, которых заявитель, возможно, имел в Сэн-Киттс, готовы были заниматься им, или были бы способны делать это, или что ему было бы предоставлено койко-место в одном из двух госпиталей острова, принимающих на лечение ВИЧ-инфицированных лиц. Суд подчеркнул, что положение, в котором оказался бы заявитель в Сэн-Киттс само по себе не являлось бы нарушением Ст. 3 ЕКПЧ. Одновременно, его высылка в эту страну подвергла бы его реальному риску смерти в особо неблагоприятных обстоятельствах и, следовательно, бесчеловечному обращению. По этому поводу Суд подчеркнул, что лица, не являющиеся гражданами того или иного государства, но отбывшие свой срок лишения свободы и подпадающие под действие постановления о высылке, в принципе не могут требовать для себя права оставаться на территории данного государства с тем, чтобы продолжать пользоваться услугами медицинского, социального и других видов обеспечения, которые предоставлялись им в течение их заключения высланным их государством. И все же, принимая во внимание весьма исключительные обстоятельства дела и соображения гуманности, имеющие основополагающее значение в данном вопросе, Суд пришел к заключению, что высылка заявителя влекла бы за собой нарушение Ст. 3 ЕКПЧ.

Идентификационный номер: ECH-1997-2-010

Ключевые слова для алфавитного указателя:

Искусственное осеменение / Транссексуальный, отцовство / Биологический отец

Краткая аннотация:

Отказ зарегистрировать в акте о гражданском состоянии транссексуала, прооперированного для придания ему качеств отца ребенка, рожденного от его партнерши в результате искусственного осеменения при наличии донора не является неуважением к семейной жизни.

Сокращенное содержание:

X, транссексуал женского пола, переведенный в состояние мужского пола, поддерживал с 1979 г. постоянные отношения с женщиной Y. В октябре 1992 г. у Y родился Z, зачатый путем искусственного осеменения спермой донора. После рождения Z, когда заявители попытались зарегистрироваться в качестве отца и матери ребенка, X было отказано в праве быть вписанным в качестве отца, и эта графа формуляра осталась незаполненной. Z была присвоена фамилия Y.

Суд отметил, что вопросы, поднятые в данном случае, касаются областей, в которых не имеется общности взглядов между государствами - членами Совета Европы, и по которым, в общем и целом, право, кажется, находится в переходном состоянии. Таким образом, следовало предоставить Великобритании широкие возможности толкования. В интересах всего общества следить за связностью всего комплекса правовых норм, регулирующих семейную жизнь и выдвигающих на первый план интересы ребенка. Суд считал, что государство могло иметь надлежащие причины для осторожного подхода к своим правовым реформам, так как возможно, что поправка к праву, внесения которой добивались заявители, могла бы иметь нежелательные или непредвиденные последствия для детей, находящихся в том же положении, что и Z. Кроме того, подобная поправка могла бы сказаться и на других отраслях семейного права.

Перед лицом этих интересов общего порядка Суд должен был взвесить неудобства, которые мог бы причинить заявителям отказ законного признания X в качестве

"отца" Z. Суд отметил, что некоторые из них могли бы быть преодолены, если бы X и Z приняли соответствующие меры. Например, если бы X составил завещание, то это практически разрешило бы проблему невозможности автоматического наследования Z от X, если бы тот скоропостижно скончался, не оставив завещания. Точно также, ничего не мешало X вести себя, как полагается отцу Z в обществе, и он мог потребовать вместе с У вынесения постановления о совместном попечении, что автоматически предоставило бы им обоим родительские права по отношению к Z согласно английскому праву.

В заключении, принимая во внимание сложность вопросов научного, юридического, морального и социального характера, поднимаемых проблемой транссексуальности, вопросов, не становящихся предметом подхода обычно занимаемого государствами - участниками Конвенции, Суд счел, что Ст. 8 ЕКПЧ не могла бы рассматриваться, как предполагающая обязательным для государства-ответчика официальное признание в качестве отца ребенка лицо, которое не является его биологическим отцом. В этих условиях тот факт, что британское право не позволяло специального юридического признания отношений, объединявших X и Z, не является неуважением к семейной жизни в том смысле, в каком данное понятие трактуется этим положением ЕКПЧ. Следовательно, Ст. 8 ЕКПЧ нарушена не была.

Идентификационный номер: ECH-1997-1-008

Дэвид Хорнсби и Ада Анна Хорнсби против Греции.

Ключевые слова для алфавитного указателя:

Администрация, невыполнение / Полезная сила / Действенная правовая охрана / Судебное решение, исполнение / Судебные решения, последствия.

Краткая аннотация:

Заявка греческой администрации с принятием мер, необходимых для приведения своих действий в соответствие с двумя постановлениями Государственного Совета, лишило "право на судебное разбирательство" своей полезной силы.

Сокращенное содержание:

Г-н Дэвид Хорнсби (David Hornsby) и г-жа Ада Анна Хорнсби (Ada Ann Hornsby) родились в Великобритании. Они проживают на острове Родос и оба являются дипломированными преподавателями английского языка.

5 июня 1984 г. вторая заявительница обратилась в соответствующую административную инстанцию с просьбой о выдаче лицензии на открытие частной школы по обучению иностранным языкам. На этот запрос ей сообщили, что по действующему греческому законодательству подобная лицензия не может быть выдана иностранным гражданам.

15 марта 1988 г. Суд Европейских сообществ объявил, что данное законодательство противоречит Договору об Европейском Экономическом Сообществе.

1 апреля 1988 г. заявители обратились с двумя новыми запросами, которые та же служба отвергла на тех же основаниях, что и в 1984 году. Заявители обратились тогда в Государственный Совет с двумя ходатайствами об отмене вышеуказанных решений. В своем постановлении от 9 мая 1989 г. Государственный Совет счел, что - согласно постановлению Европейского Суда - с 1 января 1981 г. нельзя препятствовать гражданам государств-членов Европейского сообщества в открытии частных школ иностранных языков в Греции на том основании, что они не являются греческими гражданами.

8 августа 1989 г. заявители предложили администрации поступить в соответствии с постановлением Государственного Совета и предоставить им требуемую лицензию, но их старания были напрасными. Несколько писем, направленных заявителями в Министерство образования Греции, остались без ответа.

10 августа 1994 г. президентским декретом гражданам Европейского сообщества было предоставлено право открывать частные школы иностранных языков при выполнении ряда условий. 20 октября 1994 г. Министерство образования попросило администрацию возобновить рассмотрение случая с заявителями в свете этого декрета.

Заявители утверждают, что отказ администрации привести свои действия в соответствие с постановлениями Государственного Совета игнорирует их право на действенную правовую охрану, имея при этом в виду оспаривание их прав гражданского характера.

Бесспорно, делопроизводство в Государственном Совете касалось прав гражданского характера заинтересованных лиц в смысле Ст. 6 ЕКПЧ. По мнению Суда, "право на судебное разбирательство", гарантируемое той же статьей, было бы иллюзорным, если бы внутренний правопорядок государства - участника Конвенции позволял, чтобы окончательное и обязательное к исполнению судебное решение оставалось бы бездейственным в ущерб одной из сторон. Действительно, непонятно, каким образом Ст. 6-1 ЕКПЧ может детально описывать процессуальные гарантии, предоставляемые сторонам, одновременно не защищая исполнения судебных решений; если эта статья должна рассматриваться, как касающаяся только доступности обращения к суду и хода судопроизводства, то это рисковало бы породить ситуации несовместимые с принципом первенства права, который государства - участники Конвенции обязались соблюдать, ратифицировав Конвенцию. Исполнение судебного решения или постановления, вынесенного любым судом, должно рассматриваться, как составляющая "судебного разбирательства" в том смысле, в каком это понятие трактуется Ст. 6 ЕКПЧ; Суд, кстати, на это уже указывал в случае с делами, касавшимися сроков судопроизводства.

Эти утверждения приобретают еще большее значение в контексте административного спора, в случае оспаривания, исход которого имеет определяющее значение для гражданских прав участника судебного разбирательства. Обращаясь с ходатайством об отмене уже принятого решения в высший административный судебный орган государства, участник судебного разбирательства намеревается не только добиться признания недействительным оспариваемый акт, но также, и прежде всего, снятия его правовых последствий. Так вот, действенная правовая охрана участника судебного разбирательства и восстановление законности предполагают обязанность администрации подчиниться решению или постановлению, вынесенному таким судебным органом. Суд напоминает по этому поводу, что администрация является составной частью правового государства, и что ее интересы составляют единое целое с интересами правомерного отправления правосудия. Если администрация отказывается подчиниться или бездействует, или же тянет с исполнением решения, то гарантии Ст. 6 ЕКПЧ, которой воспользовался участник судебного разбирательства на судебном этапе производства, потеряли бы всякий смысл своего существования.

Воздерживаясь в течение более пяти лет от принятия мер по приведению своей деятельности в соответствие с окончательным и обязательным для исполнения решением Государственного Совета, греческие власти лишили, в частности, положения Ст. 6-1 ЕКПЧ какой бы то ни было полезной силы.

Идентификационный номер: ECH-1997-1-007

Ключевые слова для алфавитного указателя:

ВИЧ-инфекция / Медицинские карты, изъятие / Данные, охрана.

Краткая аннотация:

Определения Суда, принуждающие врачей заявительницы к даче показаний и приобщение к следственному делу данных из ее медицинской карты в рамках уголовного производства, не нарушают права на уважение к частной и семейной жизни. Зато решение по истечении десяти лет сделать доступными для широкой публики данные медицинские сведения, в случае его приведения в исполнение, нарушило бы вышеуказанное право, так же как и опубликование постановления

Суда, разглашающее личность и состояние здоровья заявительницы.

Сокращенное содержание:

С декабря 1991 г. по сентябрь 1992 г. г-н X, бывший в момент событий супругом заявительницы Z, совершил ряд половых преступлений. После первого осуждения за изнасилование, он был обвинен в совершении попытки убийства на том основании, что он сознательно подвергал своих жертв риску заразиться от него ВИЧ-инфекцией. 19 марта 1992 г. он получил результаты анализа крови, свидетельствующего о том, что он ВИЧ-инфицирован. Г-жа Z также была заражена ВИЧ-инфекцией.

В ходе уголовного разбирательства против г-на X в суде Хельсинки несколько врачей и один психиатр, лечившие заявительницу, были вынуждены дать показания и придать публичности некоторые касающиеся ее сведения (лично заявительница отказалась от дачи показаний) с целью установления даты, когда г-н X узнал о своем заболевании или же когда у него появились причины для подозрения. Медицинская документация, относящаяся к г-ну X и г-же Z была изъята полицией и ее фотокопии приобщены к материалам по делу. Хотя разбирательство и проходило в закрытом судебном заседании, отчеты о нем появились в прессе.

19 мая 1993 г. суд г. Хельсинки осудил г-на X по трем пунктам статьи за попытку убийства и приговорил его к сроку поремного заключения. Значимые для дела правовые положения, резолютивная часть судебного решения и краткое изложение оснований, которыми руководствовался суд, были опубликованы. Суд распорядился о том, чтобы полный текст судебного постановления, а также судебное дело оставались конфиденциальными в течение десяти лет, несмотря на значительно более долгий срок неразглашения, запрошенный г-ном X и его жертвами.

Прокуратура, г-н X и потерпевшие подали апелляционную жалобу и потребовали, чтобы материалы разбирательства сохраняли конфиденциальный характер в течение более десяти лет.

10 декабря 1993 г. Апелляционный суд подтвердил осуждение г-на X по трем пунктам статьи за попытку убийства и, кроме того, осудил его еще по двум другим пунктам обвинения такого же характера, увеличив тем самым общий срок лишения свободы. Судебное постановление с полным указанием фамилий г-жи Z и г-на X и изложением подробностей, касающихся обстоятельств их заражения ВИЧ-инфекцией, было передано прессе. Суд апелляционной инстанции не продлил срока конфиденциальности, установленного судом первой инстанции.

1 сентября 1995 г. Верховный суд отклонил ходатайство заявительницы с просьбой об отмене или признании недействительным постановления Апелляционного суда, касающегося десятилетнего срока конфиденциальности. Таким образом, материалы дела должны стать доступны широкой публике с 2002 года.

Заявительница утверждала, что стала жертвой нарушения Ст. Ст. 8 и 13 ЕКПЧ.

По мнению Суда, не было установлено наличие утечки врачебной информации конфиденциального характера, касающейся заявительницы, утечки, в которой можно было бы обвинить государство-ответчик по Ст. 8 ЕКПЧ. Суд также не считал себя достаточно компетентным для рассмотрения утверждения заявительницы, согласно которому она была подвергнута дискриминирующему обращению.

Обнаружив, что различные вменяемые в вину меры представляли собой нарушение права заявительницы на уважение к ее личной и семейной жизни, Суд рассмотрел вопрос о соответствии этого вмешательства положениям Конвенции.

Нет сведений, позволяющих полагать, что принятые меры не соответствовали внутреннему праву или что применение значимого для дела законодательства было недостаточно предсказуемо. Далее, определения суда с вызовом лечащих врачей заявительницы для дачи показаний, и изъятие медицинской документации с ее последующим приобщением к следственному делу соответствовали достижению законной цели "предупреждения уголовных преступлений" и "защиты прав и свобод другого лица", а также соответствовали критерию "необходимости в демократическом обществе" (Суд пришел к выводу о ненарушении 8 голосами против 1).

Суд принял во внимание основополагающую роль защиты данных личного характера - а медицинские сведения, как известно, играют здесь не последнюю роль - в осуществлении права на уважение к личной и семейной жизни. Эти соображения приобретают особую важность при защите конфиденциального характера сведений о заражении ВИЧ-инфекцией, разглашение которых совместимо со Ст. 8 ЕКПЧ лишь только в том случае, если оно направлено на защиту первостепенных аспектов, имеющих общественный интерес. Любые меры, принятые государством с целью принуждения к сообщению или разглашению подобных сведений без согласия на то заинтересованного лица, требовало самого пристального рассмотрения со стороны Суда, который должен был с такой же тщательностью оценить гарантии, направленные на обеспечение действенной охраны. Одновременно, Суду не дано право навязывать национальным властям свою точку зрения при определении значимости для дела различных доказательств, использованных в ходе судопроизводства. Суд также признал, что следовало предоставить компетентным национальным властям некоторую свободу действий при установлении справедливого равновесия между соблюдением открытости производства в суде и защитой интересов той или иной стороны, желающей, чтобы такие данные оставались конфиденциальными.

Что касается десятилетнего срока конфиденциальности, то по этому вопросу Суд единогласно пришел к заключению, что решение сделать эти документы доступными широкой публике с 2002 года, в случае его приведения в исполнение, представляет неадекватное вмешательство в право заявительницы на уважение к ее личной и семейной жизни и игнорирует Ст. 8 ЕКПЧ. Далее, Суд единогласно вынес решение, согласно которому разглашение личности заявительницы и ее ВИЧ-инфицированности в тексте постановления Апелляционного суда, а также опубликование этих сведений, ущемляют право, гарантируемое Ст. 8 ЕКПЧ.

Идентификационный номер: ECH-1997-1-006

Ключевые слова для алфавитного указателя:

Социальное обеспечение, взносы / Взносы, освобождение от уплаты / Пол, биологическое различие.

Краткая аннотация:

Освобождение от обязанности делать выплаты в кассу социального обеспечения, предоставленное незамужним женщинам 45 лет и старше, но не мужчинам, находящимся в таком же положении, является нарушением Ст. 14 ЕКПЧ, взятой в совокупности со Ст. 1 Протокола 1 ЕКПЧ.

Сокращенное содержание:

Заявитель, гражданин Голландии 1924 года рождения, никогда не был женат и детей не имеет. 30 сентября 1987 г. государственная казна направила ему извещение о наступлении срока внесения взносов, обязательных к выплате по различным категориям социального обеспечения и, в частности, по категории, установленной в силу общего закона о семейных пособиях. Заявитель обратился с протестом к инспектору по прямому налогообложению. Он утверждал, что - поскольку общий закон о семейных пособиях освобождает от обязанности вносить взносы по категории, установленной этим законом, незамужних женщин 45 лет и старше, но не мужчин, отвечающих тем же критериям, - полученное им извещение рассматривается как дискриминационное обращение. Протест был отвергнут 25 ноября 1987 года. Обжалование заявителем этого решения было также отвергнуто 6 октября 1989 г., так как Апелляционный суд г. Амстердам считал, что обсуждаемая разница в обращении основывалась не на различии пола, а на биологических отличиях между мужчиной и женщиной, достигших возраста 45 лет и более по отношению к их способности давать потомство. Обжалование, представленное на рассмотрение Кассационного суда, было отвергнуто 11 декабря 1991 года.

Суд напомнил, что Ст. 14 ЕКПЧ не несет в себе отдельных требований, а дополняет другие нормативные положения Европейской Конвенции и ее Протоколов. В частности, Суд решил, что данное дело касается права государства "обеспечивать поступления налогов или же других сборов" в смысле Ст. 1 Протокола 1 ЕКПЧ, и

что, следовательно, Ст. 14 ЕКПЧ подлежала применению.

Суд рассмотрел вопрос о том, имело ли место различие в обращении с лицами, поставленными в аналогичные ситуации. Суд ответил на него положительно и констатировал, что данное различие основывалось на разнице в поле. Признавая определенный предел усмотрения, которым пользуются государства при введении освобождений, позволяющих уйти от обязательного внесения взносов по различным категориям социального обеспечения, Суд счел, что предоставление подобных льгот должно применяться в одинаковой мере к мужчинам и к женщинам, за исключением тех случаев, когда существуют веские причины, оправдывающие разницу в обращении. В данном случае, Суд не был убежден в существовании таких причин. Есть женщины 45 лет и старше, способные рожать детей, могут существовать и мужчины 45 лет и моложе, уже неспособные к продолжению рода. Точно также, вполне можно представить себе ситуацию, когда незамужняя бездетная женщина 45 лет и старше начинает соответствовать условиям получения пособия по вышеуказанному закону, например, выйдя замуж за мужчину, имеющего детей от предыдущего брака. И, наконец, довод, согласно которому требование выплаты взносов в кассу семейных пособий несло бы в себе несправедливую эмоциональную нагрузку для незамужней бездетной женщины, в равной мере применим и к бездетным холостым мужчинам или же к бездетным супругам. Следовательно, вне зависимости от ответа на вопрос о том, может ли желание со вниманием отнестись к чувствам бездетных женщин определенного возраста рассматриваться как законная цель, подобная задача не могла бы оправдать оспариваемую разницу обращения с лицом в зависимости от его пола. Таким образом, имело место нарушение Ст. 14 ЕКПЧ, взятой в совокупности со Ст. 1 Протокола 1 ЕКПЧ.

Кроме того, суд отметил, что констатация нарушения Ст. 14 ЕКПЧ, взятой в совокупности со Ст. 1 Протокола 1 ЕКПЧ, не придает обратной силы освобождению заявителя от обязанности платить взносы. Суд счел также, что его постановление само по себе представляет достаточно справедливое удовлетворение возможно нанесенного морального ущерба. Зато он полностью принял к рассмотрению заявление о возмещении его судебных расходов, поданное заинтересованным лицом.

Идентификационный номер: ECH-1997-1-005

Колин Ласкэй, Роланд Йаггерд и Антони Броун против Великобритании.

Ключевые слова для алфавитного указателя:

Государственное вмешательство, необходимость / Садомазохизм, занятие / Потерпевший, согласие.

Краткая аннотация:

Привлечение к ответственности и осуждение членов группы садомазохистов за занятия садомазохизмом не нарушают права на уважение к личной жизни.

Сокращенное содержание:

Заявители, господа Колин Ласкэй (Colin Laskey), Роланд Йаггерд (Roland Jaggard) и Антони Броун (Anthony Brown), были членами группы гомосексуалистов, практиковавших садомазохизм в его крайних формах. Занятия проходили с полного согласия заинтересованных лиц в приватной обстановке с участием совершеннолетних мужчин. Болевые ощущения причинялись с соблюдением определенных правил и не приводили ни к каким телесным повреждениям или же постоянно заражению. Некоторые видеокассеты, предназначенные для личного пользования членов группы, оказались в руках полиции, и заявителем было представлено обвинение в совершении ряда преступных деяний, таких как, в частности, посягательство на физическую неприкосновенность личности и причинение травм, несовместимых со Ст. Ст. 47 и 20 закона 1861 года о преступлениях против личности.

По словам заявителей, согласие предполагаемых "потерпевших" является аргументом защиты, но 19 ноября 1990 г. судья, рассматривающий дело по существу, счел, что это не так. В дальнейшем, они признали себя виновными и были приговорены за нарушение вышеперечисленных положений к различным срокам тюремного заключения. 19 февраля 1992 г. Апелляционный суд отклонил обжалование обвинительного приговора, но сроки лишения свободы сократил. 11 марта 1993 г. Палата Лордов отвергла, со своей стороны, обжалование (двое из пяти Лордов Законодателей были несогласны с таким решением), сочтя, что, в общем и целом, согласие "потерпевшего" не является аргументом защиты от обвинений, предъявленных по закону 1861 г., и что было бы не в интересах общества делать исключение из этого принципа для покрытия занятий садомазохизмом. Пресса ухватила за это дело и, как следствие, все заявители потеряли работу, а г-н Йаггерд был подвергнут длительному психиатрическому лечению.

Заявители утверждали, что их преследование и осуждение за нанесение телесных повреждений в ходе занятий садомазохизмом совершеннолетних лиц, давших на то добровольное согласие, нарушили Ст. 8 ЕПЧ.

В суде не оспаривалось, что привлечение заявителей к уголовной ответственности является "вмешательством государственной власти" в право на уважение к их личной жизни, что это вмешательство было "предусмотрено законом" и что оно преследовало "законную цель", а именно "охрану здоровья и морали". Следовательно, единственный пункт, по которому предстояло принять решение, состоял в ответе на вопрос, было ли такое вмешательство "необходимым в демократическом обществе".

Суд подчеркнул, что государство, бесспорно, вправе регулировать через уголовное право разного рода занятия, приносящие ущерб здоровью. Определение терпимого уровня ущерба в случае добровольного согласия потерпевшего принадлежит прежде всего государственным властям. Суд счел неубедительным тезисом о том, что поведение заявителей относилось исключительно к области личной, частной морали и выходило поэтому за пределы действия государства. Из неоспоримых фактов вытекает, что занятия заявителей вызвали причинение телесных повреждений определенной тяжести. Кроме того, государственные власти были вправе также принять во внимание потенциальный ущерб, присущий такого рода занятиям.

Следовательно, причины, выдвинутые британскими властями для оправдания их вмешательства были значимы и достаточны. Что же касается вопроса соразмерности вмешательства, то, принимая во внимание групповой характер вышеуказанных занятий, незначительное количество обвинений, представленных в ходе привлечения к ответственности, и сокращение сроков лишения свободы в апелляционной инстанции, вмешательство государства не может рассматриваться, как соразмерное совершенным деяниям.

Идентификационный номер: ECH-1997-1-004

Бушелькиа пртив Франции.

Ключевые слова для алфавитного указателя:

Высылка (выдворение) правонарушителя.

Краткая аннотация:

Не ущемляет право на уважение к личной и семейной жизни высылка после осуждения по уголовному делу об изнасиловании алжирца, прибывшего во Францию в возрасте двух лет, мать которого и девять братьев постоянно проживают во Франции, и который, тайно вернувшись во Францию, признал ребенка от француженки и женился на ней.

Сокращенное содержание:

Заявитель прибыл во Францию в 1972 году. В возрасте 17 лет он был обвинен в изнасиловании. Будучи заключен в тюрьму, он оттуда бежал, за что получил дополнительный срок в четыре месяца лишения свободы. 31 мая 1988 г. суд присяжных по делам несовершеннолетних г. Кольмара приговорил его к пятилетнему сроку поремного заключения. Он вышел на свободу 2 мая 1990 г. на основании президентского декрета о помиловании. 11 июня 1990 г. Министр внутренних дел Франции, действуя на основании статьи 26 измененного ордонанса (*нормативного акта, издаваемого французским правительством и имеющего силу закона* - Д.М.) от 2 ноября 1945 г. об условиях въезда и нахождения иностранцев на территории Франции, принял в абсолютно неотложном порядке постановление по его поводу. Г-н Бушелькиа (M. Bouchelkia) был выдворен из Франции 9 июля 1990 г. Он обратился в административный суд г. Страсбурга с обжалованием постановления, требуя отсрочки его исполнения с последующей отменой. В чем ему было отказано рядом судебных решений, подтвержденных в апелляционном порядке Государственным Советом Франции.

В 1992 г. он тайно возвращается во Францию. 3 декабря 1993 г. он признал дочку, родившуюся 22 февраля 1993 г. от матери - гражданки Франции, - с которой он встречался с 1986 г. и на которой женился 29 марта 1996 года. В апреле 1993 г. он был приговорен исправительным судом (*рассматривающий дела об уголовных преступлениях* - Д.М.) г. Кольмара к пяти месяцам тюремного заключения с последующим запрещением находиться на территории Франции в течение трех лет. Срок лишения свободы был подтвержден Апелляционным судом г. Кольмара, снявшим запрет на въезд во Францию. 20 декабря 1996 года исправительный суд г. Страсбурга объявил его виновным в проступке, состоявшем в его отказе покинуть территорию Франции, отсрочив одновременно решение, касавшееся срока лишения свободы, в ожидании постановления Европейского суда по правам человека.

Суд констатирует, что постановление о высылке было вынесено 11 июня 1990 г. и исполнено 9 июля того же года. Именно начиная с этой даты нужно вести отсчет времени при рассмотрении вопроса о том, имел ли заявитель личную и семейную жизнь в смысле Ст. 8 ЕКПЧ.

Г-н Бушелькиа был тогда холост и детей не имел, так как семьей обзавелся лишь после вынесения постановления о его выдворении из Франции. В то время он проживал в родной семье и с двухлетнего возраста находился на территории Франции, где он имел большую часть своих личных и семейных связей. Суд не сомневается в том, что высылка заявителя в 1990 г. расценивается, как посягательство на право последнего на уважение к его личной и семейной жизни.

Следуя своей судебной практике, Суд попытался определить, было ли данное выдворение "предусмотрено законом", направленным на достижение одной или нескольких законных целей, перечисляемых в Ст. 8-2 ЕКПЧ, и было ли оно "необходимо в демократическом обществе" для достижения этой или этих целей. Касательно первого пункта, Суд отметил, что не оспаривалось обоснование постановления о высылке статьей 26 измененного ордонанса от 2 ноября 1945 г. По второму пункту он констатировал, что вышеуказанное вмешательство преследовало задачи, вполне совместимые с Европейской Конвенцией: "защита порядка" и "предотвращение уголовных преступлений". Касательно последнего пункта, Суд напомнил, что на государствах - участниках Конвенции лежит обязанность обеспечивать общественный порядок и, в частности, в отношении права контроля за въездом и пребыванием неграждан на территории страны. На этих основаниях государства вправе высылать преступников, не являющихся их гражданами. Суд отметил также, что г-н Бушелькиа, двадцати лет, бездетный и холостой на момент приведения в исполнение постановления о его выдворении, поддерживал во время событий связи со страной, откуда был родом, гражданство которой имел и где проживали тогда некоторые из его близких родственников. Кроме того, Суд придал большое значение характеру правонарушения, на основании которого было вынесено постановление о высылке. Государственные власти могли законно полагать, что высылка заявителя была в то время необходима для обеспечения общественного порядка и предупреждения уголовных преступлений. Развитие новой семейной жизни заявителя, когда он находился во Франции на незаконных основаниях после вынесения постановления о его выдворении, задним числом, - а *posteriori* - не позволяет полагать, что решение о высылке и его приведение в исполнение в 1990 г. не были обязательными. Суд пришел к выводу, что решение о выдворении заявителя не было несоразмерно преследуемым законным целям и что, следовательно, нарушения Ст. 8 ЕКПЧ также не было.

Идентификационный номер: ECH-1997-1-003

Ахмед против Австрии.

Ключевые слова для алфавитного указателя:

Высылка правонарушителя.

Краткая аннотация:

Решение о высылке сомалийца, приговоренного в уголовном порядке, нарушило бы, в случае его принятия к исполнению, абсолютное запрещение пытки, а также бесчеловечного и унижающего обращения.

Сокращенное содержание:

Заявитель, гражданин Сомали, прибыл в Австрию 30 октября 1990 года. 15 мая 1992 г. ему был предоставлен статус беженца на том основании, что - в случае возвращения заинтересованного лица в Сомали - он рисковал подвергнуться там преследованиям за свою деятельность в составе оппозиционной группы и по причине общей обстановки у себя в стране. После того как он был приговорен к двум с половиной годам тюремного заключения за попытку кражи, Федеральная служба по делам беженцев г. Грац (Graz) вынесла решение о лишении заявителя статуса беженца. Министерство внутренних дел отвергло обжалование последнего, но решение министерства было отменено Административным судом. Новым решением министра, вынесенным 1 апреля 1995 г. и подтвержденным Административным судом, г-н Ахмед был лишен статуса беженца. 27 апреля 1995 г. Федеральная служба по делам беженцев г. Грац расценила как законное решение о готовящейся высылке г-на Ахмеда на том основании, что он представлял опасность для общества. По ходатайству заинтересованного лица Управление федеральной полиции г. Грац констатировало, что в Сомали г-н Ахмед подвергся бы риску стать предметом преследований. В результате, 22 ноября 1995 г. оно ему предоставило отсрочку в исполнении решения о высылке сроком на один год с возможностью продления отсрочки.

Суд напомнил, что государства - участники Конвенции имеют право контролировать въезд, пребывание и выезд лиц, не являющихся их гражданами. Тем не менее, высылка иностранца государством - участником Конвенции может, в свете Ст. 3 ЕКПЧ, поставить вопрос о наличии серьезных и проверенных оснований считать, что заинтересованное лицо, будучи высланным в страну назначения, реально рискует подвергнуться там обращению, противоречащему Ст. 3 ЕКПЧ. Кроме того, Суд напомнил абсолютное запрещение Ст. 3 ЕКПЧ пыток, а также бесчеловечных и унижающих человеческое достоинство наказаний и обращения, каковыми бы ни были деяния, совершенные потерпевшим. Данная статья не содержит никаких оговорок.

Суд придал большое значение тому факту, что 15 мая 1992 г. Министр внутренних дел Австрии предоставил заявителю статус беженца. Если два года спустя заявитель потерял свой статус беженца, то это произошло исключительно из-за его осуждения по уголовному делу - и без принятия в расчет последствий высылки для заинтересованного лица.

В случае высылки, которая еще не произошла, Суд оценивает возможный риск в ходе рассмотрения дела. Никто не оспаривает тот факт, что с 1992 г. обстановка в Сомали не изменилась. Суд пришел к выводу, что г-н Ахмед не мог вернуться в Сомали, не подвергнув себя обращению, противоречащему требованиям Ст. 3 ЕКПЧ. Этот вывод остается в силе, несмотря на осуждение по уголовному делу заявителя и на отсутствие в настоящий момент государственной власти в Сомали. Следовательно, если бы решение о высылке было принято к исполнению, то оно нарушило бы Ст. 3 ЕКПЧ.

Идентификационный номер: ECH-1997-1-002

Ключевые слова для алфавитного указателя:

Факты, рассмотрение судьей / Судья, компетентность, самоограничение.

Краткая аннотация:

Отказ кантонального судьи лично изучить материалы, имевшие первостепенное значение для разрешения спора, представленного на его рассмотрение, является нарушением права на справедливое судебное разбирательство.

Сокращенное содержание:

Уровень земельного участка в коммуне Мааслуис (Maassluis), на территории которого общество-заявитель располагает зданиями, был приподнят донным грунтом, завезенным из амстердамского порта. В результате инспекционных проверок, производившихся в 1985 и 1990 годах, было сделано заключение о загрязненности участка. Как следствие, правительство южной провинции Голландии решило, что почва должна быть подвергнута очистке, проинформировав об этом жителей затронутой зоны и коммуну Мааслуис.

17 апреля 1991 г. комиссия по вопросам квартплаты г. Шедам (Schiedam) после обращения в нее квартиранта, снимающего жилплощадь у общества-заявителя, вынесла решение, согласно которому квартплата, требуемая за квартиру истца, была слишком высокой.

Общество-заявитель обратилось к кантональному судье с просьбой подтвердить изначально оговоренную квартплату. Основываясь на выкладках правительства провинции, судья счел уровень загрязнения почвы столь высоким, что он представлял серьезную опасность для здоровья общества и для окружающей среды в том смысле, в каком эти понятия трактуются во втором предложении Ст. 2-1 закона о временных положениях об очистке почвы. Следовательно, судья решил, что квартплата должна быть установлена на минимальном уровне, так как "условия абсолютного нуля", определенные в законе о квартплате, были выполнены. Он рассматривал этот факт как уже установленный решением правительства провинции о проведении работ по очистке почвы и отказался высказываться прямо или косвенно по поводу обоснованности этого решения.

Общество-заявитель пожаловалось на то, что у нее не было возможности обратиться в суд, имеющий соответствующую компетенцию, чтобы высказаться о фактическом положении с загрязненностью почвы, ссылаясь при этом на Ст. 6-1 ЕКПЧ.

Суд напомнил о своей судебной практике: чтобы "суд" мог разрешить спор о правах и обязанностях гражданского характера в соответствии со Ст. 6-1 ЕКПЧ, ему необходимо иметь соответствующую компетенцию для изучения фактических и правовых вопросов значимых для спора, переданного ему на рассмотрение.

В решении, вынесенном им по данному вопросу, кантональный судья г. Шедам счел, что существование серьезного риска для здоровья жителей и окружающей среды был "установлен" с момента принятия местной исполнительной властью решения о проведении очистных работ в этой зоне, и сам он лично не определял значимость степени загрязнения почвы для спора, для разрешения которого он был призван. Тем самым, вышеуказанный судейский работник сам себя лишил соответствующей компетентности, позволявшей ему изучить факты, имевшие первостепенное значение для разрешения спора.

В подобных обстоятельствах нельзя считать, что общество-заявитель может рассматриваться, как имевшее возможность обратиться в суд, наделенный достаточной компетенцией для вынесения решений по делу, переданному на его рассмотрение. Исходя из этого, Суд пришел к выводу о том, что имело место нарушение Ст. 6-1 ЕКПЧ.

Идентификационный номер: ECH-1997-1-001

Саундерс против Великобритании.

Ключевые слова для алфавитного указателя:

Право на отказ свидетельствовать против самого себя / Показания, данные под принуждением, использование.

Краткая аннотация:

Использование обвинением в ходе судебного процесса по делу заявителя показаний, данных заинтересованным лицом под принуждением закона в рамках следствия, проводимого в соответствии с законом независимыми инспекторами, ущемляет право на отказ свидетельствовать против самого себя и, следовательно, право на справедливое судебное разбирательство.

Сокращенное содержание

Заявитель был Президентом-Генеральным Директором фирмы Гинесс ПЛС (Guinness PLC) в тот момент, когда в апреле 1986 г. его фирма скупила фирму Дистиллерз ПЛС (Distillers PLC) в декабре 1986 г. инспектора, назначенные Министерством Торговли и Промышленности, начали следствие на основании утверждений, согласно которым фирма Гинесс якобы в ходе биржевой операции искусственно удерживала или раздула цену своих акций с помощью незаконных действий по поддержанию их котировок на бирже.

Инспектора провели девять встреч с заявителем. Сопровождаемый каждый раз своими советниками, он был обязан по закону отвечать на вопросы. В противном случае, суд мог приговорить его за пренебрежительное отношение к правосудию к штрафу или же к сроку тюремного заключения до двух лет. Инспектора передали протоколы и другие документы, полученные в ходе этих встреч, в прокуратуру, а затем и в полицию. Заявитель был впоследствии обвинен по 15 пунктам. Его дело рассматривалось в британском суде присяжных (Crown Court) в апреле 1989 года. Обвиняющая сторона попыталась добиться его осуждения, используя протоколы показаний, данных инспекторам. В течение трех дней обвинение зачитывало жюри протоколы встреч.

В августе 1990 г. британский суд присяжных признал заявителя виновным по 12 пунктам обвинения и приговорил его к пяти годам тюремного заключения. В мае 1991 г. Апелляционный суд отверг обжалование в апелляционном порядке по всем пунктам обвинения за исключением одного, сократив срок до двух с половиной лет. В июле 1991 г. Палата Лордов отказала заявителю в разрешении подать обжалование в кассационном порядке.

22 декабря 1994 г., в связи с обнаружением новых обстоятельств по делу заявителя, министр решил снова направить его на рассмотрение в Апелляционный суд. 27 ноября 1995 г. последний снова, в свою очередь, отклонил новое апелляционное обжалование.

Г-н Саундерс (Saunders) утверждал, что использование в ходе судебного разбирательства его дела протоколов нарушило Ст. 6-1 ЕКПЧ.

Суд отметил, прежде всего, что в его обязанности не входит оценка административного расследования, проведенного инспекторами, которое ни при каких обстоятельствах не подпадает под гарантии судебного разбирательства, изложенные в Ст. 6-1 ЕКПЧ.

Далее Суд подчеркнул, что право не способствовать своему собственному осуждению и право на молчание являются общепринятыми международными нормами, составляющими сердцевину понятия справедливого судебного разбирательства, учреждаемого Ст. 6 ЕКПЧ. Тесно связанное с принципом презумпции невиновности, гарантированным Ст. 6-2 ЕКПЧ, право на отказ свидетельствовать против самого себя направлено, прежде всего, на обеспечение уважительного отношения к решимости обвиняемого сохранять молчание. Оно не запрещает использовать при разбирательстве уголовного дела сведения, которые можно получить от обвиняемого, прибегая к принудительным полномочиям, существующим независимо от воли подозреваемого, например, путем анализов его крови, мочи или выдыхаемого им воздуха.

По мнению Суда, ответ на вопрос, стал ли заявитель - в свете обстоятельств дела - жертвой неоправданного посягательства на его право не способствовать своему собственному осуждению, зависит от того, каким образом в ходе судебного разбирательства обвинение использовало показания, полученные инспекторами под угрозой применения санкций. Значения не имеет, приобрели или нет впоследствии эти показания обвинительный характер. Вполне разумно, что право на отказ свидетельствовать против себя самого не может быть ограничено признанием противоправных действий или же замечаниями, прямо направленными против обвиняемого, так как даже нейтральные показания могут быть использованы в поддержку версии обвинения.

Что касается использования показаний заявителя, то по мнению Суда, обвинение воспользовалось ими с обвинительным уклоном с целью поставить под сомнение честность г-на Саундерса и доказать его причастность к незаконной операции по поддержке котировок акций. Суд отметил, что в течение трех дней и, несмотря на возражения заявителя, адвокат обвинения зачитывал перед жюри отрывки из протокола ответов, данных им инспекторам. Следовательно, в данном случае имело место посягательство на право не свидетельствовать против самого себя, и заинтересованность общества в борьбе против мошенничества не может быть упомянута для оправдания использования ответов, полученных силой в рамках внесудебного расследования, для осуждения заявителя в ходе судебного процесса над ним.

Идентификационный номер: ECH-1996-3-016

Дуэиду против Турции

Ключевые слова для алфавитного указателя:

Государство, международный суд (международный судебный орган) / Недвижимое имущество, отказ в доступе / Вооруженное вмешательство.

Краткая аннотация:

Запрещение заявителю иметь доступ к ее имуществу, расположенному в северной части Кипра, в результате чего она потеряла возможность распоряжаться вышеуказанным имуществом, вменяется в вину Турции, что влечет нарушение права заинтересованного лица на уважение к его имуществу. Понятие жилища, фигурирующее в Ст. 8 ЕКПЧ, не столь широко, чтобы распространяться на земельный участок, предназначенный под жилую застройку.

Сокращенное содержание

Заявительница является киприоткой. Она выросла в Киренее (Куреніа), в северной части Кипра, где владела несколькими земельными участками. В 1972г. она вышла замуж и переехала жить в Никосию вместе со своим мужем. По ее словам, присутствие на Кипре турецких войск препятствует с 1974г. ее доступу к ее имуществу.

Турецкое правительство утверждает, в частности, что собственность заявителю подлежала необратимой экспроприации во исполнение Ст. 159 Конституции от 7 мая 1985 года "Турецкой Республики Северного Кипра" (далее - ТРСК) еще до принятия декларации от 22 января 1990г., по которой Турция признала обязательность для себя юрисдикции Суда. Из практики международных отношений и резолюций различных международных организаций вытекает, что международное сообщество не рассматривает ТРСК в качестве государства с точки зрения международного права, и что Республика Кипр остается единственным законным правительством на Кипре. Суд не может придать юридической действительности, применительно к целям Конвенции, таким положениям как Ст. 159 Конституции "ТРСК", и заявителю не может рассматриваться как лицо, утратившее права на свое имущество во исполнение этой статьи.

Основываясь на Ст. 1 Протокола 1 ЕКПЧ, Суд отмечает, что понятие "юрисдикции" в том смысле, в каком оно трактуется Конвенцией, не ограничивается национальной территорией. В частности, государство участник Конвенции может быть привлечено к ответственности в том случае, если в результате вооруженной интервенции оно на практике осуществляет контроль над зоной, расположенной вне своей национальной территории. Многие военнослужащие, задействованные в выполнении активных задач на севере Кипра, свидетельствуют, что на практике турецкая армия полностью контролирует эту зону. Принимая во внимание обстоятельства дела, этот контроль влечет ответственность Турции за политику и действия "ТРСК". Из этого следует, что отказ в допуске заявителю к ее имуществу, расположенному на севере Кипра, относится к "юрисдикции" Турции в смысле Ст. 1 ЕКПЧ, и, следовательно, вменяется в вину Турции.

Заявительница, оставшись законной собственницей имущества, утратила с 1974г. фактическое распоряжение им, а также возможность им пользоваться и распоряжаться с целью извлечения выгоды. Постоянный отказ в доступе является вмешательством в право, гарантированное Ст. 1 Протокола 1 ЕКПЧ. Кроме ссылки на рассуждения о необходимости для оправдания действий "ТРСК" и того факта, что по правам собственности проводились переговоры между двумя общинами острова, турецкое правительство не пытается выдвинуть других доводов, оправдывающих вышеуказанное вмешательство в права собственности заявителю. Оно не объясняет, каким образом необходимость нахождения нового места жительства для беженцев киприотов-турков, перемещенных в годы, последовавшие за турецкой интервенцией на остров в 1974г., оправдывает полное отрицание прав собственности заявителю через абсолютный и постоянный отказ доступа и так называемую экспроприацию без возмещения ущерба. То обстоятельство, что права собственности обсуждались на переговорах между двумя общинами Кипра, также не может оправдать возникшую ситуацию с точки зрения Конвенции. Исходя из этого, Суд пришел к выводу, что имело и продолжает иметь место нарушение Ст. 1 Протокола 1 ЕКПЧ.

Основываясь на Ст. 8 ЕКПЧ, Суд отмечает, что у заявителю не было жилища на данных земельных участках. Было бы насильственным по отношению к понятию жилища в смысле Ст. 8 ЕКПЧ пытаться распространить его на земельный участок, предназначенный под жилую застройку. А равно этот термин не может быть применен для обозначения области государства, где лицо выросло, и где его семья имеет свои корни, но где оно больше не проживает. Суд констатирует, что нарушения права на уважение жилища не было.

Идентификационный номер: ECH-1996-3-015

Карамжит Сингх Шахал против Великобритании.

Ключевые слова для алфавитного указателя:

Высылка / Нахождение под стражей, в ожидании высылки / Национальная безопасность / Терроризм.

Краткая аннотация:

Постановление о высылке в Индию сикхского сепаратиста из соображений национальной безопасности нарушило бы, в случае его приведения в исполнение, полное запрещение пытки, а также бесчеловечного и унижающего человеческого достоинства обращения. В данном случае, шестилетнее нахождение под стражей заявителя в ожидании высылки не было отмечено произволом. Отсутствие адекватного судебного контроля.

Сокращенное содержание

Заявители, Каранжит Сингх Шахал (Karanjit Singh Chahal) его супруга, граждане Индии, вместе со своими детьми, британскими подданными, все по происхождению сикхи. Первый из заявителей незаконно проник на территорию Великобритании в 1971 г. В 1974 г. ему был предоставлен вид на жительство на неограниченный срок, выданный в рамках амнистии, предоставленной подпольным иммигрантам. Вторая заявительница обосновалась в Великобритании в 1975 году; там же и родились ее дети,

В 1984 г. г-н Шахал побывал в Пенджабе. По этому случаю, он начал следовать предписаниям сикхского вероучения и принял участие в организации пассивного сопротивления в защиту создания независимой сикхской территории. Он был арестован, содержался под стражей в течение 21 дня и был подвергнут пыткам пенджабской полицией. По возвращению в Великобританию г-н Шахал стал видным деятелем в сикхской общине Великобритании. Дважды он привлекался к суду за драки и насильственные действия в результате беспорядков, возникавших в сикхских храмах, но в первый раз Апелляционный суд отменил приговор, а во второй он был оправдан. За ним неизвестны другие случаи осуждения по уголовным делам.

14 августа 1990 г. Министр внутренних дел принял решение о выдворении первого заявителя за пределы Великобритании из соображений национальной безопасности и международной борьбы с терроризмом. Утверждалось, в частности, что г-н Шахал был замешан в снабжении пенджабских террористов, что он организовал и руководил террористическими покушениями в Индии, Великобритании и в других местах. Заявитель категорически опроверг эти заявления. 16 августа 1990 г. он был препровожден в тюрьму Бедфорд (Bedford), где он продолжает содержаться под стражей. Его просьба о предоставлении ему политического убежища, в которой он утверждал, что станет жертвой пыток и преследований в случае его высылки в Индию, была отвергнута Министром внутренних дел Великобритании 27 марта 1991 г.

Заинтересованному лицу не было предоставлено никакого права на обжалование принятого решения в независимом суде в связи с тем, сто дело относилось к вопросам национальной безопасности. И все же, консультативный комитет, состоящий из одного судьи Апелляционного суда -судьи Ллойда (Lloyd), и одного бывшего председателя комиссии по вопросам обжалования решений, вынесенных в области иммиграционной политики, рассмотрел дело 10 июля 1991 г. Заявитель не был информирован о материалах, на которых основывались утверждения Министра внутренних дел, направленные против него, ему не было разрешено быть представленным адвокатом, и не было сообщено мнение, переданное комитетом министру. Кстати, последнему даже не было обязательно следовать этому мнению.

25 июля 1991 г. Министр внутренних дел подписал постановление о высылке. Судебная проверка решения об отказе в предоставлении убежища, о котором просил заявитель, привела к отмене решения по причине недостаточной мотивации. Июня 1992 г. Министр внутренних дел принял новое решение об отказе в предоставлении убежища. 22 октября 1993 г., будучи не в силах определить, имело ли решение министра иррациональный или самоуправный характер, и, принимая во внимание невозможность изучить доказательства, относящиеся к вопросу о национальной безопасности, Апелляционный суд отверг жалобу заявителя. В марте 1994 г. Палата Лордов отказала заинтересованному лицу в разрешении подать кассационную жалобу.

Суд напоминает свою постоянную судебную практику, согласно которой высылка может повлечь ответственность государства по Ст. 3 ЕКПЧ при наличии серьезных и проверенных оснований полагать, что заинтересованное лицо - в случае его высылки в страну назначения - там реально рискует подвергнуться пыткам и другому бесчеловечному и унижающему человеческое достоинство обращению. Суд осознает огромные трудности, с которыми сталкиваются государства при защите своего населения от актов терроризма. И все же, принимая во внимание все эти факторы, Конвенция запрещает в категорической форме пытку, а также наказания и обращение, носящие бесчеловечный и унижающий человеческое достоинство характер, каковы бы ни были деяния рассматриваемого лица.

Суд принял доказательства, подтвержденные сведениями из нескольких источников (в частности, из докладов Амнести Интернешнл, Госдепартамента США и Индийской национальной комиссии по правам человека), свидетельствующих о том что, по меньшей мере, до середины 1994 г. сотрудники пенджабской полиции действовали, не заботясь о правах сикхов, заподозренных в политической деятельности, и были способны преследовать разыскиваемых лиц в районах Индии, иных нежели штат Пенджаб. Продолжают регистрироваться жалобы на пенджабскую полицию и никаких конкретных доказательств реформирования или же глубокой реорганизации этого корпуса представлено не было. Суд придает также значение тому факту, что по поводу полицейских сил других индийских штатов делаются утверждения, свидетельствующие о серьезных нарушениях прав человека. В этих условиях заверения, предоставленные правительством Индии, согласно которому г-н Шахал не имеет причин опасаться какого бы то ни было плохого обращения со стороны властей Индии, не являются достаточной гарантией безопасности заявителя. Заключение Суда: постановление о высылке в Индию, в случае его приведения в исполнение, повлекло бы нарушение Ст. 3 ЕКПЧ.

Заявитель утверждал, что его содержание под стражей в ожидании высылки прекратило осуществляться "в установленном законом порядке" по отношению к целям Ст. 5-1 ЕКПЧ по причине его избыточной продолжительности. Суд напоминает, что Ст. 5-1 ЕКПЧ лишь только требует, чтобы "мера по высылке предпринималась". Законность первоначального решения о высылке не берется в расчет и не обязательно доказывать, что содержание под стражей было разумно необходимо. Все же, производство по делу о высылке должно вестись с требуемой оперативностью, иначе содержание под стражей становится неоправданным с точки зрения Конвенции.

Принимая во внимание срок содержания под стражей, необходимо определить, существовали ли достаточные гарантии от произвола. Суд считает, что в этой области разбирательство, проведенное консультативным комитетом, является важной гарантией. Суд рассматривает данное разбирательство в качестве достаточной гарантией существования, по меньшей мере, серьезных признаков, позволяющих полагать, что освобождение первого заявителя представляло риск для национальной безопасности, и что, следовательно, исполнительная власть не проявила произвола, распорядившись о дальнейшем содержании заявителя под стражей. Из этого следует, что нарушения Ст. 5-1 ЕКПЧ не было.

Ст. 5-4 ЕКПЧ требует, чтобы всякое лишение свободы подлежало действительному судебному контролю. Основной заявитель содержится под стражей шесть лет. У внутренних британских судов не было доступа к сведениям, касавшимся вопросов национальной безопасности, и они не могли определить, было ли оправданным решение поместить заявителя под стражу. Хотя он и изучил все дело, консультативный комитет не дает процессуальных гарантий достаточных для того, чтобы рассматриваться в качестве "суда" в смысле Ст. 5-4 ЕКПЧ. Суд признает, что использование конфиденциальных сведений может оказаться необходимым в случаях, когда речь идет о вопросах национальной безопасности. Тем не менее, это не значит, что национальные власти уходят от какого бы то ни было действительного судебного контроля, начиная с того момента, когда они утверждают, что дело затрагивает вопросы национальной безопасности и терроризма. Возможно, использовать разного рода способы, позволяющие примирить законную заботу об обеспечении безопасности источников информации и их характера с необходимостью предоставить заинтересованному лицу возможность пользоваться процессуальными нормами. Суд пришел к выводу, что имело место нарушение е права на действительный судебный контроль, гарантированный Ст. 5-4 ЕКПЧ.

Ключевые слова для алфавитного указателя:

Гражданское судопроизводство / Исковая давность, срок / Дети, насильственные действия сексуального характера / Основополагающее право, сущность.

Краткая аннотация:

Британские нормы о сроке давности, препятствующие предполагаемым жертвам насильственных действий сексуального характера над детьми возбудить производство по делу в гражданском порядке, не являются посягательством на самую сущность права на судебное разбирательство, ни на право на уважение к личной жизни.

Сокращенное содержание

Г-жа Лесли Стаббингс (Leslie Stubbings) родилась 29 января 1957 года. Она утверждает, что с двух до четырнадцати лет неоднократно подвергалась насильственным действиям сексуального характера со стороны ее приемного отца, г-на Уэбба (Webb), и его родного сына, что вызвало у нее серьезное умственное расстройство. Тем не менее, только в сентябре 1984 г., после прохождения курса лечения у консультирующего психиатра, она заметила, что может существовать связь между совершенным над ней в детстве насилием и ее умственным расстройством. 18 августа 1987 г. она возбудила судебное дело против г-на Уэбба с целью получения от него возмещения ущерба, нанесенного ей насильственными действиями. Ответчики потребовали, чтобы заявление было отведено на основании срока давности по закону 1980 г. об исковой давности. Как Высший Суд, так и Апелляционный суд были обязаны в силу предыдущего судебного решения отметить, что жалоба г-жи Стаббингс основывалась на "неисполнении долга" в смысле Ст. 11 закона 1980 года. Срок давности для подобных исков составляет три года, начиная либо с момента появления основания для предъявления иска, либо с даты, когда истцу стало впервые известно, что причиненный ущерб значителен и может быть вменен в вину ответчику. Апелляционный суд принял к рассмотрению довод г-жи Стаббингс, согласно которому она осознала лишь в сентябре 1984 г. наличие основания для возбуждения дела, поняв благодаря проведенному курсу лечения существование связи между насильственными действиями сексуального характера в ее отношении и ее умственным расстройством. В любом состоянии дела Ст. 33 закона 1980 года предусматривает, что суд мог разрешить в интересах справедливости продолжить производство по делу даже несмотря на то, что оно было возбуждено после истечения трехлетнего срока. Ответчики обжаловали это постановление в Палату Лордов, которая, изучив рамки закона 1980 года, сочла, что слова "невыполнение долга" не охватывали деяний, вытекавших из такого преднамеренного причинения вреда, как изнасилование, и из развратных действий. Подобного рода жалобы предполагали срок давности в шесть лет, предусмотренный Ст. 2 закона 1980 года. Исчисление этого срока, от которого суд не мог отступить, начиналось с момента исполнения жалобщику 18 лет. Таким образом, г-жа Стаббингс утрачивала право на обращение в суд со своей жалобой в связи с истечением срока исковой давности.

В результате вынесения палатой лордов постановления по делу Стаббингс против Уэббов, заявительницы г-жа Ж.Л., г-жа Ж.Р., и г-жа Д.С. отказываются от своих исков по гражданским делам в связи с истечением после их восемнадцатилетия шестилетнего срока исковой давности.

Суд напоминает, что Ст. 6-1 ЕКПЧ утверждает "право на судебное разбирательство", в рамках которого право на доступное судебное разбирательство, то есть право на обращение в суд в гражданском порядке, составляет лишь один из его аспектов. Это право все же не имеет абсолютного характера. Оно подлежит косвенно допустимым ограничениям, так как даже по природе своей оно предполагает регламентацию со стороны государства. Государствам - участникам Конвенции предоставлен в этой области определенный предел усмотрения, хотя окончательное решение о соблюдении условий Конвенции остается за Судом. Суд должен убедиться, не ограничивают ли применяемые нормы доступ к правосудию, таким образом, что право оказывается поражено в самой своей сущности. Следует отметить, что установление сроков исковой давности по делам о нанесении телесных повреждений является общей чертой национальных юридических систем стран - участников Конвенции. Установление сроков давности преследует несколько важных целей: обеспечить юридическую безопасность, установив временные рамки для обращения в суд; оградить потенциального ответчика от запоздалых исков - им бывает трудно что-либо противопоставить; предотвратить несправедливость, которая могла бы иметь место, если бы суды высказывались по событиям, случившимся в далеком прошлом, на основании доказательств, которым верить больше нельзя, и которые были бы неполными по прошествии времени.

В данном случае, английское право об исковой давности предоставляло заявительницам шестилетний срок с момента восемнадцатилетия для предъявления иска по гражданскому делу. Кроме того, при наличии достаточных доказательств, в любой момент могло быть начато уголовное преследование и привести, в случае его успешного завершения, к приговору к выплате возмещения. Таким образом, право обращения заинтересованных лиц в суд не было поражено в самой своей сущности. Установленный в данном случае срок не был излишне коротким; он был даже продолжительнее того, что предусмотрено некоторыми международными договорами в случае нанесения телесных повреждений. Кроме того, примененные принципы представляются соразмерными преследуемым целям, принимая во внимание, что - если бы заявительницы обратились бы со своими исками незадолго до истечения срока давности, то суды были бы вынуждены выносить решение по событиям, произошедшим около двадцати лет назад.

Исходя из этого, принимая, в частности, во внимание законность задач, преследуемых установлением сроков исковой давности, и определенный предел усмотрения, признаваемый за государствами в области регламентирования права обращения в суд, Европейский Суд полагает, что нарушения Ст. 6-1 ЕКПЧ, взятой в отдельности, не было.

Далее Суд отмечает, что Ст. 8 ЕКПЧ явно применима к этим пунктам обвинения, относящимся к области "личной жизни", вмещающей в себя физическую и моральную цельность личности. Следует напомнить, что, если Ст. 8 ЕКПЧ главным образом имеет своей целью защиту личности от произвольного вмешательства государственной власти, то она не удовлетворяется требованием к государству воздержаться от подобного вмешательства: к этому обязательству несколько негативного характера могут добавиться положительные обязанности, присущие действительно уважительному отношению к личной и семейной жизни. Такие обязанности могут предполагать принятие мер, направленных на обеспечение уважения к личной жизни, вплоть до межличностных отношений. Из этого следует, что выбор мер, способных гарантировать выполнение этой положительной обязанности, в принципе отдан на усмотрение самих государств - участников Конвенции.

Так вот, в данном случае такая защита была обеспечена. Английское уголовное право самым серьезным образом относится к насильственным действиям, на которые жалуются заявительницы, и карает их суровыми, максимальными мерами наказания. При наличии достаточных доказательств уголовное преследование могло быть возбуждено в любой момент, и такая возможность оставалась. В принципе, остаются еще способы обжалования в гражданском порядке, если ими воспользоваться до истечения срока давности, предусмотренного законом.

Следовательно, принимая во внимание защиту, предоставляемую внутренним правом от насильственных действий сексуального характера над детьми, и определенный предел усмотрения, признанный за государствами в этой области, Суд пришел к выводу, что Ст. 8 ЕКПЧ нарушена не была.

Идентификационный номер: ECH-1996-3-013

Герхард Зюссманн против Германии.

Ключевые слова для алфавитного указателя:

Конституционный суд, разумные сроки / Пенсия по старости.

Краткая аннотация:

В принципе, делопроизводство в Конституционном суде не выходит за рамки области применения права на справедливое судебное разбирательство и не должно превышать "разумные сроки".

Сокращенное содержание

Герхард Зюссманн (Gerhard Sussmann) немецкий пенсионер, проработавший всю жизнь на государственной службе, получает в настоящий момент дополнительную пенсию вдобавок к той, на которую он имеет право на общих основаниях. В 1982 и 1984 г.г. правила, относящиеся к системе дополнительной пенсионного обеспечения, были изменены таким образом, чтобы общая сумма пенсионных выплат - основной и дополнительной, - не превышала бы размеров последней зарплаты чистыми пользователем. В 1988 г. фонд дополнительных пенсионных выплат установил размеры пенсии заявителя согласно измененным правилам. 11 июля 1988 г. г-н Зюссманн обратился в федеральный Конституционный суд с жалобой по поводу вышеуказанных изменений. 6 ноября 1991 г. комитет из трех судей Конституционного суда отказал в рассмотрении жалобы на том основании, что у нее не было достаточно шансов на успешное разрешение. Решение было объявлено заявителю 5 декабря 1991 года.

Суд напоминает, что он уже неоднократно рассматривал вопрос о применимости Ст. 6-1 ЕКПЧ к делопроизводству в Конституционном суде. Суд не принижает особую роль и статус Конституционного суда, задача которого состоит в обеспечении соблюдения Конституции законодательной, исполнительной и судебной властями, и который в государствах, установивших право на индивидуальное обжалование, предоставляет гражданам на национальном уровне дополнительную юридическую защиту их основополагающих прав, гарантированных Конституцией. Согласно твердо установившейся судебной практике Суда по этому вопросу, значимым критерием при определении нужно ли принимать в расчет разбирательство в Конституционном суде с целью установления оправданности продолжительности сроков судопроизводства является поиск ответа на вопрос, может ли результат вышеназванного разбирательства повлиять на исход спора, разрешаемого в обычных судах.

И все же, настоящий случай отличается от предыдущих дел тем, что он затрагивает только сроки разбирательства в Конституционном суде, без включения также сроков производства в обычных судах. Сначала заявитель оспаривал законность сокращения его дополнительной пенсии по старости через изменение статуса в третейских судах. Суд напоминает, что судебное производство подпадает под Ст. 6-1 ЕКПЧ, если его исход имеет определяющее значение для прав или обязательств гражданского характера. В данном случае, констатация федеральным Конституционным судом того, что изменения, внесенные в систему дополнительного пенсионного обеспечения государственных служащих, противоречат конституционному праву собственности, и отмена им спорных решений привели бы к восстановлению г-на Зюссманна в его правах. Следовательно, Ст. 6-1 ЕКПЧ могла быть применена в спорном разбирательстве.

Разумность сроков производства оценивается в зависимости от обстоятельств дела и его сложности, от поведения участвующих в нем сторон и властей, а также от важности исхода разрешения спора для заинтересованного лица. Ст. 6-1 ЕКПЧ обязывает государства - участники Конвенции организовывать свою судебную систему таким образом, чтобы их суды могли бы удовлетворять каждому из вышеуказанных требований и, в частности, того, что касается разумности сроков. Но применительно к Конституционному суду, для которого оно также имеет значение, это обязательство будет толковаться иначе, нежели чем по отношению к обычному суду. В качестве защитника Конституции, особенно необходимо, чтобы Конституционный суд учитывал зачастую не только такие обстоятельства, как простое распоряжение о занесении записи в реестр дел, назначенных к судебному разбирательству, но и характер самого дела, его важность в политическом и социальном плане. Кроме того, Ст. 6 ЕКПЧ, предписывая оперативность в осуществлении судебного производства, делает также упор и на принципе скорее общего характера, такого как необходимость добротного отправления правосудия. В данном случае, федеральный Конституционный суд смог вполне законно объединить 24 рассматриваемых дела и решить, что он должен в первоочередном порядке рассмотреть другие жалобы, возникшие в результате объединения Германии. И, наконец, важность исхода разбирательства для заявителя является также фактором, который надо принимать во внимание. Здесь следует отметить, что изменения, внесенные в систему дополнительного пенсионного обеспечения, не причинили заявителю ущерба достаточного для того, чтобы можно было обязать суд, принявший это дело к рассмотрению, провести разбирательство с исключительной оперативностью.

В свете всех обстоятельств дела, Суд пришел к выводу, что не было превышения разумного срока, предусмотренного Ст. 6-1 ЕКПЧ, которая, следовательно, по этому пункту нарушена не была.

Идентификационный номер: ECH-1996-3-012

Гайгосюз против Австрии.

Ключевые слова для алфавитного указателя:

Безработица, срочное пособие.

Краткая аннотация:

Отказ австрийских властей предоставить срочное пособие безработному, права на пособие по безработице которого подошли к концу, на том основании, что у него нет австрийского гражданства, игнорирует право имущественного характера и представляет установление дискриминационных различий.

Сокращенное содержание

6 июля 1987 г. заявитель обратился с просьбой о выделении ему аванса из причитавшегося ему содержания в виде срочного пособия, согласно закону о страховании по безработице. Агентство по занятости г. Линца и региональное агентство по занятости Верхней Австрии отказали заявителю на том основании, что он не отвечал требованиям, изложенным в Ст. 33-2а закона о страховании по безработице, согласно которой только граждане Австрии могут пользоваться такого рода пособиями. Заинтересованное лицо обратилось тогда в Конституционный суд, решивший 26 февраля 1988 г. не принимать к рассмотрению жалобу: у дела не было достаточно шансов на успешное разрешение, и оно было подведомственно Административному суду. 19 сентября 1989 г. Административный суд, на рассмотрение которого было передано дело, не принял жалобу на том основании, что решение о конституционности законов относилось к ведению Конституционного суда.

Г-н Гайгосюз (Gaugusuz) утверждает, что он стал жертвой дискриминации, основанной на его национальном происхождении, а это противоречит Ст. 14 ЕКПЧ, рассмотренной в совокупности со Ст. 1 Протокола 1 ЕКПЧ. Согласно постоянной судебной практике Суда, Ст. 14 ЕКПЧ дополняет другие нормативные положения Конвенции о Протоколах. Статья не выдвигает отдельных требований потому, как относится она исключительно к "использованию правами и свободами", гарантируемыми ею. Суд отмечает, что на момент событий срочное пособие предоставлялось лицам, использовавшим до конца свое право на пособие по безработице и соответствовавшим другим законным условиям, перечисленным в Ст. 33 закона о страховании по безработице от 1977 года. В данном случае, никто не утверждает, что заявитель не соответствовал этим условиям; отказ в предоставлении ему данной социальной помощи основывался исключительно на констатации того факта, что заявитель не был гражданином Австрии и не фигурировал среди лиц, освобожденных от соответствия такому условию. Суд считает, что право на срочное пособие относится к области материального права в смысле Ст. 1 Протокола 1 ЕКПЧ. Следовательно, это положение подлежит применению. Так как заявителю было отказано в праве воспользоваться срочным пособием на основании различия, относящегося к области действия Ст. 14 ЕКПЧ, а именно, на основании его национальной принадлежности, то это положение также подлежит применению.

Согласно судебной практике Европейского Суда, положение является дискриминационным в смысле Ст. 14 ЕКПЧ, если ему "не хватает объективного и разумного обоснования", то есть если оно не преследует "законной цели" или же если нет "разумной соразмерности между используемыми средствами и преследуемой целью." Прежде всего, Суд констатирует, что заявитель на законных основаниях находился на территории Австрии и работал там в течение некоторого времени, осуществляя необходимые выплаты в кассу страхования по безработице на том же основании, и в тех же размерах, что и австрийские граждане. Отказ властей в выделении ему срочного пособия основывался исключительно на констатации того факта, что он не был гражданином Австрии. Следовательно, по отношению к праву на получение этого пособия, он находился в положении аналогичном ситуации австрийских граждан. Суд считает, что различие в отношении к австрийским гражданам и иностранцам при выделении срочного пособия, различие, от которого пострадал г-н Гайгосюз, не имеет никакого "объективного и разумного обоснования".

Следовательно, была игнорирована Ст. 14 ЕКПЧ, взятая в совокупности со Ст. 1 Протокола 1 ЕКПЧ.

Идентификационный номер: ECH-1996-2-011

Махад, Лахима, Абделькадер и Мохамед Амуюр против Франции.

Ключевые слова для алфавитного указателя:

Закон, качество / Международная транзитная зона, аэропорт.

Краткая аннотация:

Продолжительное удержание иностранцев, ходатайствующих о предоставлении убежища, в международной зоне аэропорта без соответствующего правового, гуманитарного и социального сопровождения влечет нарушение права на свободу и личную неприкосновенность.

Сокращенное содержание

Махад, Лахима, Абделькадер и Мохамед Амуюр (Mahad, Lahima, Abdelkader, Mohamed Amuur) принадлежат к племени Дароб Мархан (Darob Marhan), члены которого были у власти в Сомали при режиме Президента Мохамеда Сиада Барре (Mohamed Siyad Barre). После свержения Президента Сиада Барре члены племени Хавийа (Hawiya) встали во главе страны. Заявители нашли убежище в Кисмайо (Kismayo). А затем направились в Сирию. По прибытии 9 марта 1992 г. в парижский аэропорт Орли из Дамаска, заявителям, при прохождении пограничного контроля, было отказано во въезде на территорию Франции в связи с тем, что их проездные документы были оформлены не по правилам. Тогда они ходатайствовали о разрешении на въезд с целью получения политического убежища в порядке, предусмотренном Ст. 12 декрета от 27 мая 1982 года. Все это время они удерживались в помещении отеля Аркад. Письмом от 25 марта 1992 г. они обратились с просьбой о предоставлении им статуса беженцев во Французскую Службу по защите беженцев, заявившей 31 марта того же года о своей некомпетентности по этому вопросу. 26 марта 1992 г. они подали на рассмотрение судьи, выносящего решения по срочным вопросам, Суда большой инстанции г. Кретьей заявление, направленное на то, чтобы было покончено с тем, что, по их словам, образовывало состав насильственных действий. 29 марта 1992 г. заявители были высланы обратно в Сирию. 31 марта 1992 г. председатель Суда большой инстанции г. Кретьей констатировал незаконность их задержания и распорядился освободить их из под стражи.

Касательно Ст. 5-1 ЕКПЧ, Суд констатировал, что удержание иностранцев в международной зоне является ограничением свободы, но ее нельзя приравнивать к ограничениям, налагаемым в центрах удержания иностранных граждан. Подобное удержание не должно продолжаться излишне долго, что рисковало бы превратить простое ограничение свободы в лишение свободы. Решение о продлении удержания требует незамедлительного контроля со стороны судьи, традиционно стоящего на страже личных свобод. И, прежде всего, такое удержание не должно лишать лицо, ходатайствующее о предоставлении убежища, права реально иметь доступ к порядку оформления статуса беженца. Для лица, ходатайствующего о предоставлении убежища, простая возможность добровольно покинуть страну, где оно намеревалось найти убежище, не могла бы исключить посягательства на свободу. Удержание заявителей в транзитной зоне аэропорта было фактически равноценно лишению свободы.

Касательно совместимости лишения свободы со Ст. 5-1 ЕКПЧ, Суд напомнил, что выражение "в установленном законом порядке" не ограничивается ссылкой на внутреннее право, а касается также и качества закона; это выражение настаивает на совместимости закона с понятием первенства права, присущим всей совокупности Статей Конвенции. Подобное качество предполагает, что национальный закон, разрешающий лишение свободы, должен быть достаточно доступен и точен, во избежание всякой опасности произвола. С этой точки зрения, ни декрет от 27 мая 1982 г., ни циркуляр, кстати, не опубликованный, от 26 июня 1990 г. не являются "законами" достаточного "качества" в том смысле, в каком эти понятия трактуются в судебной практике Суда. На момент событий ни один из вышеперечисленных текстов не позволял общему судье проконтролировать условия пребывания иностранцев, ни, в случае необходимости, установить для администрации ограничение сроков спорного удержания, не предусматривал юридического, гуманитарного и социального сопровождения, не устанавливал порядка и сроков доступа к такой помощи для того, чтобы лица, ходатайствующие о предоставлении им убежища, и в частности, заявители по данному делу, могли предпринять соответствующие шаги.

Следовательно, имело место нарушение Ст. 5-1 ЕКПЧ.

Идентификационный номер: ECH-1996-2-010

Ключевые слова для алфавитного указателя:

Присяжный заседатель, отвод / Присяжный заседатель, связь со свидетелем обвинения / Свидетель обвинения, связь с присяжным заседателем.

Краткая аннотация:

Судебное разбирательство, проводимое коллегией присяжных заседателей, включающей наемного работника одного из свидетелей обвинения, не ущемляет права на справедливое судебное разбирательство. Использование в суде апелляционной инстанции письменного показания вышеуказанного свидетеля также не ущемляет право на справедливое судебное разбирательство или же не право допросить или же получить показания свидетелей, или же добиться вызова и допроса свидетелей.

Сокращенное содержание

Г-н Пуллар (Pullar) был избранным членом регионального совета Шотландии. 13 июля 1992 г. он предстал перед местным судом за попытку вымогательства взятки у г-на МакЛарена (McLaren) и г-на МакКормака (McComack), которым он предложил в обмен на определенную сумму денег употребить свое влияние для поддержки их ходатайства о выделении разрешения на строительство в рамках проекта благоустройства территории. Они были двумя основными свидетелями обвинения. Заявитель настаивал на своей невиновности. Один из присяжных заседателей, г-н Форсайт (Forsyth), работал служил у г-на МакЛарена (но 10 июля ему было сообщено о его увольнении с 7 августа 1992 г.). Г-да Форсайт и МакЛарен оба проинформировали секретаря суда о существующей между ними связи, но последний решил не ставить об этом в известность судью. 17 июля г-н Пуллар был объявлен виновным и приговорен к 12 месяцам тюремного заключения. Заявитель и его адвокаты обнаружили существование связи Форсайт-МакЛарен лишь только по окончании судебного процесса. Тогда заявитель обратился с обжалованием решения в апелляционном порядке в Высший Суд (High Court of Justiciary); по его словам, из-за присутствия г-на Форсайта в составе жюри имела место судебная ошибка. До судебного заседания апелляционного суда обвинение получило письменные показания г-на МакЛарена. 5 февраля 1993 г., в первый день судебного процесса, выяснилось, что данные показания содержали полезные сведения, и было решено сообщить их судье апелляционного суда. Копия была также передана адвокату заявителя, который содержание свидетельства оспаривать не стал. В своем постановлении от 26 февраля 1993 г. Высший Суд констатировал, что, если бы суду или же сторонам было бы известно о существовании связи между г-ном Форсайтом и г-ном МакЛареном, возможно, присяжный заседатель был бы отведен. И все же, ничто не доказывает, что г-н Форсайт был пристрастен, и простое подозрение в пристрастности одного из присяжных заседателей было недостаточно для оправдания отмены приговора.

Суд подчеркнул существование двух аспектов в условии беспристрастности, поставленном Ст. 6-1 ЕКПЧ. Касательно первого аспекта, субъективного критерия,

личная беспристрастность должна предполагаться даже в тех случаях, когда трудно предоставить доказательства, ее опровергающие. В данном случае не было никаких доказательств личной пристрастности. Касательно объективного критерия, то тот факт, что один из членов коллегии присяжных заседателей был знаком лично с одним из свидетелей обвинения, не обязательно предполагает, что этот член будет благоприятно расположен к свидетельству данного лица. Это вопрос характера и степени близости между людьми. В данном случае, было вовсе не очевидно, что объективный наблюдатель мог бы сделать заключение о большей склонности данного судебного заседателя принять аргументы свидетеля обвинения. Более того, суд давал надежные гарантии, такие как случайный подбор судебных заседателей, подробнейшее их инструктирование председательствующим в заседании судьям с тем, чтобы они оценивали, не ощущая на себе никакого давления, достоверность показаний всех свидетелей, а также принесение заседателями присяги. Опасения заявителя касательно беспристрастности суда не были расценены, как объективно оправданные.

Касательно Ст. Ст. 6-1 и 6-3 ЕКПЧ, взятых в их совокупности, Суд принял здесь во внимание тот факт, что адвокат заявителя мог воспротивиться сообщению судьям апелляционной инстанции письменных показаний, обусловить оговорками свою позицию касательно их точности или потребовать допроса других свидетелей. В этих условиях нельзя утверждать, что заявителю было отказано - по той причине, что таким образом проходило судебное заседание в апелляционной инстанции, - в правах, гарантированных Ст. Ст. 6-1 и 6-3 ЕКПЧ.

Идентификационный номер: ECH-1996-2-009

Бенхам против Великобритании.

Ключевые слова для алфавитного указателя:

Судебная (юридическая) помощь / Содержание под стражей за неуплату, правомерность.

Краткая аннотация:

Содержание под стражей заявителя на основании определения, вынесенного судом за неуплату подушного налога, не ущемляет его права на свободу и личную неприкосновенность. Тем не менее, тот факт, что заявитель не имел права быть представленным бесплатно в суде, игнорирует его право на справедливое и открытое судебное разбирательство, а также право самому приводить доводы в свою защиту или же пользоваться помощью защитника по своему выбору и, если у него нет средств на оплату защитника, бесплатно воспользоваться помощью адвоката, назначенного в том случае, если этого требуют интересы правосудия.

Сокращенное содержание

Г-н Бенхам (Benham) не заплатил подушный налог в размере 325 британских фунтов стерлингов, обложению которым он подлежал с 1-го апреля 1990 года. 25 марта 1991 г. он предстал перед судом малой инстанции (Magistrates Court) в рамках дознания о имеющихся у него средствах и о причинах неплатежа, проводившегося в соответствии с подзаконным актом от 1989 г. об управлении и взимании подушного налога. В этом заседании он не воспользовался помощью адвоката несмотря на то, что он мог бы претендовать на юридическую помощь в рамках программы "зеленая формула" (Green Form Scheme) еще до судебного заседания и на то, что на самом суде он также мог пользоваться юридической помощью представляющего его консультанта, назначаемого судьями (в рамках программы "ABWOR"), если бы он счел это нужным. Судьи установили отсутствие у г-на Бенхама как доходов, так и имущества, позволявших ему выплатить задолженность. Но одновременно выяснилось, что он сдал экзамены по девяти предметам на аттестат об окончании средней школы ("O" Levels) и бросил учебу по национальной программе по подготовке к вхождению в трудовую жизнь в марте 1990 года. Они сделали из этого вывод, что неплатеж подушного налога был вызван халатностью, вменяемой ему в вину, так как он был явно способен зарабатывать деньги, и распорядились о его заключении под стражу на тридцать суток. Г-н Бенхам обжаловал это решение в апелляционном порядке в суде высшей инстанции (Divisional Court). Он был предварительно освобожден 5 апреля 1991 года. Суд отменил ордер на его арест на том основании, что судьи не располагали материалами достаточными для вынесения заключения о неуплате г-ном Бенхамом подушного налога по причине вменяемой ему в вину халатности: надо было сначала доказать, что ему была предложена работа, и что он был способен ее выполнять.

Касательно Ст. 5-1 ЕКПЧ, Суд констатировал, что содержание под стражей некоторое время в принципе правомерно, если оно осуществляется в рамках приведения в исполнение судебного решения. Позднейшая констатация упущения, совершенного судьями, может не сказаться, согласно внутреннему праву, на законность содержания под стражей, имевшего место тем временем. Суд не счел установленным, что ордер на арест, выданный судом, был недействительным по внутреннему праву, и что последовавшее за этим содержание под стражей было незаконным.

Равно Суд не счел, что содержание под стражей было актом произвола. Следовательно, нарушения Ст. 5-1 ЕКПЧ не было.

Касательно Ст.Ст. 6-1 и 6-3 ЕКПЧ, взятых в их совокупности, то здесь Суд счел, что, когда речь идет о мере наказания в виде лишения свободы, то интересы правосудия принципиально требуют предоставления помощи адвоката. Судебная помощь, предоставленная заявителю, была недостаточна. Следовательно, имело место нарушение Ст.Ст. 6-1 и 6-3 ЕКПЧ, взятых в их совокупности.

Идентификационный номер: ECH-1996-2-008

Гюстафсон против Швеции.

Ключевые слова для алфавитного указателя:

Коллективное соглашение, свобода неприсоединения / Профсоюз, меры, законная цель.

Краткая аннотация:

Отсутствие государственной защиты владельца ресторана от законных ответных мер, направленных на то, чтобы вынудить его подписаться под коллективным соглашением, не ущемляет права на свободу мирных собраний и свободу ассоциации с другими лицами, включая право создавать профсоюзы и вступать в них для защиты своих интересов.

Сокращенное содержание

Летом 1987 г. заявитель был владельцем ресторана и молодежной гостиницы. В ресторане работало менее десяти человек, нанятых в качестве сезонной рабочей силы, используемой постоянно из года в год. Заявитель не состоял ни в одном из двух профсоюзов владельцев и управляющих ресторанами Швеции, а именно: Профсоюза шведского патроната отелей и ресторанов (HRAF-далее - Профсоюз патроната) и Союза руководителей шведского профсоюза ресторанов. Следовательно, он не был связан никаким коллективным трудовым соглашением, заключенным между этими двумя профсоюзами и Профсоюзом работников гостинично-ресторанного комплекса (HRF -далее - Профсоюз работников"). В 1987 г. он отказался подписать договор, заменяющий коллективное трудовое соглашение, с "Профсоюзом работников", что повлекло за собой автоматическое применение положений коллективного трудового соглашения, заключенного между "Профсоюзом патроната" и "Профсоюзом работников", и еще раз подтвердил свое принципиально отрицательное отношение к системе коллективных переговоров о трудовом соглашении. В результате отказа заявителя "Профсоюз работников" объявил бойкот его ресторана и общественное порицание. В июле 1987 г. многие другие профсоюзы приняли ответные меры в знак солидарности и в результате летом 1988 г. снабжение ресторана было прервано. В августе 1988 г. г-н Гюстафсон, ссылаясь на Европейскую Конвенцию, потребовал, чтобы правительство Швеции запретило "Профсоюзу работников" продолжать бойкот, а другим профсоюзам - продолжать их действия из солидарности; он потребовал также от правительства отказать распоряжение всем профсоюзам или, если это не возможно, государству возместить причиненный ему ущерб. 12 января 1989 г. Правительство отвергло жалобу заявителя на том основании, что она относилась к

юридическому спору между частными лицами, который может быть разрешен только в судебном порядке.

Суд считает, что Ст. 11 ЕКПЧ сама по себе не гарантирует права на неподписание коллективного соглашения. Позитивная обязанность, накладываемая Ст. 11 ЕКПЧ на государство, в том числе в части, касающейся защиты личного мнения, может распространяться на меры, связанные с функционированием системы коллективных переговоров, но только в том случае, если эти переговоры ущемляют свободу ассоциации с другими лицами. Обязательство, которое - как в данном случае - не препятствует в значительной мере пользованию этой свободой, хотя и причиняя при этом определенный экономический ущерб, не влечет никакой позитивной обязанности по Ст. 11 ЕКПЧ. Кроме того, заявитель не предоставил доказательств своей версии, согласно которой условия работы в его ресторане были лучше, чем те, что необходимо было соблюдать по условиям коллективного трудового соглашения. Принимая во внимание особую роль и важность коллективных соглашений в урегулировании трудовых отношений в Швеции, Суд не усматривает никаких причин для сомнения в том, что меры профсоюза были направлены на достижение законных целей, совместимых со Ст. 11 ЕКПЧ.

Идентификационный номер: ECH-1996-2-007

Буганеми против Франции.

Ключевые слова для алфавитного указателя:

Высылка / Семья, понятие.

Краткая аннотация:

Высылка осужденного гражданина Туниса, родители и десять сестер и братьев которого постоянно проживают во Франции, и признавшего ребенка от француженки после совместного ведения хозяйства, не ущемляет право на уважение к личной и семейной жизни.

Сокращенное содержание

Заявитель, родившийся в 1960 г. в Тунисе, прибыл во Францию в 1968 году, где и проживал вплоть до своей высылки. Там же обосновалась и вся его семья. Он сожительствовал с гражданкой Франции. 19 июня 1993 г. у них родился ребенок, которого он признал 5 апреля 1994 года. В общей сложности, за разного рода преступления он был осужден на почти четыре года поремного заключения без отсрочки исполнения. 8 марта 1988 г. постановление о его высылке было вынесено Министром внутренних дел на том основании, что его присутствие на территории Франции представляет угрозу общественному порядку. Это постановление было приведено в исполнение 12 ноября 1988 года, но заявитель вернулся во Францию с целью тайного проживания на ее территории. 26 февраля 1991 г. Министр внутренних дел отклонил его заявление с просьбой об отмене действия постановления о высылке. Тогда г-н Буганеми (Boughanemi) обратился с ходатайством об отмене постановления о высылке в административный суд г. Лиона, который его отверг 26 февраля 1991 года. Это последнее решение было подтверждено в апелляционном порядке 7 декабря 1992 г. Государственным Советом Франции. Задержанный за нарушения постановления о выдворении, он был осужден на три месяца поремного заключения, а затем, 12 октября 1994 г., выслан в Тунис.

Что касается Ст. 8-2 ЕКПЧ (право на уважение к личной и семейной жизни), то Суд констатировал сомнительность существования семейной связи между заявителем и матерью ребенка. Тем не менее, это не позволяло сделать заключение об отсутствии его личной и семейной жизни во Франции. Заявитель признал вышеназванного ребенка, а понятие семьи, на котором основывается Ст. 8 ЕКПЧ, включает в себя, даже за отсутствием сожительства, существование связи между личностью и его ребенком вне зависимости от того, родился ли он в браке или нет. Если такая связь и может быть разорвана последующими событиями, то только в связи с чрезвычайными обстоятельствами, которые в данном случае места не имели. Кроме того, родители и десять братьев и сестер заявителя постоянно проживали во Франции. Так как высылка повлекла за собой разделение, то имело место вмешательство в осуществление права, признанного Ст. 8 ЕКПЧ.

Касательно Ст. 8-2 ЕКПЧ, Суд констатировал, что оспариваемое вмешательство было "предусмотрено законом" и преследовало законную цель: защиту общественного порядка и предупреждение уголовных правонарушений. Касательно того, было ли оно "необходимо в демократическом обществе", Суд отметил, что заявитель прибыл во Францию в возрасте 8 лет, проживал там на законных основаниях в течение двадцати лет, и тайно - в течение шести лет - получил во Франции большую часть своего образования, там проживают его сестры и братья, там же он вел общее хозяйство на правах мужа с гражданкой Франции, ребенка которой он признал. Несмотря на все это, заявитель сохранил тунисское гражданство и, по всей видимости, никогда не проявлял желания стать французом. Вполне вероятно, он был связан с Тунисом не только своим гражданством. Но, прежде всего, решение о его выдворении было принято в связи с осуждением заявителя на почти четыре года поремного заключения без отсрочки исполнения, три из которых - за сводничество, отягченное особыми обстоятельствами. Следовательно, Ст. 8 ЕКПЧ нарушена не была.

Идентификационный номер: ECH-1996-1-006

Гудвин против Великобритании.

Ключевые слова для алфавитного указателя:

Раскрытие, судебное определение / Журналист, источники, раскрытие (разглашение).

Краткая аннотация:

Судебное определение с требованием к журналисту раскрыть свой источник информации, вынесенное в пользу частной фирмы, и наложение на последнего штрафа за отказ подчиниться игнорируют право на свободу выражения своего мнения.

Сокращенное содержание

Г-н Гудвин (Goodwin), гражданин Великобритании, является журналистом и проживает в Лондоне. 2 ноября 1989 г. ему позвонило одно лицо и по своей инициативе предоставило сведения о фирме ТЕТРА Лимитед (TETRA Ltd.). После чего г-н Гудвин составил набросок статьи, предназначенной для опубликования в печатном издании "Инженер" ("The Engineer").

Сочтя, что сведения взяты из проекта конфиденциального плана развития, исчезнувшего 1 ноября 1989 г., фирма ТЕТРА потребовала и добилась от Высшего Суда (High Court) вынесения без соблюдения принципа состязательности временного распоряжения, препятствующего опубликованию статьи г-на Гудвина издателем "Инженера".

22 ноября 1989 г. фирма добилась вынесения Высшим Судом определения, содержащего требование к заявителю о передаче им своих записей, на основании необходимости "в интересах правосудия" раскрытия личности информатора с тем, чтобы фирма могла бы возбудить против него судебное дело.

4 апреля 1990 г. Палата Лордов отклонила обжалование заявителем определения о раскрытии его источника информации, посчитав установленной необходимость раскрытия содержания записей.

В ходе всего разбирательства заявитель упорно отказывался отдать свои записи. 10 апреля 1990 г. Высший Суд приговорил его к выплате штрафа размером в 5000 фунтов стерлингов за презрительное отношение к Высшему Суду.

С точки зрения основополагающих принципов, Европейский Суд по правам человека утверждает, что охрана источников информации журналистов является одним из краеугольных камней свободы прессы и что отсутствие такой охраны может отпугнуть источники от помощи прессе в информировании широкой публики по вопросам, представляющим общественный интерес.

Тогда прессе будет труднее играть свою столь необходимую роль "сторожевого пса" и ее способность поставлять точные и достоверные сведения от этого уменьшится.

Следует подчеркнуть особую заинтересованность демократического общества в обеспечении и сохранении свободы прессы при определении того, было ли наложенное ограничение соразмерно законной преследуемой цели. Ограничения, наложенные на конфиденциальность журналистских источников, предполагают самое пристальное рассмотрение со стороны Суда.

Изучив особые обстоятельства данного дела, Суд констатировал, что определение о раскрытии личности источника было вынесено в пользу фирмы плавным образом по причине угрозы нанесения серьезного вреда ее делам, который был бы причинен опубликованием сведений, содержащихся в ее плане развития в тот самый момент, когда она вела переговоры с целью нахождения новых источников финансирования. Эта угроза, сравнимая с "бомбой замедленного действия", могла быть устранена только в случае обнаружения фирмой информатора в независимости от того, выкрал ли последний лично экземпляр плана или мог способствовать установлению личности вора.

Тем не менее, обоснования, выдвинутые в данном случае для вынесения определения об оспариваемом раскрытии личности информатора, должны рассматриваться в более широком контексте временного распоряжения, отданного без соблюдения принципа состязательности в пользу фирмы и сообщенного всем английским газетам и журналам. Определение о раскрытии личности информатора преследовало по большей части ту же цель, что и распоряжение, а именно: воспрепятствовать распространению сведений конфиденциального характера, фигурирующих в плане, - и не составляет никакого сомнения, что этим распоряжением удалось заблокировать передачу конфиденциальной информации прессой.

Суд считает, что, так как определение о раскрытии личности информатора имело своей исключительной целью усиление действия распоряжения, дополнительное ограничение свободы выражения своего мнения, которое оно повлекло, не имело достаточных оснований.

В итоге, определение с требованием к заявителю о раскрытии его источника информации и штраф, наложенный на него за отказ подчиниться, не могут рассматриваться как необходимые в демократическом обществе с целью защиты прав фирмы в соответствии с английским законодательством, даже если принять в расчет определенный предел усмотрения, предоставленный в данной области национальным властям.

Следовательно, рассматриваемые меры нарушили право на свободу выражения своего мнения (Ст. 10 ЕКПЧ).

Идентификационный номер: ECH-1996-1-005

Доорсон против Нидерландов.

Ключевые слова для алфавитного указателя:

Анонимный свидетель.

Краткая аннотация:

Принятие во внимание судом, разрешающим дело, анонимных свидетельств, а также показаний, данных полиции поименно названным свидетелем, отказавшимся впоследствии от них в открытом судебном заседании, а также других показаний, данных в ходе предварительного следствия также поименно названным свидетелем, которого защита не имела случая допросить, не нарушает права на справедливое судебное разбирательство.

Сокращенное содержание

Г-н Доорсон (Doorson) был арестован в апреле 1988 г. по подозрению в многочисленных нарушениях законодательства о наркотиках. Будучи допрошены полицией, наркоманы, шесть из которых пожелали остаться неизвестными, опознали в нем торговца наркотиками на основании его фотографии, сделанной в 1985 году.

В ходе судебного процесса окружной суд г. Амстердам отверг ходатайство защиты о возвращении дела на дополнительное расследование с тем, чтобы можно было допросить шестерых анонимных свидетелей, одновременно распорядившись о приводе в суд двух свидетелей, личность которых была установлена. Первый свидетель так никогда и не явился, а второй отказался от своих изначальных показаний.

В декабре 1988 г. окружной суд признал г-на Доорсона виновным в незаконной торговле наркотиками и приговорил его к 15 месяцам поремного заключения.

Г-н Доорсон обжаловал это решение в Апелляционном суде г. Амстердама. В ответ на просьбу о допросе анонимных свидетелей, поданную им, суд возвратил дело на дополнительное расследование. Если адвокату заявителя было позволено задавать вопросы двум явившимся свидетелям, то г-н Доорсон не смог получить очной ставки с ними. На основании накопленного опыта свидетели, опасаясь преследования, пожелали остаться неизвестными.

Суд, допуская необходимость сохранения анонимности свидетелей, отверг ходатайство адвоката г-на Доорсона о вызове всех шестерых анонимных свидетелей в суд для дачи показаний в судебном заседании.

Что же касается двух свидетелей, чья личность была установлена, то первый вторично отказался от своих изначальных показаний, а второй снова воздержался от явки в суд.

В декабре 1990 г. Апелляционный суд признал г-на Доорсона виновным и приговорил его к 15 месяцам тюремного заключения. Суд заявил, что он использовал показания двух свидетелей, чья личность была установлена, и свидетельства анонимных свидетелей.

Что касается учета судом, разрешающим дело, анонимных свидетельств при обосновании приговора, то Европейский Суд по правам человека считает, что государства должны организовывать свое производство по уголовным делам таким образом, чтобы в общем и целом интересы свидетелей и потерпевших, вызванных для дачи показаний, не подвергались бы бездумно опасности.

Принципы ведения справедливого судебного разбирательства требуют также, чтобы в соответствующих случаях интересы защиты были поставлены на чашу весов наряду с интересами свидетелей и потерпевших, вызванных для дачи показаний.

Если было явно предпочтительнее, чтобы заявитель присутствовал на допросе свидетелей, то с другой стороны, Суд полагает, что амстердамский Апелляционный суд мог счесть интересы заявителя менее важными по сравнению с необходимостью обеспечить безопасность свидетелей. Таким образом, требования, предъявляемые к справедливому судебному разбирательству, были в данном случае выполнены, и, следовательно, нарушения Ст. 6-1 ЕКПЧ, взятой в совокупности со Ст. 6-3 ЕКПЧ, не было.

Что касается свидетеля, отказавшегося от своих показаний, то здесь Суд заявляет о своей неспособности абстрактно рассуждать о том, что показания, данные

свидетелем в открытом судебном заседании и под присягой, должны всегда превалировать над другими показаниями, данными тем же свидетелем в ходе судебного производства, даже при наличии противоречий между ними.

Касательно свидетеля, не явившегося в судебное заседание, то по этому поводу Суд считает похвальным для Апелляционного суда г. Амстердама учет свидетельства, полученного полицией и, кстати сказать, подтвержденного другими доказательствами, собранными ею.

Следовательно, нарушения Ст. 6-1 ЕКПЧ, взятой в совокупности со Ст. 6-3 ЕКПЧ, не было.

Идентификационный номер: ECH-1996-1-004

Хуссейн против Великобритании.

Ключевые слова для алфавитного указателя:

Заключение под стражу, содержание под стражей / Состязательность судебного разбирательства.

Краткая аннотация:

Невозможность для лица, заключенного на срок, оставленный на усмотрение ее Королевского Величества, оспаривать в суде законность своего содержания под стражей ущемляет право обвиняемого на обжалование в суде.

Сокращенное содержание

В 1978г. г-н Хуссейн (Hussain), в то время ему исполнилось 16лет, был признан виновным в убийстве своего младшего брата и приговорен к поремному заключению на срок, оставленный на усмотрение ее Королевского Величества.

Комиссия по вопросам условно-досрочного освобождения четырежды рассматривала возможность рекомендовать его освобождение из-под стражи. В ходе первого рассмотрения дела, в декабре 1986г., заявитель не мог ни изучить, ни одного из докладов, представленных на рассмотрение Комиссии, ни быть заслушанным ею.

Во второй раз, в 1990 году, министр снова отверг рекомендацию Комиссии о переводе заключенного в тюрьму с открытым режимом отбывания наказания. И на этот раз г-н Хуссейн не имел возможности ни изучить касающийся его доклад, ни быть заслушанным Комиссией.

В декабре 1992г. министр снова отклонил рекомендацию Комиссии об отбытии заявителем наказания без лишения свободы. Заинтересованному лицу было сообщено об этом решении лишь только в марте 1993 года.

Тогда заявитель потребовал проведения судебной проверки решения на том основании, что он имеет право на ознакомление с докладами. Затем, в октябре 1993 года, он отозвал свое ходатайство после того, как Комиссия по вопросам условно-досрочного освобождения взяла на себя обязательство пересмотреть его случай и разрешить заявителю изучить свое дело.

В январе 1994 г. министр согласился со мнением Комиссии о необходимости перевода заявителя в тюрьму с открытым режимом отбывания наказания.

Главным вопросом, который предстояло решить Европейскому Суду по правам человека, был вопрос о том, должно ли заключение под стражу на срок, оставленный на усмотрение ее Королевского Величества, быть уподоблено обязательному пожизненному заключению или же дискреционному пожизненному заключению с правом помилования, оставленного на усмотрение компетентного органа.

Суд напоминает, что заявитель был приговорен к этой мере наказания по причине своего несовершеннолетия. Тем не менее, наказание в виде лишения свободы на неопределенный срок, к которому был приговорен молодой человек, оправдано лишь соображениями общественной безопасности. Эти соображения должны в обязательном порядке брать в расчет изменения, произошедшие в личности и поведении осужденного по мере его взросления. Не принятие во внимание этих изменений было бы проблематичным в свете Ст. 3 ЕКПЧ.

Отталкиваясь от этого, Суд заключил, что взыскание, наложенное на заявителя, после отбытия им срока наказания, больше напоминает дискреционное пожизненное заключение. Следовательно, г-н Хуссейн вправе, в силу Ст. 5-4 ЕКПЧ, обратиться в суд, имеющий соответствующую компетенцию, с тем, чтобы он вынес решение о законности его содержания под стражей в разумные сроки.

Относительно вопроса о том, отвечает ли возможное обжалование требованиям статей 5-4 ЕКПЧ, то Суд здесь считает, что - в том случае, если речь идет о большом сроке поремного заключения и когда материалы, касающиеся личности заключенного и его степени зрелости, важны при определении степени его опасности для общества, - то статьи 5-4 ЕКПЧ требуют проведения судебного заседания с соблюдением принципа состязательности в рамках судебного разбирательства, предполагающего представительство заявителя защитником и возможность вызывать и допрашивать свидетелей.

Суд констатирует, что отсутствие этих процессуальных гарантий не позволяет рассматривать Комиссию по вопросам досрочно-условного освобождения как суд или судебный орган в смысле Ст. 5-4 ЕКПЧ. Следовательно, имело место нарушение Ст. 5-4 ЕКПЧ.

Идентификационный номер: ECH-1996-1-003

Лобо Мачадо против Португалии.

Ключевые слова для алфавитного указателя:

Соблюдение принципа состязательности в ходе судебного производства по делу.

Краткая аннотация:

Запрещение истцу - в споре, касающемся его социальных прав, - быть проинформированным о мнении, изложенном в письменном виде судьейским работником прокуратуры в Верховном суде, и, следовательно, ответить на него в присутствии последнего в заседании за закрытыми дверями игнорирует право истца на соблюдение принципа состязательности в ходе судебного производства по его делу.

Сокращенное содержание:

Г-н Лобо Мачадо (Lobo Machado) поступил в 1955г. в качестве инженера на службу в фирму САКОР (SACOR), которая в результате национализации вошла в состав государственного предприятия ПЕТРОГАЛ (PETROGAL), ставшего в 1989г. акционерным обществом с мажоритарным участием государства в уставном капитале. Тем временем, 1 января 1980 года, заявитель ушел на пенсию.

5 февраля 1986 г. г-н Мачадо возбудил дело в суде по трудовым конфликтам г. Лиссабона против своего бывшего работодателя. Он оспаривал свою принадлежность к профессиональной категории, которая была ему присвоена, и требовал ее пересмотра. Так как пересмотр отражался на размеры пенсии, он также требовал выплаты дополнительных сумм, которые ему якобы полагались, начиная с 1980 года.

1-го июня 1988 г. Апелляционный суд г. Лиссабона подтвердил решение, вынесенное лиссабонским судом по трудовым конфликтам 7 октября 1987 г., который отклонил его требования.

Г-н Мачадо обжаловал это решение в Верховном суде. После обмена записками между сторонами дело было передано на рассмотрение прокуратуры, которая в письменном виде высказалась за отклонение обжалования. Верховный совет собрался 19 мая 1989 г. в закрытом судебном заседании в составе секретаря суда, представителя прокуратуры и заместителя генерального прокурора. После их совещания, судом было вынесено в этот же день постановление об отклонении обжалования.

Прежде всего, Европейский Суд по Правам Человека счел своей обязанностью подчеркнуть большое значение роли, реально взятой на себя в производстве по этому делу работником прокуратуры, а также содержания и последствий сделанных им замечаний. Они содержали мнение, за которым стоял авторитет самой прокуратуры, и которое, следовательно, имело целью дать совет Верховному суду и повлиять на него.

Суд постановил, что, принимая во внимание важность решения, вынесенного Верховным судом и характер мнения заместителя генерального прокурора, а также невозможность для заинтересованного лица быть проинформированным о нем до объявления судебного постановления и ответить на него, игнорировали право заявителя на соблюдение принципа состязательности в ходе судебного производства по его делу. Следовательно, имело место нарушение Ст. 6-1 ЕКПЧ.

Игнорирование этого вопроса было усугублено фактом присутствия заместителя генерального прокурора в заседании за закрытыми дверями Верховного суда, который воспользовался дополнительной возможностью лишиться раз настоять на своем мнении в совещательной комнате, чувствуя себя огороженным от всякого возражения в духе состязательности.

Идентификационный номер: ECH-1996-1-002

Гюль против Швейцарии.

Ключевые слова для алфавитного указателя:

Выдача вида на жительство из соображений гуманности / Объединение семьи

Краткая аннотация:

Отказ швейцарских властей в разрешении несовершеннолетнему сыну гражданина Турции, обладателя вида на жительство, выданного из соображений гуманности, переехать к отцу в Швейцарию не является нарушением права на уважение к семейной жизни.

Сокращенное содержание:

Г-н Гюль (Gül) проживал в Турции со своей супругой и двумя сыновьями вплоть до 1983 г., когда он направился в Швейцарию и попросил там политического убежища.

В 1987 г. его супруга, страдавшая приступами эпилепсии, переехала к нему на жительство в Швейцарию, и в 1989 г. из соображений гуманности полиция по делам иностранных граждан кантона Базель - Кампань (Bale - Campagne) выдала заинтересованному лицу и его жене вид на жительство.

19 сентября 1990 г. полиция по делам иностранных граждан кантона отвергла ходатайство, представленное заявителем с целью получения возможности переправить в Швейцарию своих двух сыновей, на том основании, что его квартира для этого не подходила и что его источники существования были недостаточны для содержания его семьи.

30 июля 1991 г. Государственный Совет кантона Базель-Кампань отверг обжалование этого решения в апелляционном порядке заявителем, объявив, что предоставленный ему вид на жительство не предоставляет ему права на объединение семьи. 2 июля 1993 г. Федеральный суд объявил неприемлемым обжалование решения в административном порядке заявителем.

Европейскому Суду по Правам Человека предстояло определить, нарушал ли отказ швейцарских властей в разрешении сыну заявителя переехать к нему в Швейцарию право заявителя на уважение к семейной жизни.

Прежде всего, Суд напоминает, что с самого момента рождения и единственно в силу самого факта своего рождения существует между ребенком и его родителями связь, составляющая "семейную жизнь", которую последующие события могут разорвать только при чрезвычайных обстоятельствах.

Суд из этого делает заключение, что, несмотря на расстояние, территориально их разделяющее, заявитель неоднократно посещал Турцию. Следовательно, нельзя утверждать, что связь "семейной жизни" между ними была разорвана.

Далее Суд рассмотрел, имело ли место вмешательство швейцарских властей в право заявителя, гарантированное Ст. 8 ЕКПЧ.

Суд подчеркивает, что степень обязанности государства допускать на свою территорию родственников иммигрантов зависит от положения заинтересованных лиц и от заинтересованности в этом всего общества. На этом основании государства вправе контролировать въезд неграждан на свою территорию.

Кроме того, Ст. 8 ЕКПЧ не может толковаться таким образом, что она включает в себе общее обязательство для государства уважать выбор супругами места их совместного проживания и позволять семьям объединяться на своей территории.

В данном случае, частые посещения Турции заявителем, возможность получения обычной пенсии по инвалидности в случае возвращения на родину, возможность для его супруги пользоваться адекватным медицинским обслуживанием в Турции, а также отсутствие у обоих супругов права на постоянное жительство в Швейцарии позволили установить отсутствие каких бы то ни было препятствий к обустройству их семейной жизни в стране происхождения, где постоянно проживал сын заявителя.

Признавая весьма трудную ситуацию, в которой находится семья Гюль с человеческой точки зрения, Суд постановил, что не было вмешательства Швейцарии в семейную жизнь заявителя.

Следовательно, не было и нарушения Ст. 8 ЕКПЧ.

Идентификационный номер: ECH-1996-1-001

Маррей против Великобритании.

Ключевые слова для алфавитного указателя:

Адвокат, право на помощь / Полиция, допрос.

Краткая аннотация:

Неблагоприятное для подсудимого заключение, сделанное на основании его же молчания во время допросов в полиции и в ходе суда над ним, не игнорирует принципа презумпции невиновности.

Невозможность для подсудимого воспользоваться помощью адвоката в течение первых 48 часов, последовавших за его задержанием, ущемляет право на справедливое судебное разбирательство.

Сокращенное содержание:

Г-н Маррей (Murphy) был арестован 7 января 1990 г. в доме, где незаконно удерживался информатор полиции в рядах временной Ирландской Республиканской Армии (далее - ИРА). Комиссар полиции, согласно закону 1987 г. о чрезвычайном положении в Северной Ирландии, решил отложить на 48 часов возможность для Г-на Маррея проконсультироваться с адвокатом, считая, что подобный контакт помешает проведению полицейской операции по борьбе с терроризмом.

Полиция также предупредила г-на Маррея о том, что согласно ордонансу 1988 г. о средствах доказывания по делам о преступлениях в Северной Ирландии - может быть сделано неблагоприятное для него заключение, если он не будет отвечать на вопросы, поставленные до начала судебного процесса.

8 и 9 января 1990 г. г-н Маррей допрашивался 12 раз и каждый раз перед допросом он снова предупреждался.

В ходе всех этих допросов г-н Маррей продолжал хранить молчание.

8 марта 1991 г. Председатель Высшего Суда (Lord Chief Justice) Северной Ирландии приговорил Маррея к 8 годам тюремного заключения за соучастие в незаконном удерживании информатора.

Судья дал заключение, направленное против обвиняемого, в связи с тем, что тот не объяснил свое присутствие в доме и сохранял молчание на суде.

Апелляционный суд Северной Ирландии отказал в удовлетворении требований заявителя в июле 1992 года.

Первый вопрос, который предстояло решить Европейскому Суду по правам человека, состоял в определении того, игнорировало ли извлечение неблагоприятного для заявителя заключения из его молчания принцип презумпции невиновности (Ст. 6-2 ЕКПЧ).

Суд считает, что необходимо учитывать все обстоятельства в их совокупности в зависимости от каждого конкретного случая, на основании которого можно делать выводы, и от веса, придаваемого им национальными судами.

В данном случае Суд напоминает, что заявитель смог хранить молчание. Согласно законодательству Северной Ирландии, упорное молчание в ходе всего судебного производства по делу не образует состава уголовного преступления и не является признаком виновности.

Кроме того, Суд подчеркивает, что законодательство Северной Ирландии разрешает извлекать заключения из молчания заявителя только в том случае, если соблюдены серьезные гарантии, направленные на обеспечение прав защиты, и ограничивающие вес, придаваемый вышеуказанным заключениям: подобные заключения возможны только тогда, когда представленные обвинения достаточно серьезны, чтобы можно было требовать ответа.

Следовательно, нарушения принципа презумпции невиновности не было.

Исходя из Ст. 6-3 ЕКПЧ (право подсудимого пользоваться помощью адвоката), Суд считает, что она может играть свою роль до передачи дела на рассмотрение судьи, разрешающего его по существу, так как несоблюдение этой статьи рискует серьезно подорвать справедливый характер судебного разбирательства.

В данном случае, принимая во внимание систему, предусмотренную северо-ирландским законодательством, особенно важно для соблюдения прав защиты, чтобы у подсудимого был доступ к юристу в начальной фазе допросов в полиции; и если, в таком случае, обвиняемый решит сохранять молчание, то тогда может быть дано неблагоприятное для него заключение. А если он решит прервать свое молчание, то он рискует скомпрометировать этим свою защиту.

Основываясь на всем вышесказанном, Суд считает, что имело место нарушение Ст. 6-1 ЕКПЧ, взятой в совокупности со Ст. 6-3-е ЕКПЧ, по причине отказа заявителю в доступе к адвокату в течение первых 48 часов, последовавших за его задержанием.

Идентификационный номер: ECH-1995-3-023

Рибич против Австрии.

Ключевые слова для алфавитного указателя:

Задержание.

Краткая аннотация:

Нанесение заявителю телесных повреждений в ходе его задержания относится к области жестокого обращения, рассматриваемого одновременно как бесчеловечное и унижающее достоинство.

Сокращенное содержание:

Заявитель был арестован за незаконную торговлю наркотиками и помещен под стражу. Будучи отпущен на свободу, он проинформировал нескольких лиц, в том числе одного журналиста, о плохом обращении с ним в ходе его задержания. Об инциденте было сообщено по радио и возбуждено преследование в уголовном порядке против полицейских, привлеченных к участию в деле. Заявитель присоединился к делу, предъявив гражданский иск. Районный суд г. Вены одобрил фактическую версию заявителя, исключив любую возможность случайного происхождения его травм, и осудил полицейского, признанного виновным в нанесении телесных повреждений. Районный суд по уголовным делам г. Вены отменил приговор и оправдал полицейского: он постановил, что, взвесив все обстоятельства дела, версия событий, данная подсудимым, согласно которой заявитель в результате падения сам ударился о дверку полицейского автомобиля, не могла быть опровергнута. Конституционный суд отверг жалобу на плохое обращение.

Г-н Рибич (Ribitsch) утверждал, что в ходе его содержания под стражей в участке управления федеральной полиции г. Вены он подвергнулся жестокому обращению, несовместимому со Ст. 3 ЕКПЧ.

Суд отмечает бесспорность нанесения г-ну Рибичу телесных повреждений во время его задержания. Оправдание инспектора полиции в уголовном порядке судом,

связанным презумпцией невиновности, не освобождает австрийское государство от ответственности по отношению к Европейской Конвенции о защите прав человека. Таким образом, правительству Австрии предстояло дать достоверное объяснение происхождению телесных повреждений, нанесенных заявителю. Так вот, Суд не находит убедительными предоставленные им объяснения, так как удар о дверку полицейского автомобиля в результате падения объяснял лишь весьма частично и, следовательно, неполно повреждения, о которых шла речь выше.

Суд подчеркивает, что по отношению к лицу, лишенному свободы, всякое применение физической силы, не ставшее абсолютно необходимым в результате поведения самого лица, является посягательством на человеческое достоинство и, в принципе, нарушением права, гарантированного Ст. 3 ЕКПЧ. Суд напоминает, что нужды следствия и бесспорные трудности, возникающие в ходе борьбы с преступностью, не должны приводить к ограничению защиты физической неприкосновенности личности.

В данном случае, нанесение заявителю телесных повреждений в ходе его задержания относится к области жестокого обращения, рассматриваемого одновременно как бесчеловечное и унижающее его достоинство.

Таким образом, имело место нарушение Ст. 3 ЕКПЧ.

Идентификационный номер: ECH-1995-3-022

Брайан против Великобритании.

Ключевые слова для алфавитного указателя:

Обжалование в апелляционном порядке, юридические вопросы / Факты, установление.

Краткая аннотация:

Судебное производство, возбужденное заявителем в соответствии с английским законодательством сначала при участии инспектора по вопросам градостроительства, а затем в Высшем Суде с тем, чтобы оспорить официально представленное ему требование, соблюдает право на справедливое судебное разбирательство

Сокращенное содержание:

Заявитель получил официально представленное требование муниципального совета местечка Вейл Роял (Vale Royal), предписывавшее ему снести два кирпичных здания, находившихся на его земельном участке, на том основании, что они были возведены без соответствующего разрешения на строительство. Заявитель обратился с обжалованием этого решения к министру окружающей среды. Инспектор, служащий Министерства окружающей среды, отверг его жалобу. Г-н Брайан (Bryan) оспорил по юридическим вопросам решение инспектора в Высшем Суде (High Court), который отказал в удовлетворении его требования. Этот судебный орган мог проконтролировать факты, констатируемые инспектором, или заключения, сделанные им на основе фактов, только тогда, когда он их считал незаконными или неразумными.

Суд считает, что рассмотрение вопроса, проведенное инспектором, в сочетании с бесспорными гарантиями обеспечило заявителю "справедливое судебное разбирательство". Хотя возможность, имеющаяся у министра, в любой момент отдать распоряжение об отзыве полномочий, предоставленных инспектору по вынесению решений по апелляционным жалобам, достаточна для того, чтобы лишить инспектора видимости независимости, а таковая независимость требуется Ст. 6-1 ЕКПЧ. Следовательно, проверка, проведенная инспектором, сама по себе не удовлетворяет требованиям этой статьи.

Ограничиваясь "юридическими вопросами", апелляционная жалоба в Высший Суд не могла охватить все аспекты решения, вынесенного инспектором.

Одновременно Высший Суд имел достаточную компетенцию для рассмотрения всех доводов, приводимых в апелляционном порядке, - на них ссылались и настаивал заявитель, аргументы которого были изучены пункт за пунктом. Высший суд мог бы отменить решение инспектора: если бы оно основывалось на материалах, не имеющих отношения к делу; если бы в нем не учитывались значимые для дела факторы; если бы констатация фактов не была подтверждена достаточно надежными доказательствами; если бы решение вытекало из вывода, сделанного произвольно или нерационально из имеющихся фактов. Можно вполне разумно ожидать, что именно так и действует апелляционный суд в специализированных правовых областях, таких, как благоустройство территории в городе и на селе, и в частности, тогда, когда факты были предварительно установлены в ходе почти судебного производства.

Принимая во внимание предмет решения, то, как оно было принято, и содержание спора, объем проверки, осуществленный Высшим Судом, достаточен.

Суд пришел к выводу, что жалобы, с которыми смог обратиться заявитель, чтобы настоять на своих претензиях, удовлетворяют требованиям Ст. 6-1 ЕКПЧ. Следовательно, нарушения этого положения не было.

Идентификационный номер: ECH-1995-3-022

Ключевые слова для алфавитного указателя:

Судебная практика, эволюция / Изнасилование, судебная неприкосновенность в законном браке.

Краткая аннотация:

Решения национальных судов, согласно которым заявитель не мог ссылаться на свою судебную неприкосновенность в законном браке, чтобы уйти от приговора за попытку изнасилования своей супруги, не нарушают принципа отсутствия обратной силы законодательства по уголовным делам.

Краткое изложение обстоятельств дела:

Суд отмечает, что гарантии, провозглашаемые Ст. 7 ЕКПЧ, занимают первостепенное место в системе защиты прав человека Конвенции, как об этом свидетельствует запрещение Ст. 15 ЕКПЧ любого отступления от таких гарантий во время войны или другого явления, представляющего опасность для общества. Их необходимо толковать и применять таким образом, чтобы обеспечить реальную защиту личности от незаконных преследований, осуждения и наказания. Отсюда вытекает принцип законности при определении преступлений и вынесении наказаний, а также принцип, предписывающий не применять уголовное законодательство расширительно в ущерб обвиняемому; равным образом правонарушение должно быть ясно определено законом.

Какими бы ясными ни были определения, содержащиеся в положениях закона той или иной правовой системы, неизменно остается доля судебного толкования и надо выяснять сомнительные моменты и приспосабливаться к изменениям обстановки. Нельзя трактовать Ст. 7 ЕКПЧ, как упраздняющую такой подход, при условии, что результат был бы сопоставим с существом правонарушения и разумно предсказуем.

Суд напоминает, что на национальных властях лежит обязанность по толкованию и применению внутреннего права. Он не видит никаких причин, по которым он должен отмежеваться от заключения Апелляционного суда (Court of Appeal) и Палаты Лордов о значении слова "незаконный" в статье 1.1. закона от 1976 года, вносящего изменения в существующее законодательство о половых преступлениях. Их решения лишь только шли в русле наметившейся тенденции в развитии судебной практики к отмене судебной неприкосновенности, защищавшей мужа от преследований за изнасилование своей собственной жены. Без всякого сомнения, по состоянию закона на 12 ноября 1989 года, муж, силой принудивший свою жену к половым отношениям, мог быть при самых различных обстоятельствах уличен в изнасиловании. Более того, толкование в судебной практике претерпело явную эволюцию, сопоставимую с самой сущностью правонарушения, в том направлении, чтобы рассматривать в более широком плане подобное поведение, как образующее состав изнасилования. Изменения в этой области таковы, что признание в судебном порядке отсутствия неприкосновенности мужа было отныне разумно предсказуемым этапом в эволюции закона.

Унизительность изнасилования носит столь явный характер, что никак нельзя рассматривать результат решений национальных судов, как противоречащий предмету и целям Ст. 7 ЕКПЧ и основополагающим задачам Европейской Конвенции, суть которой состоит в обеспечении соблюдения достоинства человека и его свобод.

Следовательно, нарушения Ст. 7 ЕКПЧ не было.

Идентификационный номер: ECH-1995-3-020

Велозе Баретто против Португалии.

Ключевые слова для алфавитного указателя:

Жилье / Законная цель социальной политики.

Краткая аннотация:

Ограничение права владельца дома выселять съемщика не игнорирует права на уважение личной и семейной жизни и права на уважение к имуществу.

Сокращенное содержание:

Заявитель жаловался на то, что португальские суды отказали ему в возможности вернуть себе с целью проживания свой собственный дом, который он сдал в наем.

Касательно Ст. 8 ЕКПЧ, Суд напоминает, что эта статья направлена главным образом на то, чтобы оградить человеческую личность от произвольного вмешательства органов государственной власти. Более того, она может наложить на них позитивные обязательства и, в частности, обязанность следить за обеспечением уважения личной и семейной жизни вплоть до межличностных отношений. В этой области, как и во многих других, следует следить за соблюдением строгого равновесия между общественными интересами и интересами лица, привлеченного к участию в деле.

Оспариваемые решения помешали г-ну Велозе Баретто (Vélosa Baretto) поселиться в своем собственном доме, на что он рассчитывал. И все же, положение о реальном уважении к личной и семейной жизни не может зыти настолько далеко, чтобы вынудить государство уступить собственнику, исключительно по его требованию и при любых обстоятельствах, право вернуть в свое пользование сданный им в наем дом.

Тщательно взвесив все фактические и правовые обстоятельства дела, представленные на их рассмотрение, и внимательно проанализировав различные доводы, выдвинутые заявителем, суд первой инстанции местечка Фуншал (Funchal) и Апелляционный суд г. Лиссабона сочли, что заявитель не нуждался в здании с целью проживания в нем. Суды, в частности, приняли во внимание улучшение жилищного положения Г-на Велозы Баретто в ходе судебного производства по его делу, так как обе тети его супруги и его брат покинули тем временем дом, в котором он проживал, предоставив ему тем самым больше места для ведения хозяйства.

Не было доказано и ничто не указывает на то, что при вынесении своих решений, португальские суды действовали самоуправно или неразумно или не смогли соблюсти свою обязанность следить за справедливым равновесием интересов сторон.

Следовательно, право, гарантированное Ст. 8 ЕКПЧ, игнорировано не было.

Касательно Ст. 1 Протокола 1 ЕКПЧ, то здесь Суд констатирует, что ограничения, наложенные на право заявителя выселить съемщика, относятся к области контроля за использованием имущества в том смысле, как это понятие понимается во втором абзаце Ст. 1 Протокола 1 ЕКПЧ, и преследует законную цель социальной политики.

Более того, Суд ссылается на свои соображения касательно предполагаемого нарушения права заинтересованного лица на уважение его личной и семейной жизни, в равной мере применимых к праву последнего на уважение к его имуществу.

На этом основании Суд пришел к выводу об отсутствии нарушения Ст. 1 Протокола 1 ЕКПЧ.

Идентификационный номер: ECH-1995-3-019

Ключевые слова для алфавитного указателя:

Законная надежда / Ответственность за ошибку / Общественная полезность.

Краткая аннотация:

Закон с тридцатилетней силой обратного действия, просто-напросто отменивший без какой бы то ни было компенсации обязательства по возмещению причиненного ущерба, которые жертвы несчастных случаев, вызванных ошибками пилотажа воздушных судов, могли бы требовать от бельгийского государства и несущих за это ответственность частных компаний, - иногда даже через уже шедшие судебные разбирательства - игнорирует право на уважение к имуществу.

Сокращенное содержание:

С точки зрения Суда, обязательство по возмещению, возникшее, как это было в данном случае, с момента причинения ущерба, рассматривается как "материальная

ценность" и имеет характер имущества в том смысле, как это понятие понимается в первом предложении Ст. 1 Протокола 1 ЕКПЧ, которая, следовательно, подлежит применению в данном случае. Принимая во внимание судебную практику Суда кассационной инстанции, заявители могли претендовать на то, чтобы питать "законную надежду" на конкретизацию своих долговых требований по отношению к рассматриваемым в деле несчастным случаям в соответствии с общим правом об ответственности. Такой была ситуация по рассматриваемым в деле несчастным случаям, произошедшим до 17 сентября 1988 года, когда вступил в силу закон от 1988 года.

Суд отмечает, что закон от 1988г. освободил государство и другие организации, предлагающие услуги по пилотажу воздушных судов, от ответственности за ошибки, за которые они должны бы были ответить. Вышеназванный закон повлек таким образом вмешательство в пользование правом требования возмещения причиненного ущерба, на котором можно было настаивать согласно внутреннему праву, остававшемуся в силе до сих пор, и, следовательно, в право любого лица, а в частности, и каждого из заявителей, на уважение к его имуществу. Так как этот закон относится к несчастным случаям, имевшим место до 17 сентября 1988 года, единственно исследуемым в рамках дела, то данное вмешательство рассматривается как лишение собственности в смысле Ст. 1 Протокола 1 ЕКПЧ.

Суд напоминает, что национальные власти располагают некоторым пределом усмотрения при определении того, что "общественно полезно". Считая нормальным наличие у законодательной власти широкой свободы действия в проведении экономической и социальной политики, Суд с уважением относится к тому, как ею вырабатываются требования "социальной полезности", за исключением тех случаев, когда его суждение оказывается лишенным всякой разумной основы, а в нашем случае дело обстоит явно не так.

Правительство ссылалось на одновременно тягчайшие и непредсказуемые последствия, которые могло иметь для бюджета страны постановление Кассационного суда от 15 декабря 1983 года. Оно настаивало также на якобы существовавшей необходимости покончить с отсутствием "правовой безопасности", вызванной вышеуказанным постановлением. Наконец, оно подчеркивало, что закон 1988 года был, в частности, направлен на то, чтобы привести бельгийское законодательство в соответствие с законами соседних стран.

Суд напоминает признание Кассационным судом в постановлении "Фландрия" от 5 ноября 1920 года, что государство и другие субъекты публичного права подчиняются общему праву об ответственности. Возможно, с тех пор ему не приходилось рассматривать дела об ответственности государства в области пилотирования воздушных судов, но конечно же нельзя было не предвидеть, что в этой области Кассационный суд при первой же возможности применит принципы, которые он сам же и определил в общих выражениях в своем постановлении 1920 года. И тем более можно было этого ожидать, когда - по прочтении закона 1967г. в свете мнения Государственного Совета - имелись все законные основания полагать, что Кассационный суд на отступит от общего права об ответственности. Таким образом, постановление 1983 г. не стало посягательством на "правовую безопасность".

Что касается финансовых соображений, упомянутых правительством, и его заботы о приведении бельгийского права в соответствие с правом соседних стран, то они могли оправдать, на будущее, законодательство, отступающее в этой области от общего права об ответственности. Но эти соображения не могли узаконить придание закону обратной силы, целью и следствием которого стало лишение заявителей обязательств по возмещению нанесенного им ущерба. Столь грубое посягательство на права заинтересованных лиц не соблюдает справедливого равновесия между интересами представленных сторон.

Следовательно, имело место нарушение Ст. 1 Протокола 1 ЕКПЧ.

Идентификационный номер: ECH-1995-3-018

Сколло против Италии.

Ключевые слова для алфавитного указателя:

Жилье, выселение.

Краткая аннотация:

Невозможность для владельца квартиры добиться исполнения судебного решения о выселении игнорирует право на уважение к имуществу и право на судебное разбирательство дела в разумные сроки.

Сокращенное содержание:

Заявитель утверждал, что невозможность вернуть себе свою же квартиру в результате применения чрезвычайных законодательных актов в области аренды жилых помещений, ущемляет его право на уважение его имущества, утверждаемому Ст. 1 Протокола 1 ЕКПЧ.

Ссылаясь на Ст. 6-1 ЕКПЧ, он утверждал также, что его дело не было рассмотрено в разумные сроки в результате применения законодательных мер о приостановлении выселения в совокупности с невозможностью осуществить принудительное исполнение мер по выселению в тех случаях, когда такая возможность представлялась.

Относительно Ст. 1 Протокола 1 ЕКПЧ, Суд заключил, что, принимая чрезвычайные меры и предусмотрев некоторые исключения при их применении, итальянский законодатель мог разумно полагать, учитывая необходимость соблюдать справедливое равновесие между интересами общества и правом собственников, - а в частности, и заявителя, - что избранные меры подходили для достижения законной цели. Тем не менее, ограничения, наложенные на возможности г-на Сколло (Scollo) пользоваться своей квартирой по причине неприменения вышеназванных положений компетентными властями, противоречат требованиям второго абзаца Ст. 1 Протокола 1 ЕКПЧ. Следовательно, имело место нарушение таковой статьи.

Касательно Ст. 6-1 ЕКПЧ, то здесь Суд отмечает, что - принимая во внимание зависимость исполнения мер по выселению от активности заинтересованной стороны - г-н Сколло со своей стороны не жалел сил для удовлетворения своих требований, неоднократно обращаясь к судебному исполнителю, который, кстати, постоянно требовал оказания ему помощи средствами государственного принуждения. Тем не менее, соответствующая комиссия при префектуре и сам префект никогда не давали хода этим шагам. Worse не игнорируя практические затруднения, возникающие при приведении в исполнение очень многих мер по выселению, Суд полагает, что инертность, проявленная компетентными административными органами, влечет ответственность итальянского государства на основании Ст. 6-1 ЕКПЧ. Следовательно, имело место нарушение Ст. 6-1 ЕКПЧ.

Идентификационный номер: ECH-1995-3-017

Ключевые слова для алфавитного указателя:

Развратные действия / Дача взятки.

Краткая аннотация:

Осуждение за развратные действия и назначение меры наказания на основании закона, вступившего в действие после совершения событий, не игнорируют в данном случае принцип, запрещающий применять с обратной силой уголовные законы в ущерб обвиняемому.

Сокращенное содержание:

Заявитель, инспектор отдела выдачи водительских удостоверений, был обвинен в получении взяток в виде наличности за выдачу водительских удостоверений. В ходе расследования он также был привлечен к ответственности за вымогательство взятки в виде принуждения к половым отношениям и развратных действий в отношении лица женского пола, сдававшего экзамен на получение водительского удостоверения. Он был приговорен к трем годам тюремного заключения.

Г-н Г. потребовал пересмотра приговора в кассационном порядке, настаивая на том, что развратные действия с принуждением не образовывали состава уголовного преступления на момент совершения действий, и что с тех пор никаких насильственных действий им не было совершено в отношении лица, ставшего предметом предполагаемого принуждения. Кассационный суд отверг жалобу, мотивируя тем, что заявление о виновности на основании предупреждения взяточничества оправдывало вынесенную меру наказания, и что не следовало выносить нового решения по выдвинутому аргументу.

В своем ходатайстве в Комиссию заявитель утверждал, что его осуждение за деяние, не образовывавшее на момент его совершения состава преступления по бывшему тогда в силе закону, нарушает Ст. 7 ЕКПЧ.

Суд констатирует, что факты, вменяемые в вину заявителю, подпадают также под действие нового закона. Отталкиваясь от принципа применения более мягкого закона как при признании деяния преступным, так и при определении меры наказания, итальянские судебные органы использовали при определении меры наказания Ст. 333 нового уголовного кодекса, которая квалифицирует в качестве уголовного деяния проступок, вменяемый в вину г-ну Г., ранее содержавший признаки преступления. Таким образом, применение этой статьи, хотя и использованной с обратной силой, было благоприятно для заявителя.

Вывод: Ст. 7-1 ЕКПЧ нарушена не была.

Идентификационный номер: ECH-1995-3-016

Ключевые слова для алфавитного указателя:

Террористическое покушения / Применение силы.

Краткая аннотация:

Принимая во внимание недостаточный учет властями возможности ошибки в их оценке точности разведанных и факта открытия военнослужащими огня на поражение, Суд не убежден, что смерть трех террористов -подозреваемых в подготовке покушения с применением взрывного устройства и в убийстве сотрудников службы безопасности - стала результатом применения силы, абсолютно необходимого для обеспечения защиты любого лица от незаконного насилия.

Сокращенное содержание:

Власти Великобритании, Италии и Гибралтара были в курсе подготовки бойцами Ирландской Республиканской Армии (далее - ИРА) террористического покушения в Гибралтаре; они располагали сведениями, позволяющими думать, что одна из групп ИРА (которая уже была "вычислена") совершит покушение скорее всего с помощью автомобиля, начиненного взрывчаткой. Предполагалось арестовать членов группы после того, как они везут автомобиль на территорию Гибралтара. Тем не менее, трое из боевиков группы были застрелены членами воздушно-десантного спецназа (Special Air Service - SAS)рядом в запаркованном автомобилем после того, как специалист по взрывчатым веществам заявил после спешного осмотра, что речь может идти в данном случае о машине, начиненной взрывчаткой. При телах убитых не было обнаружено никакого оружия, ни взрывателей. Судебный работник Гибралтара, специализирующийся на определении причин смерти (Coroner), начал судебное расследование по факту открытия огня. Жюри в составе присяжных заседателей вынесло решение о законности убийств. Неудовлетворенные такими решениями, заявители возбудили в Высшем Суде (High Court)Северной Ирландии иски против Министерства обороны, но эти иски были окончательно вычеркнуты из реестра дел, назначенных к судебному разбирательству.

В своем ходатайстве в Комиссию заявители жаловались на то, что смерть троих подозреваемых, произошедшая в результате применения огнестрельного оружия, является нарушением Ст. 2 ЕКПЧ.

В качестве общего положения, Суд отмечает прежде всего, что Ст. 2 ЕКПЧ является одной из основополагающих в Конвенции.

По разумению Суда, исключения, определенные в Ст. 2-2 ЕКПЧ, свидетельствуют, что Ст. 2 ЕКПЧ предусматривает, конечно же, случаи преднамеренного лишения жизни, но это не является ее единственным предметом. Рассмотренный во всей его совокупности, текст Ст. 2-2ЕКПЧ свидетельствует, что пункт 2статьи определяет прежде всего не ситуации, в которых позволено преднамеренное лишение жизни, а описывает положения, когда возможно "применение силы", способное привести к непредумышленному лишению жизни. Применение силы должно стать "абсолютно необходимым" для достижения одной из целей, перечисленных в пунктах a), b) и c).

Суд заявляет о своей обязанности крайне внимательно рассматривать случаи лишения жизни в результате преднамеренного применения силы, повлекшего за собой смертельный исход, принимая во внимание не только действия государственных служащих, но также и обстоятельства дела и, в частности, подготовку таких действий и контроль за ними.

Принимая во внимание все сказанное выше, Суд не считает, что различные упущения, допущенные в ходе судебного расследования, могли бы серьезным образом помешать проведению полного, беспристрастного и глубокого рассмотрения обстоятельств совершения убийств. Следовательно, по этому мотиву нарушения Ст. 2 ЕКПЧ не было.

Используя Ст. 2ЕКПЧ применительно к обстоятельствам данного дела, Суд прежде всего отклонил утверждения заявителей, согласно которым убийства были преднамеренными. Суд замечает, что ему потребовались бы убедительные улики, чтобы сделать заключение о существовании плана, направленного на ликвидацию подозреваемых лиц.

Затем Суд очень внимательно изучил вопрос не только о том, была ли примененная сила строго соразмерна необходимости защиты жизни, но и о том, была ли операция подготовлена и проконтролирована таким образом, чтобы сократить до возможного минимума применение силы с последующим смертельным исходом.

Рефлекторные действия военнослужащих, состоявшие в автоматическом открытии огня на поражение, не были осуществлены с соблюдением всех предосторожностей, необходимых при обращении с огнестрельным оружием, и которых Суд вправе ожидать от лиц, ответственных за применение законов в демократическом обществе, даже если речь идет о противостоянии опасным террористам.

Упущение властей, не принявших в расчет возможность ошибки, свидетельствует также о недостаточных мерах предосторожности, принятых при организации операции по захвату и при осуществлении контроля за ней.

Следовательно, имело место нарушение Ст. 2 ЕКПЧ.

Идентификационный номер: ECH-1995-3-015

Дьяню против Франции.

Ключевые слова для алфавитного указателя:

Морально-деонтологический кодекс поведения врача, отступления / Дисциплинарное производство.

Краткая аннотация:

Отсутствие открытости прений в региональном совете департамента Иль-де-Франс и в дисциплинарном отделе Профессиональной корпорации врачей привело к нарушению права заявителя на открытое разбирательство его дела в суде. Напротив, не является нарушением права на беспристрастное судебное разбирательство тот факт, что трое из семи членов дисциплинарного отдела, собравшегося в таком составе для рассмотрения дела в кассационном порядке, уже выносили по нему решение в апелляционной инстанции.

Сокращенное содержание:

На доктора Дьеннэ (Diennet) было наложено взыскание за отступление от правил морально-деонтологического кодекса поведения врача. Региональный совет департамента Иль-де-Франс Профессиональной корпорации врачей объявил об исключении заявителя из своих рядов за отступление от правил морально-деонтологического кодекса. Рассмотрев апелляцию заинтересованного лица, дисциплинарный отдел национального совета заменил исключение запрещением заниматься медицинской практикой в течение трех лет. Доктор Дьеннэ обжаловал это решение в Государственном Совете, отменившем его на том основании, что оно было вынесено в результате судебного производства, порядок которого не был соблюден, и снова направил дело на рассмотрение дисциплинарного отдела национального совета. Собравшись в составе семи членов, трое из которых - и в том числе докладчик, - уже участвовали в вынесении предыдущего решения, дисциплинарный отдел рассмотрел дело за закрытыми дверями. Решением от того же дня заявителю снова было запрещено заниматься медицинской практикой в течение трех лет.

В своем ходатайстве в Комиссию заявитель настаивает на нарушении права на открытость судебного разбирательства и права на то, чтобы его дело было заслушано беспристрастным судом, гарантированными Ст. 6-1 ЕКПЧ.

Прежде всего, Суд пришел к выводу об имевшем место нарушении Ст. 6-1 ЕКПЧ, так как дело заявителя не было заслушано в открытом судебном заседании. Суд отметил бесспорный характер отсутствия открытости разбирательства в дисциплинарных органах. Государственный Совет, рассмотревший в кассационном порядке решения дисциплинарного отдела национального совета Профессиональной корпорации врачей, не может считаться "полноправным судебным органом". Открытости судебных заседаний в нем недостаточно для исправления упущений, отмеченных на стадии дисциплинарного разбирательства. Дело рассматривалось за закрытыми дверями по причине автоматического и предварительного применения декрета от 26 октября 1948 года.

В отношении беспристрастности, Суд счел, что не может быть законных оснований для подозрений при положении, когда трое из семи членов дисциплинарного отдела принимали участие в вынесении первого решения. Кроме того, даже в редакции, отличной от формулировки первого решения, оно бы обязательно имело то же самое основание - за отсутствием вновь раскрывшихся обстоятельств. Таким образом, опасения заинтересованного лица не могут рассматриваться, как оправданные. Следовательно, нарушения Ст. 6-1 ЕКПЧ не было.

Идентификационный номер: ECH-1995-3-014

Фохт против Германии.

Ключевые слова для алфавитного указателя:

Государственная служба, политическая лояльность.

Краткая аннотация:

Изгнание преподавательницы с государственной службы по причине ее политической деятельности в рядах коммунистической партии Германии (далее -КПГ) игнорирует права на свободу выражения своего мнения и на свободу ассоциации с другими лицами.

Сокращенное содержание:

Суд отмечает, что -в свете Ст. 10ЕКПЧ -наложение на заинтересованное лицо дисциплинарного взыскания в виде увольнения за невыполнение обязанности проявлять политическую лояльность рассматривается как вмешательство в пользование правом на свободу выражения своего мнения.

Констатируя, что это вмешательство было "предусмотрено законом" и преследовало законную цель, Суд отмечает существование ряда причин, позволяющих рассматривать увольнение преподавательницы как очень суровое взыскание: его последствия для репутации уволенного лица, потеря средств к существованию и практическая невозможность снова найти для себя подобное место работы в Германии.

Кроме того, единственный риск, возникавший в результате занятия этого поста г-жой Фохт (Vogt), состоял в идеологическом влиянии на ее учеников. Так вот, никакой критике она не была подвергнута по этому пункту: напротив, ее работа в школе пользовалась всеобщим одобрением; кстати, продолжительность дисциплинарного разбирательства ее дела свидетельствует, что власти не считали абсолютно необходимым срочно вывести учеников из под ее влияния. Более того, за пределами школы заявительница никогда не делала антиконституционных заявлений и никогда не вела себя антиконституционным образом. И наконец, отсутствие запрещения КПГ имеет своим следствием абсолютную законность деятельности заинтересованного лица в рядах КПГ.

Следовательно, доводы правительства недостаточны для убедительного установления необходимости увольнения г-жи Фохт. Ее увольнение было несоразмерно преследуемой законной целью.

Касательно Ст. 11ЕКПЧ, то по этому положению Суд считает, что понятие "государственного управления", в смысле Ст. 11-2ЕКПЧ, предполагает его узкое толкование, принимая во внимание характер поста, занимаемого государственным служащим. Даже если преподаватели и относятся к этой категории -а Суд полагает, что в его обязанности не входит разрешение данного вопроса -увольнение г-жи Фохт было несоразмерно преследуемой законной целью. Таким образом, имело место нарушение Ст. 11 ЕКПЧ.

Идентификационный номер: ECH-1995-2-013

Ключевые слова для алфавитного указателя:

Краткая аннотация:

Отказ обвинительной палаты апелляционного суда разрешить заключенному предстать перед судом для того, чтобы выдвинуть доводы в поддержку своего ходатайства об освобождении из-под стражи - в то время, как прокурор был заслушан, - игнорирует принцип процессуального равенства сторон и ущемляет право обвиняемого на обжалование в суде.

Сокращенное содержание:

Четырежды привлекавшийся в качестве обвиняемого за злоупотребление доверием, за многочисленные случаи мошенничества, за дачу ложных показаний и за подстрекательство к злоупотреблению доверием и к мошенничеству, заявитель президент/генеральный директор государственного предприятия, подвергся предварительному заключению, продолжавшемуся два года и одиннадцать месяцев. Неоднократные ходатайства об освобождении из-под стражи, представленные им и основывавшиеся на излишней продолжительности содержания под стражей, были отвергнуты обвинительной палатой апелляционного суда г. Афины. В одном из своих ходатайств заявитель потребовал разрешить ему устно развить в суде свои доводы, которые он уже письменно изложил в своей записке. Заслушав прокурора, изложившего свое заключение, представленное накануне в письменной форме, обвинительная палата отказала в удовлетворении требований заявителя.

Суд отметил, что заявитель находился под стражей двадцать пять месяцев и десять дней в силу трех следовавших друг за другом определений, каждое из которых устанавливало другую дату начала исчисления срока предварительного заключения; два из сроков, установленных этими определениями, даже продлевались до максимума, разрешенного Конституцией Греции. Принцип процессуального равенства сторон предполагал обязательное предоставление заинтересованному лицу возможности предстать перед судом одновременно с прокурором с тем, чтобы оно могло возражать на его заключения. Отказав заявителю в возможности принять участие в судебном разбирательстве, исход которого имел решающее значение для продолжения или же прекращения его содержания под стражей, правовая система Греции, бывшая в силе на момент событий, и в том виде, в котором она была применена в настоящем деле, не удовлетворяла требованиям Ст. 5-4 ЕКПЧ.

Идентификационный номер: ECH-1995-2-012

Насри против Франции.

Ключевые слова для алфавитного указателя:

Высылка преступных элементов.

Краткая аннотация:

Решение о высылке плухонемого алжирца, прибывшего во Францию вместе с семьей в возрасте четырех лет, в случае его принятия к исполнению, игнорировало бы должное уважение к семейной жизни.

Сокращенное содержание:

Начиная с 1977г., заявитель, плухонемой отроду и, кроме того, неграмотный, неоднократно преследовался в уголовном порядке и осуждался за кражи, насильственные действия и участие в групповом изнасиловании. В 1987г. Министр внутренних дел Франции вынес по его поводу постановление о высылке на основании пяти судимостей, одна из которых - за изнасилование. В марте 1988г. административный суд г. Версаля отменил постановление, но в феврале 1991 г. Государственный Совет, в свою очередь, признал недействительным решение административного суда. Будучи вызван в префектуру в январе 1992 года, г-н Насри (Nasri) был там задержан с целью дальнейшей высылки в Алжир. На следующий день он обжаловал относящиеся к высылке решения в административном суде г. Парижа, ссылаясь, в частности, на Ст. 8ЕКПЧ (право на уважение семейной жизни). Этот суд отказал в удовлетворении его требований, основываясь, в особенности, на тяжком преступном прошлом заинтересованного лица и на его упорном отказе порвать с этим прошлым. Тем не менее, выдворения не состоялось в связи с тем, что с г-на Насри была взята подписка о невыезде с места, указанного ему правоохранительными органами, после того, как он обратился с заявлением в Европейскую Комиссию по Правам Человека.

Прежде всего, Суд счел, что исполнение оспариваемой меры наказания явилось бы вмешательством в пользование заинтересованным лицом своим правом на уважение его семейной жизни. Затем Суд отметил, что постановление о высылке основывалось на законе о порядке въезда и пребывания иностранных граждан на территории Франции, и что Государственный Совет констатировал законность оспариваемой меры. Рассматриваемое вмешательство преследовало цели, полностью совместимые с Европейской Конвенцией о защите прав человека: "поддержание порядка" и "предотвращение уголовно наказуемых деяний". Суд, в частности, подчеркнул обязанность государств - участников Конвенции обеспечивать поддержание общественного порядка, прежде всего в том, что касается использования их права контроля над въездом и пребыванием неграждан и, в особенности, высылки преступных элементов из их числа.

Тем не менее, Суд счел, что решение о высылке заявителя, в случае его принятия к исполнению, не было бы соразмерно преследуемой законной цели и нарушило бы Ст. 8ЕКПЧ по причине стечения особых обстоятельств, присущих этому делу: неполноценность заявителя, последствия которой усугубляются его неграмотностью вследствие более чем неполного школьного образования; особое значение для подобного лица семьи, как места приюта, способного помочь ему не погрязнуть окончательно в преступном мире; тот факт, что не были порваны его связи с родителями, приехавшими на обустройство во Францию в 1965 году; и наконец, непонимание заявителем арабского языка.

Идентификационный номер: ECH-1995-2-011

Ваттс против Великобритании.

Ключевые слова для алфавитного указателя:

Залог на покрытие судебных расходов / Клевета.

Краткая аннотация:

Присуждение к выплате компенсации за причиненный ущерб в размере 1,5 миллионов фунтов стерлингов жюри Высшего Суда (High Court) по делу о клевете игнорирует право на свободу выражения своего мнения, чего нельзя утверждать по поводу судебного приказа, вынесенного тем же судом и запрещающего ответчику восприводить позорящие заявления.

Определение апелляционного суда, обусловившее принятие к рассмотрению обжалования ответчиком в этом суде внесением залога в размере 124 900 фунтов стерлингов, предназначенных для покрытия судебных расходов ответчика по апелляции, не нарушает права на доступное судебное разбирательство.

Сокращенное содержание:

В марте 1987 г. брошюра, написанная заявителем, была распространена неким г-ном Ватсом (Watts) среди родителей, учеников и персонала Винчестер Колледжа (Winchester College), а также среди членов обеих палат парламента, среди журналистов и бывших выпускников колледжа. Согласно этой брошюре, директор Винчестер Колледжа, лорд Алдингтон (Aldington) во времена своей службы в высшем офицерском составе британской армии на территории Австрии, оккупированной в конце Второй Мировой войны, нес ответственность за выдачу более чем семидесяти тысяч лиц (военнопленных и беженцев из казаков и югославов) советским властям без разрешения верховного командования союзнических сил в то время, как он отлично знал о жестокой участи, ожидавшей их. Брошюра добавляла, что в книгах и газетных статьях лорд Алдингтон без конца обвинялся на этом основании, как военный преступник.

Лорд Алдингтон предъявил иск о клевете. Судебный процесс начался 2 октября 1989 г. в суде присяжных. В своем резюме для жюри судья посвятил десять страниц вопросу о компенсации за причиненный ущерб в том случае, если факт клеветы будет установлен. 30 ноября 1989 г. жюри вынесло свое решение в пользу лорда Алдингтона, которому присудило выплатить 1.500.000 фунтов стерлингов в качестве компенсации за нанесенный ущерб. Кроме того, Высший Суд (High Court) удовлетворил ходатайство лорда Алдингтона, направленного на вынесение судебного приказа, запрещающего ответчикам повторять позорящие его утверждения, содержащиеся в памфлете. Заявитель подал апелляцию на том основании, что судья был на стороне лорда Алдингтона, что он дал неточные сведения жюри и что, в любом случае, присужденная сумма компенсации выходила за пределы разумного понимания и была завышенной. Так как заявитель не внес требуемого залога, предназначенного для покрытия расходов на представительство лорда Алдингтона в случае неудачного исхода апелляции, 3 августа 1990 г. его обжалование не было принято к рассмотрению.

Основываясь на Ст. 10 ЕКПЧ (свобода выражения своего мнения), Суд прежде всего заявил, что размеры суммы компенсации за причиненный ущерб и вынесение судебного приказа являются вмешательством в пользование заявителем правом на свободу выражения своего мнения. Относительно возмещения, Суд счел его "предусмотренным законом". Он отметил по этому поводу, что британские правовые нормы, относящиеся к компенсации за причиненный клеветой ущерб, были достаточно точны, и что решения о присуждении к выплате таких компенсаций подчинены ограничениям и защищены. Кроме того, в случае с заявителем, нельзя считать, что отсутствие мотивации к тому, чтобы быть приговоренным к уплате компенсации за причиненный ущерб, ставило под вопрос предсказуемость присуждения особенно высокой компенсации. Более того, компенсация преследовала явно законную цель: защитить репутацию или права другого лица.

Тем не менее, Суд отметил, что присужденная к выплате сумма в три раза превосходила самую высокую компенсацию, когда-либо ранее присуждавшуюся в Англии по делам о клевете, и что никакой сравнимой суммы не присуждалось с тех пор. Подобные размеры возмещения должны быть особо открыты для критики там, где в самом внутреннем материальном праве, применявшемся в то время, не предусматривались требования к соразмерности. В момент событий внутреннее английское право предоставляло жюри широкую свободу действий, а рамки судебного надзора, как в первой, так и в апелляционной инстанциях, не обеспечивали соответствующей эффективной защиты от присуждения к выплате несоизмеримых компенсаций. Таким образом, присуждение к компенсации не было "необходимо в демократическом обществе" и, следовательно, имело место нарушение Ст. 10 ЕКПЧ.

На основании Ст. 6 ЕКПЧ Суд заключил, что определение, предписывающее внесение залога *judicatum solvi*, преследовало законную цель - избежать ситуации, при которой ответчик по апелляции столкнулся бы с невозможностью вернуть себе свои судебные расходы, если бы заявитель проиграл дело в апелляционной инстанции, - и служило интересам правомерного отправления правосудия. Оспариваемое определение, основывавшееся на безденежье заявителя и недостойности апелляции, не содержало никакого произвола; оно не посягало на самую суть права заявителя на доступное судебное разбирательство и не было несоизмеримым целям Ст. 6-1 ЕКПЧ. Следовательно, эта статья нарушена не была.

Идентификационный номер: ECH-1995-2-010

Джамиль против Франции.

Ключевые слова для алфавитного указателя:

Тюремное заключение, способ исполнения / Наркотики, незаконная торговля.

Краткая аннотация:

Продление срока лишения свободы, назначаемого в случае неисполнения имущественных судебных санкций, решением апелляционного суда г. Парижа во исполнение закона, вошедшего в силу после совершения деяния (Ст. 749 Уголовного процессуального кодекса Франции) игнорирует принцип неприменения обратной силы уголовного закона.

Сокращенное содержание:

Привлеченный к ответственности за контрабандный ввоз кокаина и участие в стоворе или преступном сообществе с целью такого ввоза, заявитель был приговорен исправительным судом (*рассматривающим дела об уголовных проступках* - Д.М.) г. Бобиньи к восьми годам тюремного заключения, к окончательному запрещению въезда на территорию Франции и к выплате таможенного штрафа с одновременным лишением свободы, назначаемым в случае неисполнения имущественных санкций, определенных обвинительным приговором. Апелляционный суд г. Парижа подтвердил этот приговор и применил к заявителю закон от 31 декабря 1987 г. о борьбе с незаконной торговлей наркотиками, что доводило до двух лет срок лишения свободы за неисполнение имущественных санкций. Кассационный суд счел, что закон 1987 г. может применяться к предшествующим деяниям, полагая, что лишение свободы за неисполнение имущественных санкций является способом исполнения, а не мерой наказания, и что законы, касающиеся исполнения наказаний, должны применяться сразу с момента их вхождения в силу.

Основной вопрос, который предстояло решить Европейскому Суду, состоял в определении, является ли лишение свободы за неисполнение имущественных санкций мерой наказания в смысле Ст. 7 ЕКПЧ, гарантирующей принцип, согласно которому определение деяния преступным и назначение наказания за него должны осуществляться на законных основаниях.

Суд напомнил, что определение "наказания", содержащееся в Ст. 7-1 ЕКПЧ, имеет самостоятельное значение. Чтобы это положение могло действительно выполнять свои охраняющие функции, Суд должен был располагать достаточной свободой для выхода за рамки видимого и для самостоятельного определения того, можно ли по своему усмотрению применять примененную особую меру как "наказание". Таким образом, Суд выяснял, была ли эта мера назначена в результате осуждения за "преступление", и принял в частности во внимание то, как определяется внутренним правом эта мера, каковы ее характер, преследуемые ею цели, порядок, связанный с ее принятием и исполнением, а также ее тяжесть.

Мера, вынесенная в отношении г-на Джамии (Jamil), вписывается в рамки уголовного права по части борьбы с незаконной торговлей наркотиками. Тем не менее, применение лишения свободы за неисполнение имущественных санкций не ограничивается во Франции лишь только областью уголовного права: будучи способом исполнения судебного решения о взимании долговых обязательств в пользу государственной казны, не связанных с возмещением причиненных убытков, эта мера могла также сопровождать приговоры, выносимые в таможенной области, в области налогообложения и других областях.

Направленная на обеспечение гарантии оплаты штрафа через исполнение судебного постановления путем обращения взыскания на личность должника, не доказавшего свою неплатежеспособность, эта мера имела целью принуждение к выплате посредством угрозы заключения под стражу в условиях более сурового содержания, чем те, что предусмотрены общим правом. Будучи пережитком старой системы по принципу долговой ямы, данная мера сохранилась только в пользу государства и не освобождала должника от обязанности оплаты по обязательствам, ставшим причиной его помещения под стражу: если его невозможно было принудить к этому путем обращения взыскания на его личность, взыскание можно было обратить на его имущество.

Вынесенная судебным органом по уголовным делам с целью устрашения, данная санкция, наложенная на г-на Джамии, могла привести к лишению свободы, носящему характер наказания. Следовательно, эта санкция являлась наказанием.

Конечно, г-н Джамаль был освобожден от обязанности оплатить значительную часть наложенного на него таможенного штрафа без обращения взыскания на его личность, но этого освобождения недостаточно для того, чтобы отклонить предшествовавший анализ ситуации.

Следовательно, так как закон 1987 года увеличил максимальный срок лишения свободы в связи с неисполнением наложенных судом имущественных санкций с четырех до двадцати четырех месяцев и в рассматриваемом случае был применен с обратной силой, имело место нарушение Ст. 7 ЕКПЧ.

Идентификационный номер: ECH-1995-2-009

Наби Яа к и Г-н Нихат Сарг н против Турции.

Ключевые слова для алфавитного указателя:

Краткая аннотация:

Предварительное заключение, длившееся три месяца и тринадцать дней, а также судебное производство по уголовному делу, растянувшееся на два года, пять месяцев и восемнадцать дней, превышают разумные сроки, требуемые Европейской Конвенцией о защите прав человека, и это тем более, что события реально имели место до начала исчисления судом вышеуказанных сроков.

Сокращенное содержание:

Г-н Наби Яа к (Nabi Ya k) по профессии журналист, и Г-н Нихат Сарг н (Nihat Sarg n) по профессии врач, были генеральными секретарями, соответственно, рабочей партии Турции и Коммунистической партии Турции.

Вернувшись после продолжительного отсутствия в Турцию, оба заявителя были арестованы 16 ноября 1987 года у трапа самолета, продержаны под стражей до 5 декабря, а затем подверглись предварительному заключению, длившемуся примерно два года и пять с половиной месяцев.

229 страниц обвинительное заключение, вынесенное Судом по делам о государственной безопасности штата Анкара и касавшееся еще 14 других лиц, обвиняло заявителей в том, что они руководили организацией, ставившей своей задачей установление верховенства одного социального класса, занимались пропагандой с этой целью и с намерением ликвидировать права, гарантированные Конституцией, распространяли ложные сведения, порочившие честь государства, сеяли в населении чувства вражды и ненависти, основанные на социальных и классовых различиях, посягали на репутацию Турецкой республики, ее Президента и Правительства. В общей сложности Суд по делам о государственной безопасности штата провел сорок восемь заседаний.

Ходатайства об освобождении из под стражи, поданные заявителями в ходе судебного производства, отвергались из-за характера правонарушений, состояния производства и "содержания дел". 4 мая 1990 г. Суд по делам о государственной безопасности штата распорядился об их предварительном освобождении. Решением от 9 октября 1991 г. он их оправдал: частично, на том основании, что статьи, по которым они преследовались, были отменены, - и заявил о неопределенности ему дела с последующей его передачей на рассмотрение 6-го суда присяжных г. Анкары, который должен был разрешить вопрос о преступном посягательстве на репутацию государственных властей. Последний передал дело на рассмотрение 2-го суда присяжных г. Анкары, в компетенцию которого входили правонарушения, совершенные посредством прессы. Последний оправдал Г-на Яа к и Г-на Сарг н 9 июля 1992 года.

Что касается Ст. 5-3 ЕКПЧ, то Суд изучил основания отказа турецких властей освободить заявителей и пришел к следующим заключениям: а) опасность побега: она не может оцениваться только на основе тяжести назначаемого наказания и определения, вынесенные Судом по делам о государственной безопасности штата, подтверждали необходимость дальнейшего содержания заявителей под стражей, никак не мотивируя эту опасность; б) выражение "состояние доказательств": оно может пониматься как указание на существование и сохранение серьезных признаков виновности, но сами по себе они не могли оправдать в данном случае продолжения содержания под стражей; в) дата ареста заявителей: согласно Конвенции, никакой общий срок задержания сам по себе не может быть оправдан без существования значимых для дела оснований. Следовательно, содержание под стражей заявителей в течение оспариваемого срока нарушило Ст. 5-3 ЕКПЧ.

Касательно Ст. 6-1 ЕКПЧ, Суд констатировал, что дело, даже принимая во внимание всю совокупность доказательств, не может рассматриваться как сложное, и что поведение заявителей и их адвокатов в судебных заседаниях, казалось, не свидетельствовало об их желании заниматься обструкцией. Зато суд по делам о государственной безопасности штата с января 1990 г. по июль 1992 г. посвятил рассмотрению дела лишь двадцать заседаний; более того, после вхождения в силу закона о борьбе с терроризмом в апреле 1991 года он выжидал около шести месяцев, прежде чем оправдать заявителей. Следовательно, продолжительность производства по данному уголовному делу игнорировала Ст. 6-1 ЕКПЧ, гарантирующую, кроме всего прочего, право на справедливое судебное разбирательство в разумные сроки.

Идентификационный номер: ECH-1995-2-008

Эр-Канада против Великобритании.

Ключевые слова для алфавитного указателя:

Собственность, контроль за использованием.

Краткая аннотация:

Арест, наложенный на самолет таможен, рассматривавшей его как подлежащий конфискации, и подчинение его возвращению выплате денежной суммы расцениваются как контроль над использованием имущества, не ущемляющий право на уважительное отношение к имуществу.

Сокращенное содержание:

Обнаружив в багажном отделении самолета фирмы-заявительницы 331 кг. смолы конопли, инспектора таможи наложили арест на воздушное судно как на имущество, подлежащее конфискации (закон 1979 г. о таможене), но вернули его в течение того же дня против уплаты суммы в 50.000 фунтов стерлингов. Авиакомпания Эр-Канада оспорила то, что самолет подлежал конфискации, как это утверждали таможенные инспектора. Ходатайство о конфискации самолета, поданное таможенной инспекцией, было отвергнуто Высшим Судом (High Court), но затем принято к рассмотрению Апелляционным судом (Court of Appeal).

Суд констатировал, что наложение ареста на воздушное судно и последующее его возвращение при условии выплаты определенной суммы являются чрезвычайными мерами, употребленными для усиления службы безопасности авиакомпании. Кстати, этот инцидент был последним по времени в длинной цепи якобы имевших место случаев несоблюдения мер безопасности, о которых сообщалось авиакомпании Эр-Канада, в результате чего имел место незаконный ввоз наркотических средств на территорию Великобритании с 1983 по 1987 годы. Таким образом, принятые меры соответствовали общим интересам, состоящим в необходимости бороться с незаконной международной торговлей наркотиками. Кроме того, Эр-Канада всегда могла обратиться с просьбой о проведении судебной проверки с тем, чтобы оспорить наложение таможенной инспекцией ареста на воздушное судно за отсутствием оснований на арест. Более того, принимая во внимание большое количество обнаруженного конопляного экстракта, его стоимость и цену воздушного судна, условие о выплате 50.000 фунтов стерлингов не было несоразмерным преследуемой законной цели. Учитывая также предел усмотрения, предоставленный государствам в этой области, Суд счел, что

справедливое равновесие, требуемое Ст. 1 Протокола 1 ЕКПЧ (право на уважение имущества) было в данном случае соблюдено.

Основываясь на Ст. 6-1 ЕКПЧ (право на справедливое судебное разбирательство), Суд счел, что заявленные факты не предполагают принятия решения по "уголовному обвинению", а относятся к спору о правах гражданского характера фирмы-заявительницы. Суд отметил, что британское право обязывало таможенную инспекцию возбудить дело о конфискации с того самого момента, когда было оспорено наложение ареста на воздушное судно. С этой точки зрения, требование доступности обращения в суд было выполнено и, следовательно, статья 6-1 ЕКПЧ нарушена не была.

Идентификационный номер: ECH-1995-2-007

Пьермон против Франции.

Ключевые слова для алфавитного указателя:

Равновесие интересов / Высылка (выдворение).

Краткая аннотация:

Меры по выдворению из французской Полинезии с одновременным запрещением возвращения на ее территорию, а также запрещение въезда в Новую Каледонию, принятые в отношении гражданки Германии, члена Европейского Парламента, нарушают право на свободу выражения своего мнения, но не право на свободу перемещения. Свобода выражения своего мнения имеет особую ценность для народного избранника: отсюда необходимость строгого контроля за вмешательством в это право.

Сокращенное содержание:

По приглашению местных деятелей, борющихся за отделение, заявительница участвовала во французской Полинезии в демонстрации за отделение и против ядерных вооружений, в ходе которой она взяла слово. В то время, как она собиралась покинуть территорию французской Полинезии, она была уведомлена о вынесении постановления о ее высылке и запрещении ей возвращаться. Продолжив свое путешествие, она направилась в Новую Каледонию; в аэропорту ее отвели в участок воздушной и пограничной полиции, где ей сообщили о вынесении постановления, запрещающего ей въезд на территорию Новой Каледонии.

Прежде всего, Суд сделал вывод о том, что меры, принятые в отношении заявительницы как во французской Полинезии, так и в Новой Каледонии, не являются вмешательством в пользование правом на свободу передвижения (Ст. 2 Протокола 4 ЕКПЧ).

Основываясь на Ст. 10 ЕКПЧ, Суд счел, что высылка и запрещение въезда на территорию рассматриваются, как вмешательство в пользование правом на свободу выражения своего мнения. Так вот, это вмешательство не было "необходимым в демократическом обществе", так как не было соблюдено справедливого равновесия между общим интересом, предполагающим охрану порядка и сохранение территориальной целостности, с одной стороны, и свободой выражения своего мнения г-жой Пьермон (Piermont), с другой. С этой точки зрения, Суд отметил, что заявления, ставящиеся в упрек последней, были сделаны в ходе мирной демонстрации, разрешенной властями, что выступление заинтересованного лица вписывалось в рамки демократических дебатов в Полинезии, что не было призывом к насилию и что после демонстрации никаких беспорядков не наблюдалось.

Идентификационный номер: ECH-1995-1-006

Прагер против Австрии.

Ключевые слова для алфавитного указателя:

Клевета на судью / Средства массовой информации, клевета.

Краткая аннотация:

Доверие граждан к деятельности правосудия может и должно быть защищено от деструктивных нападков, лишенных всяких оснований, и такая необходимость может оправдать вмешательство в осуществление прессой ее задачи по информированию общественного мнения о работе правосудия.

Сокращенное содержание:

Г-н Прагер (Prager), журналист, опубликовал в журнале Форум (Forum), владельцем которого является г-н Обершлик (Oberschlick), доклад с критикой поведения австрийских судей по уголовным делам и, в частности, девяти судей районного суда по уголовным делам г. Вены, а в том числе и судьи Ж., предъявившему иск о клевете. Суд г. Айзенштадт (Eisenstadt) приговорил заявителей к выплате штрафа и денежного возмещения в пользу судьи Ж., а также распорядился о конфискации нераспроданных экземпляров журнала.

По мнению Суда, осуждение г-на Прагера за клевету и другие меры, на которые жалуются заявители, рассматриваются как вмешательство в пользование их правом на свободу выражения своего мнения. Будучи "предусмотрено законом", это вмешательство преследовало законную цель согласно Ст. 10-2 ЕКПЧ: защита репутации других лиц и обеспечение авторитета правосудия. Тем не менее, Суд констатировал, что некоторые из вменяемых им в вину утверждений носили крайне тяжкий характер и могли не только запятнать репутацию заинтересованных лиц, но и поколебать доверие граждан в целостность и справедливость всего судейского корпуса. Произведенные изыскания были недостаточны для подтверждения столь тяжелых утверждений, что является отсутствием проявления доброй воли и несоблюдением норм журналистской этики. За отсутствием достаточной фактической базы и принимая во внимание характер высказанных упреков, Суд заключил, что спорное вмешательство не было соразмерным преследуемой законной цели.

Идентификационный номер: ECH-1995-1-005

Ключевые слова для алфавитного указателя:

Открытое судебное заседание / Административный суд / Суд.

Краткая аннотация:

В рамках административного производства по делу об оспаривании отзыва разрешения на освобождение от обязательных контрольных функций, выполняемых Административным судом, отвечали требованиям права на доступное судебное разбирательство, но отказ суда провести обсуждение и прения нарушили право на справедливое судебное разбирательство.

Сокращенное содержание:

Сначала заявитель безуспешно передал свое дело на рассмотрение административных органов, затем, Административного суда и Конституционного суда с тем, чтобы обжаловать нарушение его права быть заслушанным в открытом судебном заседании. Его жалобы в связи с несоблюдением процессуальных норм, представленные в Европейский Суд, относились к праву на доступное разбирательство его дела полноправным судом и к полному отсутствию обсуждений и

прений на протяжении всего производства по его делу.

Касательно права на доступность судебного разбирательства, Европейский Суд счел, что в данном случае дело было неподсудно Конституционному суду, так как его рассмотрение ограничивалось проверкой соответствия решения, принятого в административном порядке, Конституции страны.

Касательно объема контрольных полномочий административного суда, то тут Европейский Суд отметил, что вышеуказанный судебный орган рассмотрел пункт за пунктом все доводы, представленные заявителем по существу дела, не будучи ни разу вынужденным получать заявления о неподсудности ему дела, чтобы отвечать на него или устанавливать факты. Принимая во внимание конкретность жалоб заявителя на несоблюдение процессуальных норм и широту вытекающего из этих жалоб рассмотрения, контрольные функции, выполняемые административным судом, отвечали требованиям Ст. 6-1 ЕКПЧ.

По поводу отсутствия обсуждений и прений Суд счел, что - из-за важности производства по данному делу для самого существования предприятия заявителя - право последнего на то, чтобы его дело стало предметом "публичного разбирательства" включало в себя право на открытое судебное заседание. Следовательно, отказ административного суда провести такое заседание представляет собою нарушение Ст. 6-1 ЕКПЧ.

Идентификационный номер: ECH-1995-1-004

Ключевые слова для алфавитного указателя:

Документы, доступ.

Краткая аннотация:

Невозможность для матери познакомиться с некоторыми конфиденциальными докладами и документами в ходе процедуры передачи ее внебрачного ребенка на попечение нарушает ее право на справедливое судебное разбирательство, а также ее право и право биологического отца на уважение к их семейной жизни.

Сокращенное содержание:

Суд отметил, что право на справедливое (в духе принципа состязательности) судебное разбирательство в том виде, в каком оно гарантируется С. 6-1 ЕКПЧ, предполагает возможность ознакомиться с замечаниями и материалами, представляемыми противной стороной, и обсуждать их. Несообщение заявительнице столь важных документов, как отчеты служб социального обеспечения, сказалось на способности заинтересованного лица влиять на исход заседания детской комиссии (даже если ее и нельзя рассматривать как суд классического типа), а также на ее способности оценить перспективы обращения в апелляционном порядке в Суд большой инстанции Шотландии (Sheriff Court). Кроме того, требование о соблюдении принципа состязательности в ходе разбирательства в этом суде выполнено не было, так как документы, представленные на его рассмотрение, не были переданы родителю, подавшему апелляционную жалобу. Следовательно, имело место нарушение С. 6-1 ЕКПЧ.

Касательно Ст. 8 ЕКПЧ, Суд полагает, что, хотя она и не содержит никакого явно выраженного процессуального условия, но необходимо, чтобы процесс принятия решения, приводящий к мерам "вмешательства", был бы справедливым и в его ходе соблюдались должным образом интересы, защищаемые Ст. 8 Конвенции. Далее, Суд счел, что - несмотря на различный характер прав, отстаиваемых Ст. Ст. 6 и 8 ЕКПЧ, и на констатацию нарушения первой из них - рассмотрение тех же фактов под углом зрения второй был оправдан. Суд заключил, что процесс принятия решения, определившего порядок передачи ребенка на попечение и его посещения, не обеспечил интересам обоих родителей требуемой защиты и что, следовательно, имело место нарушение Ст. 8 ЕКПЧ.

Идентификационный номер: ECH-1995-1-003

Ключевые слова для алфавитного указателя:

Разглашение личности.

Краткая аннотация:

Задержание и содержание под стражей лица, на которого указали высшие полицейские чины в ходе пресс-конференции, проходившей с участием Министра внутренних дел, нарушает принцип презумпции невиновности.

Сокращенное содержание:

После убийства министра и депутата Министр внутренних дел, которому помогли начальник судебной полиции (выполняющей во Франции задачу раскрытия правонарушений и задержания виновных - Д.М.) и глава бригады уголовного розыска, указал на заявителя, арестованного в тот же день. Будучи обвинен в соучастии в преднамеренном убийстве, заявитель был помещен под стражу, но вскоре освобожден, а дело против него прекращено. По его словам, заявления, сделанные в ходе пресс-конференции, ущемляли его право на презумпцию невиновности.

По мнению Суда, С. 6-1 ЕКПЧ не препятствует властям информировать общественное мнение о ходе следствия по уголовным делам, требуя одновременно, чтобы делалось это с соблюдением максимальных мер предосторожности, абсолютно необходимых для соблюдения презумпции невиновности. Что касается содержания спорных заявлений, то, по мнению Суда, безоговорочное указание на заявителя высшими полицейскими чинами как на соучастника убийства, соответствовало объявлению его виновности, которое, с одной стороны, подталкивало широкую публику к тому, чтобы поверить в это, а с другой стороны, предвещало оценку фактов компетентными судьями. Следовательно, имело место нарушение Ст. 6-2 ЕКПЧ.

Идентификационный номер: ECH-1995-1-002

Ключевые слова для алфавитного указателя:

Конфискация / Правонарушение / Наказание / Наркотики, незаконная торговля.

Краткая аннотация:

Вынесение определения о конфискации, имеющего обратную силу, вследствие осуждения за нарушения законодательства о наркотиках игнорирует принцип, согласно которому не может назначаться более тяжкое наказание, чем то, которое полагалось в момент совершения преступления.

Сокращенное содержание:

По обвинению в нарушениях законодательства о наркотиках, совершенными - как считалось - с 1 января 1986 г. по день ареста, заявителю было назначено наказание в виде продолжительного срока поремного заключения. Кроме того, во исполнение закона 1986 года о преступлениях, относящихся к незаконной торговле наркотиками, судья вынес определение о конфискации 66.914 фунтов стерлингов. Фактически, материально закон вошел в силу лишь только 12 января 1987 года, то есть после совершения правонарушений.

Отправной точкой при оценке того, было ли определение о конфискации наказанием, является рассмотрение того, была ли вынесенная мера назначена в результате осуждения за "правонарушение". По закону 1986 года, обвиняемый должен быть приговорен за одно или несколько нарушений законодательства о наркотиках еще до того, как могло быть вынесено определение.

Нижеследующие данные ясно указывают на то, что определение о конфискации рассматривалось как "наказание": предположения, установленные законом, согласно которым любое имущество, проходящее через руки преступника в течение шести лет, является плодом незаконной торговли наркотиками, если только он не докажет обратное; тот факт, что определение о конфискации направлено на доход от незаконной торговли наркотиками и не ограничивается реальным личным обогащением и наживой; дискреционные, единоличные полномочия судьи, разрешающего дело по существу, принимать во внимание при установлении суммы, конфискуемой через вынесение определения, степень виновности обвиняемого, а также возможность обращения взыскания на его личность.

Если поставить себе целью выявить реальную картину, то получается, что заявитель понес в результате вынесения определения больший ущерб, нежели чем тот, которому он подвергался в момент совершения правонарушения.

Таким образом, определение рассматривается как наказание. Следовательно, имело место нарушение Ст. 7-1 ЕКПЧ.

Идентификационный номер: ECH-1995-1-001

Еженедельник "Блюф!" против Нидерландов.

Ключевые слова для алфавитного указателя:

Средства массовой информации, обыск в редакции газеты / Службы безопасности.

Краткая аннотация:

Наложение ареста и изъятие из обращения журнала, содержащего конфиденциальную информацию о деятельности внутренних служб безопасности, потерявшую ю времени публикации свой конфиденциальный характер, игнорируют право на свободу выражения своего мнения и на свободу информации.

Сокращенное содержание:

Еженедельник "Блюф!" (Bluf!) намеревался напечатать доклад внутренних служб безопасности тогда уже шестилетней давности, проходивший под грифом "конфиденциально" и свидетельствующий об интересе данных служб к голландской коммунистической партии и к анти-ядерному движению. Приводя в исполнение ордер на обыск, полиция наложила арест на все экземпляры журнала, но не на набранные офсетные колонки номера. Без ведома властей журналу "Блюф!" удалось заново отпечатать номер и распродать его на улицах. Год спустя компетентный суд распорядился изъять из обращения данный номер.

По мнению Европейского Суда, оспариваемые меры являются вмешательством в пользование журналом-заявителем свободой распространять информацию и идеи; но, с другой стороны, "Предусмотренные законом", эти меры, согласно Европейской Конвенции, преследовали законную цель: а именно, защиту национальной безопасности.

Тем не менее, Суд отметил, что данный документ на момент наложения ареста был шестилетней давности, имел достаточно общий характер и проходил с просто грифом "конфиденциально", что соответствует небольшой степени секретности. Более того, в ходе изъятия номера содержащиеся в нем сведения были уже широко известны и доступны большому кругу лиц; кроме того, средства массовой информации уже прокомментировали данные события. Вывод: за отсутствием необходимости таких мер в демократическом обществе, имело место нарушение Ст. 10 ЕКПЧ.

Идентификационный номер: ECH-1994-3-023

Ассоциация австрийских солдат-демократов и г-н Губи против Австрии.

Ключевые слова для алфавитного указателя:

Военные журналы.

Краткая аннотация:

Отказ Министра обороны разрешить распространять журнал в среде военнослужащих и запрещение, наложенное на одного из призывников, раздавать данный журнал в своей казарме является вмешательством в осуществление права на свободное выражение своего мнения и свободу распространять информацию. Военнослужащие в равной мере наделены свободой выражать свое мнение, что и любые другие лица, находящиеся под юрисдикцией государств - участников Конвенции. Так как печатное издание не оспаривает ни обязанности подчиняться, ни необходимости прохождения воинской службы, данные меры несоразмерны преследуемой ими цели и нарушают Европейской Конвенции о защите прав человека.

Сокращенное содержание:

Ассоциация австрийских солдат-демократов (VDSO - Vereinigung demokratischer Soldaten Österreichs) в дальнейшем "Ассоциация", издавала журнал под названием "Ежик" (Igel). Журнал предназначался, прежде всего, солдатам и затрагивал, чаще всего с критической точки зрения, темы армейской жизни. "Ассоциация" обратилась к Министру вооруженных сил Австрии с просьбой о том, чтобы "Ежик" распространялся силами армии в казармах наравне с другими военными журналами. Министр не дал никакого ответа. Г-н Губи (Gubi) проходил воинскую службу и был членом "Ассоциации". Он распространял один из номеров журнала в своей казарме и был вынужден прекратить заниматься этим по приказу вышестоящего офицерского чина. Другой офицер в последствии довел до него содержание правовых актов, запрещающих распространение в помещении казарм печатных изданий, а также отсылку таковых в казармы без соответствующего на то разрешения командования. "Ассоциация" и г-н Губи заявили, в свою очередь, что нераспространение журнала в казармах нарушает их право на свободу выражения своего мнения и свободу распространять информацию.

Суд напоминает, что свобода выражения своего мнения относится также к "Информации" и к "Идеям", досаждающим, шокирующим или беспокоящим государство или определенную часть его населения. Дело не должно обстоять иначе, когда этой свободой пользуются военнослужащие. Конечно же, невозможно себе представить эффективного функционирования армии без правовых норм, направленных на предотвращение подрыва воинской дисциплины разными способами и, прежде всего, через печатные издания. Правительство отталкивалось от содержания журнала: этот критикующий и сатирический еженесячник рисковал ослабить дисциплину и эффективность армии. По мнению Суда, такое обстоятельство должно быть уточнено и подкреплено конкретными примерами. Так вот, ни один из номеров "Ежика", фигурирующих в деле, не призывает к неподчинению или к насилию и даже не оспаривает необходимости вооруженных сил. Действительно, большинство номеров содержит жалобы, предлагает реформы или же подталкивает к возбуждению производств по делам о требованиях или к обжалованию в законном порядке. Несмотря на частую полемический тон публикаций, не создается впечатления, что они переходят границу простого спора на уровне идей, на котором армии демократического государства, ни самому обществу, на службе которого эта армия находится, экономить не стоит. В заключении можно сказать, что меры, обжалованные заявителями, были несоразмерны преследуемым законным целям и нарушили, таким образом, право заявителей на свободу выражения своего мнения.

Идентификационный номер: ECH-1994-3-022

Ключевые слова для алфавитного указателя:

Станция очистки и жители прилегающих районов.

Краткая аннотация.

Серьезное загрязнение окружающей среды может подорвать благосостояние лица и лишить его пользования своим жилищем таким образом, что будет ущемлена его личная и семейная жизнь.

Сокращенное содержание:

В июле 1988 г. в нескольких метрах от дома заявительницы была сдана в эксплуатацию станция по очистке воды и отходов дубильных мастерских г. Лорка (Lorca), финансируемая объединением предприятий кожевенной промышленности. С момента запуска станции запахи и испарения, исходившие от нее, вызвали расстройство здоровья и причинили прочие неудобства многим жителям близлежащего района и, в том числе, заявительнице. Национальные судебные органы допускали, что оспариваемые неудобства, не представляя серьезной угрозы для здоровья, все же вызывают ухудшение качества жизни в прилегающем районе. Тем не менее, это ухудшение, по их мнению, не оказывалось достаточно серьезным, чтобы представлять собою нарушение основополагающих прав, признанных Конституцией. В феврале 1992 г. заявительница и ее семья переселились в квартиру в центре города, оплачиваемую из муниципальных средств коммуны.

По мнению Суда, серьезный ущерб, нанесенный окружающей среде, может подорвать благосостояние лица и лишить его пользования своим жилищем таким образом, что будет ущемлена его личная и семейная жизнь, не подвергая при этом серьезной опасности его здоровье. В любом случае, необходимо следить за соблюдением справедливого равновесия между сталкивающимися интересами заинтересованного лица и всего общества, взятого в целом. В данном случае, станция по очистке воды, ставшая предметом спора, была построена для решения серьезной проблемы загрязнения окружающей среды, но с момента ее пуска в эксплуатацию она причинила расстройство и неудобство многим жителям. Местные власти не приняли мер по защите права заявительницы на уважение к ее жилищу, а также к ее личной и семейной жизни. Государство - ответчик, несмотря на широкий предел усмотрения, признаваемый за ним, не смогло соблюсти справедливого равновесия между заинтересованностью в экономическом благополучии населенного пункта (желавшего иметь свою станцию по очистке вод) и практическим пользованием заявительницей права на уважение ее жилища, а также ее личной и семейной жизни.

Идентификационный номер: ECH-1994-3-021

Андреадис и общество "Стран" против Греции.

Ключевые слова для алфавитного указателя:

Арбитражная оговорка.

Краткая аннотация.

Принцип верховенства права и понятие справедливого судебного разбирательства противостоят любому вмешательству законодательной власти в процесс отправления правосудия с целью оказать влияние на судебную развязку спора.

Отмена законодательным актом арбитражного решения, установившего существование государственного долга, является нарушением права собственности.

Сокращенное содержание:

В результате подписания в 1972г. договора между греческим государством и г-ном Андреадисом (Andreadis), последним было предпринято строительство нефтеперерабатывающего завода с дальнейшей его эксплуатацией через специально созданное с этой целью общество Стран (Stran) - .В 1977 г. правительство расторгло этот договор в силу закона № 141/1975 о расторжении льготных договоров, заключенных при военном режиме. Тогда общество Стран обратилось в Суд большой инстанции г. Афин. с иском о возмещении затрат, понесенных ею до этого момента. Государство оспорило подсудность дела данному суду и передало его в арбитражное производство, закончившееся вынесением решения в пользу заявителей. Далее, государство обжаловало вынесенное решение в суде большой инстанции г. Афин на том основании, что арбитражная оговорка, фигурировавшая в договоре, была отменена и что, следовательно, арбитражное решение недействительно. Суд большой инстанции г. Афин, а затем афинский апелляционный суд отказались удовлетворить требования государства. 25 мая 1987 года, когда дело находилось на рассмотрении Кассационного суда, а судья-докладчик уже направил сторонам свое заключение, благоприятное для заявителей, Парламент принял закон за № 1701/1987, предусматривающий отмену всех оговорок и, в том числе, арбитражных во льготных договорах, заключенных при военном режиме, а также недействительность всех арбитражных решений; кроме того, закон указывал, что все требования, вытекающие из расторжения этих договоров, погашались сроком давности.

Суд отметил, что принятие Парламентом закона № 1701/1987 стало, бесспорно, поворотным моментом в ходе судебного разбирательства, основывавшегося на действительности арбитражной оговорки, бывшей до тех пор неблагоприятной для государства. Став 28 ноября 1974г. снова членом Совета Европы и ратифицировав Конвенцию, Греция обязалась соблюдать принцип верховенства права, находящего свое выражение, кроме всего прочего, в Ст. 6 ЕКПЧ. В спорах, противопоставляющих интересы частного характера, принцип равенства прав, будучи неотъемлемой частью права на справедливое судебное разбирательство, предполагает обязанность дать каждой из сторон разумную возможность представить свое дело в условиях, не ставящих ни одну из сторон в явно невыгодное положение по отношению к противоположной. Рассматривая дело с этой точки зрения, Суд не может терять из виду ни график, ни порядок принятия закона № 1701/1987: Суд констатирует, что в данном случае вмешательство законодателя имело место в тот момент, когда судебное дело, в котором государство выступало в качестве одной из сторон, находилось в производстве. Так вот, принцип верховенства права и понятие справедливого судебного разбирательства противостоят любому вмешательству законодательной власти в процесс отправления правосудия с целью оказать влияние на судебную развязку спора. Вмешавшись решительным образом с тем, чтобы направить в свою пользу исход -неминуемый -судебного разбирательства, в котором оно было стороной, государство ущемило права заявителей, гарантированные Ст. 6-1 ЕКПЧ. Следовательно, имело место нарушение вышеуказанной статьи.

По мнению Суда, заявителям стало невозможно добиться исполнения окончательного арбитражного решения, предписывающего государству выплатить определенную сумму в счет возмещения затрат, произведенных ими при осуществлении договора, или же, по меньшей мере, снова истребовать эти суммы в судебном порядке. Государство было обязано выплатить суммы, присужденные заявителям в ходе арбитражного разбирательства, проведения которого оно само пожелало, и законность которого допускалась вплоть до дня заседания в Кассационном суде. Решив вмешаться на этом этапе в ход разбирательства в Кассационном суде через принятие закона, ссылавшегося на расторжение спорного договора для объявления утратившей силу арбитражную оговорку и недействительным арбитражное решение, законодатель нарушил в ущерб заявителям должное равновесие между соблюдением права собственности и требованиями общего интереса. Следовательно, имело место нарушение Ст. 1 Протокола 1 ЕКПЧ.

Идентификационный номер: ECH-1994-3-020

Ключевые слова для алфавитного указателя:

Имущество монастыря (церковное имущество).

Краткая аннотация.

Являются лишением собственности, запрещенным Ст. 1 Протокола 1 ЕКПЧ, акты, безвозмездно предающие в собственность государства любые монастырские владения, за исключением тех случаев, когда монастыри могут доказать свой статус собственников, представив либо установленный законом, должным образом зарегистрированный документ, либо окончательное судебное решение, вынесенное против государства.

Лишение монастырей любой возможности обратиться в компетентный суд с жалобой, касающейся их прав собственности, посягает на самое существо права на доступность судебного разбирательства.

Сокращенное содержание:

Законом № 1700/1987 были изменены правила, касающиеся руководства, управления и представительства всего церковного имущества монастырей греческой православной церкви; эти функции были переданы в ведение Греческой церкви. Кроме того, закон предусматривал, что в шестимесячный срок с момента его опубликования государство становится собственником всех владений монастырей за исключением тех случаев, когда монастыри могут доказать свой статус собственников, представив либо установленный законом, должным образом зарегистрированный документ, либо окончательное судебное решение, вынесенное против государства.

По мнению Суда, устанавливая презумпцию собственности в пользу государства, закон № 1700/1987 осуществляет перенос бремени доказывания, возлагаемое отныне на монастыри-заявители: последние могут ссылаться на свое право собственности на оспариваемые земельные участки лишь в том случае, если это право основано на предусмотренном законом, должным образом зарегистрированном документе, на законодательном акте или на окончательном судебном решении, вынесенном в отношении государства, но не на приобретательную давность и не на окончательное судебное решение, вынесенное в отношении простого частного лица. Рассматриваемое в качестве собственника таких сельскохозяйственных и лесных угодий, государство автоматически само себе передает их в свое пользование и собственность. По мнению Суда, в данном случае речь идет не о простом процессуальном правиле, относящимся к бремени доказывания, а о существенном законодательном акте, имеющим своим следствием переход в государственную собственность спорных земельных участков в их полном объеме. Следовательно, право монастырей-заявителей на уважение их имущества подверглось вмешательству, которое расценивается как "лишение" собственности.

В 1952 году греческая законодательная власть приняла меры, направленные на экспроприацию значительной доли сельскохозяйственных угодий монастырей. Тем не менее, законодатель устанавливал тогда размеры возмещения в объеме одной трети части от реальной стоимости изымаемых земель. Так вот, в законе за № 1700/1987 никаких подобных положений не содержит. Наложив значительное бремя на монастыри-заявители, лишенные своей собственности, закон № 1700/1987 не соблюдает справедливого равновесия между различными интересами, присутствующими в деле, как этого требует Ст. 1 Протокола 1 ЕКПЧ. Следовательно, имело место нарушение права монастырей на уважение их имущества.

Суд отмечает, что, лишив монастыри какой бы то ни было возможности обращаться в компетентные суды с любыми жалобами, относящимися к их правам собственности, которые они могли бы сформулировать в отношении греческого государства, третьих лиц или даже самой Греческой Церкви, а также возможности участвовать в подобном судебном производстве, закон № 1700/1987 посягает на самое существо их "права на судебное разбирательство".

Идентификационный номер: ECH-1994-3-019

Ключевые слова для алфавитного указателя:

Фамилия по отцу, изменение.

Краткая аннотация.

Отказ выдать разрешение на изменение фамилии по отцу не является невыполнением требования уважать личную жизнь.

Сокращенное содержание:

Заявитель обратился в префектуру с просьбой разрешить ему поменять фамилию по отцу. Его ходатайство было отвергнуто. Заявитель утверждал, что отказ на выдачу разрешения поменять фамилию на Тавасттжерна (Tavaststjerna) нарушает Ст. 8 ЕКПЧ (право на уважение личной жизни).

Суд заметил по этому поводу, что, как способ установления личности и привязки к конкретной семье, фамилия лица затрагивает его личную и семейную жизнь. Наличие заинтересованности общества в регламентации использования фамилий в существующем положении вещей ничего не меняет.

Несмотря на все более широкое распространение личных идентификационных номеров в Финляндии и в других Государствах-участниках Конвенции, фамилия сохраняет свою решающую роль при установлении личности людей. Даже если и могут существовать действительные причины, вынуждающие лицо желать изменения фамилии, ограничения, наложенные законом на такую возможность, могут оправдываться интересами общества. В большой степени многое в этой области отдано на усмотрение Государств-участников Конвенции. По мнению Суда, не было доказано, что якобы имеющие место трудности с написанием и произношением фамилии заявителя встречались чаще и имели большее значение, нежели чем те, с которыми сталкивается в настоящее время большое количество лиц в Европе. Таким образом, оспариваемый источник неудобств не достаточен, чтобы можно было ставить вопрос о неуважении к личной жизни.

Идентификационный номер: ECH-1994-3-018

Ключевые слова для алфавитного указателя:

Международное соглашение, толкование / Государственный Совет, преюдициальное отложение.

Краткая аннотация.

Суд, который счел себя связанным толкованием международного соглашения, данным Министром иностранных дел, не может рассматриваться как независимый.

Сокращенное содержание:

Будучи экспропрированы в Марокко, заявители предъявили иск марокканскому государству, требуя выплаты возмещения согласно условиям франко-марокканского соглашения. Государственный Совет отложил вынесение решения по делу до тех пор, пока Министр иностранных дел не выскажется по толкованию соглашения, на которое ссылаются заявители. Министр дал свое толкование и Государственный Совет, считая себя связанным решением министра, оставил требования заинтересованных лиц без удовлетворения.

Суд отметил, что Государственный Совет положился на ответственное должностное лицо, относящиеся к системе исполнительной власти, для разрешения правовой проблемы, поставленной перед ним: он отверг ходатайство заявителей, основываясь на толковании, выбранном исполнительной властью. Более того, вмешательство ответственного должностного лица министерства, имевшее решающее значение для исхода судебного спора, не подлежало никакому обжалованию со стороны заинтересованных лиц, не имевших, кроме всего прочего, никакой возможности высказаться по преюдициальному отложению вынесения судебного решения и по формулировке вопроса. Так вот, только тот орган достоин называться "судом", в смысле Ст. 6-1 ЕКПЧ, который пользуется полнотой компетенции суда и отвечает ряду требований, таких как независимость по отношению к исполнительной власти и сторонам, участвующим в разбирательстве. В данном случае, с Государственным Советом дело обстоит не так.

Дополнительная справка: изменение французского права в этой области - отныне толкование договоров не относилось больше к исключительной компетенции Министра иностранных дел.

Идентификационный номер: ECH-1994-3-017

Г-жа Маррей против Великобритании.

Ключевые слова для алфавитного указателя:

Содержание под стражей / Правонарушения, связанные с террористической деятельностью / Обоснованные подозрения.
Краткая аннотация.

Арест и содержание под стражей в Северной Ирландии лица, подозреваемого в совершении актов терроризма, не противоречит праву на свободу, если подозрения обоснованы; несмотря на трудности, присущие борьбе с преступностью в виде терроризма, следует предоставить Европейскому Суду по правам человека факты, убеждающие его в существовании обоснованных причин подозревать задержанное лицо.

Проникновение в жилище лица и производство там обыска силами армии, а равно сбор и хранение сведений личного характера, в том числе и фотографий данного лица, могут быть необходимы в демократическом обществе, принимая во внимание ответственность, возлагаемую на избранное правительство по защите граждан и институтов власти от организованной террористической деятельности.

Сокращенное содержание:

Заявительница, г-жа Маррей (Murray), была арестована силами армии по месту жительства ее семьи в г. Белфасте в 7 часов утра во исполнение Ст. 14 закона 1978 г. о чрезвычайном положении в Северной Ирландии. Истолкованное внутренними судами, это положение предоставляло армии соответствующие полномочия по задержанию максимум на четыре часа лица, подозреваемого в совершении правонарушения при условии действительности и подлинности подозрений военнослужащего, производящего задержание. По версии армии, г-жа Маррей была арестована по подозрению в участии в сборе средств на закупку в Соединенных Штатах оружия, предназначенного для временной Ирландской Республиканской Армии (далее - ИРА). Ее супруг и дети были разбужены и получили приказ собраться в салоне. Тем временем военнослужащие делали записи, относящиеся к заинтересованным лицам и их дому. Затем г-жа Маррей было отведена в центр допросов армии, где она находилась под стражей в течение двух часов с целью допроса. В определенный момент ее пребывания в центре она была сфотографирована без ее ведома и согласия. Она была освобождена в 9 часов 45 минут без предъявления ей обвинения. В своем заявлении в Комиссию г-жа Маррей утверждала, что ее арест и содержание под стражей с целью допроса образуют состав нарушения ее права на свободу, так как они не соответствовали требованиям статьи 5-1-с ЕКПЧ. Это положение разрешает лишать лицо свободы "в установленном законом порядке" в том случае, "если арест или задержание лица производится с тем, чтобы оно предстало перед компетентным судебным органом по обоснованному подозрению в совершении правонарушения". Заявительница утверждала, что -вопреки требованиям Ст. 5-1-с ЕКПЧ -она не была арестована на основании "обоснованных подозрений" и что ее арест и последующее содержание под стражей не были произведены с тем, чтобы "она предстала перед судебным органом", а с тем, чтобы допросить ее и предоставить властям возможность собрать сведения общего порядка. Заявительница также утверждала, что ее фотографирование, а равно сбор и хранение информации личного характера, касающийся ее, противоречат ее праву на уважение ее личной жизни, гарантированному Ст. 8 ЕКПЧ.

С точки зрения Суда, под наличием "обоснованных подозрений" предполагается существование фактов или сведений, способных убедить объективного наблюдателя в том, что привлеченное лицо могло совершить правонарушение. В данном случае, существование или отсутствие "обоснованных" подозрений зависит от фактических обстоятельств дела. Трудности, связанные с выявлением и подавлением правонарушений, относящихся к терроризму в Северной Ирландии, препятствуют оценке по тем же критериям, что и в случаях правонарушений классического типа, "обоснованности" подозрений, мотивирующие такие аресты. Хотя и нельзя требовать от Государств-участников Конвенции подтверждения обоснованности подозрений, на основании которых был произведен арест предполагаемого террориста, путем разглашения сведений и фактов, способных вывести на конфиденциальные источники информации и поставить таким образом в опасность жизнь и безопасность других лиц, Суд полагает, что правительство-ответчик должно предоставить по меньшей мере хотя бы некоторые факты или сведения, способные убедить Суд в существовании достоверных оснований для того, чтобы можно было подозревать задержанное лицо в совершении вменяемого ему в вину правонарушения. В данном случае, Суд принимает во внимание значимые для дела фактические обстоятельства, установленные внутренними судами в рамках производства, возбужденного в гражданском порядке г-жой Маррей, такие как недавнее осуждение ее братьев в Соединенных Штатах за правонарушения, связанные с закупкой оружия, предназначенного для временной ИРА, посещение США и имевшие там место контакты с ее братьями, а также сотрудничество с "доверенными" лицами, проживающими в Северной Ирландии и замешанными в правонарушениях, в совершении которых ее братья были уличены. В свете всех значимых для дела обстоятельств, взятых в совокупности, Суд считает, что существовало достаточно фактов или сведений, дающих достоверные и объективные основания подозревать г-жу Маррей в совершении противоправного действия, заключающегося в участии в сборе средств, предназначенных для временной ИРА. Следовательно, ее арест и содержание под стражей должны расцениваться как совершенные с целью, определенной Ст. 5-1-с ЕКПЧ.

Далее Суд рассмотрел вопрос о проникновении в жилище и об обыске, произведенном силами армии по месту проживания семьи заявительницы, о хранении в военном центре сведений личного характера о ней и ее семье, а также о ее фотографировании без ее ведома и согласия.

Суд счел, что эти меры, преследовавшие законную цель по предупреждению правонарушений, были предусмотрены законом и "необходимы в демократическом обществе". Для обеспечения сохранения справедливого равновесия между осуществлением лицом права, гарантированного ему Ст. 8-1 ЕКПЧ, и государственной необходимостью принимать действенные меры по предупреждению преступности террористического характера необходимо с уважением относиться к ответственности правительства, избранного в демократическом обществе, в области защиты граждан и институтов власти от угрозы, исходящей от организованной террористической деятельности, а равно и к специфическим проблемам, связанным с арестом и содержанием под стражей лиц, подозреваемых в совершении противоправных действий, имеющих отношение к террористической деятельности. Внутренние судебные органы имеют все основания сослаться на крайне напряженную обстановку, в которой вынужденно производятся подобные аресты в Северной Ирландии. Вменяемые в вину меры не могут рассматриваться как несоразмерные законной преследуемой цели. Никакого нарушения права заявительницы на уважение к ее личной жизни и ее жилища.

Идентификационный номер: ECH-1994-3-016

Кроон против Нидерландов.

Ключевые слова для алфавитного указателя:

Отцовство, биологический отец,

Краткая аннотация.

Невозможность для замужней женщины оспорить в законном порядке отцовство супруга на своего ребенка, чтобы сделать возможным признание ребенка его биологическим отцом, противоречит праву на уважение семейной жизни.

Сокращенное содержание:

Г-жа Кроон (Кгооп) вышла замуж в 1979 году. В последствии ее муж исчез, и в настоящее время его местонахождение неизвестно. Г-жа Кроон стала тогда поддерживать на постоянной основе отношения с Г-ном Зерруком (Zerrouk), в результате чего у них родился в 1987 г. сын. Несмотря на это, заинтересованное лицо продолжало состоять в законном браке вплоть до его расторжения в 1987 г. в результате поданного иска на развод. Ходатайство г-жи Кроон о юридическом признании отцовства не за ее бывшим супругом, а за биологическим отцом ребенка было отвергнуто нидерландскими властями.

Согласно принципам, вытекающим из юридической практики Суда, в случае установления существования семейной связи с ребенком, государство должно действовать таким образом, чтобы позволить этой связи развиваться, при этом необходимо обеспечивать этой связи правовую защиту, делающую возможным - с самого рождения или как только это становится возможным в последствии - объединение ребенка с семьей. Таким образом, существовала позитивная обязанность уполномоченных властей дать в кратчайшие сроки разрешение на образование полноправных законных семейных связей между г-ном Зерруком и его сыном. По мнению Суда, принцип "уважения семейной жизни" требует превалирования биологической и общественной действительности над установленной законом презумпцией, существующей вопреки как установленным фактам, так и воле заинтересованных лиц, никому при этом не принося реальной пользы. Суд пришел к выводу, что - даже несмотря на широкий предел усмотрения, предоставленный государствам в этой области, - Нидерланды не гарантировали заявителям "уважения" семейной жизни, на которое они могут претендовать, согласно Европейской Конвенции. Следовательно, имело место нарушение Ст. 8 ЕКПЧ.

Идентификационный номер: ECH-1994-3-015

Ключевые слова для алфавитного указателя:

Ребенок, попечение / Отец, право на общение с ребенком.

Краткая аннотация.

Отсутствие осуществления права заявителя на общение с дочерью, проживающей с бабушкой и дедушкой по материнской линии, расценивается как нарушение права отца на уважение его семейной жизни.

Сокращенное содержание:

В 1985 году после кончины супруги заявителя родители умершей взяли на себя заботу о его годовой дочери. В последствии они сообщили заявителю, что не намерены возвращать ему ребенка. Его попытки вернуть себе дочь оказались тщетными. В мае 1990 г. национальное управление Социального обеспечения порекомендовало передать попечение о ребенке его бабушке и дедушке по материнской линии и соответствующее заявление было подано в окружной суд. В ожидании исхода разбирательства по этому заявлению, суд решил, что девочка должна оставаться у бабушки с дедушкой и что заявителю должно быть разрешено общаться с ней. Тем не менее, родители скончавшейся супруги заявителя упорствовали в своем отказе на такое общение. В 1991 году финские судебные органы передали ребенка на попечение бабушки с дедушкой, сохранив при этом право на общение с дочерью за заявителем. В 1993 г. финские судебные органы пришли к выводу, что - принимая во внимание достижение ребенком зрелости - общение не должно больше происходить против его воли.

Суд отметил, что вплоть до 1993 г. у финских властей преобладало ощущение того, что было бы в естественных интересах ребенка развивать общение с заявителем, даже если девочка и не желала с ним встречаться. Родители его скончавшейся супруги продолжали упорствовать в своем отказе подчиняться правилам посещения, уточненных в судебных решениях и определениях о порядке исполнения. Нельзя утверждать, что компетентные органы приложили разумные усилия для облегчения семейного объединения. Напротив, их бездействие вынудило заявителя упорно, долго и, в конце концов, безрезультатно обжаловать такое поведение с тем, чтобы заставить уважать свои права. Исходя из этого, суд пришел к выводу, что несоблюдение права заявителя на общение с дочерью расценивается как нарушение его права на уважение его семейной жизни.

Идентификационный номер: ECH-1994-3-014

Йенс Олаф Йерсилд против Дании.

Ключевые слова для алфавитного указателя:

Расистские высказывания / Роль прессы.

Краткая аннотация.

Осуждение журналиста, автора документального фильма, за соучастие в распространении фашистских высказываний, сделанных другими лицами в ходе интервью, вошедшего в фильм, нарушает право журналиста на свободу выражения своего мнения.

Сокращенное содержание:

Г-н Йенс Олаф Йерсилд (Jens Olaf Jersild), журналист, вошел в контакт с группой молодых людей и взял интервью у троих из них в ходе разговора, передававшегося по телевидению. Во время этой встречи трое молодых людей оскорбительно и с презрением отзывались об иммигрантах и этнических группах, основавшихся в Дании. Тогда заявитель оформил соответствующим образом записанный разговор, произведя в нем вырезки, чтобы смонтировать фильм на несколько минут, содержащий наиболее резкие высказывания. Этот фильм был затем передан "Данмарк Радио" (Danmarks Radio) в дальнейшем были привлечены к ответственности в уголовном порядке трое молодых людей - за расистские высказывания, заявитель и руководитель службы последних новостей Данмарк Радио - за соучастие в распространении вышеуказанных высказываний. Заявитель был признан виновным.

Суд сразу же указал на первостепенную важность борьбы с расовой дискриминацией во всех ее формах и проявлениях.

Настоящее дело несет в себе один немаловажный элемент: заинтересованное лицо само не делало спорных высказываний, но способствовало их распространению в качестве телевизионного журналиста. Суд здесь должен обратить внимание на принципы, установившиеся в его юридической практике в отношении роли прессы. Говоря об "обязанностях и ответственности" журналиста, не следует забывать, что потенциальное влияние рассматриваемого средства массовой информации приобретает важность, и все согласны с тем, что воздействие радио и телевидения оказывается зачастую значительно более непосредственным и мощным, нежели чем прессы. Судьба объективного и уравновешенного отчета может сложиться весьма по-разному в зависимости, в частности, от избранного средства его распространения. Ни Европейскому Суду, ни национальным судебным органам не стоит заменять собой прессу и решать, какую технику отчетов должны использовать журналисты.

Конечно, в репортаже не упоминалось явным образом, что подстрекательство к расовой ненависти и идея высшей расы аморальны, опасны и незаконны. Тем не менее, принимая во внимание ряд противоречивых сведений, содержащихся в нем, а также то, что их изложение было в силу вещей ограничено в рамках короткого репортажа, составлявшего часть более длинной передачи, принимая во внимание свободу, предоставленную журналисту в выборе формы, отсутствие подобного предупреждения не имеет значимости при рассмотрении дела. Актуальные репортажи, основанные на беседах, вне зависимости от того, оформлены ли они или нет, представляют собой одно из наиболее важных средств журналистики, без которого пресса не могла бы играть свою необходимую роль общественного

"сторожевого пса". Наложение санкции на журналиста за оказанную им помощь в распространении высказываний, сделанных третьим лицом в ходе беседы, значительно помешало бы прессе делать свой вклад в обсуждение проблем, представляющих общий интерес; назначение такой санкции невозможно было бы себе представить без особо серьезных на то причин. Хотя при создании передачи, рассматриваемой в деле, заявитель и не преследовал расистских целей, из значимых судебных решений никак не вытекает то, что при их вынесении это было принято во внимание. Таким образом, основания, на которых был осужден г-н Йерсидд, недостаточны для того, чтобы убедить Суд в том, что вмешательство в осуществление права заинтересованного лица на свободу выражения своего мнения было "необходимо" в демократическом обществе. В частности, использованные средства были несоразмерны преследуемой цели, а именно, "защите прав и свобод других лиц". На основе вышесказанного Суд пришел к заключению, что имело место нарушение права заявителя на свободу выражения своего мнения.

Идентификационный номер: ECH-1994-3-013

Гентрих против Франции.

Ключевые слова для алфавитного указателя:

Право преимущественной покупки.

Краткая аннотация.

Государства обладают некоторым пределом усмотрения при определении и проведении своей налоговой политики, а также при выработке механизмов, обеспечивающих сбор налогов. Тем не менее, использование налоговой службой в связи с недостаточностью заплаченной цены права преимущественной покупки недвижимого имущества, приобретенного частными лицами, является актом лишения собственности, противоречащим Ст. 1 Протокола 1 ЕКПЧ, в том случае, если применение этого механизма носит дискреционный, единоличный характер и если сам его порядок несправедлив.

Сокращенное содержание:

Г-жа Гентрих (Hentrich) и ее супруг купили земельный участок в Страсбурге и приспособили его под сельскохозяйственные нужды. Генеральный директор налоговой службы сообщил им, что по причине недостаточности заплаченной ими цены он намеревается воспользоваться правом преимущественной покупки, предусмотренным Ст. 668 Общего кодекса налогообложения, приобретенного ими имущества с переходом права собственности, выплатив им уплаченную стоимость покупки, плюс 10% в виде возмещения причиненного ущерба. Заявительница и ее супруг возбудили дело об отмене решения по праву преимущественной покупки по причине злоупотребления служебным положением.

Они предложили свои услуги в доказывании того, что уплаченная ими цена была честной и соответствовала продажной стоимости участка. Судебные органы Франции отказали им в удовлетворении их требований.

По мнению г-жи Гентрих, супруги подверглись самочинной экспроприации со стороны налоговой службы; по ее утверждению, мера, принятая во исполнение права преимущественной покупки, была общественно бесполезной и несоразмерной.

Суд напомнил, что понятие общественной пользы по природе своей достаточно широкое, и что государства обладают некоторым пределом усмотрения при определении и проведении своей налоговой политики, а также при выработке механизмов, обеспечивающих сбор налогов. Суд признал, что предупреждение неуплаты значительных регистрационных сборов является законной, общественно полезной целью. Тем не менее, если сама система как таковая права преимущественной покупки критике не подлежит, то дело обстоит иначе, когда речь идет о ее дискреционном использовании и несправедливости порядка ее применения. В данном случае Суд констатировал самочинное, избирательное и непредсказуемое использование права преимущественной покупки, не предоставившее элементарных процессуальных гарантий: г-же Гентрих не было дано право на обсуждение и прения с соблюдением принципа состязательности и принципа процессуального равенства сторон, в то время как статья 668 Общего кодекса налогообложения, служащая основанием для применения права преимущественной покупки, недостаточно точна и предсказуема. Суд напоминает о необходимости сохранения справедливого равновесия между соблюдением права собственности и требованиями общего интереса. Он отмечает, с одной стороны, что право преимущественной покупки применяется в редких и зачастую трудно предсказуемых случаях, с другой стороны, что налоговая служба располагает другими методами предупреждения обхода налогового законодательства, и наконец, что заявительница была лишена возможности оспорить примененную к ней особую и излишне суровую меру. Принимая во внимание все эти соображения в их совокупности, Суд пришел к выводу о том, что имело место нарушение Ст. 1 Протокола 1 ЕКПЧ, гарантирующей уважение личного имущества.

Суд отмечает, что в рамках данного искового производства заявительнице не было позволено оспорить позицию администрации и высказать доводы в свою защиту в то время, как принцип процессуального равенства сторон предполагает обязательство не ставить ни одну из них в явно невыгодное положение по отношению к противоположной. Следовательно, имело место нарушение Ст. 6-1 ЕКПЧ, гарантирующей право на справедливое судебное разбирательство.

Идентификационный номер: ECH-1994-3-012

"Институт по подготовке кадров для аудиовизуальных средств массовой информации им. Отто Премингера" против Австрии.

Ключевые слова для алфавитного указателя:

Фильм, наложение ареста / Религиозные чувства, защита.

Краткая аннотация.

Наложение ареста и конфискация фильма, расцененного как оскорбляющего чувства верующих, является вмешательством в осуществление права на свободу выражения своего мнения; это вмешательство оправдано в том случае, если оно предусмотрено законом и нацелено на защиту права граждан на неоскорбление их религиозных убеждений; при оценке необходимости подобных мер национальные власти находятся в лучшем положении, чем международный судебный орган.

Сокращенное содержание:

Ассоциация-заявительница "Институт по подготовке кадров для аудиовизуальных средств массовой информации им. Отто Премингера", (Otto Preninger Institut für audiovisuelle Mediengestaltung), далее - "Ассоциация", имеет свою штаб-квартиру в Инсбруке, где ей дан в управление лицензионный зал кинопроката. В этом зале она намеревалась показать фильм "Церковный собор любви" (Das Liebekonzil) Вернера Шретера (Werner Schroeter). В результате ходатайства епархии римской католической церкви г. Инсбрука прокурор возбудил дело о конфискации фильма на основании подозрения в попытке "тумления над религиозными предписаниями", как это правонарушение квалифицируется Ст. 188 Уголовного кодекса Австрии. За день до показа фильма областной суд г. Инсбрука вынес определение о наложении ареста на фильм, который теперь уже не мог быть показан широкой публике. Затем суд распорядился о конфискации копии, сочтя, что тяжесть надругательства над религиозными чувствами, содержащегося в провокационном фильме, перевешивала необходимость соблюдения свободы художественного самовыражения, гарантируемой Конституцией Австрии. В своем заявлении в Комиссию ассоциация-заявительница утверждала, что как наложение ареста на фильм, так и его последующая конфискация являются нарушением ее права на свободу выражения своего мнения, гарантируемую Ст. 10 ЕКПЧ.

Суд напомнил, что свобода мысли, совести и вероисповедания (Ст. 9 ЕКПЧ) составляет одно из оснований "демократического общества" в том смысле, в каком это понятие трактуется Конвенцией. Те, кто делают свой выбор в пользу свободного проявления своих религиозных убеждений, независимо от их принадлежности к религиозному большинству или меньшинству, должны быть терпимыми и согласиться с неприятием другими лицами их религиозных убеждений и даже с распространением ими доктрин, враждебных их вере. Тем не менее, употребляемые при этом способы отвержения или отрицания религиозных доктрин могут повлечь ответственность государства, в частности, за то, чтобы обеспечить лицам, исповедующим эту веру или доктрину, возможность спокойно пользоваться

правом, гарантированным Ст. 9 ЕКПЧ. В данном случае, оспариваемые меры были нацелены на защиту права граждан не быть оскорбленными в своих религиозных чувствах публичным выражением взглядов других лиц. Таким образом, Суд допускает, что эти меры преследовали законную цель в свете Ст. 10-2 ЕКПЧ, а именно, "защиты прав других лиц".

Суд напоминает, что, в соответствии со своей постоянной судебной практикой, свобода выражения своего мнения относится не только к "информации" или "идеям", воспринимаемым благоприятно или рассматриваемым как безобидные или нейтральные, но также к сведениям и мыслям, которые будоражат, шокируют или беспокоят государство или определенную часть населения. Таковы требования плюрализма, терпимости и духа открытости, без которых "демократического общества" не существует. Любое лицо, пользующееся правами и свободами, утверждаемыми Ст. 10 ЕКПЧ, берет также на себя налагаемые ею "обязанности и ответственность". В рассматриваемом контексте вероисповеданий и религиозных убеждений, сюда можно законно включить обязательство максимально избегать выражений, беспричинно оскорбительных для других лиц, и ущемляющих таким образом их права. В принципе, в некоторых демократических обществах можно считать необходимым карать или даже предупреждать оскорбительные нападки на предмет религиозного почитания, естественно при условии, что любая принимаемая "формальность", "условие", "ограничение" или "санкция" будет соразмерна законной преследуемой цели.

Суд отмечает, что фильм был широко разрекламирован. Широкая публика была в достаточной степени проинформирована о его теме и сюжете с тем, чтобы составить себе ясное представление о его характере; по этим причинам готовившийся показ должен рассматриваться как выражение своего мнения, высказанного достаточно "публично", чтобы быть оскорбительным. Суд не может игнорировать того факта, что римско-католическая вера исповедуется подавляющим большинством тирольцев. Наложив арест на фильм, австрийские власти приняли меры для того, чтобы защитить религиозный мир в этом регионе и предупредить возникновение у некоторых его жителей ощущения неоправданного и оскорбительного надругательства над их религиозными чувствами. Право оценки необходимости в принятии таких мер в свете ситуации, складывающейся в конкретном месте и в конкретный момент, принадлежит прежде всего национальным властям, находящимся в лучшем положении, чем международный судебный орган. Принимая во внимание все обстоятельства дела, Суд не считает, что австрийские власти вышли за рамки предела усмотрения, установленного в этой области. Следовательно, он не установил никакого нарушения Ст. 10 ЕКПЧ.

Идентификационный номер: ECH-1994-2-011

Ключевые слова для алфавитного указателя:

Принудительный труд, запрещение / Пожарная служба.

Сокращенное содержание:

Это постановление касается обязательной уплаты взносов в счет содержания пожарной команды, предусмотренной законом о пожарной повинности немецкой Земли Баден-Вюртемберг (Land de Bade Wurttemberg) во возмещение несения обязательной пожарной службы. Заявитель утверждает, что это обязательство носит дискриминационный характер, так как относится исключительно к лицам мужского пола.

Суд напомнил, что Ст. 14 ЕКПЧ требует, чтобы не было никакой дискриминации в пользовании правами, гарантированными Конвенцией. Он счел, что обязательная пожарная повинность является одной из "обыкновенных гражданских обязанностей" и представляет из себя одно из ограничений права не привлекаться к принудительному или обязательному труду, гарантированное Ст. 4 ЕКПЧ. Суд пришел к выводу, что -будучи тесно связанной с пожарной повинностью, - обязанность платить взносы в счет содержания пожарной команды также относится к области действия вышеуказанного положения.

Суд констатировал, что в Германии некоторые Земли не обязывают в этой области делать различие в зависимости от пола лица, и что даже в Баден-Вюртемберге женщины допущены к службе в добровольных пожарных командах. В независимости от ответа на вопрос, есть ли в наше время причины по-разному относиться к мужчинам и к женщинам применительно к обязательной пожарной повинности, одно обстоятельство имеет решающее значение в данном случае: вышеуказанная повинность существует лишь юридически и теоретически. Так как добровольцев всегда хватало, то в действительности ни одно лицо мужского пола не было обязано нести пожарную повинность. Денежный взнос потерял -не юридически, а фактически -свой компенсационный характер, оставшись только реальной обязанностью. Разница в обращении, основанная на различии пола, не может быть оправдана при уплате такого взноса.

Следовательно, имела место дискриминация в нарушение Ст. 14 ЕКПЧ, взятой в совокупности со Ст. 4 ЕКПЧ.

Идентификационный номер: ECH-1994-2-010

Ключевые слова для алфавитного указателя:

Адвокатура, стажеры, запись.

Сокращенное содержание:

Это постановление относится к производству по делу о ходатайстве о внесении заявителя, отставного офицера вооруженных сил, получившего лицензию на занятие адвокатской деятельностью, в список адвокатов-стажеров коллегии адвокатов бельгийского города Хассельт (Hasselt). Совет коллегии адвокатов отверг это ходатайство, а Государственный Совет Бельгии счел, что рассмотрение актов Совета коллегии адвокатов не входит в его компетенцию. Кроме всего прочего, заявитель жалуется на отсутствие справедливого и открытого разбирательства его дела в суде, как того требует Ст. 6-1 ЕКПЧ.

Суд прежде всего напомнил, что в случае соответствия заинтересованного лица установленным законом условиям занятия профессиональной деятельностью, данное лицо вправе заниматься таковой деятельностью. В рассматриваемом случае заявитель мог утверждать, что бельгийское законодательство признает за ним право на то, чтобы быть внесенным в список адвокатов-стажеров. Кроме того, Суд счел, что это право относится к "гражданским" правам в смысле Ст. 6-1 ЕКПЧ.

Суд констатировал, что отказ во внесении в список, данный заявителю Советом коллегии адвокатов, основывался на том, что вся его предыдущая профессиональная карьера прошла вне адвокатуры, но не указывал при этом, в чем это обстоятельство свидетельствует о его профессиональной непригодности или о том, что он недостойн заниматься адвокатской деятельностью. При отсутствии таких указаний оспариваемое решение было лишено какого бы то ни было законного обоснования. Таким образом, Суд счел, что Совет коллегии адвокатов не обеспечил справедливого разбирательства дела заявителя, выдвинув основание, не имеющее по закону юридической силы. Следовательно, по этому пункту имело место нарушение права заявителя на справедливое судебное разбирательство (Ст. 6-1 ЕКПЧ).

Далее Суд констатировал, что рассмотрение ходатайства заявителя не привело к открытым прениям, и что решение Совета коллегии адвокатов не было объявлено публично. Одновременно, за отсутствием каких бы то ни было оснований, оправдывающих проведение заседания за закрытыми дверями, заинтересованное лицо имело право на публичность разбирательства. Следовательно, по этому пункту имело также нарушение Ст. 6-1 ЕКПЧ.

Идентификационный номер: ECH-1994-2-009

Ключевые слова для алфавитного указателя:

Незаконная конкуренция.

Сокращенное содержание:

Заявитель, бывший директор агентства по связи с прессой и ныне директор агентства по связи с общественным мнением, обжаловал судебный приказ, вынесенный немецкими судебными органами по заявлению своего бывшего работодателя; этим судебным приказом заявителю воспрещалось продолжать распространение ответа на сообщение для прессы, в котором его бывший работодатель открыто поставил под вопрос его профессиональные способности. Действительно, национальные судебные органы сочли, что заявитель в своих действиях преследовал цели конкурентной борьбы в рамках деловых отношений.

По мнению Суда, оспариваемая мера является вмешательством в осуществление заявителем права на свободу выражения своего мнения; касательно того, было ли оно "предусмотрено законом", можно сказать, что в свете Конвенции оно преследовало законную цель, а именно, "защиту репутации и прав другого лица". Таким образом, остается ответить на вопрос, можно ли рассматривать данное вмешательство как "необходимое в демократическом обществе".

В данном случае, необходимо поставить на чашу весов требования защиты репутации и прав другого лица, с одной стороны, и свободу заявителя на распространение своего ответа, с другой. Суд отметил, что национальные суды, рассматривавшие по существу деяния заявителя, единогласно усмотрели в них незаконную конкуренцию, противоречащую "нормам морали", так как они были прежде всего направлены на перевод клиентуры его бывшего работодателя на свое собственное агентство. Их решения основывались главным образом на формулировках, использованных в ответе, и прежде всего на его последнем абзаце, в котором заявитель ясно выразил свое пожелание установить личные коммерческие отношения с адресатами. Внутренние суды учли то обстоятельство, что заявитель подвергся нападкам личного характера в сообщении своего бывшего работодателя, придав одновременно больший вес целям конкурентной борьбы, преследовавшимся в ответе.

Исходя из этого, Суд пришел к выводу, что германские суды не перешли рамки предела усмотрения, предоставленного национальным властям, и что не было установлено никакого нарушения права заявителя на свободу выражения своего мнения.

Идентификационный номер: ECH-1994-1-002

Раймондо против Италии.

Ключевые слова для алфавитного указателя:

Превентивные меры / Наложение ареста на активы / Меры специального присмотра.

Сокращенное содержание:

По подозрению в принадлежности к бандформированию мафиозного типа 24 июля 1984 г. против заявителя было возбуждено уголовное дело, в рамках которого он подвергся предварительному заключению с 7 ноября 1984 г. по 24 июля 1985 г., а затем посажен под домашний арест. Решением от 30 января 1986 г. суд г. Катанзаро (Catanzaro) оправдал его за недостаточностью доказательств и отменил меру наказания в виде лишения свободы. По ходатайству прокуратуры и г-на Раймондо апелляционный суд г. Катанзаро оправдал последнего за отсутствием состава преступления.

Так как прежние подозрения оставались в силе, то было возбуждено дело с тем, чтобы были приняты превентивные меры в отношении заинтересованного лица. 13 мая 1985 г. суд г. Катанзаро распорядился наложить арест на часть его имущества (недвижимость и автомобили). 16 октября 1985 г. тот же суд вынес решение о конфискации имущества, законность происхождения которого не была доказана, и о применении к заявителю меры специального полицейского присмотра, приговорив его одновременно к внесению залога.

Решением от 4 июля 1986 г., зарегистрированным в секретариате суда 2 декабря и вошедшим в законную силу 31 декабря 1986 г., апелляционный суд г. Катанзаро, в который обратился заявитель, снял вышеуказанные меры. 5 декабря 1986 г. компетентные органы власти г. Катанзаро проинформировали карабинеров по месту жительства заявителя об отмене мер специального полицейского присмотра, о чем заинтересованное лицо было оповещено 20 декабря 1986 года. Снятие ареста с части зданий и конфискации с четырех автомобилей было вписано в публичный реестр 2 февраля, 10 февраля и 10 июля 1987 года; что касается девяти конфискованных зданий, то власти обратились с запросом о внесении соответствующей записи 9 августа 1991 года. Внесенный залог был возвращен 24 апреля 1987 года.

Кроме всего прочего, заявитель жаловался на то, что примененные к нему имущественные превентивные меры, и сохранение записей об этих мерах в публичном реестре нарушают его право на уважение его имущества, гарантированное Ст. 1 Протокола 1 ЕКПЧ. Он утверждал также, что меры специального полицейского присмотра являлись нарушением его права на свободу передвижения, гарантированного Ст. 2 Протокола 4 ЕКПЧ.

Касательно имущественных превентивных мер, Суд констатирует, что наложение ареста на имущество было предусмотрено законом от 31 мая 1965 г. и было направлено не на лишение заявителя его имущества, а только на то, чтобы воспрепятствовать пользованию им. Эта мера явным образом расценивается как временная и отвечающая необходимости возможной конфискации имущества, нажитого, по всей вероятности, противозаконным способом в ущерб обществу. Таким образом, общий интерес оправдывал оспариваемое вмешательство, которое нельзя было рассматривать в момент событий как соразмерное преследуемой цели, принимая во внимание очень большую опасность, которую представляла экономическая мощь такой "организации" как мафия. Следовательно, по этому пункту никакого нарушения Ст. 1 Протокола 1 ЕКПЧ установлено не было.

Кроме того, даже если она и включает в себя лишение собственности, конфискации имущества, также предусматриваемая законом 1965 года, служила целям общего интереса: воспрепятствовать извлечению выгоды в ущерб обществу через пользование данным имуществом со стороны заявителя или же бандформирования, в принадлежности к которому он подозревался. Суд не игнорирует трудности, с которыми сталкивается итальянское государство в борьбе с мафией. Имея своей целью блокирование подозрительных капиталов, конфискации является действенным и необходимым орудием в борьбе с этим негативным явлением. Таким образом, превентивные меры представляются соразмерными искомой цели. И наконец, их превентивный характер оправдывает их срочное и непосредственное применение несмотря ни на какое обжалование. Вывод: государство -ответчик не превысило предела усмотрения, установленного Ст. 1-2 Протокола 1 ЕКПЧ.

Касательно сохранения записей оспариваемых мер в публичном реестре, Суду в данном случае плохо понятно, зачем надо было ждать соответственно более семи месяцев (со 2 декабря 1986 г. по 10 июля 1987 г.) и более четырех лет и восьми месяцев (со 2 декабря 1986 г. по 9 августа 1991 г.), чтобы урегулировать юридический статус части имущества г-на Раймондо. Это вмешательство не было ни "предусмотрено законом", ни необходимо "для осуществления контроля за использованием имущества в соответствии с общими интересами" в смысле Ст. 1 Протокола 1 ЕКПЧ. Следовательно, имело место нарушение этого положения ЕКПЧ.

Что касается мер полицейского присмотра, то, по мнению Суда, принимая во внимание угрозу, которая мафия представляет для "демократического общества", именно эта мера и была необходима для "поддержания общественного порядка", а также для "предупреждения уголовных правонарушений". В частности, она была соразмерна преследуемой цели вплоть до ее отмены апелляционным судом г. Катанзаро 4 июля 1986 г.

Остается период с 4 июля по 20 декабря 1986 г., когда заявителю было объявлено о снятии полицейского присмотра. Даже если допустить, что вышеуказанное решение приобрело юридическую силу только после его регистрации в секретариате суда 2 декабря, то опять же Суду мало понятно, почему потребовалось ждать около пяти месяцев для того, чтобы изложить письменно мотивировочную часть судебного решения, подлежащего немедленному исполнению и затрагивающего основополагающее право заявителя. Суд пришел к выводу, что по меньшей мере со 2-го по 20 декабря 1986 г. данное вмешательство не было ни предусмотрено

законом, ни необходимо. Следовательно, имело место нарушение Ст. 2 Протокола 4 ЕКПЧ.

Идентификационный номер: ECH-1994-I-001

Сюзанна Бургарц и Альберт Шнидер против Швейцарии.

Ключевые слова для алфавитного указателя:

Фамилия по отцу (девическая фамилия) / Прозвище.

Сокращенное содержание:

Заявители, Сюзанна Бургарц (Susanna Burghartz) и Альберт Шнидер (Albert Schnyder), бракосочетались в Федеративной Республике Германии. В соответствии с законодательством этой страны, супруга сохранила фамилию Бургарц, выбранную в качестве фамилии семьи, в то время как супруг стал Шнидер - Бургарц. В Швейцарии супругу было отказано в праве добавить свою фамилию к девической фамилии жены, ставшей семейной, и иметь двойную фамилию Шнидер - Бургарц. Заявители упрекали швейцарские власти в том, что они отказали в этом праве супругу, в то время как швейцарское законодательство предоставляет такое право женам, избравшим фамилию мужа в качестве семейной. Они жаловались на то, что подобная ситуация является актом дискриминации по признаку пола, запрещенного Ст. 14 ЕКПЧ, а также нарушением их права на уважение семейной жизни, гарантированного Ст. 8 ЕКПЧ.

Суд отмечает, что, в отличие от ряда других международных правовых инструментов, Ст. 8 ЕКПЧ не содержит явных положений, относящихся к фамилии лица. Даже будучи средством установления личности и привязки к конкретной семье, фамилия лица продолжает относиться, тем не менее, к области его частной и личной жизни. Этому не препятствует также и заинтересованность государства и общества в регламентации использования фамилий, так как эти стороны публичного права применимы с частной жизнью лица, охватывающей в некоторой мере его право завязывать и развивать отношения с себе подобными в различных областях и, в частности, в профессиональной и коммерческой. В данном случае, сохранение за заявителем его фамилии, под которой, по его словам, он стал известен в академических кругах, может определенным образом повлиять на его карьеру. Следовательно, в данном случае Ст. 8 ЕКПЧ подлежит применению.

Суд напоминает, что продвижение в сторону равенства полов является сегодня важной целью государств - членов Совета Европы; исходя из этого, только очень весомые соображения могут оправдать совместимость с Конвенцией различие в обращении, основанное исключительно на разнице в поле лица.

В поддержку оспариваемого режима правительство Швейцарии ссылалось сначала на заботу законодательной власти о том, чтобы единство семьи проявлялось через ее фамилию. Довод не убедил Суд, так как приставление мужем своей фамилии к семейной фамилии, взятой у жены, не в меньшей мере отражает единство семьи, чем обратное решение, допускаемое гражданским кодексом Швейцарии.

Далее, по мнению Суда, в данном случае нельзя говорить о настоящей традиции: право, которым пользуются жены и на которое претендует заявитель, существует в Швейцарии только с 1984 года. Тем временем, Конвенция должна толковаться в свете сегодняшней обстановки и, в частности, важности, придаваемой принципу недискриминации.

Точно так же, нет никакой разницы в той или иной фамилии, выбираемой обоими супругами в качестве семейной. Вопреки утверждениям швейцарского правительства, такой выбор, сделанный супругом, ничуть не взвешеннее, чем выбор супруги. Следовательно, неоправданно обуславливать его последствиями, различиями в зависимости от того, в пользу чьей фамилии и кем сделан выбор.

Вывод: оспариваемой разнице в обращении не хватает объективного и разумного обоснования и, следовательно, такое положение вещей игнорирует Ст. 14 ЕКПЧ, взятую в совокупности со Ст. 8 ЕКПЧ.

Идентификационный номер: ECH-1993-S-008

Имброшиа против Швейцарии

Краткая аннотация

Несоблюдение в ходе предварительного следствия требований, содержащихся в статье 6-3-с ЕКПЧ [\[5\]](#), может привести, в зависимости от специфических аспектов проводимого расследования и конкретных обстоятельств дела, к нарушению права на справедливое судебное разбирательство [\[6\]](#).

Отсутствие помощи защитника в ходе нескольких допросов, проводившихся полицией и окружным прокурором, не было расценено в деле заявителя [\[7\]](#) в качестве нарушения его права на защиту.

Государство не может нести ответственность за любое упущение со стороны адвоката, назначенного для оказания правовой помощи, или адвоката, выбранного последственным. Анализ всех стадий разбирательства на национальном уровне свидетельствует, что заявителю была обеспечена надлежащая юридическая помощь.

Сокращенное содержание

2 февраля 1985 г. возвращавшийся в Италию из Бангкока через Цюрих коммивояжер г-н Имброшиа, гражданин Италии, был арестован по подозрению в соучастии во ввозе наркотиков. Г-н Имброшиа через г-жу С. К. обратился к адвокату - г-же Б. Г.

Прокурор округа Цюрих и офицер полиции провели семь допросов г-на Имброшиа в период между его арестом и предъявлением обвинения 10 июня 1985 г. Никто из адвокатов не присутствовал во время допросов, за исключением заключительного допроса 6 июня 1985 г. Окружной прокурор не сообщал адвокатам Имброшиа о датах проведения допросов, хотя некоторые разногласия между сторонами возникли по поводу того, было или нет сообщено о допросе, проводившемся 11 апреля 1985 г.

Г-жа Б. Г., первый адвокат, отказалась от предоставления услуг заявителю 25 февраля 1985 г. Соответствующими инстанциями г-ну Имброшиа был назначен второй адвокат г-н Фишер, который немедленно получил материалы дела своего клиента с протоколами всех допросов, которым тот подвергался. Г-н Имброшиа мог свободно обращаться со своим адвокатом, который провел с ним четыре встречи.

26 июня 1985 г. суд признал г-на Имброшиа виновным и определил меру наказания в виде 7-летнего срока лишения свободы и 15-летнего запрета на въезд в Швейцарию. Апелляционный суд Цюриха оставил 17 января 1986 г. обвинительный приговор и избранную меру наказания в силе. 8 октября 1986 г. Кассационный суд Цюриха отклонил жалобу г-на Имброшиа. Федеральный суд отклонил публично-правовую жалобу [\[8\]](#) заявителя 5 ноября 1986 г.

Вопрос, который предстояло разрешить Европейскому Суду по Правам Человека (далее Суд), заключался в том, чтобы установить, представляло ли собой отсутствие адвоката на ряде допросов, проведенных полицией и прокурором округа, нарушением права на справедливое судебное разбирательство и, в частности, права на юридическую помощь защитника (Ст. 6-1 и 6-3-с ЕКПЧ).

Суд решил, что, хотя главной целью Ст. 6 ЕКПЧ является обеспечение справедливого разбирательства при определении законности и обоснованности уголовного обвинения уполномоченным судом, из этого не следует, что эта цель не относится к стадии предварительного следствия. Суд подчеркнул, в частности, что требования Ст. 6-3 могут быть применены к предварительному следствию, учитывая, что справедливость судопроизводства может быть нарушена изначальным упущением по соблюдению этих требований.

По мнению Суда, право на юридическую помощь не предвещает характера ее оказания: выбор способов ее предоставления на национальном уровне принадлежит государствам. Напоминая, что Конвенция направлена на обеспечение практических и действенных прав, Суд подчеркнул, что применение Ст. 6-3е ЕКПЧ к предварительному следствию зависит от особенностей проводимого разбирательства и обстоятельств дела.

В этом контексте Суд обратил внимание на то, что адвокат, которого первоначально выбрал заявитель, отказался от дела, не побывав на допросах своего клиента. Суд выразил мнение, что, принимая во внимание независимость адвокатуры, проведение защиты зависит главным образом от отношений между подзащитным и его представителем, при чем государство может вмешиваться только в случаях явно неэффективного консультирования.

В рассматриваемом деле власти официально назначили заявителю другого адвоката непосредственно после того, как первый проинформировал их о своем отказе от дела. Второй адвокат получил материалы дела заявителя и не поднимал вопрос об отсутствии защитника на предыдущих допросах. Он консультировал клиента до и после каждого проводившегося впоследствии допроса. До 17 апреля 1985г. адвокат не обжаловал того факта, что ему не сообщалось о датах назначаемых последующих допросов. Окружной прокурор пригласил его впоследствии на допрос, который завершил расследование. Соответствующие гарантии по юридической защите интересов обвиняемого были обеспечены в отношении слушаний в окружном суде Булаха 26 июня 1985 г. и в апелляционном суде Цюриха 17 января 1986 г.

Общая проверка разбирательства привела Суд к заключению, что заявителю не было отказано в праве на справедливое судебное разбирательство и что ему оказывалась квалифицированная юридическая помощь.

Суд пришел к выводу, что нарушения Ст. 6-1 ЕКПЧ, рассматриваемой в совокупности со Ст. 6-3-с ЕКПЧ, не было. Трое судей выразили свои особые мнения.

Идентификационный номер: ECH-1993-S-007

"Домбо Бехеер" против Нидерландов

Краткая аннотация

Бывшему исполнительному директору заявителя было отказано в праве на дачу показаний в судебном заседании. В это же время представителю другой стороны спора, который присутствовал во время заключения оспариваемого контракта, была предоставлена возможность давать свидетельские показания. Этот подход был квалифицирован как нарушение права на справедливое судебное разбирательство.

Сокращенное содержание

"Домбо Бехеер" Б. В. (далее "Домбо"), общество с ограниченной ответственностью, зарегистрированное по законодательству Нидерландов, утверждало, что имело контракт со своим банком «Nederlandische Middenstandbank N. v.» (далее Банк) по поводу льгот при превышении границы кредита. В период с декабря 1980 по февраль 1981г. возник спор по поводу их финансовых отношений. Утверждая, что Банк отказался осуществлять текущие операции, Домбо возбудило разбирательство против него в региональном суде Арнхема с целью получения возмещения ущерба.

2 февраля 1984г. суд округа Арнхема пригласил представителя "Домбо" для дачи показаний по поводу предполагаемого превышения максимальной границы кредита, содержащегося в предполагаемом контракте с Банком. Банк подал апелляционную жалобу на это решение. Апелляционный суд Арнхема отклонил ее 8 января 1985 г. По просьбе сторон апелляционный суд истребовал это дело.

13 февраля 1985г. проводивший разбирательство судья отказался выслушать бывшего директора "Домбо", который проводил переговоры о предполагаемом контракте с Банком, на основании того, что сторона спора не может быть выслушана в качестве свидетеля в своем собственном деле. В то же время, несмотря на протесты "Домбо", он выслушал в качестве свидетеля менеджера Банка, который принимал участие со стороны Банка в переговорах по оспариваемому контракту.

Иск "Домбо" по поводу возмещения ущерба был отклонен апелляционным судом Арнхема 11 марта 1986 г. Апелляционные жалобы на решение апелляционного суда и решения проводившего разбирательство судьи были отклонены 19 февраля Верховным судом, который счел, что апелляционный суд был вправе оценивать доказательства, представленные Банком в свете сведений, внесенных другой стороной, и принимать во внимание показания, сделанные свидетелем Банка.

Вопрос, который предстояло решить Суду по Правам Человека, заключался в том, чтобы определить, противоречил ли принципу процессуального равенства прав сторон отказ национальных судов разрешить исполнительному директору заявителя дать показания и имело ли по этой причине место нарушение права на справедливое судебное разбирательство (Ст. 6-1 ЕКПЧ).

Суд разъяснил, что в его задачи не входило принятия решения вопроса гражданско-правового судопроизводства о том, может ли сторона быть выслушана в качестве свидетеля в своем собственном деле. Соответственно, Суд не должен рассматривать законодательство Нидерландов о порядке истребования и представления доказательств в гражданском производстве *in abstracto*. Ему было необходимо определить, являлось ли производство в своей совокупности, включая вопрос о том, каким образом доказательства были истребованы и изучены, справедливым в смысле Ст. 6-1 ЕКПЧ.^[9] Суд напомнил, что государства, несомненно, имеют широкие пределы усмотрения в определении требований к «справедливому судебному разбирательству» в гражданском процессе по сравнению с уголовным. Тем не менее, понятие «справедливого разбирательства», сформировавшееся в юриспруденции ^[10] Суда, включает требование «процессуального равенства прав сторон» в смысле справедливого равновесия между сторонами как в отношении гражданских, так и уголовных дел.

Суд разъяснил, что принцип «процессуального равенства сторон» подразумевает в случае спора, затрагивающего частные интересы, что каждая сторона должна располагать разумной возможностью представить свое дело, включая доказательства, в условиях, которые не ставят эту сторону в существенно более неблагоприятное положение по отношению к противоположной стороне.

В рассматриваемом деле, в соответствии с законодательством Нидерландов, общество-заявитель "Домбо" должно было доказать существование предполагаемого контракта между ним и Банком. На встрече, где предполагаемое соглашение было заключено, присутствовали только два лица: исполнительный директор общества-заявителя и менеджер местного отделения Банка. В качестве свидетеля был выслушан только второй: первый не имел такой возможности, поскольку был расценен апелляционным судом в качестве единого лица с самой компанией.

Обратив внимание на то, что исполнительный директор общества-заявителя и менеджер местного отделения Банка действовали как равные стороны в переговорах по оспариваемому контракту, Суд отмечает, что трудно понять, почему им не была предоставлена равная возможность дать свидетельские показания. Исходя из этого, Суд пришел к выводу, что общество-заявитель было поставлено в менее благоприятное положение по сравнению с Банком. Следовательно, имело место нарушение Ст. 6-1 ЕКПЧ. Четыре судьи выразили особые мнения.

Суд счел, что не готов принять решение о различных требованиях по справедливому возмещению ^[11] потерпевшей стороне (Ст. 50 ЕКПЧ), сумма которого должна быть оценена в последующем.

Суд обратил внимание, что различные требования общества-заявителя были основаны на презумпции того, что оно могло бы выиграть дело, если бы национальные суды позволили дать свидетельские показания его бывшему директору. Не оценив сами доказательства, Суд не мог допустить вышеуказанное предположение и, соответственно, отклонил претензии по данному пункту. На тех же основаниях он отказался от рассмотрения требований по возмещению расходов по судопроизводству на национальном уровне. Что касается расходов, проистекающих из хода разбирательства в Страсбурге, Суд единогласно счел разумным принять решение об их возмещении.

Идентификационный номер: ECH-1993-S-006

Клаас против Германии

Краткая аннотация

Применение силы полицейскими, выразившееся в нанесении телесных повреждений, не было расценено в качестве бесчеловечного и унижающего достоинство обращения, поскольку было необходимо для исполнения полицейскими своих законных обязанностей.

Учитывая, что вышеуказанное применение силы было расценено как оправданное и соразмерное, тот факт, что это произошло на территории частного владения в присутствии другого члена семьи, не был признан нарушением права на уважение личной и семейной жизни.

Сокращенное содержание

Вечером 28 января 1986 г. г-жа Клаас (первая заявительница) в сопровождении 8-летней дочери (вторая заявительница) поставила свой автомобиль на стоянку с задней стороны жилого многоквартирного дома, где она проживает. Г-жу Клаас остановили два полицейских, которые подъехали туда, следуя за ее автомобилем. Они утверждали, что она пересекла дорожный указатель на красный свет и пыталась скрыться г-жа Клаас отрицала эти обвинения. Полицейские потребовали ее водительское удостоверение и проведения теста на алкогольное опьянение (с помощью индикаторной трубки). Так как она неоднократно отказалась сделать это, они заявили г-же Клаас, что она должна будет проследовать с ними в местную больницу, чтобы провести анализ на определение уровня алкоголя в крови. Она согласилась, но выразила желание сначала отвести дочь к соседям. Последовало столкновение, в ходе которого г-жа Клаас была задержана и доставлена в местную больницу. Она была освобождена после того, как у нее был взят анализ крови, который показал уровень алкоголя в ее крови 0,83 грамма на литр.

Обстоятельства задержания и точная последовательность событий вызвали разногласия, но г-жа Клаас заявила, что полицейские нанесли ей серьезные телесные повреждения, что было затем подтверждено актами медицинских экспертов.

Уголовное дело против г-жи Клаас по обвинению в вождении автомобиля в нетрезвом состоянии и оказании сопротивления представителям полиции при исполнении ими своих служебных обязанностей было прекращено 22 июня 1986 г. Однако, на заявительницу был наложен штраф в размере 500 марок ФРГ, и она была лишена водительского удостоверения административным органом в качестве административного наказания за вождение транспортного средства при содержании в крови алкоголя, превышающем 0,8 грамма на литр.

Расценив, что применение силы полицейским в отношении г-жи Клаас было правомерным и соразмерным, глава окружной администрации Детмольда отклонил 18 сентября 1986 г. жалобу заявительницы на полицейских. На этом же основании иск заявительницы против полиции и земли Северный Рейн - Вестфалия по поводу возмещения ущерба за причинение вреда здоровью был отклонен в 1987 г. окружным судом Детмольда. Заявительница безрезультатно обжаловала эти решения. Ее конституционная жалоба также не имела успеха, поскольку палата суда из трех судей Федерального конституционного суда постановила, что ее иск не имеет достаточных оснований для положительного рассмотрения.

Европейский Суд по Правам Человека был призван, главным образом, дать ответ, представляло ли собой отношение к первой заявительнице во время ареста, свидетелем которого стала вторая заявительница, бесчеловечным и унижающим достоинство обращением, запрещенным Ст. 3 ЕКПЧ.

Вслед за этим Суд должен был определить, было ли вышеуказанное обращение нарушением права на личную и семейную жизнь (Ст. 8 ЕКПЧ), учитывая, что оно имело место на территории частного владения в присутствии другого члена семьи.

По поводу нарушения Ст. 3 ЕКПЧ, жертвой которого предположительно стала первая заявительница, Суд обратил внимание, что стороны в разбирательстве, участвовавшие на национальном уровне, не оспаривали тот факт, что телесные повреждения были причинены во время задержания. Противоречие версий касалось истинной причины столкновения.

Суд напомнил, что по общему правилу он не правомочен подменять национальные суды в отношении оценки фактов. Суды сочли, что полицейские не применяли излишнюю силу. Исходя из того, что новые материалы не были представлены в ходе разбирательства в Страсбурге с тем, чтобы поставить под сомнение факты, установленные судами ФРГ, и подтвердить обвинения заявительницы, Суд отметил, что не может не опираться на оценки, данные немецкими судами. Следовательно, нарушения Ст. 3 ЕКПЧ не было.

Что касается жалобы в отношении нарушения Ст. 3, при котором жертвой стала вторая заявительница, Суд единогласно принял решение, что жалоба лишена основания, ибо факты, на которых она была основана, не подтверждались доказательствами.

Та же аргументация привела Суд к заключению о том, что право на личную и семейную жизнь не было нарушено (Ст. 8 ЕКПЧ).

Идентификационный номер: ECH-1993-S-005

Сигурдур А. Сигурйонссон против Исландии

Краткая аннотация

Не будучи необходимым в демократическом обществе, возложенное законом на водителя такси обязательство быть членом определенной организации для водителей такси, представляет собой нарушение его права на свободу ассоциации.

Сокращенное содержание

Г-н Сигурдур А. Сигурйонссон получил 24 октября 1984 г. лицензию на использование своего автомобиля в качестве такси. К этому времени заявитель выполнил содержащиеся в инструкции Министерства условия, которые, среди прочего, обязывали к членству в Автомобильной ассоциации Фрами (далее "Фрами"). По требованию "Фрами" его лицензия была отозвана в июле 1986 г., главным образом по той причине, что он отказался платить членские взносы, при этом был оставлен без внимания тот факт, что заявитель до этого уведомил "Фрами", что не желал более быть членом ассоциации. Заявитель оспаривал это решение в Министерстве транспорта, но безуспешно. 1 августа 1987 г. полиция задержала его автомобиль и сняла с него обозначения того, что он предназначен для таксоперевозок.

Жалоба заявителя с требованием признания недействительности отзыва лицензии была отклонена гражданским судом г. Рейкьявика. 17 июля 1987 года заявитель направил апелляцию в Верховный суд Исландии, который вынес решение, что обязательство быть членом Фрами не противоречит Конституции.

1 июля 1989 г. вступил в силу новый Закон об автомобилях для общественного найма. Членство в соответствующем профсоюзном объединении было конкретно упомянуто как обязательное условие для выдачи лицензии на использование автомобиля в качестве такси. Хотя и против своей воли, но заявитель восстановил свое членство во "Фрами".

Суд по Правам Человека должен был определить, нарушает ли установленное законом обязательство для водителей такси быть членом конкретной предназначенной для них организации право гражданина на свободу ассоциации, гарантированное Ст. 11 ЕКПЧ.

Изначально Суд подчеркнул, что, поскольку "Фрами" является главным образом частноправовой организацией, она должна рассматриваться как «ассоциация» в смысле Ст. 11 ЕКПЧ. Напоминая, что право создавать и присоединяться к профсоюзам является одним из аспектов более широкого права на ассоциацию, он отклонил необходимость исследовать, должна ли "Фрами" рассматриваться как «профсоюзная организация».

В вопросе о том, является ли обязанность быть членом "Фрами" ограничением права заявителя на свободу ассоциации после вступления в силу закона от 1989 г., Суд напомнил, что Конвенция это живой инструмент для применения в духе сегодняшнего дня. Следовательно, надлежит считать, что Ст. 11 ЕКПЧ включает в себя негативное право на ассоциацию (свободу не являться членом ассоциации и право выхода из нее).

В данном случае, после вступления в силу закона 1989 года нарушение обязательства быть членом "Фрами" имело следствием отзыв разрешения на использование транспортного средства в качестве такси. Суд считает, что подобный тип условий касается существа права, провозглашенного Ст. 11 ЕКПЧ и представляет собой ограничение этого права. Более того, исходя из того, что защита личного мнения - это одна из целей свободы ассоциации, Суд применил Ст. 11 ЕКПЧ в свете Ст. 9 и 10 ЕКПЧ (свобода мысли и свобода выражения). Учитывая обстоятельства дела, Суд пришел к выводу, что меры, которые обжалует заявитель, представляют собой ограничение права на свободу ассоциации.

Следующий вопрос, который должен был решить Суд, заключался в том, было ли оправдано вышеуказанное ограничение (Ст. 11-2 ЕКПЧ).

Суд не возражал, что обязательное членство было с июля 1989 г. «предусмотрено законом» и преследовало законную цель. Ставя под сомнение, однако, его необходимость в демократическом обществе, Суд пришел к выводу, что оспариваемые меры были непропорциональны по отношению к преследуемым целям, определенным законом. В соответствии с этим Суд решил, что нарушение права на свободу ассоциации в смысле Ст. 11 ЕКПЧ имело место.

Идентификационный номер: ECH-1993-S-004

Папамихалопулос и другие против Греции

Краткая аннотация

Занятие Фондом Военно-морского флота земельных площадей, принадлежащих частным лицам, стало и продолжает оставаться нарушением их права на беспрепятственное использование имущества.

Потеря возможности распоряжаться собственностью в совокупности с безуспешностью попыток восстановить положение, были квалифицированы как фактическая экспроприация.

Сокращенное содержание

В 1967 г. на основе закона, принятого военным правительством, Фонд Военно-морских сил принял во владение значительный участок земли, включавший сельскохозяйственные площади, принадлежавшие заявителям, на которых была создана военно-морская база и место для отдыха офицеров и их семей. Начиная с этого времени, заявители не могли пользоваться своей собственностью, продавать, наследовать, дарить или сдавать ее в ипотеку. Г-н Папамихалопулос, который получил окончательное решение суда, предписывавшее Военно-морскому флоту вернуть ему собственность, не получил даже доступа к ней.

Заявители были проинформированы в 1980 г., что в результате строительства военно-морской базы их собственность не может быть возвращена: были предприняты действия с тем, чтобы предоставить им другой участок земли в том же районе. Однако, в 1988 г., Министерство сельского хозяйства сообщило заявителям, что подходящих свободных участков в окрестностях не имеется и что они могут получить их в другой местности. Ко времени доклада Комиссии, когда различные иски, поданные заявителями против Военно-морских сил и государства, были еще в стадии разбирательства, такой обмен не был произведен, так как подходящих земельных участков, которые находились бы в собственности правительства, не имелось.

Вопрос, который предстояло решить Суду по Правам Человека, заключался в том, чтобы определить, являлось ли занятие земли заявителями фондом Военно-морского флота нарушением их права на беспрепятственное использование своей собственности.

Первым делом Суд разъяснил, что денонсация Грецией Конвенции и Протокола 1 ЕКПЧ (13.06.1970 28.11.1974) не освободило ее от обязательств, вытекающих из них в отношении любого действия, которое было совершено ею до денонсации. Не соглашаясь с возражениями правительства, Суд счел, что заявители должны считаться собственниками земли, о которой идет речь, и что ее захват с 1967 г. представляет собой явное нарушение их права на беспрепятственное использование своего имущества.

Впоследствии, даже после того, как демократия в Греции была восстановлена, заявители не могли распоряжаться своей землей, и обещания предоставить другой участок земли закончились безрезультатно. Соответственно, Суд пришел к выводу, что ставшая предметом жалобы ситуация вызвала достаточно серьезные последствия для заявителей, у которых была произведена фактическая экспроприация собственности, что несовместимо с правом на беспрепятственное использование имущества. Исходя из вышеизложенного, был сделан вывод, что имело и продолжает иметь место нарушение Ст. 1 Протокола 1 ЕКПЧ.

Идентификационный номер: ECH-1993-S-003

Руиз-Матеос против Испании

Краткая аннотация

Процесс рассмотрения вопроса конституционности закона в Конституционном суде, который был внесен гражданскими судами по жалобе заявителей в целях восстановления права собственности, нарушил право заявителей на справедливое судебное разбирательство, ибо он не гарантировал заявителям возможности ознакомиться с заявлением другой стороны и сформулировать свои возражения.

Сокращенное содержание

В 1983 г. г-н Хосе Мария Руиз-Матеос, совместно с пятью другими членами семьи, являлся владельцем 100 % акций в АО РУМАЗА, основного общества группы РУМАЗА. Испанское государство провело 23 февраля 1983 г. в силу законодательного декрета (затем замененного законом № 7-1983) и на основе принципа общественной потребности экспроприацию и вступило в немедленное владение всеми акциями в компаниях, входящих в группу РУМАЗА.

Утверждая, что экспроприация была незаконной, и добиваясь реституции своих акций, члены семьи г-на Руиз-Матеос обратились в мае 1983 г. в гражданские суды. Вслед за этим они обратились в суд первой инстанции № 18 г. Мадрида с тем, чтобы направить в Конституционный суд запрос о том, соответствовал ли закон 1983 г. положениям Конституции Испании. Конституционный суд ответил 19 декабря 1986 г. положительно. Получив официальное уведомление о таком решении, суд г. Мадрида отклонил требования заявителей о реституции 23 декабря 1986 г.

Заявители направили апелляцию в суд *Audencia provincial*^[12] Мадрида 27 декабря 1986 г. После того, как 5 мая 1987 г. заявление было направлено в Европейскую Комиссию по Правам Человека, заявители обратились в *Audencia provincial* с просьбой отложить рассмотрение дела до окончания разбирательства в Комиссии. *Audencia provincial* отклонил прошение 13 февраля 1989 г. Одновременно эта инстанция приняла другое ходатайство заявителей: обратиться в Конституционный суд с новым вопросом о конституционности закона 1983 г. 15 января 1991 г. Конституционный суд ответил на этот вопрос также положительно. Суд *Audencia provincial* отклонил в этой связи апелляционную жалобу заявителей 25 февраля 1991 г.

Прежде всего, Суд должен был установить, были ли иски заявителей о реституции их собственности рассмотрены в течение «разумного срока», как этого требует Ст. 6-1 ЕКПЧ. Поскольку исход конституционного рассмотрения мог оказать влияние на ход судебных разбирательств на уровне судов общей юрисдикции, Суд, согласно своей постоянной юриспруденции, учел сроки рассмотрения дел в Конституционном суде, когда определял соответствующий период. По его мнению, промежуток времени, подлежащий исчислению, составляет 7 лет и 9 месяцев. Рассматривая разумность данного срока в соответствии с обстоятельствами дела и ссылаясь на свою практику, Суд сделал заключение, что разбирательство, в целом, и, в частности, конституционное производство, превысили границу разумного срока в смысле Ст. 6-1 ЕКПЧ.

Суд должен был затем определить, было ли нарушено право на справедливое судебное разбирательство в ходе конституционного производства. Учитывая, что это разбирательство было предварительным по своему характеру, Суд счел, что оно должно быть поставлено в контекст иска по реституции экспроприированной собственности. Более того, в данном случае постановка вопроса о конституционности была единственным доступным средством для заявителей обжаловать предполагаемое нарушение своего права на собственность. Заявители жаловались, что подверглись нарушению принципа процессуального равноправия сторон в ходе этого разбирательства.

В связи с тем, что принцип процессуального равноправия сторон является одним из элементов более широкой концепции справедливого судебного разбирательства, Суд напомнил, что будет рассматривать справедливость оспариваемых разбирательств в свете всех положений Ст. 6-1 ЕКПЧ. Круг лиц, правомочных обратиться в Конституционный суд за проверкой конституционности закона в ходе разбирательства спора гражданско-правового характера ограничен теми лицами, которые являются сторонами спора. В этой связи Суд подчеркнул, что им должны быть гарантированы свободный доступ к показаниям другой стороны, а также реальная возможность возражать на них. Этого не произошло в деле семьи Руиз-Матеос. Учитывая вышеизложенное, Суд сделал вывод, что нарушение права на справедливое судебное разбирательство (Ст. 6-1 ЕКПЧ) имело место.

Идентификационный номер: ECH-1993-S-002

Коккинаки против Греции

Краткая аннотация

Признание судом Свидетеля Иеговы виновным в совершении правонарушения противоречит его праву исповедовать свою веру ввиду того, что не было никаких оснований для квалификации его действий как прозелитизма.^[13]

Сокращенное содержание

2 марта 1986 г. в доме супругов Кириакаки, исповедующих православие, полиция арестовала Свидетелей Иеговы г-на и г-жу Коккинаки. Согласно фактам, которые впоследствии были установлены судами, супружеская пара Коккинаки вступила в дискуссии с г-жой Кириакаки. Г-н Коккинаки предположительно попытался обратить ее в свою веру. Тогда супруг г-жи Кириакаки вызвал полицию.

Затем супруги Коккинаки были обвинены в прозелитизме - правонарушении, подпадающем под Раздел 4 Закона N. 1363/1938. 20 марта 1986 г. уголовный суд г. Лазити вынес обвинительный приговор и назначил наказание в виде лишения свободы сроком на 4 месяца для каждого из обвиняемых. Мера наказания могла быть заменена денежным штрафом.

17 марта 1987 г. апелляционный суд г. Креты оправдал г-жу Коккинаки, но приговор ее мужу оставил без изменений. Кассационный суд отклонил его жалобу по мотивам нарушения норм процессуального права.

Главный вопрос, который должен был решить Суд по Правам Человека, заключался в том, является ли приговор г-ну Коккинаки нарушением его права на свободу мысли, совести и религии, которая гарантируется Ст. 9 ЕКПЧ.

Прежде всего, Суд подчеркнул, что свобода мысли, совести, и религии является одной из основ демократического общества - одним из его жизненно важных элементов, формирующих личность верующих и их концепцию жизни. Но это также ценность для атеистов, агностиков, скептиков и безразличных. Религиозная свобода подразумевает свободу проявлять свои религиозные убеждения не только в своем собственном сообществе, «публичным образом» и в кругу людей, которые разделяют веру, но также «индивидуально», «в частном порядке», включая в принципе право пытаться обратить ближнего в свою веру.

Суд подчеркнул, что основополагающая природа прав, гарантированных Ст. 9 ЕКПЧ, также отражена в способе формулирования параграфа Статьи, определяющего ограничения. В отличие от Ст. 8, 10 и 11, где второй параграф относится ко всем правам первого параграфа этих Статей, второй параграф Ст. 9 относится только к «свободе исповедовать свою религию или убеждения».

В обстоятельствах данного дела Суд счел, что приговор, постановленный национальными судами, представляет собой вмешательство в осуществление г-ном Коккинаки права на свободу исповедовать свою религию или убеждения (Ст. 9-1 ЕКПЧ). Следовало определить поэтому, было ли такое «вмешательство» оправдано в смысле Ст. 9-2 ЕКПЧ. В данном случае, осуждая прозелитизм, Раздел 4 Закона N. 1363/1938, преследовал законную цель по защите прав и свобод других граждан только в той степени, в какой он был направлен на преследование злоупотребления прозелитизмом проводя различие с подлинной евангелизацией.

Суд отметил между тем, что в своей аргументации греческие суды недостаточно конкретизировали, в чем заключались несоответствующие средства, с помощью которых заявитель пытался переубедить г-жу Кириакаки. В результате Суд счел, что не было установлено то, что признание заявителя виновным было оправдано насущной общественной необходимостью. Осуждение заявителя не являлось, таким образом, соразмерным по отношению к преследуемой законной цели и, следовательно, не было «необходимо в демократическом обществе (для защиты прав и свобод других)». Соответственно, нарушение права заявителя на свободу мысли, совести и религии (Ст. 9 ЕКПЧ) имело место.

Идентификационный номер: ECH-1993-S-001

Функе против Франции

Краткая аннотация

Попытка принудить подследственное лицо представить документы, которые могли бы стать доказательством правонарушений, которые он предположительно совершил, нарушает его право на справедливое судебное разбирательство.

Обыск дома и изъятия документов таможенными властями были расценены как нарушение его права на личную жизнь, тайну переписки и неприкосновенность жилища ввиду того, что эти меры были несоразмерны преследуемой законной цели.

Сокращенное содержание

14 января 1980г. в ходе расследования возможных нарушений законодательства о финансовых операциях за границей представители таможенной службы в сопровождении старшего офицера уголовной полиции обыскали дом супругов Функе с целью получения данных об их денежных средствах, находящихся за границей. Во время обыска служащие указанных ведомств нашли выписки со счетов и чековые книжки иностранных банков, которые они изъяли вместе с другими предметами.

С тем, чтобы обеспечить оплату таможенных штрафов, таможенные власти получили в апреле 1982г. от окружного суда г. Страсбурга ордер, который был подтвержден апелляционной инстанцией, об изъятии 100 220 французских франков из средств заявителя. В августе 1982г. счета заявителя были заблокированы, а в отношении одного из принадлежащих заявителю зданий была установлена ипотека в целях сохранения. Эти меры были отменены в июле 1990 г. по заявлению г-жи Функе, которая продолжила разбирательство после смерти ее мужа в 1987 г.

27 сентября 1982 г. полицейский суд г. Страсбурга наложил на г-на Функе штраф за то, что он по-прежнему не представил выписки со счетов в некоторых банках за границей. Ему было также предписано представить документы и заплатить штраф за каждый день просрочки до момента предоставления документов. Апелляционный суд г. Кольмара оставил 14марта 1983г. это решение в силе. Кассационный суд оставил 21ноября 1983г. жалобу г-на Функе по мотивам процессуальных нарушений без рассмотрения. Таможенные власти представили в январе 1985г. предписание банку, где г-н Функе был клиентом, с требованием оплатить штрафы, связанные с тем, что выписки со счетов в иностранных банках не были представлены. В феврале 1989г. апелляционный суд Кольмара пересмотрел решение окружного суда Страсбурга и вынес постановление о недействительности вышеупомянутого ордера. Тогда таможенные власти направили жалобу в Кассационный суд, но она была оставлена без удовлетворения.

К моменту своей смерти в 1987 г. дело г-на Функе по-прежнему не было передано в суд по обвинению в нарушениях таможенного законодательства.

Первый вопрос, на который Суд по Правам Человека должен был дать ответ, заключался в том, чтобы определить, были ли меры наказания в отношении заявителя за отказ представить документы по требованию служащих таможенной службы нарушением его права на справедливое судебное разбирательство, в частности принципа презумпции невиновности, гарантированных Ст. 6-1 и 6-2 ЕКПЧ.

В данном случае Суд обратил внимание, что таможенные власти попытались получить определенные документы от заявителя, в целях установления доказательств о правонарушениях, которые он предположительно совершил. По мнению Суда, особенности таможенного права не могут оправдать нарушения права любого человека, «обвиненного в совершении уголовного преступления», хранить молчание и не идти на самообвинение. Вследствие этого Суд подчеркнул, что г-ну Функе не была предоставлена возможность справедливого судебного разбирательства, и поэтому имело место нарушение Ст. 6-1 ЕКПЧ. По мнению Суда, такой вывод делает ненужным проверку того, нарушало ли наказание г-на Функе принцип презумпции невиновности (Ст. 6-2 ЕКПЧ).

Второй вопрос, который предстояло решить суду, были ли обыск и выемка в доме заявителя нарушением его права на личную жизнь, неприкосновенность жилища и тайну корреспонденции (Ст. 8 ЕКПЧ)

В данном случае неоспоримо то, что вмешательство в право заявителя на уважение его личной жизни имело место. Суд счел, что вмешательство затронуло все права, обеспечиваемые в Ст. 8-1 ЕКПЧ, за исключением права на уважение семейной жизни. Поэтому следовало определить, соответствовал ли данное вмешательство условиям Ст. 8-2 ЕКПЧ.

Не соглашаясь с заявителем, Суд расценил, что вмешательство в данном деле преследовало законные цели «экономическое благосостояние страны» и предотвращение уголовных правонарушений. Суд счел, что предотвращение вывоза капиталов и уклонение от налогообложения является сложным вопросом и что государства вправе прибегать к таким мерам, как обыски домов или изъятия документов с тем, чтобы получить доказательства нарушений правил валютного регулирования. Тем не менее, Суд выразил мнение, что существующее законодательство не создает соответствующих гарантий против злоупотреблений. Это произошло и в случае г-на Функе. Более того, власти даже не начинали против г-на Функе формального следствия по подозрению в совершении правонарушений в области регулирования финансовых операций за границей. Суд пришел к выводу, что по этой причине нарушение Ст. 8 ЕКПЧ (право на уважение личной жизни, неприкосновенности жилища и тайну корреспонденции) имело место.

Идентификационный номер: ECH-1992-S-008

Хадзианастасиу против Греции

Краткая аннотация

Отсутствие мотивированного обоснования в судебном решении военного апелляционного суда и краткость процессуального срока, в течение которого заявитель мог представить кассационную жалобу, нарушили его право на справедливое судебное разбирательство, в частности, право на достаточное время и возможность для подготовки своей защиты. Признание виновным офицера за разглашение информации незначительного значения, но носящей гриф секретности, не нарушает его право на свободу выражения своего мнения.

Сокращенное содержание

22 октября 1984 г. г-ну Хадзианастасиу, офицеру греческих Военно-воздушных сил, постоянным судом Военно-воздушных сил г. Афин был вынесен обвинительный судебный приговор за разглашение военной тайны. Учитывая, что он передал частной компании информацию, содержащуюся в исследовательском докладе Военно-воздушных сил, в котором он был ответственным со стороны ВВС за проектирование и производство управляемых ракет, суд признал его виновным и определили ему меру наказания в виде лишения свободы сроком на два года и шесть месяцев.

Г-н Хадзианастасиу направил апелляционную жалобу в военный апелляционный суд, который вслед за слушаниями, рассмотрел на заседании одной из палат список вопросов, на которые были даны ответы в утвердительной или отрицательной форме. Вынося 22ноября 1985г. приговор в присутствии заявителя, военный апелляционный суд сократил меру наказания до 5 месяцев лишения свободы за разглашение военной тайны незначительной важности. 23 ноября 1985 г. заявитель подал ходатайство об ознакомлении с протоколом слушаний. 26 ноября 1985 г. г-н Хадзианастасиу направил жалобу в Кассационный суд. Только 10 января 1986 г. заявитель получил протокол слушаний военного апелляционного суда с изложением конкретных мотивов его осуждения.

11 апреля 1986 г. состоялись слушания в Кассационном суде. 14 апреля 1986 г. заявитель представил в Кассационный суд дополнительное заявление. Он жаловался на краткость процессуального срока обжалования решений военных судов и на тот факт, что не было возможности своевременно ознакомиться с содержанием судебных решений, в отношении которых он направил кассационную жалобу. Ввиду того, что он не мог определить основания, на которые военный апелляционный суд опирался при принятии судебного решения, он предъявил жалобу, что не имел возможности дополнительно конкретизировать свою

кассационную жалобу. 18 июня 1986 г. Кассационный суд считая его аргументы слишком общими, оставил его жалобу без рассмотрения по причине неподсудности.

Суд по Правам Человека должен был установить, были ли препятствия, встреченные заявителем для конкретизации его кассационной жалобы по поводу нарушений процессуального права, нарушением его права на справедливое судебное разбирательство, в частности, его права иметь достаточное время и возможность для подготовки своей защиты (Ст. 6-1 и 6-3в ЕКПЧ).

Напомним, что государства, подписавшие Конвенцию, обладают значительной свободой в определении соответствующих средств в целях соблюдения требований Ст. 6 ЕКПЧ, Суд напомнил, что суды должны, однако, указывать с достаточной ясностью доводы и мотивы, на которых они основывают свои решения.

В данном деле, судебное решение, которое было оглашено председателем военного апелляционного суда, не содержало никакого упоминания о вопросах, отраженных в протоколе слушаний, и не было целиком основано на тех же доводах и мотивах, что и решение постоянного суда Военно-воздушных сил. Поскольку заявитель получил протокол слушаний только после того, как он направил кассационную жалобу по вопросам нарушения процессуального права, у него не было соответствующей информации, чтобы конкретизировать свою жалобу. В соответствии с этим суд пришел к выводу, что право на защиту было подвергнуто таким ограничениям, что заявителю не было обеспечено справедливого судебного разбирательства. Вследствие этого нарушение Ст. 6-3в ЕКПЧ, взятой в совокупности со Ст. 6-1 ЕКПЧ, имело место.

Второй вопрос, который должен был решить Суд, заключался в том, чтобы определить, нарушает ли разглашение информации незначительной важности, но имеющей гриф секретности, право заявителя на свободу выражения своего мнения, которое гарантируется Ст. 10 ЕКПЧ.

Заявив, что свобода выражения своего мнения касается военнослужащих также, как и всех других лиц, подпадающих под юрисдикцию государств-участников Конвенции, Суд обратил внимание, что приговор, вынесенный военными судами, представлял собой ограничение его права на свободу выражения. Суд признал, что ограничение было «предусмотрено законом» (Ст. 97 и 98 Военного уголовного кодекса). Поскольку это ограничение касалось разглашения информации о военно-исследовательском проекте, классифицированном в качестве секретного, оно преследовало законную цель «по защите государственной безопасности». Как и правительство, Суд выразил мнение, что разглашение факта заинтересованности государства в определенном виде вооружений и знание соответствующих технических данных могло принести существенный вред государственной безопасности. В конечном счете, ввиду того, что заявитель отвечал за экспериментальную ракетную программу, он нес обязательство по неразглашению конфиденциальных сведений в отношении выполнения своих служебных обязанностей.

В свете всех этих соображений Суд пришел к выводу, что военные суды не преступили предел усмотрения, предоставляемый национальным властям в вопросах государственной безопасности. Таким образом, Ст. 10 ЕКПЧ не была нарушена.

Идентификационный номер: ECH-1992-S-007

Нимиц против Германии

Краткая аннотация

Обыск в кабинете адвоката в ходе следствия в отношении третьего лица нарушает его права на уважение личной жизни, неприкосновенности жилища и тайны корреспонденции.

Сокращенное содержание

9 декабря 1985 г. по телефаксу из почтового отделения Фрайбурга в окружной суд Фрайзинга было послано письмо оскорбительного содержания в адрес одного из судей этого суда. Оно было подписано именем (возможно, фиктивным) «Клаус Вагнер», «представляющего антиклерикальную рабочую группу фрайбургского отделения «Бунте Листе».^[14] В результате этого было возбуждено уголовное дело против Клауса Вагнера за оскорбительное поведение.

Адвокат г-н Нимиц был в течение нескольких лет председателем «Бунте Листе». До конца 1985 г. корреспонденция для этой организации поступала в абонентский ящик в почтовом отделении. Затем содержимое ящика пересылалось в кабинет заявителя.

В ходе уголовного расследования по делу Клауса Вагнера окружной суд г. Мюнхена выдал ордер на обыск, в частности, кабинета заявителя и изъятие каких-либо документов, раскрывающих личность Клауса Вагнера. Обыск был произведен 13 ноября 1986 г.: никаких относящихся к делу документов найдено не было.

27 марта 1987 г. районный суд № 1 Мюнхена признал неподсудной жалобу заявителя по поводу санкции на обыск. 1 августа 1987 г. Федеральный конституционный суд оставил конституционную жалобу заявителя без рассмотрения за неподсудностью.

Перед Судом по Правам Человека стояла задача по определению, нарушил ли обыск кабинета заявителя его права в силу Ст. 8 ЕКПЧ. Суд разъяснил, что уважение к личной жизни включает в себя право устанавливать и развивать отношения с другими людьми. Учитывая то, что большинство людей имеют существенную возможность развить такие отношения в ходе их профессиональной жизни, Суд выразил мнение, что нет принципиальных оснований исключать деятельность профессионального типа из понятия «личной жизни». Более того, Суд подчеркнул, что вследствие того, что некоторые либеральные профессии предполагают большее взаимодействие между личными и профессиональными связями, исключение профессиональной деятельности из понятия «личной жизни» могло бы привести к неравенству в обращении по действию Ст. 8 ЕКПЧ. Суд обратил внимание, что подобный же риск неравноправного обращения существовал бы, если английское слово «home» будет переведено в узком смысле по сравнению с французской версией «domicile», которое включает и рабочий кабинет лица, осуществляющего там профессиональную деятельность. В условиях данного дела, учитывая то, что постановление на обыск предписывало также изъятие «документов», обыск распространялся также на «корреспонденцию» в смысле Ст. 8 ЕКПЧ. Все эти причины привели Суд к заключению, что обыск кабинета заявителя представлял собой вмешательство в его права, установленные Ст. 8 ЕКПЧ.

Суд констатировал, что вмешательство было осуществлено «в соответствии с законом» (Ст. 103 Уголовно-процессуального кодекса) и что оно преследовало «законные цели» (предотвращение преступности и защиту прав других), но что оно не было необходимо в демократическом обществе, поскольку не было соразмерно по отношению к этим целям. Суд, в частности, подчеркнул, что обыск нарушил профессиональную тайну, поскольку был несоразмерен обстоятельствам данного дела. Суд пришел к выводу, что нарушение права заявителя на уважение его личной жизни, неприкосновенности жилища и тайны его корреспонденции имело место.

Что касается возможных последствий обыска для профессиональной репутации заявителя, Суд разъяснил, что он уже их принял во внимание в контексте Ст. 8 ЕКПЧ. Поэтому он счел, что в силу Ст. 1 Протокола 1 ЕКПЧ отдельного вопроса не возникает.

Идентификационный номер: ECH-1992-S-006

"Оупен Дор" и "Даблин Уелл Вумен" против Ирландии

Краткая аннотация

Постановление суда, наложившее ограничения на деятельность двух консультационных агентств, информировавших беременных женщин о возможностях для прерывания беременности за границей, было квалифицировано в качестве нарушения свободы получать и распространять информацию по мотивам несоразмерности по отношению к преследуемой цели, установленной законом.

Сокращенное содержание

«Оупен Дор» и «Даблин Уелл Вумен» являются двумя ирландскими некоммерческими организациями, первая из которых осуществляла, среди прочего, консультации беременных женщин, вторая оказывала услуги широкого спектра по всем аспектам здоровья женщины, включая также консультации беременных женщин. Поскольку прерывание беременности было одним из средств, упоминавшихся в беседах, агентства указывали женщинам медицинские клиники в Великобритании, где эти услуги оказывались тем женщинам, которые делали такой выбор.

В 1983г. во время референдума, приведшего к внесению поправки к конституции Ирландии о праве на жизнь нерожденных детей, «Даблин Уелл Вумен» опубликовала брошюру, разъясняющую последствия нового конституционного положения. Она подчеркивала, что одним из этих последствий будет то, что любое лицо сможет обратиться за постановлением в суд в целях запрета проведения ими консультационных услуг рекомендательного типа. Действительно, «Общество по защите нерожденных детей» вскоре после этого обратилось за подобным рода запретом в суд.

16 марта 1988г. Верховный суд постановил, что рекомендательное консультирование агентств-заявителей нарушает конституционно гарантированное право на жизнь нерожденных детей (Ст. 40-3-3 Конституции Ирландии). Он принял постановление, запретившее агентствам-заявителям и их сотрудникам помогать беременным женщинам в Ирландии совершать поездки за рубеж с целью прерывания беременности.

В августе и сентябре 1988г. «Оупен Дор», «Даблин Уелл Вумен», г-жа Малер и г-жа Доунс (два консультанта "Даблин Уелл Вумен"), г-жа Х и г-жа Герати (две женщины, являющиеся потенциальными клиентками) обратились с жалобой в Комиссию по Правам Человека. Вопрос, который предстояло решить Суду, заключался в том, является ли решение Верховного суда неоправданным ограничением права заявителей на получение и распространение информации (Ст. 10-2 ЕКПЧ).

Суд констатировал неоспоримость того факта, что решение Верховного суда ограничило свободу агентств и их консультантов на распространение информации, как и право г-жи Х и г-жи Герати на получение информации в случаях беременности. Ограничение, несомненно, было предписано законом, ибо защита нерожденных детей была гарантирована Ст. 4-3-3 Конституции Ирландии. Поскольку право на жизнь нерожденных детей - это один из аспектов защиты моральных ценностей, ограничение свободы на получение и распространение информации преследовало одну из законных целей, предусмотренных Ст. 10-2 ЕКПЧ.

Признавая, что национальные власти обладают широкими пределами усмотрения в области защиты морали, Суд, тем не менее, заметил, что их полномочия по усмотрению не являются безграничными. Суд разъяснил, что он не ставит перед собой задачу исследовать, включает ли в себя право на жизнь, гарантированное Ст. 2 ЕКПЧ, также человеческий эмбрион. Его задача заключалась в том, чтобы оценить, было ли вмешательство «необходимым в демократическом обществе».

В свете своей юриспруденции Суд исследовал, было ли обжалуемое вмешательство «соразмерно преследуемой законной цели». В данном случае Суд был удивлен абсолютным характером решения, которое налагало «окончательное» ограничение на обращение за консультацией по поводу прекращения беременности в агентства-заявители. Он придерживался мнения, что связь между предоставлением информации и разрушением не родившейся жизни не была такой очевидной, как это утверждается, учитывая, что власти до решения Верховного суда терпимо относились к подвергнувшимся ограничениям консультационным агентствам. Кроме того, информация, которую предполагалось ограничить, была также доступна из других источников. Более того, свидетельства подтверждали, что решение подвергало риску здоровье женщин, желающих прибегнуть к прерыванию беременности.

Ссылаясь на озабоченность правительства по поводу того, чтобы Ст. 10 ЕКПЧ не толковалась так, чтобы она ограничивала, делала невозможным или умаляла ту особую защиту, которой законодательство Ирландии обеспечивает праву на жизнь не родившихся детей, Суд подчеркнул, что новое положение не запрещает ирландским женщинам осуществление аборт за рубежом или получение информации где-либо еще. Вследствие этого, именно позиция Ирландии по вопросу о применении действующего внутригосударственного законодательства, а не интерпретация Ст. 10 ЕКПЧ, делает возможным прежний уровень совершения прерывания беременности за рубежом.

Суд сделал вывод, что ограничение, налагаемое на заявителей по вопросу получения и распространения информации, было несоразмерно в отношении преследуемой цели. Поэтому нарушение Ст. 10 ЕКПЧ имело место.

Идентификационный номер: ECH-1992-S-005

Томази против Франции

Краткая аннотация

При длительном содержании под стражей в ходе предварительного следствия лица, подозреваемого в участии в террористическом покушении, было нарушено его право на судебное разбирательство в разумный срок или на освобождение во время следствия до суда, учитывая, что мотивы отклонения его ходатайств об освобождении из-под стражи потеряли с течением времени в значительной степени свой соответствующий и достаточный характер и что продолжительность рассматриваемого содержания не была вызвана ни сложностью дела, ни поведением заявителя.

Потребности следствия и трудности борьбы с терроризмом не оправдывают ограничений права на защиту физической неприкосновенности личности. Психические и физические страдания, которые были причинены заявителю полицией во время содержания под стражей, привели к бесчеловечному и унижающему достоинство обращению.

Продолжительность рассмотрения жалобы заявителя на неизвестных лиц Х за причинение психических и физических страданий нарушило его право на справедливое судебное разбирательство ввиду того, что ответственность за сроки разбирательства лежала главным образом на судебных властях.

Сокращенное содержание

По подозрению в участии в покушении и в попытке покушения, совершенном 11 февраля 1982 г. Фронтом национального освобождения Курсики (бывший ФНОК), полиция арестовала 23 марта 1983 г. Бастиа г-на Томази. Он находился под стражей до 25 марта 1983 г. даты, когда ему было предъявлено обвинение и он был переведен в следственный изолятор. Все его ходатайства об освобождении из-под стражи под залог были отклонены. Дело закончилось тем, что он был оправдан судом присяжных заседателей Жиронды 22 октября 1988 г. Комиссия по компенсациям Кассационного суда назначила ему 8 ноября 1991 г. возмещение за ущерб в размере 300 000 фр. франков.

После того, как заявитель устно жаловался на причиненные страдания во время содержания под стражей в камере временного содержания, он направил 29 марта 1983 г. письменную жалобу на неизвестных лиц Х и потребовал возмещение ущерба. Медицинский осмотр был проведен несколькими врачами. Заявитель неоднократно давал показания следственному судье. 20 марта 1985 г. Кассационный суд признал недействительными все акты предшествующего следствия и назначил для проведения следствия следственного судью из Бордо. 6 февраля 1989 г. Кассационный суд прекратил длительное и безрезультатное для заявителя

разбирательство, оставив его жалобу без удовлетворения.

Прежде всего, Суд должен был установить, было ли нарушено право на судебное разбирательство в течение разумного срока или на освобождение в ходе следствия до суда, гарантированное Ст. 5-3 ЕКПЧ, вследствие продолжительности содержания заявителя под стражей.

Суд констатировал, что период для исчисления в целях определения, было ли содержание под стражей излишне продолжительным, составляет пять лет и шесть месяцев. Суд считает, что мотивы отклонения ходатайств г-на Томази об освобождении из-под стражи на период следствия потеряли с ходом времени в значительной степени свой соответствующий и достаточный характер и что продолжительность рассматриваемого содержания не была вызвана ни сложностью дела, ни поведением заявителя. Из дела следовало, что французские судебные учреждения не действовали в данном деле с необходимой оперативностью. Вследствие этого Суд пришел к выводу, что продолжительность обжалуемого досудебного срока задержания была излишней и что нарушение Ст. 5-3 имело место.

Второй вопрос, который предстояло решить Суду, заключался в том, чтобы определить, являлись ли предположительные психические и физические страдания, причиненные заявителю, бесчеловечным и унижающим достоинство обращением в смысле Ст. 3 ЕКПЧ.

В данном деле Суд проверял, существовала ли причинная связь между обращением, которое обжаловалось, и травмами, отмеченными у заявителя. Никто не утверждал, что следы побоев, которые были обнаружены на теле заявителя, могли относиться к периоду, предшествующему его задержанию. Помимо этого медицинские акты, составленные в условиях полной независимости несколькими врачами, подтверждали, что множество нанесенных заявителю ударов не могли произтекать от действий самого заявителя или его попытки совершить побег. В дополнение к этому Суд подчеркнул, что потребности следствия и сложности борьбы с терроризмом не оправдывали ограничений на защиту физической неприкосновенности личности. Он не считал необходимым рассматривать систему и условия содержания под стражей во Франции, ибо интенсивность и множественность ударов, нанесенных заявителю, являлись достаточно серьезными признаками для квалификации обращения как бесчеловечного и унижающего достоинство. Суд пришел таким образом к выводу, что нарушение Ст. 3 ЕКПЧ имело место.

Наконец, Суду надлежало установить, представляла ли продолжительность рассмотрения жалобы заявителя на неизвестных лиц X за причиненные истязания нарушение его права на справедливое судебное разбирательство (Ст. 6-1).

Разъяснив, что, несмотря на уголовно-правовой характер инстанций, право на возмещение, которое требовал заявитель, имело гражданско-правовую природу, Суд констатировал, что Ст. 6-1 применима. Следовательно, речь шла о том, чтобы проверить, нарушали ли оспариваемые разбирательства Ст. 6-1 ЕКПЧ.

В данном случае, учитывая, что рассмотрение жалобы заявителя на неизвестных лиц X продолжалось 5 лет и 10 месяцев, и ввиду того, что ответственность за ее длительность несли в основном судебно-правовые инстанции, Суд констатировал, что нарушение права на справедливое судебное разбирательство имело место. Следовательно, Ст. 6-1 ЕКПЧ была нарушена.

Идентификационный номер: ECH-1992-S-004

Люди против Швейцарии

Краткая аннотация

Прослушивание телефона заявителя, сопровождаемое направлением к нему законспирированного агента, с тем, чтобы получить данные о торговле наркотиками, не нарушило право заявителя на уважение его личной жизни и тайну корреспонденции.

Отказ судебного следователя и судов выслушать агента в качестве свидетеля ограничило права заявителя на защиту в такой степени, что нарушило его право на справедливое судебное разбирательство.

Сокращенное содержание

Судебный следователь г. Лауфена начал предварительное следствие в отношении г-на Люди и дал санкцию на прослушивание его телефонных разговоров с тем, чтобы получить более полные сведения о торговле наркотиками. Полиция Лауфена и специальное подразделение по борьбе против торговли наркотиками поручили одному из своих агентов выдать себя за потенциального покупателя кокаина. 1 августа 1984 г. после пяти встреч с этим агентом заявитель был арестован и обвинен в незаконной торговле наркотиками.

4 июня 1985 г. суд Лауфена приговорил г-на Люди к трем годам тюремного заключения за нарушение федерального законодательства о наркотиках. Агент полиции не был допрошен в качестве свидетеля, его свидетельства и протоколы телефонных прослушиваний были оценены как достаточные для того, чтобы доказать, что заявитель имел намерение действовать как посредник при поставках значительного количества наркотиков. Кассационная палата Федерального суда приняла 8 апреля 1985 г. к рассмотрению кассационную жалобу заявителя, настаивавшего на недействительности судебного приговора по том основании, что влияние деятельности агента на заявителя не было достаточным образом принято во внимание. Федеральный суд направил дело на новое рассмотрение в апелляционный суд г. Берна, который сократил срок наказания заявителя.

Суд по Правам Человека не ставил под сомнение, что прослушивание телефонных разговоров являлось «вмешательством» в личную жизнь и тайну корреспонденции заявителя. Вопрос заключался в том, является ли подобное вмешательство оправданным в смысле требований Ст. 8-2 ЕКПЧ.

Суд констатировал, что оспариваемая мера вмешательства основывалась на Ст. 171-в и 171-с Уголовно-процессуального кодекса Берна, который применяется также и к предварительной стадии следствия, когда существуют серьезные подозрения, что правонарушения должны произойти в ближайшее время. Суд подчеркивает, что в данном случае «вмешательство» было нацелено на «предотвращение уголовных правонарушений», которое, несомненно, «необходимо в демократическом обществе». Что касается использования агента, то Суд считал, что тот не вторгся в личную жизнь заявителя, так как его использование касалось сделки с наркотиками и имело целью арест сообщников. Вследствие этого Суд пришел к выводу, что нарушения Ст. 8 ЕКПЧ не было.

Второй вопрос, который поставил перед собой Суд по Правам Человека заключался в том, чтобы установить, имело ли место нарушение права заявителя на справедливый процесс, в частности, его права на защиту, гарантированные Ст. 6-1 и 6-3 ЕКПЧ.

Суд отметил, что в данном случае признание заявителя виновным было основано, среди прочего, на письменных донесениях агента, напомнив, что, согласно своей юриспруденции, доказательства должны в принципе быть представлены подсудимому на публичном заседании с тем, чтобы обеспечить состязательный характер процесса и что исключения из этого правила должны принимать во внимание права защиты. Суд отметил, что ни г-н Люди, ни его защитник в течение всего судопроизводства не имели возможности опросить и поставить под сомнение достоверность показаний этого агента. Суд выразил мнение, что была возможность найти средства, позволившие бы не подвергать риску раскрытия личности агента, и, вместе с тем, дать возможность заявителю сформулировать возражения по поводу его донесений. В результате Суд пришел к выводу, что право на защиту подверглось ограничениям до такой степени, что заявитель был лишен права на справедливое рассмотрение своего дела. Следовательно, нарушение Ст. 6-3-d в совокупности со Ст. 6-1 ЕКПЧ имело место.

Идентификационный номер: ECH-1992-S-003

Кастелле против Испании

Краткая аннотация

Признание члена парламента виновным в оскорблении правительства нарушает его право на свободу выражения своего мнения.

Сокращенное содержание

В июне 1979 г. г-н Кастеллс, сенатор, выбранный по списку политической партии, выступавшей за независимость Страны Басков, привлек внимание общественное мнение в статье, озаглавленной «Оскорбительная безнаказанность», к фактам убийств и нападений, совершаемых вооруженными группами в отношении граждан баскской национальности. Он утверждал, что эти группы действуют в полной безнаказанности и что правительство несет ответственность за это.

3 июля 1981 г. следственные органы возбудили уголовное дело в отношении г-на Кастеллса. 7 июля 1981 г. после того, как сенат лишил его парламентского иммунитета, Верховный суд обвинил заявителя в серьезных оскорблениях правительства (правонарушение, предусмотренное ст. 161 Уголовного кодекса). Считая, что доказательство истины не является допустимым в отношении серьезных оскорблений государственных учреждений, Верховный суд отклонил своим решением от 19 мая 1982 г. большинство доказательств, представленных защитой заявителя. 31 октября 1983 г. заявитель был признан виновным и приговорен к мере наказания в виде одного года лишения свободы палатой по уголовным делам Верховного суда. Конституционная жалоба *amparo* ^[15] была отклонена Конституционным судом 10 апреля 1985 г. Исполнение наказания г-на Кастеллса было, однако, отсрочено.

Главный вопрос, стоявший перед Судом по Правам Человека, заключался в том, чтобы установить, являлось ли осуждение заявителя за оскорбление правительства нарушением свободы выражения мнения, гарантированной Ст. 10 ЕКПЧ.

Напомним, что свобода выражения мнения включает в себя также заявления и идеи, которые обижают, шокируют или беспокоят, Суд подчеркнул особое значение этой свободы для избранныка народа. Она означает в этом отношении значимость свободы политической дискуссии и роли печати в правовом государстве.

Суд счел, что санкции, которые обжаловал заявитель, являлись «ограничением» в его свободу выражения мнения. Вмешательство, предусмотренное ст. 161 и 162 Уголовного кодекса, преследует «законные цели защиты порядка» и «защиты репутации других». Таким образом, речь шла о том, чтобы исследовать, являлась ли ограничение «необходимым в демократическом обществе».

Напомним, что свобода политической дискуссии не является абсолютной, Суд подчеркивает тем не менее, что границы допустимой критики являются более широкими в отношении правительства, чем в отношении простого гражданина. Он отметил, что в данном случае многочисленные утверждения, содержащиеся в написанной заявителем статье, могли стать предметом установления истинности. Однако г-ну Кастеллс было отказано в подтверждении своей убежденности. В результате этого анализа Суд пришел к выводу, что ограничение свободы выражения своего мнения не было необходимым в демократическом обществе и что, вследствие этого, Ст. 10 ЕКПЧ была нарушена.

Идентификационный номер: ECH-1992-S-002

X против Франции

Краткая аннотация

Процесс рассмотрения органами администрации, а затем органами административной юстиции жалобы по поводу возмещения ущерба больному гемофилией, зараженного СПИДом в результате переливания крови, нарушает его право на справедливое судебное разбирательство по причине излишней продолжительности.

Сокращенное содержание

X, больному гемофилией, в период с сентября 1984 по январь 1985 г. был проведен ряд переливаний крови в одной из государственных больниц Парижа. 21 июня 1985 г. стало известно, что он был заражен вирусом СПИД.

Французская Ассоциация больных гемофилией безуспешно предприняла попытку получить от государства возмещение за ущерб, причиненный здоровью. Тогда 1 января 1989 г. X обратился в Министерство здравоохранения с ходатайством о возмещении за ущерб, причиненный злостным затягиванием администрацией принятия законодательства о предоставлении препаратов, созданных на основе крови. 30 марта 1990 г. генеральный директор Министерства здравоохранения отклонил его просьбу о возмещении ущерба. 20 декабря 1991 г. административный суд Парижа также оставил его заявление по поводу возмещения ущерба без удовлетворения. После этого X обратился 20 января 1992 г. в апелляционный административный суд Парижа. 2 февраля 1992 г. X скончался.

Суд по Правам Человека должен был установить, нарушил ли срок рассмотрения дела, которое заявитель вел в административных инстанциях, его право на справедливое судебное разбирательство, гарантированное Ст. 6-1 ЕКПЧ.

Суд напомнил, что понятие «права и обязанности гражданского характера» применимо в данном случае, ибо исход разбирательства был определяющим для прав и обязательств частного характера в независимости от природы, как сторон, так и законодательства, которое регулирует «спор».

Ввиду неизлечимости болезни, от которой заявитель страдал, а также краткости срока остающейся жизни, Суд счел, что результат оспариваемого разбирательства был крайне важен для заявителя. Цель разбирательства требовала исключительной оперативности, учитывая, что процессуальные задержки несли в себе риск того, чтобы лишить смысла вопрос, поставленный перед судами. Однако в данном случае административный суд не воспользовался всеми своими распорядительными полномочиями, чтобы ускорить производство дела.

Давая общую оценку обстоятельствам данного дела и учитывая критерии, проистекающие из своей судебной практики, Суд установил, что в момент вынесения решения административным судом Парижа в декабре 1991 г. разумный срок уже был превышен. Исходя из этого, Суд заключил, что нарушение Ст. 6-1 ЕКПЧ имело место.

Идентификационный номер: ECH-1992-S-001

B против Франции

Краткая аннотация

Юридическое непризнание новой половой принадлежности прошедшего соответствующую операцию транссексуального лица нарушает его право на уважение личной жизни.

Сокращенное содержание

Родившаяся в 1935 г. в Алжире заявительница была зарегистрирована при рождении как относящаяся к мужскому полу. С самого юного возраста она обладала

женскими чертами поведения, и в семье к ней относились как к девочке. По окончании военной службы в 1963 г. она отправилась в Париж, где работала под псевдонимом в кабаре.

Пребывая в подавленном состоянии по причине своей женственности, заявительница страдала от нервных расстройств до 1967 г., когда она была помещена в больницу. Б прошла гормонотерапию, которая вызвала феминизацию ее внешнего вида. В 1972 г. заявительница подверглась в Марокко хирургическому вмешательству по изменению пола. С этого времени она живет с мужчиной, за которого хотела бы выйти замуж.

В 1978 г. Б начала процедуру по регистрации своего нового пола и своих новых женских имен. Суд первой инстанции Либуерна отказал в удовлетворении ее ходатайства. Апелляционный суд Бордо в мае 1985 г. и Кассационный суд в марте 1987 г. оставили жалобы на эти решения без рассмотрения. Все документы заявительницы определяли ее в качестве мужчины.

Перед Судом стоял вопрос по решению вопроса о том, ограничивает ли отказ признать половую принадлежность заявительницы ее право на уважение личной жизни (Ст. 8 ЕКПЧ).

Суд напомнил, что понятие «уважение» отличается недостаточной определенностью и что необходимо принять во внимание справедливое равновесие между общественным интересом и интересами индивидуума с тем, чтобы определить, существует ли позитивное обязательство, налагаемое на государство в отношении "уважения".

Ссылаясь на свое решение в деле *Rees and Cossey*, но и подчеркивая одновременно разницу между французской и английской системами в области права и практики регистрации гражданского состояния, Суд пришел к выводу, что заявительница ежедневно находилась в ситуации, которая, будучи взятой в целом, несовместима с уважением ее личной жизни. Более того, решения судов первой инстанции, а также апелляционного и кассационного судов показывали, что ничто не мешало после вынесения судебного решения внести в свидетельство о рождении Б запись для отражения ее статуса после проведенной операции. Кроме того, судебные решения и постановления, переданные правительством Суду, показывали, что непризнание изменения половой принадлежности не обязательно мешало лицу получить новое имя, предназначенное для того, чтобы лучше отразить ее/его физическую внешность.

Суд обратил внимание на то, что решительность заявительницы изменить пол (доказанная проведенным хирургическим вмешательством), будучи сопряженной с отказом предоставить ей изменение желаемого имени, представляют собой два неотъемлемых элемента с точки зрения Ст. 8 ЕКПЧ. Следовательно, даже при взгляде на широкие пределы усмотрения на внутригосударственном уровне, не было достигнуто справедливое равновесие между общим интересом и интересом индивидуума. Это означает, что имело место нарушение Ст. 8 ЕКПЧ.

Идентификационный номер: ECH-1991-S-005

Клюот против Бельгии

Краткая аннотация

Право на судебное разбирательство в течение разумного срока или на освобождение в ходе расследования до суда, было нарушено продолжительностью содержания под стражей в ходе следствия по делу лица, подозреваемого в убийстве и поджоге, поскольку по прошествии определенного времени мотивы содержания под стражей не являлись более обоснованными и достаточными.

Сокращенное содержание

Г-н Клюот был арестован 13 сентября 1984 г. по подозрению в убийстве и поджоге и помещен в следственный изолятор. Основываясь на ряде причин, палата совета суда первой инстанции Брюсселя продлевала срок временного содержания под стражей на основе ордеров, возобновляемых с интервалами примерно в месяц. Кассационный суд оставил все ходатайства заявителя по поводу изменения меры пресечения без удовлетворения.

17 ноября 1987 г. палата по вынесению обвинений апелляционного Суда Брюсселя подтвердила решение об освобождении из следственного изолятора г-на Клюота по запросу палаты совета суда по причине превышения «разумного срока». Однако заявитель оставался под стражей по другим пунктам обвинения. 6 ноября 1990 г. палата совета суда приняла решение об отсутствии состава преступления в деле заявителя.

Суд по Правам Человека должен был проверить, представляла ли собой продолжительность содержания заявителя под стражей во время предварительного следствия нарушение его права на судебное разбирательство в разумный срок или быть освобожденным в ходе следствия до суда (Ст. 5-3 ЕКПЧ).

Прежде всего, Суд начал свое обоснование с напоминания принципов, проистекающих из своей юриспруденции. Во-первых, за тем, чтобы в конкретном случае срок временного содержания под стражей во время предварительного следствия подозреваемого лица не превышал пределы разумного, наблюдают национальные судебные органы. Во-вторых, они обязаны следить за наличием достоверных причин, основанных на общественном интересе, и мотивировать в своих решениях отступление от нормы уважения личной свободы.

Проведя исчисление срока обжалуемого содержания под стражей, который составил три года, два месяца и четыре дня, Суд провел оценку обоснованности характера меры пресечения, оценивая мотивы продолжительного лишения свободы заявителя.

Суд признал, что существование обоснованного подозрения для содержания под стражей подозреваемого в совершении правонарушения лица должно являться условием *sine qua non* законности содержания под стражей. Однако по прошествии определенного времени такое обоснование становится недостаточным. Поэтому Суд должен был установить, оправдывают ли другие мотивы, на которые ссылались судебные власти, законный характер лишения личной свободы заявителя. В данном случае, продлевая содержание под стражей г-на Клюота, судебные органы основывались на трех других мотивах: опасность повторения совершения подобных правонарушений, потребности следствия ввиду (в частности) возможности сговора и угроза побега. Суд пришел к выводу, что первая причина необоснованна ввиду прошлого подозреваемого, второй тип мотивов перестал быть существенным с течением времени, а третий лишен обоснованности, поскольку был выдвинут тридцать один месяц спустя после задержания. Суд сделал заключение, что период содержания под стражей во время следствия превысил границу разумного срока, предусмотренного Ст. 5-3 ЕКПЧ. Следовательно, нарушение права заявителя на личную свободу имело место.

Идентификационный номер: ECH-1991-S-004

"Обсервер" и "Гардиан" против Великобритании

Краткая аннотация

Предварительные постановления судов, временно запретившие двум газетам до времени рассмотрения обоснованности требования Генерального атторнея (*Attorney General*) [16] об окончательных постановлениях по постоянному запрету, - предать гласности подробности из не публиковавшихся до этого времени мемуаров, где содержались сведения о предположительно незаконных операциях Службы безопасности, не ограничили право газет на свободу выражения своего мнения.

Когда же спорные мемуары были опубликованы и содержащаяся там информация стала доступна из других источников, подтверждение продления временных

запретов нарушило право заявителей на свободу распространения информации.

Сокращенное содержание

В сентябре 1985г. Генеральный атторней возбудил по распоряжению правительства Великобритании дело по запрещению публикации «Товец шпионов» («Srusatcher») - мемуаров ушедшего на пенсию сотрудника Секретной службы Великобритании, а также всех там содержащихся сведений. В июне 1986г., когда дело еще было в стадии рассмотрения, газеты «Обсервер» и «Гардиан» (далее О. и Г.) опубликовали краткие сообщения о предстоящей публикации и о некоторых деталях из содержания мемуаров. Генеральный атторней возбудил уголовное дело против О. и Г. по поводу разглашения конфиденциальных сведений. Мотивируя это тем, что информация в мемуарах была конфиденциальной, он попытался ввести постоянные запреты на публикацию О. и Г. материалов «Srusatcher». 11 июля 1987 г. он добился предварительных постановлений судов о временном запрете на публикацию О. и Г. дальнейшей информации о предположительно незаконной деятельности Службы безопасности, описанной в «Srusatcher».

В середине июля 1987года книга была опубликована в США, где пользовалась большим успехом. Жители Великобритании приобрели значительное количество экземпляров этого бестселлера: никаких попыток предупредить их ввоз в Великобританию не предпринималось. Однако, 30 июля 1987 года Палата лордов приняла решение продлить временные меры по запрету, наложенному на О. и Г. Они оставались в силе до 13октября 1988г., когда в завершение разбирательства Генеральный атторней по существу разглашения сведений конфиденциального характера, Палата лордов, среди прочего, отклонила его ходатайства по поводу постоянного запрета на публикацию О. и Г.

То, что запреты представляли собой введение ограничения свободы выражения заявителей, не вызывало возражений. Суд по Правам Человека должен был оценить, совместимо ли подобное вмешательство с ограничениями свободы выражения мнения, которые допускаются в смысле Ст. 10-2 ЕКПЧ.

Суд счел, что общие, введенные с 1975 г. указания Палаты лордов по регулированию мер запрета были достаточно ясными и доступными для заявителей. В свете своего прецедентного права по делу «Санди таймс», Суд пришел к мнению, что вмешательство в право заявителей на свободу выражения было «предписано законом». Будучи направленными на защиту права Генерального атторнея как стороны спора до окончательного судебного решения, меры были направлены на законную цель «по поддержанию авторитета судебной власти». Поскольку ходатайство о постоянных мерах было основано на доказательстве ущерба, который будет нанесен публикацией «Srusatcher» Службе безопасности, оно преследовало законную цель «по защите государственной безопасности». Суд оценил, было ли ограничение «необходимо в демократическом обществе», различая два отдельных периода: первый - начавшийся с 11 июля 1987 г., второй - с 30 июля 1988 г.

Предание публичности материалы «Srusatcher»во время разбирательства по поводу возможного запрета их публикации лишило бы смысла существование мер Генерального атторнея и его ходатайства по поводу защиты безопасности. Более того, ввиду того, что продолжительность запретов была ограничена во времени, Суд признал, что английские суды были вправе думать, что оспариваемое вмешательство было «необходимо в демократическом обществе». Таким образом, Суд пришел к выводу, что в отношении первого периода, заявители не стали потерпевшими в отношении нарушения своего права на свободу выражения своего мнения, гарантированного Ст. 10 ЕКПЧ.

Что касается второго периода, публикация «Srusatcher»лишила смысла сохранение конфиденциальности его содержания, и Суд пришел к выводу, что потенциальный ущерб ходатайству Генерального атторнея на предмет постоянного запрета не является более «достаточной» причиной для продления запретов. Соответственно, защита интересов национальной безопасности не являлась более «релевантной» причиной для продолжения сохранения ограничений на свободу распространения информации заявителями, ибо она стала доступна из других источников. Соответственно, суд пришел к выводу, что вмешательство не являлось более «необходимым в демократическом обществе» и что нарушение свободы выражения заявителей в период 30 июля 1987 г. по 13 октября 1988 г. имело место.

Заявители подали жалобу также на то, что другие газеты получили преимущество над заявителями, так как они публиковались за границей, ввозились затем в Великобританию и не были связаны временными постановлениями. О. и Г. утверждали, что они стали жертвами нарушения Ст. 14, взятой в совокупности со Ст. 10 ЕКПЧ.

Суд подчеркнул, что, если и возникла разница в отношении, то она была следствием того факта, что иностранные газеты не входили в круг субъектов подсудности британских судов. Следовательно, как констатировал Суд, нарушения Ст. 14, взятой в совокупности со Ст. 10 ЕКПЧ, не было.

Идентификационный номер: ECH-1991-S-003

Демиколи против Мальты

Краткая аннотация

Вызвывая сомнения объективность при рассмотрении дела, возбужденного против редактора сатирического периодического издания по поводу нарушения привилегий членов Палаты представителей в связи с публикацией сведений, предположительно порочащих честь и достоинство (диффамацией), была квалифицирована в качестве нарушения его права на справедливое судебное разбирательство.

Сокращенное содержание

3 января 1986года сатирическое периодическое издание, редактором которого был г-н Демиколи, опубликовало статью «С телевизионной сцены». Статья содержала комментарий по поводу одного из парламентских заседаний, которое передавалось телевидением в прямой трансляции. 13января 1986г. двое упоминавшихся в статье членов Палаты представителей привлекли внимание Палаты к статье, в содержании которой они усматривали нарушение своих привилегий

Палата представителей, приняв сначала резолюцию о том, что рассматривает данную статью как нарушение привилегий (Раздел 11.1к Закона о привилегиях и полномочиях), приняла 4 марта 1986 г. вторую резолюцию, обязывающую редактора выступить перед Палатой с объяснением, почему он не должен быть признан виновным. 13марта 1986г. г-н Демиколи обратился с заявлением в гражданский суд с оспариванием разбирательства, начатого против него Палатой представителей. 17, 18 и 19марта 1986г., когда еще гражданский суд не вынес свое решение, заявитель представал со своим адвокатом перед Палатой представителей.

Палата представителей приняла 19 марта 1986 г., резолюцию, согласно которой г-н Демиколи был признан виновным в нарушении законных привилегий. Вопрос об определении наказания был отложен. В это время гражданский суд принял решение в его пользу, вынеся постановление, что в отношении заявителя должно быть восстановлено положение, существовавшее до того, как против него было начато разбирательство. Несмотря на это, 9декабря 1986г. Палата вызывала г-на Демиколи для определения санкции. Наказание представляло собой взыскание штрафа, который составил 250мальтийских лир, и указание опубликовать в его издании резолюцию от 19 марта 1986 г.

Вопрос, который был поставлен перед Судом по Правам Человека, заключался в том, чтобы установить, было ли заявителю предоставлено право на разбирательство его дела судом, соответствующее требованиям Ст. 6-1 ЕКПЧ.

Признавая право государств проводить различие между уголовными и дисциплинарными нарушениями во внутрисударственном праве, Суд счел, что такая квалификация не была абсолютно необходима с точки зрения Конвенции. Он объяснил, что понятие «уголовное обвинение» в Ст. 6 имеет автономное значение, и задача Суда заключалась в проверке того, не нанесла ли граница, проведенная в национальном законодательстве, ущерба цели и задаче Ст. 6 ЕКПЧ.

Для того, чтобы определить, может ли нарушение привилегий, в чем г-н Демиколи был признан виновным, рассматриваться как «уголовное» в смысле Ст. 6 ЕКПЧ,

Суд применил три критерия, вытекающие из его судебной правоприменительной практики. В данном случае вопрос заключался в том, принадлежала ли в мальтийской правовой системе квалификация оскорбления как правонарушения к уголовному праву, дисциплинарному праву или к обоим совместно. Тем самым, Суду следовало оценить «саму природу правонарушения», о котором идет речь. Раздел 11.1.к Закона Палаты представителей содержал уголовные санкции, а не гражданско-правовые требования с целью возмещения ущерба. В заключении Суд расценил уровень строгости наказания (максимальное наказание – 60 дней) как достаточно существенное, чтобы квалифицировать нарушение как «уголовное». Исходя из этого, Суд пришел к выводу, что Ст. 6-1 ЕКПЧ применяется к делу г-на Демиколи.

В отношении соблюдения в данном разбирательстве требований Ст. 6-1 ЕКПЧ, Суд выразил мнение, что Палата представителей исполнила судебную функцию при определении вины г-на Демиколи в деле по вменяемому правонарушению. Участие в разбирательстве двух членов парламента, чье поведение было подвергнуто критике в инкриминируемой статье, было достаточно для того, чтобы беспристрастность органа, выносящего решение, вызвала сомнение. Суд пришел к выводу, что по этим основаниям нарушение права заявителя на справедливое судебное разбирательство имело место и что не было необходимости разбирать другие аспекты Ст. 6 ЕКПЧ.

Идентификационный номер: ECH-1991-S-002

Круз Варас и другие против Швеции

Краткая аннотация

Решение о депортации не нарушило Ст. 3 ЕКПЧ ввиду отсутствия существенных оснований считать, что граждане Чили могут подвергнуться по возвращению в Чили реальному риску бесчеловечного и унижающего достоинства обращения.

Шведские власти не нарушили право заявителей на уважение их семейной жизни, ибо причиной отделения г-на Круза Вараса от его жены и сына являлось их решение скрываться в Швеции с тем, чтобы избежать исполнения решения о высылке.

Временные меры, предложенные Комиссией по Правам Человека, не имели обязательного характера. Из Ст. 25-1 ЕКПЧ или других источников не следует, что государство-участник обязано соблюдать их. Право заявителей на подачу заявления не было нарушено несоблюдением шведским правительством предписания Комиссии не депортировать заявителей, поскольку высылка г-на Круза Вараса не создавала серьезных препятствий для осуществления их права защищать свои интересы перед Комиссией.

Сокращенное содержание

После отказа в ходатайстве о получении статуса беженцев 21 апреля 1988 года Государственный иммиграционный комитет принял решение депортировать из Швеции г-на Круза Вараса, его жену и сына (все – граждане Чили). Не указывая на какие-либо новые обстоятельства в дополнение к тем, которые были изложены во время подачи ходатайства о предоставлении статуса беженцев, заявители обратились к правительству. Правительство отклонило их ходатайство 29 сентября 1988 г. Ссылаясь на препятствия для осуществления распоряжения о высылке, заявители сделали запрос в полицию г. Варберга на передачу рассмотрения своего дела в Государственный иммиграционный комитет.

19 октября 1988 г., будучи допрошенным полицией г. Варберга, г-н Круз Варас сослался впервые на свою предположительную подпольную деятельность против режима Пиночета, что, по его мнению, будет подвергать его риску преследований, пыток и, возможно, смерти. Дело было передано в Государственный иммиграционный комитет, который, в свою очередь, передал его в правительство. Для того, чтобы представить доказательства в отношении риска, которому он может подвергнуться, г-н Круз Варас передал 11 августа 1989 г. правительственным органам акты медицинской экспертизы, подтверждающие пытки, которым он уже подвергался в Чили, но правительство сочло, что не имелось препятствий для депортации согласно Разделам 77 и 80 Закона об иностранцах (1980 г.). Вследствие этого, Государственный иммиграционный комитет принял 6 октября 1989 г. решение не останавливать процесс депортации.

Несмотря на обращение Европейской Комиссии по Правам Человека к правительству не депортировать заявителей в Чили до того, как она рассмотрит заявление, г-н Круз Варас был выслан из Швеции в Чили. Его жена и сын скрылись в Швеции.

Первый вопрос, который стоял перед Судом по Правам Человека, заключался в том, чтобы установить, была ли депортация г-на Круза Вараса бесчеловечным и унижающим достоинство обращением в смысле Ст. 3 ЕКПЧ. В свете своей судебной практики Суд напомнил, что, согласно Конвенции, ответственность может наступить в отношении депортирующего государства-участника Конвенции, если его действие имеет в качестве своего прямого следствия возникновения для индивида такого положения, когда он подвергнется обращению, запрещенному Конвенцией. Наличие существенных причин, доказывающих, что данное лицо в случае депортации, окажется перед лицом реальной угрозы быть подвергнутым пыткам или бесчеловечному или унижающему достоинство обращению или наказанию, может породить основания для вопроса в рамках Ст. 3 ЕКПЧ. Суд счел, что эти принципы применимы также к решениям о депортации и *a fortiori* к делам о реальной высылке.

Подчеркнув то, что установление и проверка фактов были, главным образом, задачей Комиссии, Суд пришел к выводу, что в исключительных случаях и он сам может использовать свои полномочия в этом отношении и что он вправе делать любые оценки в свете всех доступных ему материалов. Суд сослался на те факты, которые были известны правительству Швеции во время депортации. Последующая информация может, тем не менее, быть принята во внимание, если она представляет интерес для подтверждения или опровержения оценки государства-ответчика.

Анализ всех обстоятельств выявил, что только после того, как г-ну Крузу Варасу стало известно о предстоящей депортации, он стал ссылаться на свою прошлую подпольную деятельность против правительства Пиночета и пытки, которым он был в результате этой деятельности подвергнут. Более того, постоянные изменения в его версии и отсутствие доказательств породили сомнения в достоверности его показаний. Кроме того, дело заявителя было тщательно рассмотрено шведскими властями, которые к тому же учли, что политическая ситуация в Чили улучшилась. Это было подтверждено добровольным возвращением многих чилийских беженцев. Так как не было достаточно убедительно доказано, что высылка заявителя поставит его под реальную угрозу быть подвергнутым бесчеловечному и унижающему достоинство обращению, Суд счел, что обжалуемая мера не превысила порог минимального уровня тяжести, установленного Ст. 3 ЕКПЧ. Соответственно, депортация заявителя в Чили не представляла собой бесчеловечное обращение и не нарушала Ст. 3 ЕКПЧ.

Второй вопрос, поставленный перед Судом, заключался в определении, представляла ли собой высылка заявителя, приведшая к его отделению от семьи, нарушение права на уважение его семейной жизни (Ст. 8 ЕКПЧ). В соответствии с мнением Суда, внесенные в контексте жалобы в отношении Ст. 3 ЕКПЧ доказательства и данные, показали, что, если бы жена и сын г-на Круза Вараса не скрылись с тем, чтобы избежать высылки, то не существовало бы препятствий для установления семейной жизни в своей стране. Суд выразил, поэтому, мнение, что ответственность за разделение семьи не может быть возложена на правительство Швеции. В соответствии с этим, Суд пришел к выводу, что нарушения Ст. 8 ЕКПЧ не было.

В заключении, Суд должен был установить, было ли невыполнение правительством Швеции предписания Комиссии (в силу Ст. 36 Регламента Комиссии) не высылать заявителей нарушением Ст. 25-1 ЕКПЧ, препятствующим осуществлению их эффективного права на обжалование дела в Суде.

Прежде всего, Суд подчеркнул, что Конвенция не содержит конкретного положения, наделяющего Суд или Комиссию полномочиями по принятию временных мер в целях сохранения прав сторон на период рассмотрения. Вопрос заключался в том, должны ли такие полномочия проистекать из Ст. 25-1 ЕКПЧ (рассматриваемой самостоятельно или совместно со Ст. 36 Регламента Комиссии) или из других источников. Суд подчеркнул, что Ст. 36 Регламента Комиссии не может породить обязательную к исполнению норму для государства-участника. Ст. 25-1 налагает обязательство не вмешиваться в право индивидуума эффективным образом представить жалобу и вести свое дело в Комиссии. Так как Конвенция должна быть интерпретирована как гарантирующая права, которые являются конкретными и эффективными, индивидуумам должна быть предоставлена возможность обжаловать нарушения их права на внесение жалобы. Тем не менее, Суд подчеркнул, что текст Ст. 25-1 ЕКПЧ будет неправильно истолкован, если кто-либо пожелал бы вывести на этой основе обязательство соблюдать временные меры, предложенные

Комиссией. Общие принципы международного права также не решают проблему, поскольку вопрос о том, что временные меры, принимаемые международными судебными учреждениями, обязательны, является спорным. Согласно мнению Суда, полномочия по введению обязательных временных мер не могут быть производными от Ст. 25-1 ЕКПЧ *in fine* или из других источников.

Хотя отказ от депортации г-на Круз Вараса мог бы в данном деле упростить внесение заявителями своей жалобы в Комиссию, Суд констатировал, что не было доказательств препятствий сколько-нибудь существенного уровня для осуществления заявителями своего права на подачу заявления. Исходя из этого, Суд пришел к выводу, что нарушения Ст. 25-1 ЕКПЧ не было.

Идентификационный номер: ECH-1991-S-001

Мустахим против Бельгии

Краткая аннотация

Отделение заявителя от остальной части его семьи, вызванное депортацией, было квалифицировано как нарушение права на уважение его семейной жизни ввиду того, что было несоразмерно преследуемой законной цели.

Принятие решения о депортации не может быть квалифицировано как дискриминационное обращение по признаку гражданства, поскольку статус заявителя не был аналогичен статусу граждан Бельгии или других государств Европейского сообщества.

Сокращенное содержание

Г-н Мустахим, подданный Марокко, жил в Бельгии с 1965 года (с возраста, когда ему был один год) вместе со своими родителями и семью братьями и сестрами. 9 ноября 1982г. апелляционный суд Льежа признал его виновным в совершении 22 правонарушений (среди прочего, кража при отягчающих обстоятельствах и торговли краденными вещами) в период между февралем и декабром 1989 года, и определил ему меру наказания в виде лишения свободы сроком на двадцать шесть месяцев.

Невзирая на мнение Комитета по делам иностранцев, который заявил, что депортация г-на Мустахима будет «нецелесообразной», хотя и обоснованной с правовой точки зрения, 28 февраля 1984 г. был утвержден проект королевского предписания на депортацию в связи с тем, что заявитель представлял собой угрозу обществу и серьезно нарушил общественный порядок.

Действуя как представитель заявителя, отец г-на Мустахима написал Королеве прошение о ее вмешательстве в дело своего сына. Его ходатайство было отклонено. Предписание к депортации было подписано 22 марта 1984 года. Заявление о приостановлении исполнения предписания о высылке и заявление о признании его недействительности были отклонены Государственным советом соответственно 22 июня 1984 г. и 16 октября 1985 г.

Г-н Мустахим был депортирован в июне 1984 г., вскоре после того, как был освобожден из заключения (апрель 1984 г.). Он проживал сначала в Испании, затем в Греции и, в конечном счете, обосновался в Стокгольме, где безвыездно проживал до 20 января 1990 г., когда он переехал в Бельгию на основе королевского предписания от 14 декабря 1989 г., разрешавшего ему вернуться на условный период проживания в течение двух лет.

Поскольку приостановление действия предписания о депортации не компенсировало последствия, которым заявитель в силу его действия подвергался в течение 5 лет, Суд принял решение, что дело не лишено оснований. Ввиду того, что вмешательство мера имела своим последствием отделение заявителя от остальной части его семьи на срок более пяти лет, Суд обратил внимание на то, что вмешательство государственного органа в право на уважение семейной жизни в смысле Ст. 8-1 имело место. Было необходимо установить, удовлетворяло ли такое вмешательство требованиям, определенным в Ст. 8-2 ЕКПЧ.

Суд признал, что предписание о высылке, основанное на Разделах 20 и 21 Закона 15 декабря 1980 года о въезде, проживании, получении разрешения на постоянное проживание и депортации иностранцев, было предусмотрено законом и преследовало законную цель «предотвращения беспорядков». Суд серьезно отнесся к обеспокоенности государства-участника по поводу поддержания общественного порядка, в частности, в отношении контроля над въездом, проживанием и депортацией иностранцев, как устоявшейся практики международного права. Тем не менее, он подчеркнул, что в случаях, когда соответствующие решения представляли собой вмешательство в права, защищенные Ст. 8-1 ЕКПЧ, следует обосновать «существенную общественную необходимость». Кроме того, они должны быть «соразмерны преследуемой законной цели».

В данном деле инкриминировавшиеся заявителю правонарушения относились к тому времени, когда он был несовершеннолетним: поэтому прошел сравнительно продолжительный период между этими правонарушениями и предписанием о депортации. Г-н Мустахим провел всю свою жизнь в Бельгии, посетив страну своего происхождения только дважды. Все его родственники жили в Бельгии, один из его старших братьев получил бельгийское гражданство, а три младших брата родились уже в Бельгии. В свете всех этих факторов Суд пришел к выводу, что предписание о депортации нарушило семейную жизнь заявителя несоразмерным образом по отношению к преследуемой цели, установленной законом. Соответственно, степень вмешательства в его семейную жизнь не была «необходимой в демократическом обществе», и, следовательно, Ст. 8 ЕКПЧ была нарушена.

Что касается жалобы г-на Мустахима на то, что он является жертвой дискриминации по признаку своего гражданства (предполагаемое нарушение Ст. 14, взятой совместно со Ст. 8 ЕКПЧ), Суд напомнил, что Ст. 14 ЕКПЧ направлена на защиту уже находящихся в одинаковом положении лиц против дискриминационных различий в отношении пользования правами и обязанностями, признанными Конвенцией и Протоколами.

В данном случае статус заявителя не может сравниваться со статусом являющихся гражданами Бельгии несовершеннолетних нарушителей, обвиняемых в подобных правонарушениях: Ст. 3 Протокола 4 ЕКПЧ предоставляет последним право оставаться в своей собственной стране и право не быть высланным из нее. Суд также подчеркнул, что статус преференциального обращения с гражданами других государств-членов Европейских сообществ также объективно и разумно обоснован, поскольку Бельгия и эти государства формируют особый правовой порядок. Поэтому Суд пришел к выводу, что нарушения Ст. 14 ЕКПЧ, взятой в совокупности со Ст. 8 ЕКПЧ, не было.

Идентификационный номер: ECH-1990-S-006

Дельта против Франции

Краткая аннотация

Признание виновным в совершении преступления и назначение наказания заявителю, основанные главным образом на заявлениях потерпевшей и ее подруги, которые были допрошены полицией, но заявления которых не были проверены судами, которые должны устанавливать факты, было квалифицировано в качестве нарушения права на вызов свидетелей и, следовательно, права на справедливое судебное разбирательство.

Сокращенное содержание

Уголовный суд Парижа признал в мае 1983г. гражданина Франции г-на Дельта виновным в разбойном нападении в парижском метро и определил ему меру наказания в виде лишения свободы сроком до трех лет. Это решение было основано на доказательствах, полученных при опросе полицейским, который сам не был

свидетелем нападения, но который вместе с потерпевшей и ее подругой задержал г-на Дельта. Последний не имел очной ставки с двумя 16-летними девушками, которые не присутствовали на суде, несмотря на вызов прокуратуры.

Апелляционный суд Парижа отклонил в сентябре 1983 года жалобу заявителя, который утверждал, что он был неправильно идентифицирован в качестве лица, совершившего правонарушение. При этом суд отказался рассматривать его заявление о вызове потерпевшей, ее подруги и двух свидетелей защиты. Кассационный суд отклонил в октябре 1984 года жалобу заявителя по мотивам нарушений процессуального права.

В отношении права на справедливое судебное разбирательство (Ст. 6-1 ЕКПЧ) и права на допрос свидетелей (Ст. 6-3г ЕКПЧ) Суд напомнил, что в принципе доказательства должны быть представлены в присутствии обвиняемого в ходе публичных слушаний с целью обеспечения состязательного характера проведения процесса. Это не означает, однако, что используемые в качестве доказательства заявления свидетелей должны быть всегда представлены на публичных слушаниях в суде: использования таких доказательств, полученных на стадии предварительного следствия, само по себе не является несовместимым со Ст. 6-1 и 6-3-d ЕКПЧ при том условии, что права защиты были соблюдены. Как правило, такие права предполагают, что обвиняемый должен иметь право на адекватную и надлежащую возможность делать отвод лицам, дающим против него показания, и опрашивать их либо в то время, когда они как свидетели дают показания, либо на более поздней стадии производства.

В данном случае потерпевшая, на которую было совершено нападение, и ее подруга были допрошены в ходе дознания проведенным задержание полицейским и составившим протокол их показаний инспектором.

Они не опрашивались следственным судьей по причине использования формы упрощенного судебного разбирательства.

Защита не ходатайствовала в своих письменных заявлениях о вызове каких-либо свидетелей в уголовный суд Парижа. Однако, прокуратура в установленном законом порядке вызвала двух девушек. Ввиду того, что они отсутствовали, не изложив причин, объясняющих свою неявку, Суд мог подвергнуть их приводу.

В апелляционном суде, напротив, заявитель прямо просил о допросе потерпевшей, ее подруги и двух свидетелей защиты, но ходатайство было отклонено.

Согласно вышеизложенному, ни заявитель, ни его защита, ни разу не имели адекватной возможности допросить свидетелей, показания которых были оформлены в их отсутствие и позже запроотоколированы полицейским, который сам не был свидетелем нападения. Доказательства должны были бы быть исследованы судами, которые должны нести ответственность за установление фактов, что является решающим моментом ввиду того, что материалы дела не содержали других доказательств. Суды не могли, тем самым, проверить достоверность показаний свидетелей или поставить под сомнение их правдивость.

В итоге право защиты было подвергнуто таким ограничениям, что заявитель не воспользовался правом на справедливое судебное разбирательство. Суд, вследствие этого, принял решение, что нарушение Ст. 6-3-d ЕКПЧ, взятой в совокупности со Ст. 6-1 ЕКПЧ, имело место.

Идентификационный номер: ECH-1990-S-005

Дарби против Швеции

Краткая аннотация

Врач, проживающий в Финляндии, но работающий в Швеции, был подвергнут неоправданной дискриминации в осуществлении своего права на беспрепятственное использование своего имущества ввиду того, что должен был платить налог государственной церкви Швеции.

Сокращенное содержание

Заявитель, являющийся практикующим врачом, проживал в Финляндии с 1966 года. В период с 1977 по 1986 год он работал в Швеции, без того, однако, чтобы получить статус постоянно проживающего в этой стране. За 1979, 1980 и 1981 налоговые годы он должен был платить специальный налог, налагаемый в пользу шведской государственной церкви (в целом 3 065 шведских крон). Лица, которые как, например, заявитель не являются прихожанами церкви, имеют в принципе право быть освобожденными от части налога, которая предназначена для финансирования религиозной деятельности Церкви. Однако, согласно Закону 1951 г. об освобождении от налога лиц, не принадлежащих к церкви Швеции, заявитель не мог воспользоваться этим освобождением, так как он не был зарегистрирован в качестве постоянно проживающего лица в Швеции. Его ходатайства в административные суды по поводу его налогообложения, в частности, по поводу обязанности платить церковный налог, были безуспешными. В результате рассмотрения предложения парламентского омбудсмена, сделанного на основе рассмотренной жалобы, принесенной заявителем, вышеуказанное требование по регистрации было упразднено путем поправки к закону в 1987 г.

Усматривая то, что требования заявителя имели отношение к предположительно дискриминационным последствиям шведского налогового законодательства, Суд решил, что целесообразнее рассматривать дело в рамках Ст. 14 ЕКПЧ (свобода от дискриминации), взятой в совокупности со Ст. 1 Протокола 1 ЕКПЧ, которая касается беспрепятственного пользования имуществом. Эта последняя статья устанавливает, что обязанность платить налоги подпадает под ее действие, и, следовательно, защита против дискриминации в смысле Ст. 14 ЕКПЧ также применяется в отношении обязательства заявителя платить церковный налог.

Что касается права на освобождение от этого налога, то заявитель мог претендовать, с чем согласилось правительство, на то, что его статус аналогичен статусу любых других нерезидентов Швеции. Суд принял решение, что ввиду отсутствия законной цели в смысле Конвенции проведение различия в пользовании этим правом, с одной стороны, лицами, которые формально зарегистрированы как постоянно проживающие, и, с другой стороны, лицами, такого статуса не имеющими, не может считаться обоснованным.

Согласно вышесказанному, нарушение Ст. 14 ЕКПЧ, взятой совместно со Ст. 1 Протокола 1 ЕКПЧ, имело место.

Идентификационный номер: ECH-1990-S-004

Фокс, Кэмпбэл и Хартли против Великобритании

Краткая аннотация

Арест и содержание под стражей в Северной Ирландии лиц, подозреваемых в терроризме, в течение сроков приблизительно от 30 до 44 часов являются нарушением права на свободу и личную неприкосновенность, если такое подозрение было только добросовестным, но не обоснованным.

Сокращенное содержание

Закон 1978 г. о Чрезвычайном положении в Северной Ирландии (Раздел 11) возложил на полицию полномочия по аресту без ордера и задержание на максимальный срок 72 часа любого лица, которое подозревается в терроризме.

Заявители были арестованы полицией в Северной Ирландии в 1986 году. Они были проинформированы во время ареста, что задержаны согласно Разделу 11 Закона 1978 г. по подозрению в терроризме. Они содержались в полицейском участке во время проведения допросов по поводу предполагаемого соучастия в конкретных террористических действиях. Они были освобождены самое позднее через 44 и самое раннее через 30 часов после задержания без предъявления обвинения.

Полномочия по аресту и содержанию под стражей в силу раздела 11 Закона 1978 г. возобновлялись на основе 6-месячных интервалов и продолжались до отмены чрезвычайного положения в 1987 г.

Заявители утверждали, что не были арестованы и помещены под стражу «по обоснованным мотивам подозрения в правонарушении», ибо в силу Закона 1987 г. подозрение проводящего задержание полицейского должно быть просто искренним и добросовестным.

Суд, прежде всего, признал, что в его задачи не входит анализировать законодательство *in abstracto*, а исследовать его применение в конкретных случаях. «Обоснованность» (*reasonableness*) подозрения, на котором арест должен быть основан, составляет основную часть гарантии, изложенной в Ст. 5-1 ЕКПЧ, против произвольных арестов и содержания под стражей. Наличие «обоснованного подозрения» подразумевает существование фактов или информации, которые могли бы убедить объективного наблюдателя в отношении того, что данное лицо могло совершить преступление, хотя то, что может рассматриваться как «обоснованное», зависит от всех этих обстоятельств.

Перед лицом ситуации с терроризмом в Северной Ирландии, «обоснованность» подозрения такого ареста, не может быть всегда оправдана на основе тех стандартов, которые применяются в отношении обычной преступности. Тем не менее, Суд должен был иметь возможность удостовериться, что гарантия против произвольного ареста и содержания под стражей, содержащаяся в Ст. 5-1-с ЕКПЧ, была обеспечена, и тем самым получить, по крайней мере, некоторые факты или сведения, которые могли бы убедить его в том, что арестованное лицо было обоснованно подозреваемо в совершении предполагаемого преступления, в частности, там, где национальное право устанавливает более низкий порог, расплывчато предполагающий добросовестное подозрение.

Суд согласился с тем, что арест и содержание под стражей каждого из подозреваемых были основаны на подозрении *bona fide*, что он или она являлся террористом. Однако, он не согласился с тем, что признаки, на которые ссылалось правительство Великобритании, могли сами по себе привести к выводу, что имелось в наличии «обоснованное подозрение». Ни предшествующие обвинительные приговоры семилетней давности двум из заявителей за совершение террористических актов, ни тот факт, что все три заявителя были допрашиваемы в отношении конкретных террористических актов в ходе их содержания под стражей, не могли без дополнительных материалов убедить объективного наблюдателя в том, что подозрение было обоснованным.

Суд пришел, таким образом, к выводу, что нарушение Ст. 5-1 имело место.

Что касается предполагаемого нарушения Ст. 5-2 ЕКПЧ (право на то, чтобы быть незамедлительно проинформированным о причинах своего ареста), то Суд подчеркнул, что для оценки того, была ли представленная информация достаточно содержательной и быстрой, следовало рассматривать каждый отдельный случай согласно его конкретным обстоятельствам. Хотя причины для ареста в данном случае не были достаточно конкретизированы в момент, когда заявители были взяты под стражу, они были представлены им в ходе последующего допроса. Более того, интервалы в несколько часов, которые имели место между арестом и допросом не могут рассматриваться как исключаемые из-под действия требований, налагаемых понятием «незамедлительности». Поэтому в данном случае не было нарушения Ст. 5-3 ЕКПЧ.

Поскольку нарушение Ст. 5-1 ЕКПЧ, вытекающее из ареста и содержания под стражей заявителей, не было обеспечено правом требовать возмещение ущерба через северо-ирландские суды, Суд признал факт нарушения Ст. 5-5 ЕКПЧ (возможное право на компенсацию).

Идентификационный номер: ECH-1990-S-003

"Аутроник АГ" против Швейцарии

Краткая аннотация

Отказ Дирекции почт и телеграфа выдать без согласия осуществляющего спутниковое телевидение государства компании, специализирующейся на электронной телекоммуникационной технике, разрешение на получение с помощью частной спутниковой антенны некодированные телевизионные программы, передаваемые с советского спутника связи и предназначенные для широкой публики, нарушает право на свободу выражения своего мнения.

Сокращенное содержание

"Аутроник АГ" является швейцарской компанией, специализирующейся на домашней электронике, в частности, на спутниковых антеннах. В 1982 г. она обратилась к Дирекции почт и телеграфа за разрешением на показ публичной советской телевизионной программы на выставке в Цюрихе. Программа принималась прямо с советского спутника связи посредством спутниковой антенны. Дирекция ответила, что не может дать свое разрешение без формально выраженного согласия советских властей.

В январе 1983г. Дирекция отклонила заявление "Аутроник АГ" с просьбой представить письменное заключение о том, что право получать для частного использования некодированные передачи с таких телекоммуникационных спутников, как данный советский спутник, может зависеть от согласия вещающего государства. Дирекция придерживалась мнения, что подобный прием не может быть разрешен без такого согласия, учитывая различные положения Международной телекоммуникационной конвенции и Положений о радиовещании, в частности, в отношении секретности телекоммуникаций. Федеральный суд отказался в июле 1986г. принимать решение в ответ на внесенную заявителем публично-правовую жалобу по тому мотиву, что компания не имеет прямого экономического интереса, который следовало бы защищать. В то время единственными спутниковыми телевизионными программами, которые можно было бы получать в Швейцарии с помощью спутниковой антенны, были программы вышеупомянутого советского спутника.

Заявители указывали на то, что решение Федерального суда нарушило Ст. 10ЕКПЧ право на свободу выражения. С точки зрения Суда, ни правовой статус заявителя как общества с ограниченной ответственностью, ни тот факт, что его деятельность была коммерческой, ни сама природа свободы выражения не могут лишать "Аутроник АГ" защиты согласно Ст. 10 ЕКПЧ.

Суд отметил, что Ст. 10ЕКПЧ применяется к «лицам», будь то физическое или юридическое лицо, и касается не только содержания информации, но также и средств ее передачи или получения, исходя из того, что любое ограничение, наложенное на средства, нарушает право на получение и распространение информации. Получение телевизионных программ с помощью спутниковых антенн или других средств подпадает под действие этого права, изложенного в двух первых фразах Ст. 10-1 ЕКПЧ без того, чтобы было необходимо проверять причины и цели осуществления этого права. Поскольку действия административных и судебных властей, на которые была подана жалоба, лишали "Аутроник АГ" законного получения советских спутниковых передач, они приравниваются к «вмешательству органов государственной власти» в осуществление свободы выражения.

В свете положений Ст. 10ЕКПЧ Суд счел, что вмешательство было «предписано законом», а его правовая основа лежит в Федеральном законе 1922года, регулирующем телеграфные или телефонные сообщения в совокупности с некоторыми положениями международного телекоммуникационного права. Эти документы были достаточно доступны, учитывая, что они предназначались для общественности. Можно было поставить вопрос, обладали ли они достаточной ясностью и точностью, но решать этот вопрос не было необходимым, ибо Суд пришел к выводу, что ограничение не было оправданным.

В отношении законности преследуемой цели ограничений, Суд счел, что она имела две задачи, которые были полностью совместимы с Конвенцией: защита порядка в телекоммуникациях и необходимость предотвращения разглашения конфиденциальной информации.

Суд затем обратился к вопросу, было ли ограничение «необходимым в демократическом обществе». Со времени начала рассмотрения дела развитие шло двумя путями. В технической области начали работу некоторые другие телекоммуникационные спутники телевизионного вещания. В правовой области была подписана Европейская конвенция трансграничного вещания, и некоторые государства разрешили передачу некодированных передач с телекоммуникационных спутников без согласия на это властей вещающего государства, и без того, чтобы вызвать протесты со стороны других государств, подписавших Международную

телекоммуникационную конвенцию, и органов международных организаций. По мнению Суда, такое развитие может быть принято во внимание для надлежащего понимания и толкования соответствующих норм.

Действия органов государственной власти в данном деле вышли за границу пределов усмотрения, которые предоставлены им Конвенцией. Во-первых, природа самих передач не давала оснований считать их не предусмотренными для широкой публики. Во-вторых, правительство согласилось, что не было риска получения секретной информации посредством спутниковых антенн, принимающих передачи с телекоммуникационных спутников.

Обобщая сказанное, нарушение Ст. 10 ЕКПЧ имело место.

Идентификационный номер: ECH-1990-S-002

Вебер против Швейцарии

Краткая аннотация

Судопроизводство, проведенное без слушаний и приведшее к назначению наказания в виде взыскания штрафа с журналиста, который в ходе пресс-конференции разгласил конфиденциальные данные о предварительном следствии, представляет собой нарушение его права на справедливое судебное разбирательство и свободу выражения.

Сокращенное содержание

Заявитель проживает в г. Кларенс (кантон Вод) и является журналистом. В 1980г. он предъявил иск за клевету автору «письма читателя», которое было опубликовано газете «Эст вуду». 2 мая 1982г. - в то время, когда следствие продолжалось, он провел пресс-конференцию, на которой сообщил аудитории о проводимом разбирательстве. Заявитель также сделал заявление, что следственный судья округа Вевей-Лаво дал ему указание представить счета различных организаций, которыми заявитель руководит, вследствие чего он сделал отвод этому судье и направил на него жалобу. Заявитель ранее уже придал огласке часть этой информации на пресс-конференции, проведенной в Берне 11 мая 1981 года.

В апреле 1982г. председатель кассационной палаты по уголовным делам суда кантона Вод взыскал с заявителя штраф в размере 300 швейцарских франков за разглашение сведений конфиденциального характера о вестущем следствии на второй пресс-конференции, квалифицируя разглашение в качестве нарушения Уголовно-процессуального кодекса (Ст. 184 и 185). Заявитель направил жалобу по этому поводу в кассационную палату по уголовным делам, которая, проведя слушания в закрытом заседании, единогласно оставила ее без удовлетворения. Жалоба заявителя в Федеральный суд Швейцарии также была безрезультатной.

Заявитель обжаловал то, что председатель уголовной кассационной палаты суда кантона Вод, а затем и сама кассационная палата вынесли решение без того, чтобы предварительно провести какие-либо публичные слушания в нарушение права на справедливое судебное разбирательство (Ст. 6-1 ЕКПЧ).

Суд, во-первых, счел, что расследование было уголовно-правовым по своему характеру в смысле Ст. 6-1 ЕКПЧ. В отличие от судей, адвокатов и других лиц, связанных с работой судов, которые были бы дисциплинарно ответственны в силу своей профессии, «сторонны» принимают участие в производстве как субъекты, подпадающие по юрисдикцию судов. Поскольку Ст. 185 Уголовно-процессуального кодекса кантона Вод потенциально касается всего населения, правонарушение, которое на его основе было квалифицировано и санкционировано, являлось «уголовным» по своему характеру согласно целям данных критериев. Более того, по отношению к этой санкции Суд подчеркнул, что наказание в силу удовлетворения иска (500 швейц. франков, которые могут быть при определенных обстоятельствах обращены в меру наказания в виде лишения свободы) было достаточно суровым, чтобы квалифицировать вменяемое заявителю правонарушение как уголовное.

В дополнение к этому Суд счел, что швейцарская оговорка [177](#) к Ст. 6-1 ЕКПЧ не имеет силы в данном случае. Упущение со стороны правительства Швейцарии, не включившего «краткого изложения законодательства, о котором идет речь», было расценено как нарушение «существенного условия», а не чисто «формального требования».

Суд перешел затем к рассмотрению вопроса о том, имело ли нарушение Ст. 6-1 ЕКПЧ права на справедливое судебное разбирательство. Председатель кассационной палаты по уголовным делам, сама палата рассмотрели дело без публичных слушаний. По мнению суда, тот факт, что разбирательство в Федеральном суде было публичным, не восполнил недостатки двух предыдущих уровней разбирательства. Перед лицом публично-правовой жалобы Федеральный суд мог удостовериться только в том, имело или нет место нарушение законности.

Заявитель также указывал то, что признание его виновным и определение меры наказания в виде денежного штрафа нарушили Ст. 10 ЕКПЧ свободу выражения мнения.

Суд отметил, что признание заявителя виновным и определение меры наказания явно представляли собой «предусмотренное законом» вмешательство государственного органа по отношению к осуществлению заявителем своего права на свободу выражения.

По поводу обоснования в законе преследуемой цели, было отмечено, что применяемая в отношении заявителя Ст. 185 была направлена на обеспечение соответствующего характера следствия и была, тем самым, предназначена для защиты авторитета и беспристрастности судебной системы.

В отношении необходимости вмешательства «в демократическом обществе» Суд отметил, что 2 марта 1982 года заявитель в принципе повторил, что он сказал 11 мая 1981 года. Он только добавил два новых элемента информации, но председатель уголовной кассационной палаты обосновал свое решение мотивами разглашения сведений, которое ранее имело место на первой пресс-конференции. Интерес к сохранению конфиденциальности фактов, которые уже стали достоянием публичности, 2 марта 1982 г. отсутствовал. В дополнение, производство следствия было уже практически закончено к этой дате.

Перед лицом специфических обстоятельств этого дела Суд пришел к заключению, что ввиду признания заявителя виновным и взыскания штрафа, осуществление заявителем его права на свободу выражения подверглось вмешательству, которое не было «необходимым в демократическом обществе».

Идентификационный номер: ECH-1990-S-001

Крюслен против Франции

Краткая аннотация

Прослушивание телефонных разговоров на основе ордера, выданного следственным судьей в силу закона, который не обеспечивает достаточных гарантий защиты, нарушает право на уважение личной жизни и тайны корреспонденции.

Сокращенное содержание

Палата по обвинениям при апелляционном суде г. Тулузы представила в апреле 1985г. на рассмотрение суда присяжных заседателей департамента От-Гаронн обвинительное заключение по обвинению г-на Крюслена в соучастии в убийстве, краже при отягчающих обстоятельствах и покушении на кражу при отягчающих обстоятельствах. Одной из улики была запись телефонного разговора, который заявитель сделал с телефонного аппарата, принадлежащего третьему лицу: запись

была сделана по ходатайству судебного следователя в г. Сен-Годенс в ходе проведения не связанных с этим делом следственных действий. Кассационная жалоба на нарушения процессуального права, принесенная на этой основе заявителем, была отклонена Кассационным судом.

Суд констатировал, что обжалуемое прослушивание было вмешательством государственного органа в осуществление заявителем права на тайну корреспонденции и уважение личной жизни, гарантированных Ст. 8 ЕКПЧ. Затем Суд рассмотрел вопрос о том, было ли такое вмешательство обоснованным в смысле Ст. 8-2 ЕКПЧ.

Суд решил, что выражение «предусмотренный законом» в смысле Ст. 8-2 ЕКПЧ требует не только, чтобы проводимое следственное действие имело свой источник в национальном праве, но и соответствия данного закона условию, предполагающего, чтобы он был доступен заинтересованному лицу, которое, более того, должно предвидеть его последствия для него, а также то, что закон должен соответствовать требованиям верховенства права.

По вопросу о том, существовал ли во французском законодательстве источник для таких мер, Суд подчеркнул, что, во-первых, толковать и применять национальное внутреннее право - это задача прежде всего внутрисударственных органов, а именно судов. Поэтому в задачу Суда не входило высказывание мнения, которое бы противоречило мнению национальных судов по поводу того, удовлетворяло ли прослушивание и запись телефонных переговоров, санкцию на которые дал следственный судья, требованиям Ст. 368 Уголовного кодекса. В течение многих лет суды, и, в частности, Кассационный суд, рассматривали Ст. 81, 151 и 152 Уголовно-процессуального кодекса как предоставляющие правовую основу для записей телефонных переговоров, осуществляемых старшим офицером полиции на основе санкции следственного судьи. Суд выразил точку зрения, что установившаяся судебная практика такого рода не должна игнорироваться. В отношении Ст. 8-2 ЕКПЧ и других подобных статей Суд не всегда воспринимал термин «закон» в его материальном или формальном смысле и включал в это понятие нормативные акты, стоящие порядком ниже по сравнению с законом и неписаным правом. Суд считал, поэтому, что обжалуемые вмешательства имеют источник во французском праве.

Что касается «качества закона» в смысле его доступности, то оно не создает, с точки зрения Суда, никакой проблемы. Но это не относится к требованию, что закон должен быть «предсказуемым» в отношении значения и природы применяемых мер.

Суд установил, что прослушивание телефонных разговоров и другие формы «фиксирования» телефонной связи представляют собой серьезное вмешательство в частную жизнь и тайну корреспонденции и, следовательно, должны быть основаны на «законе», который должен быть особенно конкретным. Важно обладать ясными, детальными нормами в этой области, особенно учитывая, что доступная для использования технология становится все более совершенной.

Правительство привело значительное количество гарантий, которые, по его мнению, обеспечены во французском праве. Это относилось или к осуществлению записей телефонных разговоров, или к использованию их результатов, или к средствам исправления каких-либо нарушений в этой связи, по поводу которых правительство утверждало, что заявители не были лишены их.

Суд ни в малейшей степени не приуменьшил ценность ряда из этих гарантий. Он отметил, однако, что только некоторые из них были формально изложены в ст. 81, 151 и 152 Уголовно-процессуального кодекса. Другие были частично установлены судебными решениями, вынесенными в течение последнего времени, значительная часть из которых была принята после обжалуемого прослушивания. Некоторые из них вообще не были явно отражены в судебной практике. В конечном счете, система не обеспечила за прошедшее время достаточных гарантий против различных потенциальных злоупотреблений. Суд, поэтому, пришел к выводу, что заявитель не воспользовался минимальным уровнем защиты, которым должны обладать граждане в правовом демократическом государстве. Следовательно, нарушение Ст. 8 ЕКПЧ имело место.

Идентификационный номер: ECH-1989-S-004

Костовски против Нидерландов

Краткая аннотация

Обвинительный приговор за разбойное нападение, вынесенный, главным образом, на основе протокола показаний двух анонимных свидетелей, допрошенных полицией в отсутствие обвиняемого и его защитника и, в одном из случаев, судебным следователем, а не в ходе судебного заседания, нарушает право заявителя на справедливое судебное разбирательство.

Сокращенное содержание

Г-н Слободан Костовски, 1953 г. р., имел за собой весьма длинный перечень правонарушений. Он совершил совместно с другими заключенными в августе 1981 г. побег из тюрьмы в Нидерландах и был обнаружен только в апреле следующего года.

В январе 1982 г. три человека в масках совершили вооруженное нападение на банк в г. Баарн. Некоторое время спустя, в полицию явились два человека, которые предпочли не раскрывать свои личности по причине опасений за возможную месть, и сделали заявления с обвинением заявителя и некоторых других лиц в разбойном нападении.

Вслед за этим, в отсутствие прокурора и заявителя с его защитником судебный следователь провел допрос одного из свидетелей, подтвердившего свое предшествующее заявление. Защитнику заявителя была затем предоставлена возможность задать через судебного следователя письменные вопросы свидетелю, но большинство вопросов или не было поставлено, или на них не был дан ответ с тем, чтобы сохранить его/ее анонимность.

Суд округа Утрехта признал в сентябре 1982 года заявителя и его сообщников виновными в совершении вооруженного нападения и определил меру наказания в виде лишения свободы сроком шесть лет каждому. Анонимные свидетели, личности которых были известны прокурору, не были допрошены на судебном заседании. Окружной суд обосновал свой приговор на протоколах показаний, составленных полицией и судебными следователями в ходе допросов свидетелей, которые он признал в качестве доказательств и расценил как решающие и достоверные.

Обвинительный приговор и мера наказания заявителю и его сообщникам были оставлены в силе после нового рассмотрения дела в мае 1983 г. апелляционным судом Амстердама, где вышеуказанные протоколы были также приняты в качестве доказательств.

Верховный суд оставил в сентябре 1984 года жалобу заявителя без удовлетворения.

Суть жалобы заявителя заключалась в том, что его право на справедливое судебное разбирательство было нарушено по той причине, что в качестве доказательств были использованы протоколы показаний анонимных свидетелей.

Прежде всего, Суд подчеркнул, что его в его задачу входит не формулирование мнения, были ли эти показания правомерно допущены и оценены судами Нидерландов, а скорее проверка того, было ли разбирательство в целом, включая то, каким образом доказательства были получены, справедливым.

В принципе все доказательства должны, как напомнил Суд, быть представлены обвиняемому в ходе публичных слушаний в целях обеспечения состязательности процесса. Однако, показания, полученные на досудебной стадии рассмотрения, могут использоваться в качестве доказательств при том условии, что права защиты были бы при этом соблюдены. Как правило, эти права требовали, чтобы обвиняемому была предоставлена адекватная и надлежащая возможность лично на каком-либо этапе разбирательства делать отводы и допрашивать свидетелей, показывающих против него.

С точки зрения Суда, такая возможность не была предоставлена в данном деле. Ни на одном из этапов следствия неизвестные свидетели не были допрошены самим заявителем или по его поручению. Кроме того, вопросы, которые защита смогла задать тем, кто допрашивал свидетелей и, косвенно, одному из свидетелей, носили ограниченный характер по причине решения сохранить анонимность свидетелей. Эта черта дела усугубила сложности, встреченные заявителем: если защита не знала личности свидетелей, она не могла доказать, что он (или она) был предвзят, враждебен или неправдив.

Более того, Суд не считал, что разбирательство, проведенное на уровне судебных органов, возместило недостатки, имевшиеся в силу препятствий, встреченных защитой на досудебной стадии. Судьи, принимавшие участие в заседаниях, не видели свидетелей и не могли составить собственное представление о достоверности их показаний. В дополнение к этому, только один из свидетелей был допрошен судьей на стадии судебной проверки, но личность свидетеля ему была неизвестна.

Признавая обоснованность ссылок правительства на рост угроз свидетелям и необходимости равновесия между различными присутствующими интересами, Суд считал, что право на добросовестное отправление правосудия не может быть принесено в жертву целесообразности. Использование показаний анонимных заявителей как достаточных доказательств для вынесения обвинительного приговора, как в данном деле, отличается от вопроса о допустимости в стадии предварительного следствия таких источников, как анонимные информаторы. В первом случае присутствует ущемление прав защиты, что является несовместимым с гарантиями справедливого судебного разбирательства в смысле Ст. 6. Поэтому суд пришел к выводу, что нарушение Ст. 6-3-d (право допрашивать свидетелей), взятой совместно со Ст. 6-1 ЕКПЧ (право на справедливое судебное и публичное разбирательство независимым и беспристрастным судом), имело место.

Идентификационный номер: ECH-1989-S-003

Серинг против Великобритании

Краткая аннотация

Абсолютный запрет пыток и бесчеловечного и унижающего достоинство обращения является подтверждением того, что Ст. 3 ЕКПЧ является одной из основополагающих ценностей демократических сообществ, входящих в Совет Европы.

Решение государства-участника Конвенции экстрадировать скрывшееся от правосудия лицо подпадает под признаки Ст. 3 ЕКПЧ, если есть существенные основания считать, что это лицо, в случае выдачи, подвергнется реальному риску бесчеловечного или унижающего достоинство обращения или наказанию в государстве, требующем выдачи.

Учитывая особые обстоятельства дела, возможность решения об осуществлении экстрадиции заявителя в США с тем, чтобы предать его суду в Виржинии по обвинению в убийстве, была квалифицирована в качестве бесчеловечного и унижающего достоинство обращения.

Решение об экстрадиции при обстоятельствах, когда скрывшийся от следствия рискует подвергнуться явному лишению права на справедливое судебное разбирательство в государстве выдачи, может в исключительных случаях подпадать под Ст. 6 ЕКПЧ. Факты этого дела не подтверждают такого риска.

Судебный контроль является эффективным средством по отношению к жалобам, выдвинутым в силу Ст. 3 ЕКПЧ. Действенность средств, в рамках Ст. 13, не зависит от предсказуемости исхода.

Сокращенное содержание

Г-н Серинг, гражданин ФРГ, переехал с родителями на жительство в США в возрасте 11 лет. В марте 1985 года, в возрасте 18 лет, он, как подозревалось, убил родителей своей подруги в округе Бедфорд (Виржиния). После совершения преступления заявитель и его подруга вместе исчезли из Виржинии. Они были арестованы в Англии в апреле 1986 года в связи с подделкой чека. В период между 5 и 8 июня 1986 года г-н Серинг был допрошен в Англии полицейским следователем из департамента шерифа округа Бедфорд. В сделанном под присягой заявлении от 24 июля 1986 года следователь подтвердил, что заявитель в его присутствии и в присутствии двух офицеров полиции Великобритании признался в убийствах. Заявитель объяснил, что любил свою подругу и что ее родители возражали против их отношений: поэтому вместе они спланировали их убийство.

В рамках договора об экстрадиции между двумя странами правительство США потребовало 11 августа 1986 года выдачи г-на Серинга из Великобритании. В силу Раздела 8 Закона об экстрадиции 1870 года, 12 сентября 1986 года был выдан ордер на его взятие под стражу по этому обвинению. Г-н Серинг был арестован 30 декабря 1986 г. в тюрьме Челмсфорд, где он отбывал срок поремного заключения за подделку чека.

11 марта 1987 г. в рамках договора об экстрадиции между двумя странами от 1872 года правительство ФРГ потребовало выдачи г-на Серинга для того, чтобы предать его суду по подозрению в убийстве в ФРГ. 20 мая 1987 года правительство Великобритании сообщило, что отдаст предпочтение запросу, представленному ранее США.

Согласно договору об экстрадиции, если г-н Серинг будет признан виновным в совершении убийства, в чем он и обвинялся, атторней округа Бедфорд должен был сделать представление по поручению властей Великобритании судье в ходе подготовки судебного решения, что желание Великобритании заключается в том, чтобы решение о высшей мере наказания не должно быть принято или приведено в исполнение. Однако, атторней сохранил свое намерение добиваться смертной казни.

В июне 1987 г. в ходе рассмотрения вопроса о выдаче г-н Серинг представил акты психиатрической экспертизы, подтверждающие, что во время совершения правонарушения, он страдал от нервного расстройства, что в определенной степени освобождает его от ответственности за свои действия. Однако, Суд магистратов считал, что было достаточно доказательств для обоснования его выдачи и, поэтому, ожидал ордера министра внутренних дел для его этапирования в США. 29 июня 1987 г. г-н Серинг подал заявление в палату по уголовным делам апелляционного суда Верховного Суда с ходатайством на основе положений *habeas corpus* в отношении рассмотрения его дела судом и за разрешением на подачу прошения о судебном надзоре: на оба заявления был дан отказ 11 декабря 1987 г. 3 августа 1988 г. министр внутренних дел подписал ордер о выдаче г-на Серинга властям США. Экстрадиция была, однако, приостановлена в силу ряда временных мер, предписанных в ходе разбирательства в Страсбурге.

8 июля 1988 года г-н Серинг подал заявление в Комиссию по Правам Человека. Он заявил, что, невзирая на заверения правительства Великобритании, есть серьезные основания считать, что он будет приговорен к смертной казни, если будет выдан в США. Он утверждал, что учитывая «феномен коридоров смерти», он будет тем самым подвергнут бесчеловечному и унижающему достоинство обращению, запрещенному Ст. 3 ЕКПЧ.

Прежде всего, Суд по Правам Человека подчеркнул, что Конвенция не регулирует действия государств, не являющихся участниками Конвенции. Она не обязывает государства-участники навязывать свои стандарты третьим странам. Далее Суд признал, что цель экстрадиции, заключающаяся в том, чтобы предотвращать уклонение правонарушителей от следствия и суда, имеет положительный характер. Вместе с тем, он подчеркнул, что абсолютный запрет пыток и бесчеловечного и унижающего достоинства обращения или наказания в рамках Конвенции доказывает, что Ст. 3 ЕКПЧ воплощает собой одну из основополагающих ценностей демократических обществ, составляющих Совет Европы. С тем, чтобы обеспечить ее действительное осуществление, стало необходимым отступление от нормы нерассмотрения потенциальных нарушений Конвенции. Ответственность экстрадирующего государства согласно Ст. 3 ЕКПЧ может наступить, если это действие будет иметь в качестве своего прямого следствия подвергание индивидуума запрещенному Конвенцией обращению. В таком случае должно быть доказано, что существуют серьезные мотивы для того, чтобы считать, что данное лицо в случае выдачи, столкнется с риском бесчеловечного и унижающего человеческого достоинство обращения или наказания в стране выдачи. В обстоятельствах дела Суд считал Ст. 3 ЕКПЧ применимой: в случае возвращения в Виржинию, заявитель подвергся бы реальному риску смертной казни и, следовательно, «феномену коридоров смерти» как источнику бесчеловечного и унижающего достоинство обращения.

Отвечая на письменные комментарии "Эмнести Интернэшнл"^[18] (*Amnesty International*), Суд рассмотрел вопрос, может ли риск смертной казни быть сам по себе предметом регулирования в рамках Ст. 3 ЕКПЧ. Он подчеркнул, что несомненно Конвенция является «живым инструментом», который должен интерпретироваться эволюционным путем. Он признал, что *de facto* смертная казнь уже не применяется в мирное время в государствах-участниках Конвенции и что он не может не находиться под влиянием развития и общепринятых стандартов политики в области уголовного права государств-членов Совета Европы. Однако, Суд подчеркнул, что Конвенция должна читаться как целое и что Ст. 3 должна рассматриваться в совокупности со Ст. 2.1 ЕКПЧ. Поскольку эта последняя статья допускает в некоторых случаях высшую меру наказания, ее содержание не будет иметь смысла, если Ст. 3 будет включать в себя полный запрет смертной казни. Практика политики в области уголовного права на национальном уровне в форме повсеместной отмены смертной казни, не может быть воспринята как согласие на упразднение исключения, установленного Ст. 2.1 ЕКПЧ; и Протокол 6 ЕКПЧ, будучи по сути позже подписанным международным соглашением, показал, что государства-участники были намерены следовать нормальному методу принятия дополнений к тексту с тем, чтобы ввести новое обязательство по отмене смертной казни в мирное время. Суд, поэтому, счел, что Ст. 3 ЕКПЧ не может интерпретироваться как полностью запрещающая смертную казнь. Тем не менее, он подчеркивает, что такое заключение не означает, что обстоятельства, имеющие отношение к высшей мере наказания, никогда не смогут стать предметом регулирования в смысле Ст. 3 ЕКПЧ. Законная цель решения об экстрадиции должна быть поэтому пропорциональна риску, которому подвергается заявитель.

В данном деле Суд должен был установить, будет ли риск подвергнуться прохождению через «коридор смерти» делать выдачу нарушением Ст. 3 ЕКПЧ. Напоминая свое прецедентное право, Суд подчеркнул, что для квалификации наказания или обращения как «бесчеловечного» или «унижающего достоинство», страдания и унижения должны выходить за рамки страданий и унижений, неизбежно связанных с конкретной формой законного наказания. Оценивая тяжесть наказания, следует учитывать как физическое страдание, так и моральное переживание. Суд констатировал, что для каждого человека, приговоренного к смерти, некоторые элементы оторчки между вынесением приговора и его исполнением, как и опыт тяжелого стресса в условиях неотъемлемых приговоренного к смерти содержания строгого режима, неизбежны. Он ставил при этом под сомнение демократичность характера правовой системы Вирджинии в целом. Однако, учитывая весьма продолжительный период времени, который проводится в «коридоре смерти» (в среднем от 6 до 8 лет) с вездесущим и нарастающим страхом ожидаемой смертной казни, и, рассматривая личные данные заявителя (молодой возраст и психическое состояние во время совершения убийства), Суд счел, что выдача заявителя в США будет подвергать его реальному риску обращения, переходящего грань тяжести, установленную Ст. 3 ЕКПЧ. Более того, в данном случае, законная цель экстрадиции может быть достигнута другими средствами, в частности, путем высылки г-на Серинга для суда в ФРГ, где подобного риска не будет. В соответствии с этим Суд пришел к выводу, что решение выдать заявителя в США будет, в случае исполнения, нарушением Ст. 3 ЕКПЧ.

Что касается жалобы заявителя по поводу потенциального нарушения его права на защиту в случае его выдачи, Суд не отрицал, что этот вопрос может возникнуть в исключительном случае в рамках Ст. 6 ЕКПЧ при принятии решения об экстрадиции в обстоятельствах, когда скрывается от следствия и суда лицо, которое может подвергнуться явному отсутствию справедливого судебного разбирательства в стране, куда он должен быть выдан. Однако, факты этого дела не подтверждают такой возможности. Соответственно, такой вопрос в рамках Ст. 6.3.c не возникает.

В заключении Суд должен был установить, было ли г-ну Серингу обеспечено «эффективное средство защиты» (Ст. 13 ЕКПЧ) в Соединенном Королевстве в отношении его жалобы в рамках Ст. 3 ЕКПЧ. Суд отметил, что Ст. 13 гарантирует доступность на национальном уровне средства для того, чтобы применить сущность прав и обязательств в силу Конвенции вне зависимости от формы, в который они могут быть гарантированы в национальной правовой системе. В правовой системе Великобритании главным средством обжалования решения об экстрадиции, если оно принято, является судебный контроль. Если серьезный риск бесчеловечного и унижающего достоинство обращения установлен, английский суд может в рамках своих полномочий по судебному пересмотру признать недействительным решение о выдаче индивида в другую страну, учитывая, что при всех обстоятельствах дела это не будет решением, которое может быть принято министром внутренних дел. Даже если Конвенция не является частью законодательства Великобритании, Суд был удовлетворен тем, что английские суды будут пересматривать «обоснованность» решения о выдаче в свете факторов любого рода, относящихся к г-ну Серингу в контексте Ст. 3 ЕКПЧ. Более того, он подчеркнул, что в целях, стоящих перед Ст. 13 ЕКПЧ, эффективность средств не зависит от предсказуемости благоприятного исхода. В обстоятельствах данного дела заявление г-на Серинга о судебном надзоре не было рассмотрено положительно, ибо жалоба была преждевременна, поскольку министр к тому времени не принял своего решения. Суд пришел к выводу, что г-н Серинг имел бы эффективное средство защиты, доступное ему в рамках английского права в отношении его жалобы по Ст. 3 ЕКПЧ, если бы он сделал заявление о судебном рассмотрении в надлежащий момент. Согласно этому, нарушения Ст. 13 ЕКПЧ не было.

Идентификационный номер: ECH-1989-S-002

Эрикссон против Швеции

Краткая аннотация

Запрет для матери забирать дочь из дома попечителей на свидания и другие меры, принятые после окончания действия государственного опеки и попечительства над дочерью, были квалифицированы как нарушение права на семейную жизнь, поскольку они не были соразмерны преследуемой законной цели.

Невозможность судебной защиты права матери на посещение своей дочери во время действия запрета на задержание к себе нарушило право заявительницы на доступ к правосудию.

Ввиду того, что вопрос о религиозном образовании ребенка никогда не затрагивался на уровне национальных властей, жалоба матери на нарушение ее права дать дочери религиозное образование согласно ее убеждениям была необоснована. Поэтому нарушение права на образование не было установлено.

Сокращенное содержание

В 1978 году Социальный совет округа Лидинг взял под социальную опеку Лизу Эрикссон, когда ей было меньше одного месяца, и поместил ее в дом семьи попечителей. В это время ее мать Сесилия Эрикссон находилась в 14-месячном заключении за торговлю краденными вещами и за хранение наркотиков. В 1979 году Сесилия вышла замуж за отца Лизы.

К январю 1983 года условия в доме Эрикссон значительно улучшились, и Социальный совет принял решение о прекращении опеки. Однако, он запретил Сесилии (в силу Раздела 28 Закона о социальных услугах) забирать Лизу на свидания из дома семьи попечителей. Приняв решение, что они встретятся один раз до 1 марта 1983 г., Совет истребовал рекомендации из детско-подростковой психиатрической клиники г. Халмстада по поводу их будущих контактов. На их основе он принял решение, что Сесилия Эрикссон должна иметь право визита к своей дочери в доме попечителей один раз в два месяца.

Разбирательство в административных судах, возбужденное по заявлению Сесилии Эрикссон, обжаловавшей запрещение забирать ребенка на свидания, закончилось в 1984 г. отказом. Аналогичным образом было отклонено Социальным советом округа ее ходатайство забрать ребенка к себе в январе 1985 г. на основе того, что психическое состояние ребенка подвергнется риску, если она будет забрана из дома попечителей. Сесилия Эрикссон подала жалобу в административный суд округа с требованием о признании недействительным решения о запрете забирать ребенка на свидания и о его возвращении на основе положений Родительского кодекса. Сесилия Эрикссон отозвала свою жалобу 8 октября 1985 г. предположительно потому, что Социальный совет сообщил ей, что она не будет иметь возможности встречаться с дочерью один на один, если будет настаивать на продолжении разбирательства по этим вопросам.

Прежде чем отозвать свою жалобу, Сесилия Эрикссон подала запрос в Социальный совет о праве на посещение дочери два раза в месяц. 16 августа 1985 г. Совет принял решение не высказывать свое мнение ни о посещениях, ни об их частоте. Он заметил, что не может указать какого-либо пути обжалования такого положения, так как не было правовой нормы, на основе которой решение о доступе может быть основано.

Сесилия Эрикссон расторгла брак в 1986 г. и получила право на опеку над Лизой и ее младшим братом. 15 января 1987 года она внесла новое ходатайство в Социальный совет о том, чтобы снять запрет забирать Лизу из семьи попечителей. 5 июня 1987 г. Исследовав возможные психические последствия такой меры для Лизы, Социальный совет принял решение не снимать запрета на ее задержание из семьи попечителей. Сесилия Эрикссон обратилась в административный суд округа Стокгольма. Одновременно она сделала заявление с тем, чтобы немедленно забрать себе Лизу (глава 21, Раздел 7, Родительский кодекс). В удовлетворении

обоих заявлений было отказано 15 июня 1988 г. В октябре 1988 г. Верховный административный суд отклонил жалобу Сесилии Эрикссон на решение апелляционного административного суда. Ее заявление о пересмотре решения Верховного административного суда также было оставлено без удовлетворения 9 декабря 1988 года.

Социальный совет возбудил в 1987 г. дело в окружном суде с тем, чтобы опека над Лизой перешла к семье попечителей. Это разбирательство продолжалось, когда Сесилия Эрикссон подала заявление в Комиссию.

Суд по Правам Человека напомнил, что его задача не заключается в том, чтобы *in abstracto* осуществлять надзор за шведским законодательством о защите детства, и подчеркнул, что ограничивает себя рассмотрением конкретного дела. Поэтому он должен определить, привело ли применение к г-же Эрикссон (первая заявительница) и ее дочери (вторая заявительница) положений шведского законодательства и практики по опеке и попечительству над детьми к нарушению Конвенции.

Суд отметил, что решение о запрете для матери забирать дочь из дома семьи попечителей и сохранение этого запрета в течение более чем 6 лет, а затем запрет на воссоединение двух заявителей имели характер вмешательства в их личную и семейную жизнь. Ограничение на встречи матери с дочерью представляли собой отдельное вмешательство. Хотя положения соответствующего законодательства Швеции являются скорее общими, Суд придерживался мнения, что законодательство было достаточно точным в отношении вмешательства в форме запрета забирать ребенка, и может рассматриваться как «предусмотренное законом». Суд, однако, отметил, что в национальном законодательстве не было правовой основы для ограничения посещений. Тем не менее, он считал, что вмешательство преследовало законную цель по защите здоровья и прав дочери. В заключении, учитывая пределы усмотрения государства, изначальное решение запретить забирать дочь может рассматриваться как «необходимое в демократическом обществе».

Суд подчеркнул, что право матери на уважение семейной жизни включало в себя ее право принимать меры с тем, чтобы вновь совместно проживать со своей дочерью. В данном случае у нее не было установленного законом права на посещение дочери во время действия запрета на задержание. Более того, обстоятельства дела доказывают, что у нее было отторгнуто до определенной степени право встречаться со своей дочерью. Большое депрессивное влияние на обеих заявительниц строгих и продолжительных мер по ограничению на встречи в совокупности с большой продолжительностью этих мер были оценены Судом как несоразмерные по отношению к преследуемой законной цели. В соответствии с этим, Суд пришел к выводу, что право на уважение семейной жизни обеих заявительниц, и, следовательно, Ст. 8 ЕКПЧ, были нарушены.

По отношению к Ст. 6.1 ЕКПЧ Суд должен был исследовать, было ли г-же Эрикссон гарантировано право на справедливое административное разбирательство в ходе ее первого обжалования запрета на задержание. Рассматривая все стадии разбирательства в целом, Суд пришел к выводу, что они совместимы со Ст. 6.1 ЕКПЧ. Тем не менее, в свете решения, принятого Верховным административным судом в 1988 году (дело Олссон), Европейский Суд по Правам Человека согласился с утверждением г-жи Эрикссон, что не существует доступных ей судебных средств по обжалованию ограничений на визиты. Следовательно, нарушение Ст. 6.1 ЕКПЧ имело место: в этой связи перед лицом отсутствия средств обжалования ограничений на визиты было нецелесообразным рассматривать жалобу в рамках Ст. 13 ЕКПЧ.

В заключении г-жа Эрикссон указала в заявлении, что запрет забирать к себе дочь из семьи попечителей и ограничение на посещение дочери лишили ее возможности дать дочери образование в соответствии со своими убеждениями (Ст. 2 Протокола 1 ЕКПЧ). В связи с тем, что вопрос о религиозном воспитании Лизы никогда не рассматривался на уровне национальных властей, Суд высказал мнение, что жалоба г-жи Эрикссон на нарушение Ст. 2 Протокола 1 ЕКПЧ необоснованна.

Идентификационный номер: ECH-1989-S-001

Хаушильдт против Дании

Краткая аннотация

Вынесенные обвинительный приговор заявителю суды, в заседаниях которых приняли участие некоторые из судей, ранее участвовавшие в принятии решений по производству следствия по этому делу, включая, решения о содержании под стражей в ходе следствия, не соответствуют требованию «беспристрастности».

Сокращенное содержание

Г-н Хаушильдт был арестован 31 января 1980 г. по обвинению в экономических правонарушениях. Решение о мере пресечения в виде временного содержания под стражей было принято судьей городского суда Копенгагена и подлежало ежемесячной судебной проверке. Заявитель находился под стражей непрерывно в ходе следствия и в течение судебного разбирательства, которое началось в городском суде 27 апреля 1981 года. Большинство ордеров на продолжение содержания под стражей, основанных на Разделах 762-1 и 762-2 Закона о судебной организации, были подписаны судьей городского суда, который затем принял участие в судебном заседании. 1 ноября 1982 г. заявитель был признан виновным и приговорен к семи годам лишения свободы.

Заявитель подал апелляционную жалобу. До и в ходе производства по апелляционной жалобе некоторые решения по поводу его содержания под стражей были приняты на основе Разделов 762.1 и 762.2 Закона о судебной организации некоторыми из судей, которые затем приняли участие в заседании по рассмотрению жалобы. 2 марта 1984 г. Верховный суд подтвердил вину по шести пунктам обвинения из восьми и снизил меру наказания заявителю до 5 лет лишения свободы.

В отношении предполагаемого нарушения Ст. 6-1 ЕКПЧ права на справедливое судебное разбирательство Суд подчеркнул, что его задача заключается не в том, чтобы подвергать пересмотру соответствующие право и практику *in abstracto*, а в том, чтобы определить, дает ли подход, на основе которого они применялись или касались заявителя, основания говорить о нарушении Ст. 6-1 ЕКПЧ.

Суд напомнил, что непристрастность определяется как субъективной проверкой (на основе личного убеждения конкретного судьи в данном деле), так и объективной проверкой (проверкой того, представляет ли судья гарантии, достаточные для исключения каких-либо законных сомнений в этом отношении).

В отношении первого критерия Суд считал, что не было доказательств какой-либо личной пристрастности со стороны судей, о которых идет речь.

В отношении объективной проверки, Суд исследовал, существовали ли достоверные факты, которые могут породить сомнения в отношении непристрастности упомянутых судей. В этой связи даже внешняя сторона может иметь определенную значимость: под вопросом находятся уважение и авторитет, которые суды в демократическом обществе должны внушать общественности, и, прежде всего, обвиняемому, если речь идет об уголовном деле. Принимая в данном случае решение о том, было ли обоснованное опасение, что конкретный судья не являлся достаточно непристрастным, Суд должен был установить, было ли восприятие заявителя в этом отношении объективно обоснованным.

Суд выразил мнение, что в правовой системы Дании участие судьи первой инстанции или судьи апелляционной инстанции в принятии досудебных решений, в частности, о содержании под стражей в ходе следствия, не говорит сам по себе о том, что опасения по поводу их непристрастности оправданы.

Однако, Суд признал, что в данном случае были особые обстоятельства, которые привели к другим выводам. В нескольких случаях перед открытием соответствующих судебных заседаний, как судья городского суда, так и некоторые из судей Верховного суда, обосновали свои решения о содержании заявителя под стражей на основе раздела 762.2 Закона о судебной организации. Прежде, чем сослаться на это положение, судья должен удостовериться в том, что есть «особо убедительное подозрение» в совершении правонарушения подозреваемым. Это выражение было официально прокомментировано как «требующее очень высокой степени ясности» по вопросу о вине. Таким образом, разница между вопросами, которые должны быть решены при применении этой нормы и вынесении судебного решения, стала незаметной.

Суд, в соответствии с этим, счел, что при таких обстоятельствах дела беспристрастность данных судов могла показаться вызывающей сомнения, и что опасения заявителя в этом отношении могут рассматриваться как объективно обоснованные. Поэтому нарушение Ст. 6-1 ЕКПЧ в данном деле имело место.

Идентификационный номер: ECH-1988-S-008

Бербера, Мессега и Хабардо против Испании

Краткая аннотация

В ходе уголовного следствия по делу лиц, подозреваемых в совершении террористического акта, повлекшего за собой гибель человека, соображения краткости судебного заседания, запоздалое этапирование на длительное расстояние обвиняемых, неожиданные изменения в составе суда, произошедшие непосредственно перед открытием слушаний, и, прежде всего, факт того, что очень важные доказательства не были адекватно представлены и обсуждены на публичном заседании в присутствии обвиняемых, будучи вместе взятыми, нарушают право на справедливое судебное разбирательство в беспристрастном суде.

Право на презумпцию невиновности предполагает, чтобы бремя доказывания несла сторона обвинения и чтобы существовала возможность для равного заслушивания свидетелей, как защиты, так и обвинения. Презумпция может быть нарушена уже только в результате того, что судья, делая заявление до вынесения приговора, подразумевает вину ответчика.

Сокращенное содержание

Г-да Бербера, Мессега и Хабардо были арестованы в Барселоне в 1980 году в ходе следствия по убийству каталонского предпринимателя. Находясь под стражей в Барселоне, они подписали заявление о признании своего участия в убийстве. Впоследствии перед следственным судьей они отказались от своих признаний и показали, что на них оказывалось давление.

Дело было передано 12 января 1982 г. на судебное разбирательство первой секции уголовной палаты суда *Audencia nacional*,^[19] находящегося в Мадриде. Заседание было назначено на 12 января 1982 г. Вслед за подготовительной встречей между защитником и председателем суда заявители были отправлены этапом вечером 11 января из Барселоны и доставлены в следственный изолятор в Мадриде рано утром, всего за несколько часов до слушаний. Заявители принесли жалобу, что были вынуждены принять участие в судебном заседании в изнуренном состоянии.

Тем же самым утром, председательствующий и один из судей были заменены: защита не была оповещена о замене.

Суд длился один день. Из трех вызванных государственным обвинением очевидцев-свидетелей только один смог прибыть в Мадрид. Он дал показания, но не сумел опознать обвиняемых. Единственным документальным доказательством, представленным государственным обвинителем, была копия уголовного дела. Все стороны согласились рассматривать материалы дела как уже представленные в рамках процедуры *por reproducida*. В соответствии с этой процедурой, материалы дела не оглашались в суде. Они содержали решающее показание г-на Мартинеза Вендрелла, который был первым лицом, обвинившем заявителей. Он отсутствовал на судебном заседании.

Audencia nacional приговорил 15 января 1982 года г-на Хабардо к двенадцати годам и одному дню заключения за соучастие и укрывательство преступления, а других заявителей - к тринадцати годам лишения свободы за убийство.

Заявители затем принесли кассационные жалобы, но они не были удовлетворены, за исключением жалобы г-на Хабардо, чья мера наказания была сокращена до 6 лет в силу переквалификации его преступного деяния в помощь вооруженным бандам. 20 апреля 1983 года Конституционный суд оставил жалобу заявителей без рассмотрения как недопустимую.

Суд по Правам Человека должен был, прежде всего, установить, была ли заявителям предоставлена возможность справедливого судебного разбирательства, гарантированного Ст. 6-1 ЕКПЧ.

Исследуя предполагаемую предвзятость *Audencia nacional*, Суд не счел, что изменения в составе суда были такими, чтобы вызывать сомнения в его беспристрастности. Однако, изменения должны рассматриваться с точки зрения возможных последствий для справедливости разбирательства.

По вопросу о жалобах в отношении замены председательствующего Суд согласился с предварительным возражением^[20] по поводу неисчерпания внутренних средств, ибо во время заседания ему не был заявлен отвод по мотивам очевидной неприязни с его стороны.

Суд затем обратился к исследованию вопроса о справедливости судебного разбирательства и установлении порядка исследования доказательств. Суд признал, что положения заявления Испании о признании права на индивидуальное обращение в Европейскую Комиссию по Правам Человека не предусматривают рассмотрения событий до 1 июля 1981 г. Суд, однако, признал, что может исследовать разбирательство в целом с тем, чтобы оценить его справедливость.

Что касается существа дела, то Суд признал, что, хотя изучение и оценка доказательств входит в полномочия национальных судов, Суд должен установить, были ли разбирательства в целом справедливыми согласно Ст. 6-1 ЕКПЧ, включая то, каким образом доказательства обвинения и защиты были представлены. В данном случае Суд счел, что этапирование обвиняемых в Мадрид всего за несколько часов до открытия суда было обстоятельством, достойным сожаления, которое ослабило их позицию в жизненно важный момент. Более того, замена председательствующего и одного из судей без уведомления застало заявителей врасплох, и они обоснованно могли опасаться, что новый председательствующий был незнаком с несомненно сложным делом.

Что касается установления порядка исследования доказательств, то Суд счел, что в уголовных делах истребование и представление доказательств должны рассматриваться в соответствии со Ст. 6-2 и 6-3 ЕКПЧ.

Суд обратил внимание, что Ст. 6-2 ЕКПЧ, содержащая принцип презумпции невиновности, требует, среди прочего, чтобы бремя доказательств лежало на обвинении, и любые сомнения толковались в пользу обвиняемого. В данном случае государственный обвинитель не конкретизировал доказательства, на которых он основывался, делая тем самым задачу защиты заявителя более сложной.

Суд напомнил, что Ст. 6-1 ЕКПЧ, рассматриваемая в совокупности со Ст. 6-3-d ЕКПЧ, требует, чтобы обвиняемый имел возможность защищать себя сам лично или с правовой помощью адвоката. В этих целях должно существовать равное обращение с обвинением и защитой по отношению к допросу свидетелей. Более того, все доказательства должны быть в принципе представлены в присутствии обвиняемого на публичных слушаниях с целью обеспечения состязательности представления аргументов. Суд счел, что допрос свидетелей, в той форме, в какой он был проведен в данном деле, был осуществлен в соответствии с этими требованиями.

Однако, по отношению к документальным доказательствам использование процедуры *por reproducida* привело к допуску большого количества доказательств без

их оглашения общественности. Хотя обвиняемые имели право отказаться от зачитания материалов своего дела, отказ должен был быть выражен в неоспоримой форме. В данном случае его нельзя было просто вывести из согласия заявителей на процедуру *por reproducida*, когда они тем самым согласились не оспаривать содержание материалов, в то время как на них опиралась сторона обвинения.

В Испании даже стадия предварительного следствия по уголовным делам сама по себе имеет состязательный характер. Так, обвиняемый может прибегать к услугам своего защитника по любому касающемуся его процессуальному действию. Суд отметил, что в данном деле заявители могли принять участие в разбирательстве только за один месяц до его окончания, когда дело вел следственный судья в Барселоне. У них, тем самым, не было достаточно времени представить доказательства в подтверждение собственного понимания следствия по делу, которое по сути велось главным образом в Мадриде. Государственный обвинитель не представил также доказательства во время предварительного следствия. Следовательно, Суд пришел к выводу, что недостатки на уровне проведения судебного заседания не были по существу обеспечены процессуальными гарантиями на стадии следствия.

Что касается показаний г-на Мартинеза Вендрелла, правительство не может нести ответственность за его отсутствие на слушаниях 12 января. Между тем следственный судья был не прав, поскольку не обеспечил заявителям после их ареста возможности очной ставки с этим ключевым свидетелем.

В заключении Суд указал, что обстоятельства признаний обвиняемых дают основания для сомнений.

В свете обстоятельств дела Суд счел, что разбирательство перед *Audencia nacional* не отвечает требованиям справедливого и публичного слушания. Ст. 6-1 ЕКПЧ была, тем самым, нарушена.

В отношении Ст. 6-2 ЕКПЧ Суд счел, что в данном деле ее нарушения не было. Он заявил, что презумпция невиновности была бы нарушена, когда до судебного признания подсудимого виновным касающееся его решение судебных органов отражало бы мнение, что он виновен. Доказательство наличия такого мнения отсутствовало в данном деле.

Идентификационный номер: ECH-1988-S-007

Броугэн и другие против Великобритании

Краткая аннотация

Арест и временное содержание под стражей лиц, подозреваемых в соучастии в совершении террористических актов в Северной Ирландии Раздел 12 Закона 1984 г. о предотвращении терроризма (временные положения) без доставления к судье или другому должностному лицу в минимальном случае в течение четырех дней и шести часов нарушает право на свободу или личную неприкосновенность лица в силу того, что доставление к судье не было достаточно незамедлительным в смысле Конвенции по Правам Человека и дает основание для жалобы о возмещении ущерба независимо от того, есть ли правовые основания для предъявления подобной жалобы на национальном уровне.

Сокращенное содержание

Заявители, г-н Теренс Броугэн, г-жа Дермот Койль, г-н Уильям Макфадден и г-н Майкл Трейси являются гражданами Великобритании, проживающими в Северной Ирландии.

Осенью 1984 года они были арестованы в силу Раздела 12 Закона 1984 г. о предотвращении терроризма (временные положения) на основе обоснованного подозрения в участии в совершении террористических актов, связанных с Северной Ирландией. Терроризм определяется в законе 1984 г. как «использование насилия с целью запугивания общественности или части общественности». Решением государственного секретаря по внутренним делам начальный, разрешенный законодательством период содержания 48 часов во всех случаях был превышен. Все четыре лица были допрошены в отношении конкретных террористических актов, но ни одному из них не было предъявлено обвинение, и ни один не предстал перед судебными властями перед освобождением.

По мнению Суда, в данном случае не было нарушения Ст. 5-1 ЕКПЧ (право на свободу и личную неприкосновенность). Ст. 5-1-с ЕКПЧ требует существования «обоснованного подозрения в совершении правонарушения». Хотя Закон 1984 года не требовал такого подозрения для применения в конкретном преступлении, Суд счел, что определение в законодательстве терроризма должно применяться в отношении понятия Конвенции «правонарушение» в смысле данной статьи. В дополнение к этому, каждый заявитель допрашивался по вопросу участия в конкретных преступлениях всего лишь несколько часов спустя после ареста.

В отношении вопроса, арестовала ли полиция в данном случае заявителей с целью их доставления к уполномоченному судье в соответствии со Ст. 5-1-с ЕКПЧ, Суд подчеркнул, что существование цели арестов должно рассматриваться независимо от ее достижения. Суд установил, что не было оснований считать, ни что следственная полиция не действует добросовестно, ни что задержание заявителей не имело в качестве дальнейшей цели проведения расследования путем подтверждения или опровержения конкретных подозрений, которые, по мнению Суда, руководили их арестом.

В отношении предполагаемого нарушения Ст. 5-3 ЕКПЧ (право на незамедлительное доставление к судье или другому должностному лицу, уполномоченному законом осуществлять судебные функции, или на освобождение до суда), Суд принял решение, что в данном случае нарушение имело место. Суд истолковал английское слово «незамедлительно» (*promptly*), прочитанное в свете соответствующего слова во французском тексте (*aussitôt*), которое буквально означает «сразу же», как предоставляющее возможность только ограниченной степени гибкости. Более того, в то время как, смысл незамедлительности должен определяться в конкретных обстоятельствах дела, он не должен доводиться по сути дела до отрицания права государства осуществления быстрого освобождения или быстрого доставления к судье или другому должностному лицу. В условиях существования гарантий министерского контроля в Северной Ирландии, постоянного внимания к потребностям специального антитеррористического законодательства со стороны парламента и постоянного надзора за их деятельности независимыми лицами, Суд признал, что ситуация с терроризмом в Северной Ирландии может иметь своим следствием продление допустимого периода задержания полицией лиц, подозреваемых в совершении серьезных террористических актов, перед доставлением к судье или другому должностному лицу. Однако, Суд счел, что в данном случае даже самый краткий из четырех периодов задержания (четыре дня и шесть часов) не соответствует строгим ограничениям, налагаемым понятием «незамедлительности». Несомненный факт того, что арест и задержание были вызваны определенной законом целью по защите сообщества в целом от терроризма, не был сам по себе достаточным для обеспечения соблюдения Ст. 5-3 ЕКПЧ.

В отношении Ст. 5-4 ЕКПЧ (право на обжалование процессуальных вопросов и вопросов по существу дела, которые являются важными для «законности» задержания в смысле Конвенции), Суд подчеркнул, что это требование выполнялось в судах Северной Ирландии в силу положений *habeas corpus*. Поскольку заявители в данном случае не сделали попытки прибегнуть к этому праву, нет возможности установления нарушения Ст. 5-4 ЕКПЧ.

В заключении Суд подтвердил, что право на возмещение ущерба за нарушение Ст. 5 ЕКПЧ, упомянутое в Ст. 5-5 ЕКПЧ, применяется в данном случае независимо от того, давало ли установленное нарушение право на основанную на законе жалобу в национальных судах.

Идентификационный номер: ECH-1988-S-006

Салабиакку против Франции

Краткая аннотация

Осуждение лица за таможенное правонарушение, выразившееся в контрабандном перевозе товаров, запрещенных Таможенным кодексом Франции, требующим

только доказательство того, что лицо всего лишь владело запрещенными товарами с целью установления его уголовной ответственности, не нарушает право на презумпцию невиновности до того времени, пока вина не будет установлена судом, учитывая, что национальные суды, по всей видимости, установили в данном случае элемент умысла.

Сокращенное содержание

Г-н Амоси Салабаику, проживающий в Париже гражданин Заира, подвергся краткосрочному задержанию после того, как он взял в аэропорту Руасси сумку, содержащую, как оказалось при проверке, 10 килограмм конопли, спрятанной среди продуктов питания. Хотя сумка не имела обозначений, что принадлежит лично заявителю, и служащий авиакомпании посоветовал ему не рисковать забирать ее, заявитель все-таки пошел на то, чтобы взять ее с собой через проход аэропорта «Без таможенной декларации» («Зеленый коридор»). Суд первой инстанции г. Бобиньи признал 27 марта 1981 г. его виновным в совершении, во-первых, уголовного правонарушения по незаконному импорту наркотиков и, во-вторых, в нарушении таможенных правил в форме контрабанды запрещенных товаров. Апелляционный суд Парижа снял обвинение заявителя по уголовному делу, но оставил в силе вменяемое нарушение таможенного законодательства. 21 февраля 1983 г. жалоба заявителя была отклонена Кассационным судом. Этот суд обосновал свое решение на Ст. 392.1 Таможенного кодекса, согласно которому «лицо, обладающее контрабандными товарами, рассматривается как отвечающее за правонарушение». Он считал, что заявитель не сумел доказать обстоятельства *force majeure*, которые освободили бы его от вины.

Суд подтвердил, что Ст. 6 ЕКПЧ (право на справедливое судебное разбирательство) применима в деле заявителя факт, который не вызывал разногласий. Во всяком случае Суд установил, что положения о санкциях французского таможенного законодательства, представляющие, согласно самим этим положениям, особую отрасль уголовного права во Франции, могут дать основания для квалификации этих норм в качестве «уголовных обвинений» в смысле Ст. 6 ЕКПЧ.

Суд, прежде всего, подтвердил, что в данном случае, заявитель был признан виновным не только во владении незаконно импортируемыми товарами, но и в их контрабанде. Правовая презумпция его ответственности за контрабанду, которая привела к установлению его вины, происходила, таким образом, из факта владения этими товарами.

Суд отметил, что это изменение в толковании иллюстрирует относительный характер различия между презумпцией ответственности и презумпцией вины. Он считал, что государства-участники были свободны, ввиду различных условий, устанавливать факт правонарушения на основе объективного факта как такового, вне зависимости от того, происходит ли он из уголовно наказуемого умысла или из неосторожности. Взгляд такого рода не противоречит Конвенции в принципе, но государства-участники несут обязательство в отношении уголовного права оставаться в разумных пределах, которые должны учитывать значимость существа дела и соблюдать права защиты.

В данном случае «лицо, которое владеет», хотя и рассматривается как ответственное за правонарушение», может воспользоваться смягчающими вину обстоятельствами, перечисленными в Ст. 369.1 Таможенного кодекса. Более того, оно может даже быть оправдано, если сумеет доказать обстоятельства *force majeure*. В данном деле французское правительство подчеркнуло, что французские суды пользовались значительной свободой усмотрения в этой области, в частности, в том, что обвиняемый может воспользоваться правом на сомнение, толкуемое в пользу подсудимого, даже в случае «строгой ответственности» [21] за правонарушение, совершенное с умыслом.

Суд отметил, что не требовалось рассматривать *in abstracto* степень, в которой соответствующие нормы Таможенного кодекса согласуются с Конвенцией, но скорее то, был ли способ, которым они применялись в отношении заявителя, в согласии с принципом презумпции невиновности, гарантированным Ст. 6-2 ЕКПЧ. Поскольку суды, по всей видимости, установили в обстоятельствах данного дела элемент умысла, хотя при вынесении приговора они не были обязаны делать это, Суд заявил, что в данном случае уполномоченные французские суды применили Ст. 392.1 Таможенного кодекса путем, который согласуется с принципом презумпции невиновности. Суд, поэтому, пришел к выводу, что нарушения Ст. 6-2 ЕКПЧ не было.

Идентификационный номер: ECH-1988-S-005

Беррехаб против Нидерландов

Краткая аннотация

Отказ в предоставлении вида на жительство иностранцу после расторжения брака с его женой, состоящей в гражданстве Голландии, и распоряжение об экспатриации в то время, как его малолетняя дочь проживала в Нидерландах, были квалифицированы в качестве нарушения права на уважение семейной жизни.

Сокращенное содержание

Гражданин Марокко, г-н Абделла Беррехаб заключил брак с гражданкой Нидерландов Соней Костер в 1977 году. В 1979 году у них родилась дочь Ребекка, также гражданка Нидерландов. Поскольку ее родители незадолго до этого расторгли брак, нидерландские власти отказали заявителю в возобновлении разрешения на проживание, выданное в силу Закона 1965 г. об иностранцах, и в 1984 году депортировали его. В это время он и его дочь подавали жалобы на последствия этих двух мер в отношении их семейной жизни.

Г-н А. Беррехаб вновь заключил брак с госпожой Костер в 1985 г. На этом основании ему было разрешено пребывать в Нидерландах «в целях проживания с женой, состоящей в гражданстве Нидерландов, и работы в это время».

Суд обратился прежде всего к вопросу применимости Ст. 8 ЕКПЧ (право на уважение личной и семейной жизни) в данном случае. Суд не считал совместное проживание родителей и малолетних детей условием *sine qua non* семейной жизни. Из концепции семьи, на которой основывается Ст. 8 ЕКПЧ, ребенок, родившийся от законного брака, является *ipso facto* частью этих отношений. С момента и в силу самого факта этого рождения, между ним и его родителями существует связь, которая рассматривается как «семейная жизнь», даже если родители в этот момент не живут вместе. Последующие события, конечно, могут разорвать эту связь, но этого не было в данном случае ввиду того, что г-н Абделла Беррехаб высоко ценил возможность быть рядом со своей дочерью.

Суд считал, что отказ в предоставлении г-ну Беррехабу нового вида на жительство после развода и последующая депортация по сути дела лишили заявителей возможности поддержания регулярных контактов друг с другом, которые были действительно существенными по причине малолетнего возраста ребенка. Исследуемая мера представляла собой, тем самым, вмешательство в осуществление права на уважение семейной жизни в смысле Ст. 8-1 ЕКПЧ.

В вопросе об обосновании вмешательства в семейную жизнь органа государственной власти в силу Ст. 8-2 ЕКПЧ хотя Суд и пришел к выводу, что меры, предпринятые в отношении г-на А. Беррехаба, были несомненно, «предусмотрены законом» (в силу Закона 1965 г.) «в интересах экономического благосостояния страны» (определенная законом цель последовательной иммиграционной политики Нидерландов), он не считал, что эти меры были в действительности необходимы. При всем том, что в функции Суда не входило вынесение решения о политике Нидерландов в области иммиграции и пребывания иностранцев, именно Суду надлежало оценить преследуемую законную цель перед лицом серьезности вмешательства в право заявителя на уважение семейной жизни. Исходя из этого, Суд пришел к выводу, что предпринятые меры были несоизмеримы преследуемой законной цели. Поскольку предпринятые меры не были необходимы в демократическом обществе, нарушение Ст. 8 ЕКПЧ имело место.

Идентификационный номер: ECH-1988-S-004

Шененбергер и Дурмаз против Швейцарии

Краткая аннотация

Задержание письма, адресованного адвокатом лицу, находящемуся под стражей, учитывая, что его содержание не представляло угрозы для нормального проведения следствия по делу и что адвокат действовал на основе поручения супруги этого лица, не является оправданным в демократическом обществе и нарушает право на свободу переписки.

Сокращенное содержание

Г-н Шененбергер, цюрихский адвокат, обратился с письмом (через секретариат прокурора округа) к г-ну Дурмазу, находившемуся под стражей. Он сообщил г-ну Дурмазу, что г-жа Дурмаз обратилась к нему с просьбой вести его защиту и просит г-на Дурмаза вернуть подписанные должным образом формуляры, приложенные к его письму, с разрешением действовать по его поручению, если г-н Дурмаз желает, чтобы он действовал по его поручению. Прокурор округа Пффеффикон (кантон Цюрих) решил не пересылать письмо и приложения в связи с тем, что письмо содержало определенный совет по поводу поведения, которого надлежало придерживаться во время следствия по делу.

Заявители безуспешно обращались в департамент юстиции кантона Цюрих и к председателю суда округа Пффеффикон. Они обратились затем в Федеральный суд с публично-правовой жалобой. Последний отменил решение 20 июня 1984 года решение департамента юстиции, постановив, что задержание письма г-на Шененбергера было законным по тем мотивам, что письмо имело отношение к вешущемуся следствию по уголовному делу и содержало совет адресату по поводу образа поведения в ходе расследования. Однако, по его мнению, непересылка формуляров, приложенных к письму, противоречила Конституции. Поскольку эти формуляры не касались предмета вышеуказанного следствия, решение не пересылать их было несоразмерным вмешательством в свободу корреспонденции и в право на защиту.

Перед Судом был поставлен вопрос о задержании письма. Суд пришел к выводу, что вмешательство в право заявителя на уважение его корреспонденции прокурором округа Пффеффикон было осуществлено «в соответствии с законом» и преследовало установленную законом цель в смысле Ст. 8-2 ЕКПЧ (право на тайну корреспонденции), в частности, «предотвращение беспорядков или преступности». Преследование этой цели может, по мнению Суда, оправдать более широкие меры вмешательства в случае лица, которое временно содержится под стражей и против которого ведется следствие по ряду уголовных обвинений, ибо в подобных делах часто имеется риск сговора.

При всем этом, в отношении «необходимости вмешательства в демократическом обществе», Суд напомнил принципы судебной практики, заключающиеся в том, что вмешательство должно быть основано на насущных общественных потребностях и соразмерно законной преследуемой цели. Он считал, что содержание разбираемого письма не могло представлять никакой опасности противоправной связи между отправителем и получателем и не несло в себе угрозы для нормального хода расследования. Г-н Шененбергер рекомендовал, чтобы г-н Дурмаз следовал определенной тактике, в частности, продолжал отказываться давать показания, что является законным само по себе. Суд считал относительно малозначительным то, что письмо было послано адвокатом, который не был формально представителем г-на Дурмаза.

Исходя из сказанного, Суд считал, что вмешательство не было необходимым в демократическом обществе и поэтому противоречило Ст. 8 ЕКПЧ.

Идентификационный номер: ECH-1988-S-003

Мюллер и другие против Швейцарии

Краткая аннотация

Конфискация порнографических картин не нарушила право на свободу выражения.

Сокращенное содержание

Все заявители, за исключением г-на Йозефа Феликса Мюллера, были в 1981 году организаторами выставки современного искусства в бывшей Большой семинарии г. Фрайбурга. Выставка была организована по поводу 500-летия вхождения кантона Фрайбург в состав Швейцарской конфедерации. Г-н Мюллер, художник, проживающий в г. Сан-Галл, был приглашен принять в ней участие и представил три картины.

4 сентября 1981 года уполномоченный судебный следователь распорядился удалить картины г-на Мюллера с выставки и подвергнуть их изъятию. Они подпадали, в его представлении, под действие ст. 204 Уголовного кодекса Швейцарии о непристойных публикациях.

24 февраля 1982 года уголовный суд округа Сарин определили меру наказания в виде взыскания с каждого заявителя штрафа в размере 300 швейцарских франков за совершение правонарушения по ст. 204. В дополнение, он распорядился формально конфисковать упомянутые картины.

Заявители направили апелляционную жалобу, но кантональный суд Фрайбурга в качестве кассационной инстанции, отклонил ее 26 апреля 1982 года. По заявлению, поданному 29 июня 1987 года Йозефом Феликсом Мюллером, уголовный суд округа Сарин распорядился 20 января 1988 года вернуть ему картины: вскоре после этого он их получил.

В своем судебном решении Суд по Правам Человека, прежде всего, констатировал, что Ст. 10 ЕКПЧ (свобода выражения) включает в себя свободу артистического выражения. Затем он должен был определить, было ли ограничение, которому подвергнулся заявитель в осуществлении своего права на свободу выражения признанием виновным и конфискация основаны на Ст. 10.2 ЕКПЧ.

Суд пришел к выводу, что решение об признании виновным и определения наказания были «предусмотрены законом» в смысле Ст. 10.2 ЕКПЧ. Он напомнил, что «многие законы неизбежно выражены в терминах, которые в большей или меньшей степени являются неясными». Он также отметил, что имелись также соответствующие решения Федерального суда о «публикации» «непристойных» вещей, которые дополнили положения ст. 204 УК Швейцарии.

В дополнение, Суд отметил, что судебное признание виновным и определение наказания имело целью защитить общественную мораль и, в соответствии с этим, имели законную цель в смысле Ст. 10.2 ЕКПЧ.

Что касается вопроса, было ли признание виновным и определение наказания «необходимым в демократическом обществе», Суд заявил, что «свобода выражения представляет собой одну из важнейших основ демократического общества» и применяется к информации, даже если она шокирует общество, обижает его или раздражает его или какую-то часть его населения. Таковы требования плюрализма, терпимости и открытости взгляда, без которых не может быть «демократического общества».

С другой стороны, Суд подчеркнул, что будет невозможно найти единообразную концепцию морали в правовом и социальном устройстве различных государств-участников. В силу своей прямой и продолжительной связи с жизненными силами своих стран, судебные органы государства находятся, как правило, в лучшем положении, чем судья международного суда, чтобы выразить мнение о точном содержании таких норм, как и в отношении «необходимости» налагаемых в этой связи «ограничений» или «наказаний».

Суд затем отметил, что в данном случае спорные полотна, которые в грубой форме изображали, в частности, половые отношения между людьми и животными, были свободно доступны широкой общественности без ограничений со стороны организаторов ни в форме платы за вход, ни по возрасту. Ввиду этого является обоснованным, что швейцарские суды сочли, что картины «могли грубо оскорбить представление о правильном ведении половой жизни у людей с обычной

чувствительностью». При таких обстоятельствах, учитывая пределы усмотрения, суды были вправе считать необходимым для защиты морали взыскание штрафа с заявителей за публикацию непристойных материалов. Суд, поэтому, не нашел в данном отношении нарушения Ст. 10 ЕКПЧ.

В отношении конфискации картин было решено, что, поскольку практика применения прецедентов по ст. 204 УК Швейцарии показывает, что в некоторых случаях предметы, рассматриваемые как непристойные, могут быть конфискованы вместо того, чтобы быть уничтоженными, вменяемая конфискация была «предписана законом». Более того, она имела определенную законом цель в смысле Ст. 10.2 ЕКПЧ, ибо была направлена на защиту общественной морали.

В вопросе о «необходимости» конфискации Суд обосновал свое решение на тех же соображениях, что и при мотивировке признания виновным в правонарушении и взыскании штрафа. Хотя картины были авторскими работами (факт, который мог бы создать отдельную проблему), следовало иметь в виду, что конфискация носила не абсолютно окончательную, а неопределенную временную продолжительность. У г-на Мюллера были основания обратиться ранее за их возвращением, и ничто не давало повода думать, что его просьба будет отклонена. Ввиду этого и учитывая пределы усмотрения, швейцарские суды обоснованно пришли к выводу, что конфискация спорных картин была «необходима» для защиты морали. Суд, таким образом, счел, что нарушения Ст. 10-2 в этом отношении не было.

Идентификационный номер: ECH-1988-S-002

Олссон против Швеции

Краткая аннотация

Хотя введение государственными органами опеки и попечительства над детьми заявителей не нарушило их право на семейную жизнь, условия осуществления этой меры представляли собой такое нарушение.

Сокращенное содержание

Заявители, г-н Стиг Олссон и г-жа Гун Олссон, муж и жена, являются гражданами Швеции и живут в Готенбурге. Дело касается трех детей от этого брака (Стефан, Хелена и Томас), родившихся соответственно в 1971, 1976 и 1979 годах.

Социальный окружной суд N 6 Готенбурга принял 16 сентября 1980 г. решение о том, что дети должны быть взяты под опеку и попечительство государства, ибо их развитие было в опасности ввиду того, что они жили в нездоровой обстановке в связи с неспособностью родителей удовлетворить их потребности в заботе, воспитании и присмотре.

В силу решения от 16 сентября 1980 г. об установлении опеки и попечительства Стефан был помещен в воспитательный дом в Готенбурге, находящийся под управлением Совета по вопросам детей с проблемами развития, а после этого он был направлен в дом семьи попечителей на удалении 100 км от дома заявителей в Готенбурге. Он оставался там более двух лет, а затем был переведен в детский интернат, находящийся под управлением того же Совета, на удалении 80 км к северу от Готенбурга.

Хелена и Томас были помещены в отдельные дома семей попечителей, находящиеся в населенных пунктах на удалении 100 км друг от друга и в 600 км от Готенбурга.

Различные ограничения были введены на посещения заявителями детей во время их нахождения под опекой и попечительством.

Решения о попечительстве и опеке были затем подтверждены административным судом округа. Все жалобы заявителей о прекращении опеки были отклонены. В конечном счете, однако, административным апелляционным судом было принято решение о прекращении опеки над Стефаном 16 февраля 1987 г., а в отношении Хелены и Томаса Верховным административным судом - 18 июня 1987 г.

Стефан уже проживал с родителями во время принятия решения суда. 23 июня 1987 года, однако, Совет пересмотрел дело Хелены и Томаса в силу решения Высшего административного суда и запретил заявителям забрать их к себе до последующего уведомления. Жалоба заявителей находилась в ноябре 1987 г. в стадии рассмотрения.

Суд счел, что обжалуемые меры, в частности, решение об опеке и попечительстве, способ его реализации и отказы в окончании государственной опеки и попечительстве над детьми представляли собой вмешательство в право на уважение семейной жизни (Ст. 8 ЕКПЧ), но оно имело установленную законом цель, заключающуюся в защите здоровья и морали, а также прав и свобод других, в данном случае, детей. Ввиду существа вопроса и гарантий, обеспечивающих законность вмешательства, Суд счел, что соответствующее законодательство Швеции, будучи достаточно общим в отношении терминов и предоставляющим широкие пределы усмотрения властям, было достаточно конкретным в отношении оспариваемых ограничений и может рассматриваться как «предусмотренное законом» согласно целям Конвенции.

По поводу того, были ли указанные меры «необходимы в демократическом обществе», Суд напомнил, что его надзор не ограничивается определением, действовало ли государство разумно, тщательно и добросовестно. Он должен был рассматривать решения по данным вопросам в свете обстоятельств дела, взятых в общем и целом, и определить, были ли они вызваны «соответствующими и достаточными» причинами.

В отношении помещения детей под государственную опеку и попечительство и отказов в их снятии, Суд отметил, что заявители были привлечены к вопросу о принятии решений в степени, достаточной для предоставления требуемой защиты своих интересов. Соответствующие решения были основаны на сообщениях социальных служб, которые подтверждались заявлениями лиц, которые были хорошо знакомы с положением вещей. Более того, они были подтверждены судами, которые имели возможность сформировать свое собственное мнение по делу на слушаниях и чьи решения не были пересмотрены в ходе обжалования. При таких обстоятельствах шведские власти, учитывая пределы своего усмотрения, были в разумной степени вправе считать, что установление опеки и попечительства было необходимым. У них также были существенные основания считать, что эти решения должны были основываться в силе. Суд, таким образом, пришел к выводу, что нарушения Ст. 8 ЕКПЧ в отношении этих двух пунктов не было.

В отношении мер, которые было необходимо принять для осуществления государственной опеки и попечительства, Суд, прежде всего, счел, что неудовлетворительность качества попечительства и опеки, которым дети пользовались в домах, в которые они были помещены, не была установлена.

С другой стороны, разделение детей, помещение Хелены и Томаса на большом расстоянии от дома заявителей и ограничения на посещения ими детей затруднили простой и регулярный доступ членов семьи друг к другу и, тем самым, шли вразрез с конечной целью их воссоединения. В этом отношении, оспариваемые меры, которые были частично связаны с административными сложностями, не были вызваны причинами, достаточными для объяснения их соразмерности по отношению к установленной законом цели, исходя из этого, они не были «необходимы в демократическом обществе».

По этим мотивам Суд пришел к выводу о нарушении Ст. 8 ЕКПЧ в вопросе об исполнении решения о попечительстве и опеке.

Идентификационный номер: ECH-1988-S-001

Буамар против Бельгии

Краткая аннотация

Неоднократные помещения (девять раз) несовершеннолетнего подростка в изолятор временного содержания без педагогического наблюдения в качестве временной меры содержания под стражей нарушают право на свободу и личную неприкосновенность.

Неадекватные процессуальные гарантии (среди прочего, отсутствие у заявителя защитника во время слушаний) как в период, предшествующий помещениям, так и во время проверки законности и обоснованности лишения свободы, также нарушают право на свободу и личную неприкосновенность.

Сокращенное содержание

Заявитель, будучи несовершеннолетним во время обжалуемых событий, помещался в период с июня 1977 года по май 1978 года в различные исправительные учреждения для несовершеннолетних лиц в качестве предупредительной меры социального типа, предусмотренной Законом 1965 г. о социальном благополучии детей и лиц подросткового возраста. С июня 1978 года в соответствии с Законом было вынесено несколько судебных постановлений в отношении заявителя.

В 1980 году суды по делам несовершеннолетних лиц предписали целый ряд временных мер, включая 9 помещений в изоляторы временного содержания на срок максимум 15 дней каждое. Все эти меры были предприняты в силу упрощенной процедуры, предусмотренной в разделе 53 вышеуказанного акта. Они были вынесены как ввиду материальной невозможности найти лицо или учреждение, которые могли бы срочно принять несовершеннолетнего подростка, так и в силу его общественно опасного поведения.

В промежутки между этими различными взятиями под стражу суды по делам несовершеннолетних принимали другие постановления и многократно возвращали заявителя к своей семье или отправляли его в государственное воспитательно-исправительное учреждение.

Заявитель обжаловал в апелляционном суде Льежа законность некоторых из этих решений. Все его жалобы были оставлены без удовлетворения на том основании, что они лишены причин для разбирательства, ибо он периодически освобождался решениями судов по делам несовершеннолетних. На тех же основаниях Кассационный суд отклонил три жалобы заявителя, внесенные им по мотивам нарушений процессуального права.

Прежде всего, Суд подчеркнул, что только законность (Ст. 5-1-d ЕКПЧ), включающая соблюдение «установленного законом порядка» лишения заявителя свободы (девять взятий под стражу), подпадает под рассмотрение в данном деле. Законность должна быть истолкована не только как совместимость с национальным законодательством, но и как соответствие меры лишения свободы цели Ст. 5 ЕКПЧ, в частности, защите индивидуума против произвольных действий.

В этой связи решение Суда признало либеральный характер бельгийского законодательства в вопросах подростковой преступности. Будучи направленным на избежание по мере возможности любого лишения свободы лиц несовершеннолетнего возраста, Закон 1965 г. разрешает их содержание под стражей исключительно в случаях, перечисленных в Законе. Хотя раздел 53 Закона является источником дискуссий в Бельгии, материалы дела не дают достаточных оснований для того, чтобы Суд пришел к выводу о незаконности взятий под стражу, проистекающей из несовместимости с внутригосударственным законодательством.

По вопросу произвольности действий Суд отметил, что заявитель перевозился многократно между изолятором временного содержания в г. Лантен и его семьей без того, чтобы следовало применение режима педагогического наблюдения в условиях, предназначенных для этой цели, как это установлено Законом 1965 г. Во время событий этого периода Бельгия не обладала какими-либо учреждениями, отвечавшими целям вышеназванного Закона. Следовательно, безрезультатная серия девяти решений судов по помещению в учреждения, которые не имели соответствующей воспитательной цели, не могут рассматриваться как совместимые со Ст. 5-1-d ЕКПЧ.

Что касается Ст. 5-4 ЕКПЧ (право на проверку законности лишения свободы), правительство Бельгии утверждало, что необходимый контроль «инкорпорирован» в процесс разбирательства в суде по делам несовершеннолетних.

Суд признал, что суд по делам несовершеннолетних является несомненно «судом» с организационной точки зрения. Тем не менее, как это проистекает из его предшествующих решений, вмешательство органа такого рода будет соответствовать требованиям Ст. 5-4 ЕКПЧ только в условиях, когда производство в нем имеет судебный характер и дает индивидууму, который предстает перед Судом, соответствующие гарантии; в данном деле возможность давать лично показания и иметь возможность пользоваться услугами защитника.

В этой связи Суд счел, что, хотя производство в суде имело определенные существенные гарантии, не было установлено, что защитник несовершеннолетнего присутствовал во время заседаний суда перед принятием решений о направлении в изолятор временного содержания или имел доступ ко всем материалам дела. Сам по себе факт, что заявитель, который был весьма юным в это время, лично предстал перед судом по делам несовершеннолетних не является достаточным, чтобы обеспечить ему необходимые гарантии.

По мнению Суда, доступные средства судебной защиты не были совместимы с требованиями Ст. 5-4 ЕКПЧ. Разбирательства в судах по делам несовершеннолетних с целью проверки первоначальных постановлений прошли в отсутствие адвоката заявителя. Что касается апелляционных жалоб в палате по делам несовершеннолетних апелляционного суда, они все были объявлены неподсудными как лишённые причин для разбирательства. Кассационный суд оставил без рассмотрения кассационные жалобы по мотивам нарушений процессуального права при принятии этих судебных решений. Результатом этого являлось то, что правомочные суды не имели возможности быстро проверять законность и обоснованность судебных решений о лишении заявителя свободы. Вследствие этого Суд пришел к выводу о том, что нарушение Ст. 5-4 ЕКПЧ имело место.

Заявитель также жаловался на запрещенную Ст. 14 дискриминацию по тем мотивам, что совершеннолетние лица, содержащиеся под стражей в ходе предварительного следствия, могут воспользоваться быстрым судебным контролем законности и обоснованности их задержания. Суд счел, что шадящий характер разбирательства, применяемого к несовершеннолетним, обеспечивает объективное и разумное обоснование разницы в обращении, а значит нарушения Ст. 14 в данном случае не было.

Идентификационный номер: ECH-1987-S-004

Ф против Швейцарии

Краткая аннотация

Временный запрет для одного из супругов на вступление в новый брак после развода, поскольку его рассматривают как лицо, несущее ответственность за расторжение брака, нарушает право на заключение брака и создание семьи.

Сокращенное содержание

Ф., который был дважды разведен, вновь женился 26 февраля 1983 г., примерно 6 недель спустя после знакомства со своей будущей супругой. 11 марта 1983 года он обратился с заявлением о расторжении брака в гражданский суд Лозанны. Суд удовлетворил заявление о расторжении брака 21 октября и наложил на заявителя обязательство не вступать в брак течение трех лет, применяя ст. 150 Гражданского кодекса Швейцарии, в которой говорится:

«Когда предоставляется развод, Суд определяет период от одного до двух лет, в течение которого виновная сторона не имеет права вновь вступить в брак; когда развод предоставляется вследствие супружеской неверности, этот период может достигать трех лет...»

Ф безуспешно пытался обжаловать это решение в апелляционном суде кантона Вод, а затем в Федеральном суде. Он женился в четвертый раз 23 января 1987 г. Один

месяц спустя от этого брака родился ребенок.

Суд отметил, что право вступать в брак и создавать семью, гарантированное Ст. 12 ЕКПЧ, ведет к последствиям персонального, социального и юридического характера. Оно подпадает под действие национального права государств-участников Конвенции, но ограничения, вводимые на его применение, не должны сокращать или сужать право таким образом и в такой степени, чтобы сама суть права была искажена.

Суд счел, что к запрету, наложенному на заявителя, применяются нормы, регулирующие право на заключение брака, ибо Ст. 12 ЕКПЧ не проводит различия между вступлением в брак и новым заключением брака после развода.

Суд отметил, что период ожидания не существует более в законодательстве других государств-участников. В этом отношении Суд, отсылая к своему прецедентному праву, счел, что Конвенция должна толковаться в свете условий сегодняшнего дня. Однако, факт, что страна находится в изолированном положении в отношении одного аспекта своего законодательства, не означает неизбежно, что этот аспект противоречит Конвенции а fortiori в области, которая настолько тесно связана с культурными и историческими традициями каждого общества и глубоко укоренившимися идеями о семейной ячейке.

Суд подчеркнул, что применяя оспариваемую меру, которая приравнивалась по сути дела к гражданской санкции, суд, постановивший решение о разводе, не ограничился устранением последствий распада семьи; он также оценил прошлое поведение заявителя с тем, чтобы прийти к выводам о его праве на вступление в новый брак.

Суд далее признал, что стабильность брака является законной целью, которая соответствует общественному интересу. Суд выразил, однако, сомнение, что конкретная мера, примененная в данном деле, была целесообразной для достижения этой задачи. В самой Швейцарии два комитета экспертов имели подобные сомнения - они рекомендовали, чтобы ст. 150 Гражданского кодекса была отменена.

Одновременно, Суд не согласился с аргументом правительства, что временный запрет на вступление в новый брак направлен на защиту прав других. Будущая супруга могла считать, что она лично и прямо ущемлена мерой, направленной против заявителя. Поскольку она была совершеннолетней и физически здоровой, ее права никоим образом не были защищены решением, о котором шла речь.

Суд, кроме того, отметил, что интересы ожидаемого ребенка также могут быть затронуты отрицательными последствиями такого запрета. Конечно, концепция «незаконнорожденного ребенка» не существует более в швейцарском праве, но дети, родившиеся вне брака, могут, тем не менее, страдать от некоторых предрассудков и тем самым быть социально ущемлены. При том положении, когда ребенок заявителя был рожден месяц спустя после брака родителей, смерть одного из них и даже промедление в исполнении правовых формальностей могла бы быть достаточной, чтобы рассматривать его как родившегося вне семьи.

Суд отклонил аргумент, что налагаемый срок заставит заинтересованное лицо использовать это время для размышлений и тем самым защитит его от него самого, поскольку этот аргумент не имеет существенного веса в отношении лица, достигшего зрелости и обладающего здравым рассудком. Всякие сравнения с периодом ожидания, требуемым перед судебным расторжением брака, были также расценены в данном случае как неприемлемые. Суд счел эти две ситуации в основе своей различными.

Исходя из этого, обжалуемая мера, которая затрагивает саму суть права на брак, является несоразмерной в отношении преследуемой установленной законом цели. Следовательно, нарушение Ст. 12 ЕКПЧ имело место.

Идентификационный номер: ECH-1987-S-003

Иск против Швеции

Краткая аннотация

Право на справедливое судебное разбирательство и доступ к правосудию применяется к процедурам по обжалованию отзыва административными органами лицензий на использование общественного транспорта

Сокращенное содержание

В 1980г. администрация округа Норрботтен выдала заявителю лицензию на использование транспортного средства в качестве такси и лицензию на перевозку пассажиров на отдельных междугородних автодорогах.

2 апреля 1981 года Транспортная компания округа Норрботтен, которая полностью находилась в собственности администрации и муниципалитетов округа, подала заявление в администрацию округа на получение лицензии для осуществления перевозки пассажиров на тех же определенных междугородних трассах, для работы на которых требовалась выданная заявителю лицензия второго типа. Компания указала, что она предлагает рационализировать существующие услуги путем замены услуг заявителя с помощью автобусных перевозок по контракту с частной транспортной компанией. 17 августа 1981г. администрация округа выдала лицензию Транспортной компании и отозвала лицензию, выданную заявителю.

Заявитель обратился в Совет по транспорту. Он утверждал, среди прочего, что заявление Транспортной компании округа было основано не только на публичном интересе по улучшению транспортных услуг, но и соглашениями между компанией и другими частными транспортными компаниями. Эта жалоба, как и все другие ходатайства к правительству (в Министерство транспорта), были отклонены.

Первый вопрос, который должен был быть решен Судом, заключался в применимости Ст. 6-1 ЕКПЧ права на справедливое судебное разбирательство. В частности, Суд должен был определить, включает ли дело оспаривание ^[22] «гражданских прав и обязанностей». ^[23]

Правительство-ответчик привело довод, что лицензия на осуществление перевозок не представляет собой «право» и что отзыв лицензии зависит, главным образом, от оценки вопросов политики, не подпадающих под судебный контроль.

Суд констатировал прежде всего, что, будучи предметом отзыва, лицензия предоставляет «право» заявителю в форме разрешения на осуществление транспортных услуг в соответствии с предписанными законом условиями. Заявитель мог убедительно и обоснованно утверждать, что, согласно шведскому законодательству, он имел право продолжать свою предпринимательскую деятельность на основе лицензии. Он опротестовывал не только целесообразность решения как вопроса политики, но также и его законность. В дополнение к этому, оспариваемые процедуры были прямо определяющими для права заявителя на лицензию.

Правительство утверждало, помимо этого, что оказание транспортных услуг в Швеции носит главным образом «отпечаток публично-правовой деятельности». Суд, однако, не счел, что черты публичного права, на которые в этой связи ссылается правительство, являются достаточными, чтобы исключить из категории «гражданских прав» в смысле Ст. 6-1 ЕКПЧ права, предоставленные заявителю в силу его лицензии. Право на сохранение лицензии было условием осуществления заявителем права предпринимательской деятельности. В Швеции оказание транспортных услуг частными лицами принимает форму коммерческой деятельности, осуществляемой с целью получения прибыли и основанной на контрактных отношениях между держателем лицензии и пассажирами.

Как признало само правительство, если Суд сочтет Ст. 6-1 ЕКПЧ применимой, это будет означать, что заявителю не было предоставлено гарантий, которые эта статья предполагает и не будет сомнений, что Ст. 6-1 ЕКПЧ была нарушена в данном случае. Тем не менее, Суду было необходимо удостовериться, была ли заявителю предоставлена возможность «права на судебное разбирательство», гарантированного Ст. 6-1 ЕКПЧ. Держатель междугородной транспортной лицензии может оспаривать законность ее отзыва, только обращаясь в Верховный административный суд для нового возбуждения пересмотра дела. Согласно прецедентному

праву Суда, это исключительное средство судебной защиты не отвечает требованиям Ст. 6-1 ЕКПЧ.

Идентификационный номер: ECH-1987-S-002

Леандер против Швеции

Краткая аннотация

Использование информации, содержащейся в секретной картотеке полиции при оценке допуска лица к должности, затрагивающей вопросы государственной безопасности, не нарушает право на частную жизнь. Непредоставление такой информации заинтересованной стороне также не нарушает ее права, признанные Конвенцией в отношении свободы выражения или получения информации.

Сокращенное содержание

В августе 1979 года заявитель г-н Леандер рассматривался как кандидат на работу в музее Военно-морских сил в Карлскроне. Часть помещений музея находилась на территории, прилегающей к военно-морской базе. Как следствие, назначению на пост, на который претендовал заявитель, должен был предшествовать контроль безопасности - так называемый контроль над персоналом, который включает использование данных, содержащихся в секретной картотеке, находящейся в распоряжении полиции безопасности. Проводимая процедура регулировалась главным образом Законом 1969 г. о контроле над персоналом, опубликованном в официальном бюллетене законодательства Швеции. В деле заявителя результатом контроля стал отказ в приеме на работу - без получения возможности ознакомиться с переданными из полицейской картотеки Военно-морским силам сведениями и возразить на них.

Заявитель обратился с жалобой к правительству, требуя:

- аннулирования оценки, что он представляет собой риск для государственной безопасности,
- заявление, что он подходит для должности, на которую он претендовал,
- предоставление доступа к сведениям, которые содержатся в картотеке на него,
- возможность высказать возражения по поводу этих сведений.

Правительство отказало в удовлетворении всех пунктов жалобы.

Суд сначала рассмотрел с точки зрения целей Ст. 8 ЕКПЧ, имело ли место «вмешательство государственного органа» в данном случае в право заявителя на уважение личной жизни и, помимо этого, является ли такое вмешательство обоснованным согласно Ст. 8 ЕКПЧ.

Не подвергалось сомнению, что информация в картотеке тайной полиции имела отношение к личной жизни заявителя. Суд счел, что как накопление, так и предоставление ее работодателю (Военно-морским силам) в совокупности с отказом предоставить заявителю возможность опровергнуть ее, представляет собой вмешательство в право на личную жизнь, гарантированное Ст. 8-1 ЕКПЧ.

Однако, в отношении потенциальной справедливости вмешательства, как это устанавливается Ст. 8-2 ЕКПЧ, Суд признал, что цель шведской системы личного контроля над персоналом была законной в смысле целей, упомянутых в Ст. 8 ЕКПЧ, то есть защиты государственной безопасности.

В дополнение к этому, Суд счел вмешательство «предусмотренным законом» в смысле Ст. 8-2 ЕКПЧ. Процедура проверки имела свою основу в национальном праве, а конкретно в Законе о контроле над персоналом. Проблема доступности Закона заинтересованному лицу не возникает, ибо он был опубликован в официальном бюллетене законодательства Швеции. В отношении предсказуемости последствий Закона Суд подчеркнул, что это требование не может быть неизменным в условиях скрытого контроля над кадрами в областях, затрагивающих национальную безопасность, так и во многих других областях. Суд пришел к выводу, что в системе, применяемой в целом к гражданам, как и в рамках Закона о контроле над персоналом, «закон» должен быть достаточно ясным в своих положениях с тем, чтобы дать достаточное представление в отношении обстоятельств и условий, при которых власти наделяются полномочиями прибегать к такому опасного рода вмешательству в личную жизнь.

Принимая во внимание различные ограничения, наложенные на регистрацию информации, в частности, запрет на внесение в картотеку всего лишь на основе высказанных политических мнений и ясные и четкие нормы, регулирующие проведение методов контроля за кадрами, Суд счел, что шведское законодательство удовлетворяет требованию предсказуемости.

Обращаясь к вопросу о том, являлось ли вмешательство «необходимым в демократическом обществе» «в интересах государственной безопасности», Суд напомнил, что, согласно устоявшимся принципам юриспруденции, понятие необходимости подразумевает, что вмешательство должно соответствовать насущной общественной необходимости, и, в частности, соответствовать установленной законом преследуемой цели. Интерес государства-ответчика по защите государственной безопасности должен быть умерен перед лицом серьезности вмешательства в право заявителя на уважение личной жизни. Суд признал, что в данных обстоятельствах государство располагало широкими пределами усмотрения, делая свои оценки.

Суд продолжил далее, что шведская система была несомненно «необходима» для защиты национальной безопасности, но в «демократическом обществе» должны существовать адекватные и действенные гарантии против злоупотреблений. Суд пришел к выводу, что шведская система на самом деле предусматривает снижение последствий контроля над кадрами до неизбежного минимума. В частности, будучи предметом надзора, как со стороны независимых учреждений, так и парламента, отказ сообщить передаваемую информацию заявителю не может, по мнению Суда, лишать основы «необходимость» вмешательства. Таким образом, гарантии шведского законодательства являлись достаточными в отношении целей Ст. 8 ЕКПЧ. В данном деле, поэтому, никакого нарушения статьи Конвенции не может быть установлено.

Заявитель также утверждал, что имело место нарушение Ст. 10 ЕКПЧ права на свободу выражения. Суд ответил на эту жалобу, что доступ к государственной службе, который составляет существо данного представленного Суду дела, не является правом, находящимся под защитой Конвенции. Суд также пришел также к выводу, что не существует обязательства правительства предоставлять заявителю данные о его личном статусе.

Идентификационный номер: ECH-1987-S-001

Матье-Мюэн и Клерфэйт против Бельгии

Краткая аннотация

Форма представительства во Фламандском совете (ассамблея Фламандского региона и сообщества) не ущемляет права франкоговорящих избирателей избирать и быть избранными на равных основаниях с нидерландофонами.

Сокращенное содержание

Во время обращения в Комиссию заявители проживали в административном округе Халле-Вильвоорде Фламандского региона. В результате прямых всеобщих выборов в избирательном округе Брюсселя, г-н Матье-Мюэн стал членом Палаты представителей и г-н Клерфэйт Сената.

По некоторым вопросам, указанным в Конституции Бельгии, выбранные члены каждой палаты разделены на основе закона на две группы – франкоговорящую и нидерландскоговорящую – вне зависимости от того, на каком языке лично член этой группы говорит. Административный округ Халле-Вивоорде находится в нидерландско-говорящем регионе и является частью Фламандского региона. Таким образом, Фламандский совет имеет законодательную власть по отношению к вопросам «региона» и «сообщества» в округе, которые осуществляются в Валлонии – Франкоговорящей провинции – Советом Французского сообщества и Валлонским региональным советом.

На переходный период, который начался в 1981 году, Фламандский совет состоял, согласно Специальному закону от 8 августа 1980 г. об институциональной реформе, из членов нидерландских лингвистических групп в Палате представителей и Сенате. С тем, чтобы принадлежать к одной из этих групп, представитель или сенатор, выбранный в избирательном округе Брюсселя, должен сделать выбор и принести парламентскую присягу на нидерландском языке. Заявители, однако, принесли свою присягу на французском языке. Членство в более, чем одном Совете, согласно Конституции, невозможно.

Что касается избирателей, то многочисленные франкофоны, проживающие в муниципальных образованиях административного округа Халле-Вивоорде могут, поэтому, избирать только нидерландофонов во Фламандский совет или франкофонов, которые согласились бы присоединиться к нидерландскоязычной группе в своей палате. В последнем случае, они теряют право голосовать во франкоязычной группе или по вопросам, которые, согласно Конституции со времени реформ 1970 и 1980 годов, требуют специальное большинство.

Заявители утверждали, что являются жертвами дискриминации как в качестве избирателей, так и в качестве выбранных представителей парламента по сравнению с нидерландско-говорящими избирателями и представителями, избираемых в тех же муниципалитетах.

Суд рассмотрел жалобу отдельно в свете Ст. 3 Протокола 1 ЕКПЧ (обязательство государств-участников проводить свободные, справедливые и тайные выборы). Он, прежде всего, подчеркнул, что статья включает в себя классический принцип реальной политической демократии, который, тем самым, имеет основополагающее значение в системе Конвенции. Как и другие нормативные положения Конвенции и Протоколов, он касается не просто межгосударственных отношений, но и подразумевает индивидуальные права избирать и быть избранным.

Затем Суд напомнил, что эти права, тем не менее, не являются абсолютными. Учитывая, что Ст. 3 Протокола 1 ЕКПЧ признает их, не формулируя конкретных условий, предоставляя государствам самим определить эти права, но остается возможность для подразумеваемых ограничений. Суд признал, что государства-участники имеют широкие пределы усмотрения в этой области, но Суд всегда удовлетворялся тем, что накладываемые на них условия не ограничивают их таким образом, чтобы затрагивать суть этих прав и лишать их своей действительности. Суд должен быть также удостовериться, что как условия, которые налагаются при преследовании законной цели, так и используемые средства, не являются соразмерными.

Суд счел, что термин «законодательный» должен быть истолкован в свете конституционного устройства в соответствующем государстве; он не обязательно имеет ввиду только национальный парламент. В данном случае и Фламандский совет обладает достаточно широкими полномочиями и правами с тем, чтобы быть составной частью «законодательного органа».

Далее Суд обратил внимание, что Ст. 3 Протокола 1 ЕКПЧ не устанавливает никакой предопределенной конкретной избирательной системы. В этом вопросе государства-участники также обладают широкими возможностями для собственного усмотрения. Суд признал, что избирательные системы часто направлены на достижение целей, которые с трудом совместимы одна с другой (например, отражение общественного мнения в целом и стремление к формированию политической воли). Он счел, однако, что такая система должна обеспечивать не только свободу выражения, но и соответствие принципу равенства всех граждан, хотя не все голоса обязательно должны иметь равный вес по отношению к результату выборов, и не все кандидаты имеют равные шансы на победу. Так, Суд отметил, что никакая избирательная система не может устранить феномен «отбрасываемых голосов».

В контексте оспариваемой избирательной системы, Суд установил, что Специальный закон 1980 г. не включается в общую институциональную систему бельгийского государства, основанную на территориальном принципе и регулиющую как вопросы административных и политических институтов, так и распределение полномочий между ними. Реформа, которая еще не была закончена к этому времени, была направлена на достижение равновесия между регионами и культурными сообществами с помощью сложной системы сдержек и противовесов. По мнению Суда, цель заключалась в преодолении лингвистического спора в стране путем создания более стабильных и децентрализованных организационных структур. Это намерение, которое является законным само по себе и явно проистекает из дискуссий в демократическом национальном парламенте, было подтверждено подавляющим большинством голосов в пользу Специального закона.

Суд, в конечном счете, пришел к выводу, что вынужденность лингвистических меньшинств голосовать за кандидатов, которые способны и готовы использовать язык своего региона, встречается во многих государствах и не всегда угрожает интересам меньшинств. По существу Суд счел, что франкоговорящие избиратели в округе Халле-Вивоорде пользовались правом избирать и быть избранными на равных основаниях с нидерландскоговорящими избирателями. Поэтому Суд считает, что оспариваемое ограничение было соразмерным. Следовательно, оно не противоречит Ст. 3 Протокола 1 ЕКПЧ.

Идентификационный номер: ECH-1986-S-006

Джонстон и другие против Ирландии

Краткая аннотация

Конституционный запрет расторжения браков не нарушает права, гарантированные Конвенцией.

Однако, право на уважение семейной жизни налагает на государство-участника обязательство в отношении внебрачного ребенка мужчины и женщины, вынужденных в силу такого запрета жить совместно на основе постоянной связи без регистрации брака после развода хотя бы одного из них, обеспечить такой правовой и социальный статус, который будет равен статусу ребенка, родившегося от зарегистрированного брака.

Сокращенное содержание

Заявителями являются Рой Х. В. Джонстон, гражданин Ирландии, Дженис Вильямс-Джонстон, гражданка Великобритании, и Несса Вильямс-Джонстон, их дочь, совместно проживающими в Ирландии.

Первый заявитель заключил брак в 1952 г. и имел от этого брака трех детей. В 1965 г. он и его супруга приняли решение жить раздельно и заключили формальное соглашение о раздельном проживании. С 1971 года первый заявитель начал постоянное совместное проживание со второй заявительницей, которая в значительной степени зависела от него в имущественном отношении. Г-н Джонстон оказывал поддержку в течение всей ее жизни их дочери – третьей заявительнице и, среди прочего, сделал в ее пользу завещание, как и в пользу второй заявительницы и других своих детей от первого брака.

Заявители обосновали свои жалобы на ряде положений законодательства Ирландии, которые включают следующее:

1. Конституция Ирландии содержит запрет на расторжение брака, что привело к тому, что г-н Джонстон не может оформить развод в Ирландии с тем, чтобы получить возможность зарегистрировать брак со второй заявительницей. Вместе с тем, ирландские суды признают при определенных обстоятельствах разводы, полученные ирландскими парами за границей.
2. Лица в положении первого и второго заявителей не признаются в качестве семьи в смысле Ст. 41 Конституции Ирландии и, в частности, не имеют правового обязательства поддерживать друг друга и не имеют взаимных прав по наследству.

3. Третья заявительница имеет статус внебрачного ребенка и в качестве такового в отношении своих родителей имеет приниженный статус по сравнению со статусом детей, рожденных в браке. Ее мать является единственным законным опекуном, и она не может быть ни удочерена своими родителями совместно, ни получить такой законный статус путем их последующего брака.

В октябре 1983 года правительство Ирландии заявило, что оно приняло решение о реформе законодательства, при этом изменения должны быть направлены на устранение дискриминации лиц, которые были рождены вне брака, а также на определение прав и обязательств их отцов. Проект закона был затем внесен в парламент.

В отношении первого и второго заявителей и их неспособности расторгнуть брак и заключить новый, Суд не нашел нарушения Конвенции со стороны правительства Ирландии. Суд заявил, что Ст. 12 ЕКПЧ право на брак включает в себя создание, но не расторжение семейных отношений. Более того, история подготовки проекта статьи не подтверждает включения гарантии права на развод. Хотя Конвенция должна толковаться в свете условий сегодняшнего дня, Суд не может на основе этого принципа вывести из Конвенции путем эволюционного толкования право, которое было сознательно опущено при подготовке документа.

Что касается Ст. 8 ЕКПЧ право на уважение личной и семейной жизни Суд исследовал, налагает ли такое уважение позитивное обязательство на Ирландию вводить меры, которые бы разрешали развод. Давая отрицательный ответ, Суд пришел к выводу, что Конвенция должна рассматриваться как целое. Если право на развод было исключено из Ст. 12 ЕКПЧ, будет нелогичным выводить его из Ст. 8 ЕКПЧ.

Суд затем отказал в удовлетворении как жалобы на то, что заявители были жертвами дискриминации, запрещенной Ст. 14 ЕКПЧ в совокупности со Ст. 8 ЕКПЧ, на том основании, что разводы за границей признаются судами Ирландии, так и предположения, что право г-на Джонстона на свободу совести (Ст. 9 ЕКПЧ) было нарушено, ибо он был вынужден жить со второй заявительницей во внебрачной связи.

Отклоняя также другие требования заявителей по поводу установления права на развод в силу других статей Конвенции, Суд подчеркнул, что не существует материального обязательства, налагаемого на Ирландию с целью установления специального режима для особой категории пар, живущих в незарегистрированном браке, как в случае заявителей.

В контексте Ст. 8 ЕКПЧ, Суд исследовал вопрос, налагает ли норма об эффективном уважении семейной жизни позитивное обязательство на Ирландию улучшить правовой статус Нессы Вильямс-Джонстон. Суд установил, что его наблюдение над прецедентным правом об интеграции ребенка в его или ее семью в равной степени применимо для такого случая, как данный. Более того, среди государств-членов Совета Европы прилагаются усилия для улучшения статуса внебрачных детей. С точки зрения Суда, третья заявительница должна была бы быть поставлена в такое правовое и социальное положение, которое будет равным по сравнению со статусом ребенка, рожденного в браке, а ее нынешнее положение серьезно отличается от статуса такого ребенка. Отдавая дань особым обстоятельствам дела, Суд счел, что отсутствие соответствующего правового режима для отражения естественных семейных связей Нессы представляет собой недостаточное уважение семейной жизни ее самой и ее родителей. На основе изложенного Суд пришел к выводу, что нарушение Ст. 8 ЕКПЧ в отношении всех заявителей имело место.

Идентификационный номер: ECH-1986-S-005

Бозано против Франции

Краткая аннотация

Содержание под стражей с целью депортации после отказа в удовлетворении ходатайства о признании ордера на депортацию недействительным нарушает право на неприкосновенность личности.

Сокращенное содержание

Судебное решение, принятое в Генуе 22 мая 1975 г. по апелляционному ходатайству при отсутствии ходатайствующей стороны *in absentia (contumacia)*, содержало обвинительный приговор заявителю на пожизненное заключение за похищение и убийство швейцарской девушки в мае 1971 года. До этого он был оправдан судом присяжных в первой инстанции за недостаточностью доказательств.

После отклонения кассационной жалобы прокуратура в Генуе распорядилась об аресте, а полиция Италии выдала санкцию на международный розыск и задержание заявителя.

Во время обычной проверки 26 января 1979 года французская жандармерия задержала заявителя, который скрывался во Франции. В тот же день он был помещен под стражу в тюрьме г. Лиможа в связи с подготовкой процедур экстрадиции. Италия официально обратилась с просьбой об экстрадиции к Франции 31 января.

15 мая 1979 г. палата по обвинению апелляционного суда в Лиможе приняла решение о невыдаче заявителя. Она сочла, что вердикт, вынесенный *in absentia (contumacia)*, в Генуе противоречит французскому общественному порядку (*ordre public*). Французское правительство, как требует раздел 17 Закона 10 марта 1927 г., отклонило в силу этого просьбу о выдаче заявителя.

Заявитель оставался, однако, в Лиможе под стражей по подозрению в совершении в некоторых правонарушениях, совершенных во Франции. 19 сентября 1979 года он был освобожден, хотя и оставлен под наблюдением полиции. 26 октября 1979 года следственный судья закончил производство по этому делу, принял решение об отсутствии состава преступления в отношении вменявшейся контрабанды и представил в уголовный суд Лиможа новое обвинительное заключение на предмет использования поддельных документов, удостоверяющих личность.

В тот же вечер полиция задержала заявителя на улице, представила ему ордер на депортацию, который был выписан за несколько недель до этого, насильно доставили его на границу между Францией и Швейцарией недалеко от Женевы. Швейцарские власти немедленно поместили его под стражу для проведения процедур депортации и вслед за решением Федерального суда депортировали его в Италию в июне 1980 года, где он стал отбывать срок своего наказания на острове Эльба.

22 декабря 1981 года административный суд Лиможа объявил недействительным ордер на депортацию.

Сочтя, что жалобы заявителя явно подпадали под юрисдикцию Конвенции, Суд установил, что только Ст. 5-1-й ЕКПЧ применима в данном деле. Таким образом, вопрос заключался в проверке «законности» (включая совместимость с «порядком, установленным законом») лишения свободы, примененного к заявителю в ночь с 26 на 27 октября 1979 года, исходя из того, что лишение свободы представляло собой «задержание» в толковании Конвенции.

Суд счел, что «законность» должна пониматься как охватывающая не только совместимость с национальным законодательством, но и совместимость с мерами содержания под стражей в смысле Ст. 5 ЕКПЧ (право на свободу и неприкосновенность личности), а именно защиту индивидуума против не основанных на законе действий властей.

В этой связи Суд заметил, что там, где Конвенция делает отсылку к национальному праву, как в Ст. 5 ЕКПЧ, совместимость такого законодательства формирует составную часть «обязательств» государств-участников. Некоторые элементы французского законодательства дали в данном случае повод для критики. Учитывая, что материалы дела не были достаточно ясны, они дали основания Суду для серьезнейших сомнений, было ли оспариваемое «содержание» в соответствии с требованиями французского законодательства.

В вопросе о наличии или отсутствии незаконных действий властей Суд придал серьезное значение обстоятельствам, при которых заявитель был этапирован к швейцарской границе, в частности, следующим:

1. промежуток времени (более месяца) перед передачей ордера на депортацию, что создает впечатление желания не дать понять заявителю, что готовятся документы для его экстрадиции,
2. внезапности, с которой заявитель был арестован, и
3. способу, которым депортация была осуществлена.

Рассматривая такие обстоятельства дела, взятые в целом, Суд пришел к выводу, что лишение свободы не было ни «законным», ни совместимым с «правом на личную неприкосновенность». Произошло не «задержание», необходимое для нормального хода подготовки «действий, необходимых для высылки», а по сути дела скрытая форма экстрадиции. Из этого следует, что Ст. 5-1 ЕКПЧ была нарушена.

Идентификационный номер: ECH-1986-S-004

Унтерпертингер против Австрии

Краткая аннотация

Уголовное наказание на основе показаний, данных полицией близкими родственниками обвиняемого и оплашенных на суде после того, как они заявили о своем праве на отказ от дачи показаний, нарушает право обвиняемого на допрос свидетелей, показывающих против него, и, следовательно, право на справедливое судебное разбирательство.

Сокращенное содержание

10 марта 1980 года региональный суд Инсбрука установил вину и вынес обвинительный приговор г-ну Унтерпертингеру по фактам нанесения телесных повреждений своей приемной дочери 14 августа 1979 года и своей жене 9 сентября 1979 года. Суд приговорил его к шести месяцам тюремного заключения. 4 июня 1980 г. апелляционный суд Инсбрука оставил этот приговор в силе.

Г-жа Унтерпертингер и ее дочь были допрошены в полиции, первая в отношении обоих происшествий, вторая – в отношении только первого. Несмотря на это, на слушаниях в ходе судебного заседания регионального суда, обе заявили, что отказываются от дачи показаний, и тем самым лишили возможности региональный суд, а затем апелляционный суд допросить их. С другой стороны, в соответствии с австрийской судебной практикой, их показания, данные в полиции, были оплашены на заседании суда (Ст. 152.1 Уголовно-процессуального кодекса Австрии).

При апелляционном обжаловании заявитель потребовал, чтобы были обеспечены дополнительные доказательства и были заслушаны некоторые другие свидетели, в частности, бывшая жена и дочь. Апелляционный суд принял решение допросить его двоюродную сестру, но оставил без удовлетворения остальные требования.

Региональный и апелляционный суды обосновали свои решения, среди прочего, на заявлениях, сделанных в полиции г-жой Унтерпертингер и ее дочерью.

Начав исследование дела, Суд сослался на свои предыдущие решения, в которых было установлено, что гарантии Ст. 6-3-d ЕКПЧ (право подсудимого на допрос показывающих против него свидетелей) являются составными частями общей концепции справедливого судебного разбирательства, содержащейся в Ст. 6-1 ЕКПЧ. Согласно этому, Суд решил рассматривать требования заявителя с точки зрения Ст. 6-1 ЕКПЧ, взятой в совокупности с нормами, содержащимися в Ст. 6-3-d ЕКПЧ.

Он далее констатировал, что статья 152-1-1 Уголовно-процессуального кодекса, в силу которого члены семьи заявителя были вправе отказаться давать показания, не являлись сами по себе несовместимыми со Ст. 6-1 и 6-3-d ЕКПЧ. Что касается оплашения в суде показаний, данных в полиции, то это не может нарушать вышеуказанные положения, но их использование в качестве доказательств не должно, тем не менее, нарушать права на защиту. Это было особенно существенно в данном деле, где обвиняемый не имел возможности ни на одной из стадий более раннего производства дела задать вопросы лицам, показания которых были зачитаны в зале.

Обращаясь к обстоятельствам дела, Суд подчеркнул, что вынесение обвинительного приговора заявителю апелляционным судом опиралось, главным образом, на заявления его бывшей жены и приемной дочери, сделанные в полиции. Эти заявления рассматривались не только как информационные материалы, а как доказательства правдивости обвинений, сделанных женщинами в свое время. В соответствии с этим Суд признал, что именно апелляционному суду надлежало исследовать различные материалы, но заявитель, несмотря на это, был осужден на основании свидетельств, в отношении которых права на защиту были значительно ограничены.

В соответствии с этим, Суд пришел к выводу, что имело место нарушение Ст. 6.1 ЕКПЧ, взятой в совокупности со Ст. 6.3.d ЕКПЧ.

Идентификационный номер: ECH-1986-S-003

Лингенс против Австрии

Краткая аннотация

Осуждение журналиста по мотивам распространения сведений, оскорбляющих честь и достоинство ведущего политика, ограничивает право на свободу выражения и свободу печати.

Сокращенное содержание

14 и 21 октября 1975 года г-н Лингенс опубликовал в венском журнале «Профиль» две статьи, содержащие жесткую критику г-на Б. Крайского, который являлся в это время федеральным канцлером, за его отношение к политическому деятелю, который во время Второй мировой войны служил в бригаде СС, и за его нападки на г-на Визенталю, публично осудившего этого деятеля.

Г-н Крайский предъявил вследствие этого гражданский иск против заявителя за диффамацию в прессе. 26 марта 1979 г. региональный суд Вены признал иск подлежащим удовлетворению в части и взыскал с заявителя штраф в размере 20 000 австрийских шиллингов. В ходе апелляционного обжалования с обеих сторон апелляционный суд Вены счел решение первой инстанции подлежащим отмене. Он направил дело на новое рассмотрение в тот же региональный суд, который 1 апреля 1981 г. подтвердил предыдущее решение. Г-н Крайский и заявитель принесли вновь апелляционные жалобы, и апелляционный суд снизил размер наложенного штрафа до 15 000 австрийских шиллингов.

В ответ на довод правительства по поводу возможного конфликта между Ст. 10 ЕКПЧ (свобода выражения) и Ст. 8 ЕКПЧ (право на уважение личной жизни), Суд ответил, что критика заявителя относилась к публичным заявлениям г-на Крайского и к его позиции как политика. Поэтому не было необходимости в данном

случае обсуждать Ст. 10 ЕКПЧ в свете Ст. 8 ЕКПЧ.

Суд констатировал, что ввиду вынесенного региональным судом Вены обвинительного приговора за публикацию сведений, порочащих честь и достоинство, который был оставлен в силе апелляционным судом, «вмешательство государственного органа» имело место (Ст. 10 ЕКПЧ).

Суд отметил, что ограничение было «предусмотрено законом» (Ст. 111УК Австрии) и имело установленную законом цель в смысле Ст. 10-2 ЕКПЧ защита репутации других.

Согласно своему прецедентному праву по поводу «необходимости» вмешательства «в демократическом обществе» Суд напомнил, что это требование в смысле Ст. 10-2 должно быть обосновано в смысле «насущной общественной необходимости». Далее он признал, что, хотя государства-участники имеют определенный предел усмотрения в оценке существования такой необходимости, он осуществляется в тесной связи с европейским надзором за этим, включающим в себе как законодательство, так и правоприменительные решения.

Суд начал с того, что проверил вменяемые решения судов в свете всего дела в целом, включая статьи, инкриминируемые заявителю, и контекст, в котором они были написаны.

В отношении соразмерности наказания Суд напомнил, что свобода выражения является одной из основ демократического общества и применима также к «информации» или «идеям», которые обижают, шокируют и раздражают. Суд подчеркнул особое значение этих принципов для прессы. Неотделимой частью деятельности печати является распространение информации и по политическим, и по другим представляющим общественный интерес вопросам, а для общественности обладание правом их получать. Далее, свобода прессы представляет собой одно из лучших средств выявления идей и позиций отдельных политических лидеров и их оценки.

На основе вышеизложенного Суд пришел к выводу, что границы приемлемой критики являются более широкими в отношении политического деятеля, чем в отношении частного лица. Хотя первый также пользуется защитой по Ст. 10 ЕКПЧ, требования к защите его репутации должны быть умеренны перед лицом интереса к открытой дискуссии по политическим вопросам, которая, по мнению Суда, является стержнем концепции демократического общества, главенствующей в Конвенции.

Вменяемые статьи имели отношение к политическим вопросам, вызывавшим общественный интерес в Австрии. Суд счел, что их содержание и тон были достаточно взвешенными, но использованные выражения могли нанести ущерб г-ну Крайскому. Ввиду того, что дело касалось политика, внимание должно быть обращено на обстановку того времени, когда эти статьи были написаны, в частности, на политические противоречия в период после избирательной кампании.

С точки зрения Суда, наказание, наложенное на заявителя, приравнивается к своего рода цензуре, которая скорее оттолкнет его от того, чтобы вновь высказывать критические замечания подобного свойства в будущем. В политической области такая санкция могла нанести ущерб прессе при выполнении как задач по предоставлению информации, так и функции «сторожевого пса» общественности.

Затем Суд исследовал судебные решения по этому вопросу, которые устанавливали, что использованные заявителем выражения были объективно диффамационными. Суд расценил, что пассажи, направленные против Б. Крайского, представляли собой оценочные суждения. Австрийские суды стремились определить, докажет ли заявитель истинность своих заявлений на основе статьи 111-3 Уголовного кодекса. По мнению же Суда, следовало провести различие между фактами и оценочными суждениями. Существование фактов может быть доказано в то время, как невозможно доказать правдивость оценочных мнений. Более того, факты, на которых заявитель основал свои оценочные суждения, как и его убежденность, не подлежали сомнению.

Исходя из вышеизложенного, Суд пришел к выводу о том, что вмешательство не было необходимым для защиты репутации других, и, следовательно, нарушение Ст. 10 ЕКПЧ установлено.

Идентификационный номер: ECH-1986-S-002

Литгоу против Великобритании

Краткая аннотация

Условия компенсации при национализации компаний заявителей, установленные в Законе 1977 г. об авиа- и судостроительной промышленности, не нарушают ни право на беспрепятственное использование имущества, ни право на справедливое судебное разбирательство.

Сокращенное содержание

Закон 1977 г. об авиа- и судостроительной промышленности, согласно которому судостроительные предприятия семи заявителей были национализированы, после длительной, начавшейся в 1975 г. парламентской процедуры вступил в силу 17 марта 1977 г. Закон привел в исполнение планы национализации данных отраслей промышленности, о которых лейбористское правительство объявило вслед за всеобщими выборами, проведенными в Великобритании 28 февраля и 10 октября 1974 года.

Предприятия заявителей перешли в собственность государства в специальные дни «дни передачи» - 29 апреля 1977 г. в случае одного заявителя *British Aircraft Corporation (Holdings)* и 1 июля 1977 г. в случае других заявителей. Данное дело касалось компенсации, полученной заявителями за принадлежавшие им ценные бумаги, которые не были размещены на фондовой бирже. Стоимость этих акций была оценена в целях национализации на основе гипотетической котировки на фондовой бирже за последний шестимесячный «ссылочный» период (сентября 1973 г. - 28 февраля 1974 г.). Сумма компенсации, которая приняла форму правительственных ценных бумаг, была определена на основе различных дат между декабрем 1979 г. и декабрем 1980 г. (в зависимости от каждого дела) - после переговоров между министерством промышленности и представителями бывших владельцев. Некоторые платежи были проведены в промежуток между днем передачи и завершающей стадией переговоров.

Заявители не опротестовывали сам по себе факт национализации. Их жалобы, которые в каждом из случаев были различны, касались в целом предполагаемого несоответствия между компенсацией и стоимостью их национализированной собственности, особенно, ко дню передачи, и, в частности, в таких вопросах как: выбор ссылочного периода оценки, игнорирование учета роста производства на предприятиях или инфляции между ссылочным периодом и днем передачи, различные технические аспекты использования метода подсчета (все они предположительно нарушали Ст. 1 Протокола 1 ЕКПЧ право на беспрепятственное использование имущества и тем самым несправедливо лишили его), предполагаемая задержка в определении и выплате компенсации Ст. 6-1 право на справедливое судебное разбирательство в течение разумного срока), предполагаемая дискриминация, в частности, по сравнению к компенсацией другой национализированной (в 1977 г. и ранее) собственности (Ст. 14, взятая в совокупности со Ст. 1 Протокола 1 ЕКПЧ).

В отношении утверждения о нарушениях Ст. 1 Протокола 1 ЕКПЧ Суд пришел к заключению, что заявители были явно «лишены своего имущества» в смысле второго предложения Ст. 1 Протокола 1 ЕКПЧ, которое должно применяться в свете общего принципа беспрепятственного использования собственности, провозглашенного в первой фразе.

После отклонения или оценки как ненужного рассмотрения жалоб, сделанных заявителями на основе слов «кроме как в интересах общества», Суд счел, что ссылка на «общие принципы международного права» не означает, что требование международного права, как это утверждали заявители, предполагает применение принципов быстрой, адекватной и реальной компенсации за национализированную собственность также и к гражданам государства, проводящего национализацию

Хотя Ст. 1 Протокола 1 ничего не говорит о способе предоставления и размере компенсации, Суд отметил, что ее защита была бы в значительной степени мнимой и неэффективной, если бы такие принципы отсутствовали, ибо национализация собственности без возмещения проводится только в исключительных обстоятельствах. По мнению Суда, мера, лишаящая лицо его собственности, должна обеспечить справедливое равновесие между потребностями сообщества в целом и требованиями защиты индивидуальных основных прав. И чтобы убедиться в том, что это равновесие было обеспечено, следовало рассмотреть материальные условия компенсации.

Помимо этого Суд отметил, что национализация собственности без разумного возмещения, будет при нормальном положении вещей представлять собой несоразмерное вмешательство, которое не может рассматриваться как соответствующее Ст. 1 Протокола 1 ЕКПЧ. На основе мотивов, изложенных в судебном решении, Суд счел, что стандарты компенсации при условии, что вышеназванное равновесие будет сохранен, могут отличаться друг от друга в зависимости от конкретных случаев национализации.

Суд признал, что государство имеет широкие пределы усмотрения не только в отношении решений о национализации, но и условий компенсации. Суд будет уважать мнение парламента Великобритании в этой связи, если только оно не будет явно лишено разумного основания.

По вопросу о том, отвечала ли предоставленная компенсация вышеуказанным требованиям, Суд, прежде всего, исследовал систему компенсаций, установленную Законом 1977 г., а затем ее последствия.

По отношению к элементам самой системы, Суд установил, что все они были приемлемыми в смысле Ст. 1 Протокола 1 ЕКПЧ. В этой связи было правомерно использовать метод гипотетической котировки не размещенных на фондовой бирже ценных бумаг. Кроме того, было правильно, с точки зрения правительства, предполагать, что программа национализации будет иметь отрицательный эффект на стоимость приобретаемых акций, и с тем, чтобы избежать подобного снижения курса, выбрать период ссылочной оценки, который предшествовал дню передачи.

Суд отметил также, что предполагаемая несоразмерность компенсации и стоимости на день передачи предприятий заявителей связана с тремя основными последствиями системы, учрежденной Законом 1977 г. Он счел, что эти последствия совместимы со Ст. 1 Протокола 1 ЕКПЧ. Учитывая пределы усмотрения, Великобритания была вправе принять решение о порядке возмещения, которое будут иметь следующие элементы:

1. Не учитывать возникновение новых фактов в период между отсылочным периодом и днем передачи в компаниях, о которых идет речь. По этому поводу Суд отметил, что общая система компенсации должна быть установлена в Законе с тем, чтобы государственный сектор нес бремя обесценивания, а также пользовался всеми преимуществами повышения стоимости ценных бумаг с тем, чтобы рост производства компаний мог быть частично связан с факторами вне контроля заявителей и чтобы предсказуемое будущее развитие было при любом положении принято в расчет. В дополнение к этому, любое последующее изменение выбранного метода подорвало бы правовую стабильность и общественные ожидания, могло бы быть неблагоприятным для бывших владельцев и могло бы создать возможности для обесценивания акций.
2. Не принимать во внимание инфляцию между отсылочным периодом и датой выплаты компенсации. Здесь Суд обратил внимание, что возмещение приняло в расчет поступления по ценным бумагам до дня передачи, до которого заявители имели право на определенный доход от своих инвестиций: такая поправка к компенсации со ссылкой на рыночную стоимость дала бы им преимущество, которое не предоставлено другим инвесторам и, хотя замораживание стоимости ценных бумаг на цифре отсылочного периода исключало бы учет любого повышения индекса стоимости акций, оно также защищало бы против отрицательных последствий колебаний стоимости.
3. Не учитывать то, что заявители имели прибыли ввиду того, что владели значительными или контрольными пакетами акций. В этом отношении Суд заявил, что было бы беспочвенно предполагать, чтобы покупатели могли бы быть найдены для значительных объемов акций, о которых идет речь, и что было небезосновательно с точки зрения правительства Великобритании считать, что эта компенсация могла бы быть более справедливо распределена, если бы отношение ко всем владельцам было аналогичным.

Отклонив различные индивидуальные жалобы и требования отдельных заявителей на то, что сумма их компенсации не соответствует требованиям Ст. 1 Протокола 1 ЕКПЧ, Суд пришел к выводу, что в данном случае Статья не была нарушена.

По отношению к жалобам некоторых заявителей на то, что они стали жертвами дискриминации (нарушение Ст. 14 ЕКПЧ) по отношению к другим лицам, лишенным своей собственности в силу Закона 1977 года, а также к другим национализациям в Соединенном Королевстве или в результате принятия законодательства об обязательной продаже, Суд счел, что в этих делах либо не было разницы в отношении, либо проведение различия имело место в достаточно несхожих ситуациях, либо дифференцированное отношение имело объективное и разумное обоснование, либо не подпадало под действие норм Ст. 14 ЕКПЧ.

В дополнение к этому Суд отклонил все жалобы на то, что в данном деле имело место нарушение Ст. 6-1 ЕКПЧ права на справедливое судебное слушание, якобы выразившееся в отсутствии независимого и беспристрастного суда, недостаточности доступа к правосудию и превышении пределов разумного срока при определении суммы компенсации.

Идентификационный номер: ECH-1986-S-001

Доймеланд против Германии

Краткая аннотация

Необоснованно длительный срок разбирательства в специализированных социальных судах дела вдовы о получении дополнительной пенсии в связи с потерей мужа, застрахованного от несчастного случая на производстве, нарушает право на справедливое судебное разбирательство в течение разумного срока.

Сокращенное содержание

Заявитель г-н Клаус Дитер Доймеланд проживает в Берлине. В качестве наследника своей матери (которая умерла в 1976 году) он продолжил разбирательство, возбужденное по инициативе его матери 16 июня 1970 г. в суде по социальным вопросам Берлина. Г-жа Доймеланд добивалась получения дополнительной пенсии как вдовы, заявляя, что ее муж, бывший служащий региональной администрации, умер в 1970 г. вследствие травмы на производстве. Он поскользнулся на покрытом снегом тротуаре и получил перелом левой бедренной кости, когда возвращался после консультации у врача-специалиста в январе 1970 г.

25 октября 1972 года суд по социальным вопросам оставил без удовлетворения заявление г-жи Доймеланд, утверждая, что происшествие не может рассматриваться как увечье, полученное по пути на работу или с работы. Это решение было оставлено в силе апелляционным судом по социальным вопросам Берлина 14 августа 1973 года.

13 марта 1975 года Федеральный суд по социальным вопросам признал это решение недействительным и передал его вновь на рассмотрение апелляционного суда, который 16 января 1979 года вновь отказал в удовлетворении этого иска и отказался дать разрешение на новую рекурсивную жалобу.

Заявитель безуспешно пытался обжаловать это решение в Федеральном социальном суде и в Федеральном конституционном суде. Затем он обратился в апелляционный социальный суд Берлина с тем, чтобы возобновить дело по вновь открывшимся обстоятельствам, но его заявление было отклонено 6 августа 1981 г. 23 ноября 1981 г. Федеральный социальный суд оставил без рассмотрения рекурсивную жалобу на это решение по мотивам нарушений процессуального характера.

Суд прежде всего определил применимость Ст. 6-1 ЕКПЧ к требованиям заявителя. В соответствии с этим, ссылаясь на принципы, утвердившиеся в прецедентном

праве, Суд пришел к выводу, что настоящий и серьезный спор (*contestation* - во французском тексте Ст. 6-1 ЕКПЧ) возник между г-жой Доймеланд и землей Берлин и что этот спор был прямо определяющим для права, о котором идет речь, а именно право на получение дополнительной пенсии для вдовы лица, скончавшегося от несчастного случая на производстве.

Что касается того, попадало ли оспариваемое право под действие Ст. 6-1 ЕКПЧ, то Суд не считал, что он должен давать абстрактное определение понятия «гражданские права и обязательства». Поскольку это был первый случай, когда он имел дело с областью социального обеспечения, Суд начал с того, что обратился к соответствующим факторам, которые способны прояснить или расширить принципы, уже установившиеся в его юриспруденции. Хотя оспариваемое право рассматривается по законодательству ФРГ как публично-правовое, Суд пришел к выводу, что эта квалификация дает только отправную точку. Существует большое разнообразие в законодательстве и юриспруденции государств-членов Совета Европы в отношении правовой природы права на получение возмещения при страховании случаев промышленного травматизма в рамках схем социального страхования. Соответственно, не существует общих стандартов, ведущих к единообразному европейскому понятию в этом отношении. Изучение этих характеристик системы ФРГ раскрывает, с точки зрения Суда, признаки как публичного, так и частного права.

Исходя из вышеизложенного, Суд пришел к выводу, что характеристики частного права данного дела доминируют над характеристиками публичного права. Хотя страхование само по себе является обязательным, государство несет ответственность за регулирование правового контекста схем страхования промышленного травматизма, Суд считал, что никакая из черт не относится к публичным правам и обязанностям. Суд также признал, что государство было ответственно за социальную защиту в целом, но высказал точку зрения, что данный случай касался, прежде всего, дела, имеющего отношение к страхованию, которое традиционно регулируется частным правом и связано с трудовым соглашением (пенсия, на которую был предъявлен иск г-жой Доймеланд являлся продолжением, с точки зрения Суда, заработной платы, выплачиваемой согласно этому трудовому соглашению, гражданско-правовой характер которого не вызывает сомнений). Суд также подчеркнул, что оспариваемое право касалось не отношений г-жи Доймеланд с публичными властями, а ее статуса как частного лица.

В свете этих воззрений Суд принял решение, что, будучи взяты совместно и совокупно, черты частного права обсуждаемого иска придают ему гражданско-правовой характер в значении Ст. 6.1 ЕКПЧ, применимой, следовательно, в данном случае.

Затем Суд рассмотрел утверждения заявителя, что продолжительность разбирательства в судах Берлина была в данном случае неразумной настолько, что могла квалифицироваться как нарушение права на справедливое судебное разбирательство. Суд отметил, что период, который должен быть взят в расчет, длился с начала разбирательства в социальном суде Берлина (16 июня 1970 г.) до вынесения решения Федеральным конституционным судом (9 февраля 1981 года), то есть десять лет, десять месяцев и три недели.

Прежде всего, Суд напомнил, что разумность продолжительности разбирательства должна оцениваться в каждом отдельном случае согласно особенностям обстоятельств дела с учетом критериев, установленных в прецедентном праве Суда.

В отношении сложности дела Суд заметил, что главным вопросом стало определение того, было ли падение отца заявителя трудовым увечьем на производстве или несчастным случаем по пути на работу и с работы в смысле Закона о страховании. По мнению Суда, здесь не было сложного правового вопроса.

В отношении поведения заявителя в ходе разбирательства Суд подчеркнул, что заявитель предпринимал шаги, которые замедляли и некоторые из которых представляли собой, если не желание обструкции, то, по крайней мере, нежелание сотрудничать с судебными органами. Короче, он не проявил должного усердия, которое можно было бы ожидать от стороны в споре такого рода. Что касается поведения судебных властей, то Суд насчитал шесть последовательных этапов проводившегося разбирательства. Он пришел к выводу, что различные задержки были присущи некоторым из разбиравших дело судов, в первую очередь, Социальному суду Берлина и апелляционному Социальному суду (второй этап разбирательства). Взятые совместно и совокупно, эти задержки сделали общую продолжительность разбирательства неразумным и не смогли обеспечить особую тщательность, необходимую в делах социального обеспечения, каким бы не была ценность услуги социального обеспечения, на которое предъявлено искомое требование. Тем самым нарушение Ст. 6-1 ЕКПЧ в данном деле имело место.

Идентификационный номер: ECH-1985-S-003

Бентем против Нидерландов

Краткая аннотация

Процедура обращения к Короне ^[24] для признания недействительной лицензии по использованию бензозаправочной станции нарушает право на справедливое судебное разбирательство независимым и беспристрастным судом.

Сокращенное содержание

Г-н Бентем проживал в Ноорвольде (муниципальный округ Вестеллингверф), где он являлся владельцем предприятия по ремонту и продаже автомобилей.

11 августа 1976 г. власти муниципалитета Вестеллингверф предоставили ему лицензию, необходимую для использования бензозаправочной станции. Региональный инспектор по здравоохранению, который не рекомендовал выдачу лицензии для заявителя, обратился с жалобой к Короне.

В ходе первого этапа этой процедуры, председатель палаты административных споров Государственного совета, которому была поручена проверка дела и консультирование Короны, направил Министру общественного здравоохранения и защиты окружающей среды свой акт экспертизы, где содержалась рекомендация отказать в выдаче лицензии. В соответствии со сложившейся практикой, к нему был приложен проект подготовленного к принятию декрета.

30 июня 1979 года Королевский декрет, в том же виде, что и проект (согласно устоявшейся практике), признал недействительным решение муниципальных властей по соображениям технической безопасности. В результате этого муниципальные власти подготовили приказ, предписывающий заявителю прекратить использование установки. Он направил жалобу на это решение, но оно было подтверждено декретом от 13 июня 1980 г.

Суд, прежде всего, исследовал применимость Ст. 6-1 ЕКПЧ (право на справедливое судебное разбирательство) к делу заявителя. В отношении требования, что должно присутствовать оспаривание (*contestation*) в отношении права, Суд напомнил принципы, которые проистекают из прецедентного права, в частности, то что, во-первых, слову *contestation* «спор» (*determination* - «определение» - в английском варианте), должно быть придано значение по существу, а не по форме, и, во-вторых, что спор может относиться не только к объему и способу, которым может быть осуществлено реальное право, но и к вопросам как материального, так и процессуального права. В-третьих, спор должен иметь реальный и серьезный характер. Затем Суд подчеркнул, что Ст. 6 ЕКПЧ требует наличия прямой связи между спором и «правом», о котором идет речь.

Применяя эти принципы в данном деле, Суд считал, что между заявителем и нидерландскими властями возник спор реального и серьезного характера. В дополнение

к этому, результат рассмотрения был непосредственно существенен для права, на которое ссылается заявитель.

В отношении гражданского характера спорного права в смысле Ст. 6-1 ЕКПЧ, Суд заявил, что в соответствии с прецедентным правом концепция «гражданских прав и обязанностей» не может быть истолкована только на основе внутригосударственного права. Помимо этого, Ст. 6 ЕКПЧ включает в себя не только частноправовые споры в традиционном смысле. Характер законодательства и судебных властей, обладающих в данном вопросе юрисдикцией, имели несущественное значение: относящимся к делу был только характер оспариваемого права.

Суд не считал необходимым, что должен дать абстрактное определение «гражданских прав и обязанностей». С его точки зрения надлежащий подход должен быть придан принципам, упомянутым выше.

Он таким образом установил, что выдача лицензии была одним из условий осуществления со стороны заявителя своей предпринимательской деятельности. Лицензия была тесно связана с правом использовать свое имущество на основе законодательства и имела характер собственности.

Суд не был убежден аргументом, что внутренние средства защиты не были исчерпаны на той основе, что заявитель мог получить лицензию в другой местности: изменение такого рода имело отрицательные последствия для стоимости предприятия и для его контрактных отношений.

Ст. 6-1 ЕКПЧ была, следовательно, применима к данному разбирательству.

Что касается совместимости со Ст. 6-1 ЕКПЧ в данном случае, Суд исследовал разбирательство как в палате по административным спорам Государственного совета, так и перед Короной. Суд пришел к выводу, что палата административных споров не осуществляла функций по «решению спорных вопросов судом», как этого требует Ст. 6-1 ЕКПЧ. Он признал, что, как это было установлено предыдущей судебной практикой, для определения того, было ли нарушено право Конвенции, необходимо смотреть далее внешней стороны дела и текста и сосредоточиться на фактическом положении. Тем не менее, полномочие по принятию судебных решений является неотъемлемым от самого понятия «суда» в его значении согласно Конвенции. Палата административных споров Государственного совета готовит только акты экспертизы консультативного характера. По мнению Суда, акт экспертизы, такой как и в данном деле, давался в большинстве деле, но эта практика, которая не имеет императивной силы и от которой Корона может отойти в любое время.

Что касается разбирательства перед Короной, заявитель сделал заявление, что оно имеет административную, а не судебную природу, учитывая, что существовал надзор не только за законностью, но и за целесообразностью принятия оспариваемых решений.

Суд считал, что, хотя правильно то, что Корона в отличие от палаты административных споров, действительно была правомочна решать споры, Конвенция по существу требует большего. Согласно юриспруденции Суда, под словом «суд» понимаются «органы, которые обладают общими основополагающими чертами», наиболее важными из которых являются независимость и беспристрастность и «гарантии судопроизводства».

Суд считал, однако, что Королевский декрет, которым Корона, как глава исполнительной власти приняла решение, формально представляет собой административный акт и исходит от министра, который несет за него ответственность перед парламентом. Более того, министр был вышестоящей иерархической инстанцией по отношению к принесшему протест региональному инспектору по здравоохранению и по отношению к генеральному директору министерства, который представил в палату административных споров акт технической экспертизы.

В заключении Суд обратил внимание на то, что Королевский декрет не подпадал под контроль судебного органа, как это требуется согласно Ст. 6-1 ЕКПЧ.

В соответствии с вышесказанным, в данном деле было установлено нарушение Ст. 6-1 ЕКПЧ.

Идентификационный номер: ECH-1985-S-002

Абдулазиз, Кабалез и Балкандали против Великобритании

Краткая аннотация

Иммиграционные правила, не разрешающие состоящим в иностранном гражданстве мужьям заявителем, на законных основаниях и постоянно проживающих в данной стране, оставаться с ними или навещать их, не нарушают право на уважение семейной жизни.

Однако, факт, что для мужчины, обосновавшегося на постоянное место жительства в Великобритании, легче, чем для женщины, находящейся в таком положении, получить разрешение на въезд или проживание в стране для своей супруги (нем, соответственно, женщине для ее супруга), нарушает право на свободу от дискриминации при осуществлении прав по Конвенции

В следствие того, что Конвенция не была инкорпорирована в правовую систему Великобритании, право на эффективное средство защиты в отношении нарушения национальными органами власти принципа недискриминации при пользовании правами, гарантированными Конвенцией, было нарушено по тем основаниям, что внутригосударственные органы не могли осуществлять надзор за этими правами.

Сокращенное содержание

Все три заявительницы г-жа Абдулазиз, г-жа Кабалез и г-жа Балкандали обжаловали применение в своих делах Правил иммиграции в Соединенное Королевство, действовавшие до и после 1983 года. До 1983 года общим положением Правил было то, что состоящий в иностранном гражданстве муж, желающий посетить свою законно проживающую в Соединенном Королевстве и Колониях супругу или проживать там с ней, не мог получить разрешение на въезд или проживание, если она, среди прочего, не являлась подданной Великобритании и Колоний, родившейся в Великобритании, или если ее родители не были рождены в Великобритании. С 1983 года эти условия были заменены только требованием, чтобы супруга была британской подданной, место ее рождения или проживания ее родителей более не было существенным.

С другой стороны, супруга, состоящая в иностранном гражданстве и желающая посещать законно проживающего в Соединенном Королевстве супруга и проживать там с ним, могла до 1983 года, получить разрешение въезжать в страну или проживать с супругом, независимо от того, был ли он подданным Великобритании и Колоний, и от его места рождения. С 1983 года она могла получить разрешение вне зависимости от того, являлся ли он британским подданным.

Г-жа Абдулазиз, которая является по происхождению индийкой, родилась в Малави в 1948 году. Она утверждает, что не имеет гражданства. Заявительница проживала в Соединенном Королевстве на основе временного разрешения с 1977 г., а с мая 1979 года, она получила право постоянного проживания. В декабре 1979 года она вышла замуж за г-на Абдулазиза, гражданина Португалии, который эмигрировал в Португалию из Индии, где он родился, а затем пребывал в Португалии с возобновляемым разрешением на жительство. В 1980 году власти Великобритании отказали ему в разрешении на постоянное проживание: обжалование этого решения было оставлено без удовлетворения.

Г-н Абдулазиз продолжал оставаться в Великобритании без разрешения. В 1982 году у пары появился ребенок.

Г-жа Кабалез, которая имела азиатское происхождение, родилась на Филиппинах. Она проживала в Великобритании на основе разрешения с 1967 г. и в июне 1971 г. она получила бессрочное разрешение на постоянное пребывание. В 1980 г. она и г-н Кабалез, являвшийся гражданином Филиппин, зарегистрировали брак в этой стране. В феврале 1981 г. власти отказали ему в визе на постоянное проживание с его супругой в Великобритании. Обжалование этого решения было безуспешным. В это время она являлась также гражданкой Филиппин. В 1984 г. она получила, согласно новому законодательству, подданство Великобритании.

Власти Великобритании не признали бракосочетание действительным и продолжали отказывать г-ну Кабалеzu в праве на проживание в Великобритании. Он, однако, имел право на въезд в качестве жениха британской подданной. Пара заключила брак в Великобритании в январе 1985 г. Во время подачи заявления в Суд г-н Кабалеz имел разрешение на проживание в течение 12 месяцев.

Г-жа Балкандали родилась в Египте. Она проживала по возобновляемому разрешению в Великобритании с 1973 г. В силу своего брака в 1978 г. с гражданином Великобритании, который позже был расторгнут, она получила бессрочное разрешение на постоянное проживание в Соединенном Королевстве и Колониях. В 1981 г. она вышла замуж за г-на Балкандали, гражданина Турции, который в то время находился в Соединенном Королевстве без разрешения. У них родился сын. В мае этого же года власти отказали в удовлетворении ходатайстве г-на Балкандали о разрешении остаться в стране.

Определяя, прежде всего, применяется ли Ст. 8 ЕКПЧ (право на уважение семейной жизни), будучи взятой в отдельности, ко всем делам заявителей, Суд счел, что, хотя Ст. 8 ЕКПЧ предполагает, что семья уже существует: намерения по созданию семьи не всегда исключаются из-под ее действия. Суд признал, что слово «семья» естественным образом включает в себя отношение, проистекающее от законного и подлинного брака, заключенного г-ном и г-жой Абдулазиз и г-ном и г-жой Балкандали. Рассматривая дело г-на и г-жи Кабалеz отдельно, Суд пришел к выводу, что он не должен решать вопрос законности брачной церемонии, которую г-на и г-жи Кабалеz прошли на Филиппинах. Свидетельства подтвердили, что они считали себя находящимися в браке и что они имели реальное намерение совместно проживать и вести нормальную семейную жизнь, как они впоследствии и поступили. Установившаяся связь, определенная таким образом, была достаточной для обстоятельств, чтобы подпасть под действие Ст. 8 ЕКПЧ.

В отношении применимости Ст. 8 ЕКПЧ в данном случае, Суд напомнил, что, хотя существенной целью Ст. 8 ЕКПЧ была защита индивидуума от произвольного вмешательства государственных властей, Конвенция может иметь в дополнение к этому позитивное обязательство, неразрывно связанное с реальным уважением семейной жизни. В этой области государства-участники имеют широкие пределы усмотрения.

Принимая это во внимание, Суд счел, что в данном случае обязанность, наложенная Ст. 8 ЕКПЧ не может быть расширена до общего обязательства государства-участника на согласие с выбором страны проживания, делаемого брачной парой, и разрешение супругу, не состоящему в гражданстве данного государства, на проживание в ней. Заявители, которые в период брака, могли или должны были знать во всех этих случаях последствия Правил иммиграции, не доказали, что были препятствия для установления семейной жизни в своих собственных странах или странах своих супругов или что были конкретные причины, почему они не могли проживать семейной жизнью в своих странах. Поэтому недостаточное уважение семейной жизни в нарушение Ст. 8 ЕКПЧ, взятой отдельно, не было установлено.

В духе вышеизложенного, Суд счел, что факты данного дела подпадают под общий объем действия Ст. 8 ЕКПЧ, вследствие чего Ст. 14 ЕКПЧ (право на свободу от дискриминации при осуществлении прав Конвенции) применима. Согласно этой Статье, различие в обращении является дискриминационным, если оно не имеет объективной и разумной мотивировки, то есть не имеет «цели, предписанной законом», или если разница оказывается несоразмерна по отношению к преследуемым целям. Еще раз Суд подчеркнул, что государства-участники пользуются определенными пределами усмотрения в данном вопросе, но подчеркнул, что окончательное решение должен делать Суд.

Суд обратился, прежде всего, к вопросу о предполагаемой дискриминации по причине пола. Он подчеркнул, что по соответствующим иммиграционным правилам, для мужчины, проживающему в Соединенном Королевстве, легче, чем для женщины, получить разрешение для въезда и проживания для не состоящего в гражданстве данной страны супруги (чем соответственно для супруга, не состоящего в гражданстве).

Суд согласился с тем, что Правила имеют установленную законом цель по защите внутреннего рынка труда во время высокого уровня безработицы. Однако, поскольку способствование равенству полов является одной из главных целей государств-членов Совета Европы, разница в отношении на основе половой принадлежности может быть совместима с Конвенцией только, если могут быть выдвинуты очень веские оправдательные мотивы.

Рассмотрев статистические данные, приложенные к делу, Суд не пришел к убеждению, что разница, которая может существовать между соответствующим влиянием мужчин и женщин на рынок труда, являлась достаточно важной с тем, чтобы оправдать разницу в обращении. Он также не был убежден, что дополнительная цель Правил по сохранению общественного спокойствия достигалась с помощью проведения различия между мужчинами и женщинами. Более того, тот факт, что Соединенное Королевство действовало в том, что касается принятия на постоянное проживание женщин более благосклонно, чем того требовала Конвенция, сам по себе не исключает нарушения Ст. 14 ЕКПЧ.

Суд, таким образом, пришел к выводу, что при осуществлении своего права на семейную жизнь три заявительницы стали жертвами дискриминации по причине половой принадлежности, запрещенной Ст. 14, взятой в совокупности со Ст. 8 ЕКПЧ.

Затем Суд обратился к утверждениям о дискриминационном отношении на основе расовой принадлежности как нарушении Ст. 14 ЕКПЧ. Он не смог обнаружить в Правилах иммиграции доказательств, основанных на расовых предрассудках.

Последним отклоненным Судом утверждением стало отдельное обвинение г-жи Балкандали по поводу нарушения Ст. 14 ЕКПЧ, а именно то, что она стала потерпевшей от факта дискриминации по причине места рождения, ибо среди подданных Великобритании и Колоний, постоянно проживающих в Соединенном Королевстве, только те, которые родились там сами, или те, чьи родители родились там, могут в силу соответствующих иммиграционных правил рассчитывать на проживание со супругом, не являющегося подданным Великобритании. Суд счел, что эта разница в отношении на основе рождения имеет объективное и разумное обоснование, в частности, в целях предотвращения тяжести ситуации, с которой женщины, имеющие тесную связь с Соединенным Королевством, основанную на рождении здесь, могут столкнуться, если после брака им придется отправиться за границу с тем, чтобы проживать там со своим мужем. Признавая, что такое лицо, как г-жа Балкандали, которая проживала в стране в течение многих лет, могла также установить тесную связь с ней, хотя она родилась не здесь, решение Суда не было изменено, даже перед лицом того факта, что правила иммиграции были существенно изменены в этом отношении.

В конечном счете, в отношении вменяемого нарушения Ст. 13 ЕКПЧ (право на эффективное средство перед национальным органом власти), Суд пришел к выводу, что ввиду того, что Конвенция не инкорпорирована во внутригосударственное право Великобритании, в данном случае не существует эффективного средства на уровне национального права против нарушения Ст. 14 ЕКПЧ. Следовательно, Ст. 13 ЕКПЧ была в данном случае нарушена.

Идентификационный номер: ECH-1985-S-001

Колоцца против Италии

Краткая аннотация

Разбирательство дела в отсутствие подсудимого, который не был ознакомлен с материалами дела, поскольку рассматривался как безвестно отсутствующий (*irreperibile*) и не являющимся по вызову (*latinante*) не может рассматриваться как справедливое судебное разбирательство.

Сокращенное содержание

Г-н Колоцца, гражданин Италии, находился в 1972 г под следствием за мошенничество. Ввиду того, что он не проживал по адресу, который был занесен в регистр актов гражданского состояния, региональный суд Рима счел его не явившимся по вызову (*latinante*) и в порядке заочного производства вынес обвинительный приговор: 17 декабря 1976 г. суд, назначив подсудимому адвоката, определил ему меру наказания в виде лишения свободы сроком на шесть лет лишения свободы и взыскания штрафа. Поскольку назначенный судом адвокат не принес апелляционную жалобу на решение, оно вступило в законную силу 16 января 1977 г. Будучи арестованным 29 сентября, заявитель немедленно направил жалобу по мотивам нарушения процессуального права, которую городской суд Рима решил 29 апреля 1978 г. оставить без удовлетворения. Заявитель обратился затем в апелляционный суд, затем в Кассационный суд, но безрезультатно.

Заявитель умер в тюремном заключении 2 декабря 1983 г.: его вдова выразила желание, чтобы производство по делу в Суде продолжалось, и готовность принять в нем участие.

В отношении предполагаемого нарушения Ст. 6-1 ЕКПЧ право на справедливое судебное разбирательство Суд констатировал прежде всего, что право подсудимого принимать участие в заседании следует из цели и задачи Ст. 6 ЕКПЧ. В данном случае не было необходимости принимать решение, вправе ли и каким образом привлеченный по делу мог отказаться от такого очного участия: согласно устоявшейся практике Суда, отказ от права, гарантированного Конвенцией, должен быть определен недвусмысленным образом. Однако, в данном случае такого не было: итальянские власти, ссылаясь не более, чем на предположение, вывели возможность заочного рассмотрения из качества *latinante*, которое они сами придали обвиняемому. По мнению Суда, подобная презумпция не имела достаточного основания для такого вывода о возможности заочного рассмотрения. Проверка фактов доказывает, что заявитель не имел никакого представления о возбуждении уголовного следствия против него. Он был осведомлен всего лишь о следствии благодаря повесткам из секретариата следственного судьи, а затем из секретариата суда. Более того, его поиски для привода в суд были неадекватными. Они были ограничены местами проживания, о которых было известно, что он там не проживает, и некоторые службы прокуратуры и полиции уже ранее имели возможность в рамках других расследований получить адрес заявителя. Поэтому можно было установить его местонахождение, даже если не было соответствующих сведений в картотеке. Суд выразил мнение, что эти факты с трудом совместимы с тщательностью, которая требуется от государств-участников, чтобы права, гарантированные Ст. 6 Конвенцией, осуществлялись действенным образом.

Как добавил Суд, даже если право лично принимать участие в заседании суда не обладает абсолютным характером, обстоятельства данного дела не оправдывают его полную и невосстановимую потерю. Когда внутригосударственное законодательство разрешает заочное судопроизводство в отсутствие «обвиняемого в совершении уголовного преступления», находящегося в положении заявителя, заинтересованное лицо должно, узнав о разбирательстве, иметь возможность, чтобы суд после того, как заслушает его, вновь принял решение по определению существа предъявленных ему обвинений.

Государства-участники, как напомнил Суд, пользуются широкими пределами усмотрения при выборе в данной области средств для выполнения требований Ст. 6-1 ЕКПЧ. Задача Суда не заключается в том, чтобы им указывать эти средства, а в том, чтобы определить, был ли достигнут надлежащий результат.

В данном деле, Суд пришел к выводу, что средство правовой защиты, доступное заявителю («позднее обжалование») не соответствует необходимым условиям. Вследствие этого заявитель никогда не имел возможности быть заслушанным в рассмотрении своего дела «судом», который был бы правомочен рассмотреть все обстоятельства дела, в результате чего имело место нарушение Ст. 6-1 ЕКПЧ.

Идентификационный номер: ECH-1984-S-008

Расмуссен против Дании

Краткая аннотация

Предусмотренные законом сроки давности, которые препятствуют отцу, но не матери ребенка, родившего от их брака, обращаться по поводу установления факта отцовства этого ребенка, не являются дискриминационными.

Сокращенное содержание

Г-н Расмуссен заключил брак в 1966 г. В 1971 г. его супруга родила дочь. Возникли сомнения по поводу отцовства заявителя, но тот воздержался от процедуры установления факта отцовства с тем, чтобы сохранить семью.

В июле 1975 г. заявитель и его супруга расторгли брак. На основе компромиссного соглашения, подписанного до этого с супругой, он не отказывался от отцовства, а его супруга соглашалась не выдвигать никаких претензий на взыскание алиментов для ребенка.

В январе 1976 г. бывшая супруга заявителя подтвердила ему письменно, что она не считает себя связанной этим компромиссом. Заявитель обратился тогда в апелляционный суд за разрешением возбудить дело о признании недействительным отцовства, ввиду того, что сроки, установленные Разделом 5.2 Закона 1960 г. о юридическом статусе ребенка, истекли. Однако, апелляционный суд оставил эту просьбу без удовлетворения 12 апреля 1976 г. ввиду отсутствия особых обстоятельств, обосновывавших исключение из нормы в целях восстановления процессуального срока.

По мотивам вновь открывшихся обстоятельств, заявитель еще раз обратился в апелляционный суд в ноябре 1978 г., но ему вновь было отказано в возбуждении дела. Это решение было, затем подтверждено Верховным судом в январе 1979 г.

Заявитель счел себя жертвой дискриминации по признаку пола, выразившейся в том, что его право доступа в суд для установления факта отцовства было по датскому законодательству ограничено сроком давности, тогда как его бывшая супруга могла сделать это в любое время. Он ссылаясь на Ст. 14 ЕКПЧ, взятую в совокупности со Ст. 6 (право на справедливое судебное разбирательство) и/или Ст. 8 (право на уважение личной жизни).

Первым делом Суд должен был установить применимость в данном случае Ст. 6 и 8 ЕКПЧ, поскольку Ст. 14 ЕКПЧ действует только в отношении «осуществления прав и обязанностей, гарантированных Конвенцией».

Суд пришел к выводу, что обе статьи применяются в данном деле. Он счел, что общественный интерес не мог исключить применимость Ст. 6 в отношении спора, который носил по самой своей природе «гражданский характер», ибо дело о признании отцовства недействительным неотъемлемо проистекало из семейного права. Кроме того, оспариваемый вопрос касался несомненно личной жизни заявителя.

Затем Суд подошел к вопросу о существовании фактического различия в отношении к заявителю и его бывшей супруге, ибо в силу закона 1960 г. муж в отличие от жены должен был соблюдать несколько процессуальных сроков для предъявления иска об установлении факта отцовства. Суд констатировал, что не имеет смысла исследовать, на чем эта разница основывается, так как список, включенный в Ст. 14, не является исчерпывающим.

Суд, установив, что муж и жена не находятся в данном случае в аналогичном положении в отношении постановки вопроса об установлении в органах правосудия факта отцовства первого, не счел необходимым принять решение по этому вопросу.

Затем Суд напомнил, что при применении Ст. 14 ЕКПЧ объективное и разумное обоснование должно быть связано с законной целью, где есть «разумная связь между соразмерностью используемых средств по отношению к намечаемой цели». Отвечая на эти критерии, правительство утверждало, что разница в отношении была оправдана, в частности, интересами ребенка, оно указало на пределы усмотрения государств в этой области.

Суд подчеркнул, что эти пределы усмотрения меняются в зависимости от обстоятельств, предметов регулирования и контекста. Вследствие этого, общий знаменатель в правовых системах государств-участников мог бы быть существенным в этом отношении. При всем этом, однако, как констатировал Суд, общего знаменателя для такого рода вопросов нет.

Вслед за этим Суд рассмотрел обстоятельства и общий контекст. Не забывая о пределах усмотрения внутригосударственных органов власти, он пришел к заключению, что они были вправе считать в свое время, что введение процессуальных сроков давности только для мужа оправдывается законными целями, а именно, обеспечением правовой стабильности и защиты интересов ребенка, интересы которого обычно совпадают с интересами матери. Суд также счел, что власти не вышли за пределы соразмерности. Вследствие этого, разница в оспариваемом отношении не является дискриминационной в смысле Ст. 14 ЕКПЧ и, следовательно, эта Статья в совокупности со Ст. 6 и 8 ЕКПЧ не была нарушена.

Мейлоун против Великобритании

Краткая аннотация

Перехват почтовых и телефонных сообщений и получение сведений посредством фиксации набранных номеров телефонных аппаратов, с абонентами которых велись переговоры, хотя и является законным во внутригосударственном праве, нарушает право на уважение личной жизни и тайны корреспонденции.

Сокращенное содержание

Заявителю г-ну Джеймсу Мейлоуну, поданному Великобритании, в марте 1977 г было предъявлено обвинение в перепродаже краденых вещей. В конечном счете он был оправдан. На процессе стало известно, что по поручению полиции в силу санкции, выданной министром внутренних дел, почтовая служба прослушала один из его телефонных разговоров.

В дополнение к этому заявитель считал, что по запросу полиции его корреспонденция просматривалась, его телефонная линия прослушивалась, и что его телефон к тому же был соединен с устройством, которое автоматически регистрировало все номера, которые он набирал на своем телефоне. Помимо признания прослушивания телефонного разговора, о котором было вскользь упомянуто во время судебного заседания, правительство ни подтвердило, ни опровергло подозрений по поводу просмотра корреспонденции и телефонных прослушиваний. Однако, оно отрицало факт регистрации номеров звонящих абонентов. Оно, вместе с тем, признало, что заявитель, подозреваемый в продаже краденых вещей, принадлежал к категории лиц, которые могут подвергаться мерам контроля над телефонными и почтовыми сообщениями.

Общественности было известно, что почтовый и телефонный перехват в целях раскрытия и предотвращения преступности осуществлялся в силу санкции министра, обычно министра внутренних дел. Однако в этой области не было кодифицированного законодательства. Тем не менее, различные законодательные положения имели отношение к делу, одно из которых позволяло делать запрос в Почтовую службу, а затем с 1981 г. в Британскую службу почты и телеграфа (*British Telecommunications*) чтобы она сообщала Короне (высшему государственному чиновнику) некоторые данные, передаваемые службами почт и телекоммуникаций.

Существовала также практика, о которой был проинформирован парламент, заключающаяся в том, что телефонные службы (*British Telecommunications*) с 1981 г. устанавливали аппаратуру и составляли отчеты о набираемых номерах телефонов по просьбе полиции в связи с ведущимися следственными делами по поводу правонарушений.

В октябре 1978 г. заявитель направил гражданский иск в Высокий суд против префекта полиции Большого Лондона, стремясь получить от него заявление, что все «снятия» телефонных переговоров, осуществляемые без его согласия, являются незаконными, даже если они основываются на санкции министра внутренних дел. Вице-канцлер Канцелярского отделения ^[25] отклонил его иск в феврале 1979 г.

Суд должен был рассмотреть в свете Ст. 8 ЕКПЧ (право на тайну корреспонденции и на уважение личной жизни) проблему перехвата сообщений и фиксирования телефонных номеров, осуществляемых полицией или по просьбе полиции как в контексте уголовного следствия в целом, так и в юридическом и административном контексте.

Во-первых, Суд установил то, что в данном случае вмешательство в право, гарантированное Ст. 8 ЕКПЧ, имело место. Он считал, что признанное прослушивание телефонного разговора представляет собой «вмешательство» в осуществление его права на уважение личной жизни и тайны корреспонденции. Кроме того, Суд посчитал, что существование в Великобритании и в Уэльсе законов и практики, разрешающих и создающих систему тайного наблюдения за сообщениями, представляет само по себе такое «вмешательство» даже вне всякого предполагаемого применения на практике в отношении заявителя.

Суд далее напомнил, что, согласно юриспруденции, выражение Ст. 8-1 ЕКПЧ «предусмотренный законом» означает, прежде всего, что вмешательство должно иметь основу в национальном законодательстве данного государства. Вместе с тем, помимо соответствия национальному законодательству, оно требует также совместимость этого законодательства с принципом верховенства права. Оно предполагает, таким образом, что внутригосударственное право должно представлять определенную защиту против произвольных покушений органов государственной власти на права, гарантированные Ст. 8-1 ЕКПЧ.

Суд признал, что ввиду особого контекста перехвата сообщений в целях производства следствия полицией нормы Конвенции не могут быть здесь совершенно идентичными по сравнению с их применением в других областях. В соответствии с этим «закон» не должен быть таким, чтобы позволять индивиду предвидеть, как и когда его сообщения подвергаются риску быть прослушанными властями с тем, чтобы он не мог вследствие этого менять свое поведение. Тем не менее, Суд обратил внимание, что закон должен использовать достаточно ясные термины, чтобы всем дать достаточное представление, при каких обстоятельствах и условиях он наделяет публичную власть правом проводить такое тайное и, в буквальном смысле слова, опасное вмешательство в право на уважение личной жизни и тайны корреспонденции.

Кроме того, Суд констатировал, что ввиду того, что применение мер наблюдения не подпадает под контроль, как заинтересованных лиц, так и общественности, «закон» будет противоречить принципу верховенства права, если пределы усмотрения власти будут безграничны. Вследствие этого, закон сам по себе, в отличие от административной практики, которой он сопровождается, должен определить объем и условия осуществления таких полномочий с достаточной ясностью по отношению к установленной законом цели с тем, чтобы обеспечить индивиду адекватную защиту против произвольных действий.

Что касается применения в данном случае указанных общих принципов, Суд считал, что при рассмотрении материалов дела, внутригосударственное законодательство, регулирующее перехват сообщений по поручению полиции, являлось неясным и становилось предметом различных оценок. В частности, нельзя сказать с достаточной уверенностью, в какой степени полномочия по прослушиванию находятся инкорпорированными в правовые нормы, а в какой - в пределах усмотрения исполнительной власти. По мнению Суда, законодательство Англии и Уэльса не раскрывает с достаточной ясностью объем и условия осуществления полномочий властей по усмотрению в рассматриваемой области. В соответствии с этим отсутствует минимальный уровень правовой защиты, предполагаемой верховенством права в демократическом обществе.

Суд, таким образом, пришел к выводу, что вменяемые вмешательства не были «предусмотрены законом» в смысле Ст. 8-2 ЕКПЧ.

Во-вторых, Суд рассмотрел вопрос о необходимости вмешательства «в демократическом обществе» с точки зрения достижения законной цели. Суд констатировал, что, вне всякого сомнения, существование законодательства, разрешающего перехватывать сообщения для оказания помощи уголовной полицией для осуществления ее задач, может быть «необходимым» «для поддержания порядка и предупреждения уголовных правонарушений». Однако, в демократическом обществе принятая система наблюдения должна быть сопровождается достаточными гарантиями против злоупотреблений.

В свете этих выводов Суд не считал себя обязанным определять далее, в чем заключались другие гарантии, требуемые Ст. 8-2 ЕКПЧ по отношению к перехвату оспариваемых сообщений. Он констатировал, что нарушение Ст. 8 ЕКПЧ в этой связи имело место.

В последнюю очередь Суд констатировал, что само существование практики «регистрации» телефонных номеров звонящих абонентов противоречит Ст. 8 ЕКПЧ. В протоколе перехвата содержится информация, в частности, набранные номера, которые составляют часть телефонных сообщений. Суд считал, что передача этой информации полиции без согласия абонента прямо является вмешательством в осуществление права, защищенного Ст. 8 ЕКПЧ. Поскольку правительство признало, что заявитель находился под угрозой существующей в этом отношении практики, он мог утверждать, что является жертвой нарушения Ст. 8 ЕКПЧ.

Суд не смог обнаружить никакой нормы внутреннего права, относящейся к объему и способам осуществления полномочий по усмотрению, которыми органы

власти пользовались в данной области. Как следствие, Суд пришел к выводу, что, будучи законным во внутригосударственном праве, вышеуказанное вмешательство не было «предусмотрено законом» в смысле Ст. 8-2 ЕКПЧ.

Идентификационный номер: ECH-1984-S-006

Гинчо против Португалии

Краткая аннотация

Гражданско-правовая природа разбирательства, даже упрощенного типа, не освобождает судью от соблюдения тщательности, которая требуется для осуществления права на справедливое судопроизводство.

Сокращенное содержание

18 августа 1976 г. г-н Гинчо и два других лица стали жертвами дорожно-транспортной аварии на автодороге в Алверке. Заявитель получил травму и потерял зрение левого глаза.

7 декабря 1978 г. заявитель и водитель автомобиля, где он находился («истцы»), подали в суд г. Вила Франка де Ксира гражданский иск против водителя, по вине которого, по их утверждению, произошла авария, а также против владельца транспортного средства и страховой компании («ответчики»).

9 декабря 1978 г. судья вызвал повесткой под расписку (*carta precatoria*) ответчиков, проживающих в Лиссабоне. Она была вручена 18 июня 1979 г., и ответчики дали свои показания в конце июня и начале июля этого года. 28 января 1981 г. вышеуказанные судьи направили эти показания истцам. После опроса нескольких свидетелей, 20 октября 1982 г. состоялось заседание суда.

Суд принял решение 25 октября 1982 г. удовлетворить иск и постановил, что заинтересованное лицо имеет право на материальное возмещение. При всем этом он считал, что вопрос о сумме не был еще подготовлен и сохранил его для процедуры исполнения иска. Истец обратился за исполнением 22 сентября 1983 г.

Поскольку разбирательство еще велось, Суд ограничил свой контроль длительности разбирательства первой стадией, которая началась предъявлением иска в суд г. Вила Франка де Ксира (7 декабря 1978 г.) и закончилась датой принятия решения об удовлетворении иска (25 октября 1982 г.), то есть составляла три года, десять месяцев и восемнадцать дней.

Суд должен был проверить разумный характер длительности разбирательства в данном деле согласно Ст. 6-1 ЕКПЧ. Он напомнил, что этот характер должен оцениваться в каждом случае отдельно с учетом обстоятельств дела и на основе критериев, выработанных судебной практикой Суда, в частности для данного случая – сложностью оспариваемого разбирательства. Более того, Суд учел, что гражданско-правовая природа разбирательства не освобождает судью от тщательности, в частности, в случае упрощенного судопроизводства, как в данном деле.

Суд констатировал, что дело не представляло особой сложности, и поведение истцов имело незначительное влияние на продолжительность производства.

Что касается поведения португальских судебных властей, то Суд отметил, что имелось два периода почти полного бездействия, связанных с выполнением чисто административных действий, которые могли бы оправдать только исключительные обстоятельства.

Суд не считал, что в контексте возвращения Португалии к демократии, приведшему к институциональному «разрыву» и увеличению объема судебных тяжб, снималась ответственность за длительность рассмотрения данного дела. Хотя Суд не недооценивал усилия, предпринятые в Португалии для улучшения доступа граждан к правосудию и улучшения работы судов, он, однако, напомнил международные обязательства, взятые на себя этой страной при ратификации Конвенции, и, в частности, в отношении «разумного срока», предусмотренного Ст. 6-1 ЕКПЧ. Суд подчеркнул крайнюю важность этой Статьи для правильного отправления правосудия.

Вследствие этого, ограничивая себя оценкой отправления правосудия судом по данному делу – судом г. Вила Франка де Ксира, Суд пришел к выводу, что положение приобрело структурный характер, принятые меры были запоздалыми и недостаточными и, поэтому, не могли не привести к неудовлетворительным результатам.

Принимая решение на основе обстоятельств дела, Суд пришел к выводу о нарушении Ст. 6-1 ЕКПЧ.

Идентификационный номер: ECH-1984-S-005

Кэмпбелл и Фелл против Великобритании

Краткая аннотация

Гарантии права на справедливое судебное разбирательство должны распространяться на дисциплинарное разбирательство в Комитете наблюдателей ^[26] в месте исполнения наказаний, поскольку это производство, имея «уголовно-правовой характер», преследует цели осуществления права на справедливое судебное разбирательство. Факт, что это дисциплинарное разбирательство проходит за закрытыми дверями, может быть оправдан соображениями охраны общественного порядка, но оно нарушает, тем не менее, право на справедливое судебное разбирательство, если не прилагаются усилия, чтобы решение Комитета было публичным.

Ограничения на личную переписку заключенного, даже когда дисциплинарное дело находится еще в стадии разбирательства, нарушает право на тайну корреспонденции.

Сокращенное содержание

В ноябре 1973 г. г-н Кэмпбелл и священник Фелл были признаны виновными в целом ряде правонарушений и приговорены соответственно к 10 и 12 годам заключения. С самого начала они попали в разряд заключенных, находящихся под особым наблюдением.

16 сентября 1976 г. произошло чрезвычайное происшествие в тюрьме Олбани. Персонал учреждения применил силу для прекращения демонстрации протеста шести заключенных, среди которых были и заявители. В ходе применения силы заявители и некоторые члены персонала места заключения получили телесные повреждения. Вслед за этим заявителям были предъявлены обвинения в дисциплинарных правонарушениях, предусмотренных правилами внутреннего распорядка пенитенциарных учреждений. Комитет наблюдателей ^[27] признал их виновными и наложил на них санкции, значительно ужесточающие обычный режим содержания, предоставляемый при хорошем поведении.

Г-да Фелл и Кэмпбелл обратились к министру внутренних дел, соответственно в сентябре и ноябре 1976 г., за разрешением проконсультироваться у адвокатов о возможном гражданском иске по поводу происшествия и полученных травм. В этом разрешении им было отказано, как это предусматривалось существовавшей в то время практикой, вплоть до периода, когда внутреннее разбирательство их требований было окончено (февраль 1977 г. - в отношении Фелла и декабрь 1977 г. - для

Кэмпбелла).

Внесенные вскоре после происшествия ходатайства заявителей о необходимости проведения независимой медицинской экспертизы были оставлены властями без удовлетворения. В соответствии с правилами внутреннего распорядка в местах исполнения наказаний, связанных с лишением свободы, и установившейся практикой возможности для такого обследования обычно не предоставляются в случае лица, подвергающегося таким мерам воздействия, если только оно не является стороной в расследуемом деле.

После предоставления разрешения на визит адвоката Феллу было запрещено консультироваться с ним в отсутствие служащего охраны до 12 мая 1977 г. В этот день в связи с заявлением в Комиссию по Правам Человека консультация в отсутствие надзирателя была разрешена.

Находясь в заключении, Фелл подвергался ограничениям на переписку в соответствии с правилами внутреннего распорядка в местах заключения и практикой, применявшейся в это время в отношении заключенных лиц этой категории.

Со времени породивших это дело событий режим переписки и посещений в местах лишения свободы в Англии и Уэльсе пережил существенные изменения, в частности, в отношении определения круга лиц, с которым заявители могут вести переписку, времени, когда может быть получена помощь адвоката в отношении гражданского дела по поводу обращения в тюрьме, и условий для визитов защитников.

Суд прежде всего рассмотрел применимость Ст. 6-1 ЕКПЧ (право на справедливое судебное разбирательство) к разбирательству в Комитете наблюдателей в деле г-на Кэмпбелла (обвинения г-на Фелла были оставлены Комиссией без рассмотрения, так как не были исчерпаны внутренние средства защиты). Ссылаясь на свое предшествующее прецедентное право, Суд привлек внимание к тому, что Конвенция не возбраняет государствам-участникам проводить различие между уголовным и дисциплинарным правом. Вместе с тем, Суд подчеркнул, что они не обладают полной свободой в этом отношении, ибо в таком случае применение Ст. 6 и 7 ЕКПЧ подпадало бы полностью под суверенитет государства. Эти положения были также релевантны *mutatis mutandis* в контексте других мест содержания под стражей, и Суд, по этой причине, должен был определить, могло ли производство по делу г-на Кэмпбелла быть квалифицировано как «уголовное» в смысле Конвенции.

Суд пришел в этом вопросе к выводу, что в английском праве правонарушения, по которым г-ну Кэмпбеллу были предъявлены обвинения (участие в беспорядках и насилие в отношении надзирателя), принадлежат к дисциплинарному праву, но их природа (тяжесть и возможные параллели с уголовным правом) придала им вид, не совпадающий полностью с чисто дисциплинарным правом. Суд далее установил, что природа и степень суровости как потенциального, так и реального наказания (существенное ухудшение режима лишения свободы) были такими, что они должны были рассматриваться в смысле Конвенции как «уголовные». Следовательно, дело подпадает под действие Ст. 6-1 ЕКПЧ.

Что касается соблюдения Ст. 6-1 ЕКПЧ в деле г-на Кэмпбелла, то Суд пришел к заключению, что не было оснований ставить под сомнение, что Комитет наблюдателей не действовал как независимый и беспристрастный суд. При этом Суд принял во внимание судебную и надзорную роль Комитета, а также способ и длительность назначения его членов и отсутствие доказательств личной пристрастности со стороны его членов. По мнению Суда, также не было доказано, что объективная проверка беспристрастности не дала удовлетворительных результатов. Более того, Суд счел, что тот факт, что слушания не проводились публично, был обоснованным перед лицом соображений общественного порядка и проблем безопасности, которые бы возникли в противном случае.

Тем не менее, Суд пришел к выводу, что г-н Кэмпбелл был жертвой нарушений Ст. 6-1 ЕКПЧ по тем причинам, что Комитет наблюдателей не предал огласке свое решение, не предоставил ранее возможности доступа адвоката или возможности правового представления интересов заявителя на слушаниях. Суд подчеркнул, что ввиду того, что долг огласить решение не был предметом подразумеваемых ограничений, некоторые действия в этом направлении должны были бы быть предприняты. Доказательств таких усилий в деле не было. Что касается вопроса о правовом представительстве, Суд пришел к выводу, что Конвенция требует, в частности, того, чтобы индивид, обвиненный в совершении уголовного преступления, и не желающий самостоятельно осуществлять свою защиту, имел возможность прибегнуть к помощи защитника по своему выбору.

Вслед за этим, обратившись к вопросу доступа заявителей к правовым консультациям в связи с их жалобами на телесные повреждения, Суд, применяя свои прецедентные решения, пришел к выводу, что отсрочка в обеспечении такого доступа в данном случае не представляет собой вмешательство в право заявителей на доступ к правосудию в нарушение Ст. 6-1 ЕКПЧ, как и вмешательство в их право на тайну переписки, которое было «необходимо в демократическом обществе», и не было нарушением Ст. 8 ЕКПЧ.

Суд также согласился с тем, что отказ священнику Феллу в разрешении консультироваться у доверенного защитника представлял собой вмешательство в смысле Ст. 6-1 ЕКПЧ, а именно в его право на доступ к правосудию. Суд счел необходимым определять, имело ли место в этой связи также нарушение Ст. 8 ЕКПЧ. Однако, в отношении ограничений его права на личную переписку с некоторыми лицами Суд установил нарушение, поскольку такое вмешательство не было необходимо в демократическом обществе.

В заключении Суд проверил, было ли доступно священнику Феллу «эффективное средство защиты» в правовой системе Великобритании по отношению к его жалобам по Ст. 8 ЕКПЧ на предмет ограничений доступа к консультациям адвоката и его личной переписки. Он констатировал, что существовали различные пути обжалования (заявление в Комитет наблюдателей или парламентскому комиссару по административным вопросам, возбуждение расследования в судах общей юрисдикции, петиция министру внутренних дел) и пришел на основе анализа фактов дела и своей предшествующей судебной практики к выводу, что такого средства не было. Поэтому Ст. 13 ЕКПЧ в данном деле нарушена не была.

Идентификационный номер: ECH-1984-S-004

Де Йонг, Балжэ и Ван ден Бринк против Нидерландов.

Ключевые слова для алфавитного указателя:

Военнослужащие призывники / Вооруженные силы / Отказники от воинской службы по религиозно-этическим соображениям / Силы ООН по поддержанию мира (Миротворческие силы ООН) / Неподчинение.

Краткая аннотация:

Ввиду обоснованности подозрений в совершении правонарушения, предварительное заключение, которому были подвергнуты военнослужащие призывники по обвинению в неподчинении, было "правомерно" в смысле Конвенции.

Не будучи уполномочен "законом" отдавать распоряжения об освобождении из-под стражи и не располагая необходимой независимостью, военный прокурор не мог рассматриваться как "судья, уполномоченный законом осуществлять судебные функции". С другой стороны, военный трибунал явно обладал необходимыми средствами судебного органа. Тем не менее, в связи с излишним затягиванием с передачей дела в трибунал, обвиняемые в неповиновении призывники не смогли воспользоваться правом на оперативный обязательный судебный надзор за их содержанием под стражей.

Возможности обжалования, предусмотренные военным кодексом Нидерландов, не предусматривают права на "безотлагательную" проверку законности содержания под стражей.

Сокращенное содержание:

Узнав в январе 1979 г. о направлении их пехотного батальона в Ливан для выполнения поставленной задачи в составе Сил ООН по поддержанию мира, г-да де Йонг (de Jong) и Балжэ (Baljet) ходатайствовали перед Министром обороны Нидерландов о предоставлении им статуса отказников от военной службы по религиозно-этическим соображениям. В то время как рассмотрение их ходатайств еще не началось, вышеуказанные военнослужащие были обвинены в неподчинении и помещены под стражу за отказ участвовать в военных учениях. Основанием, на которое ссылался при этом командир их подразделения, служила необходимость обеспечения дисциплины в батальоне перед неминуемой отправкой в Ливан для выполнения поставленной задачи. 5 февраля с согласия военного прокурора главнокомандующий предал их Военному трибуналу, приняв одновременно решение об освобождении их из-под стражи в связи с тем, что тем временем консультативная комиссия по делам об отказниках от военной службы по религиозно-этическим соображениям приступила к рассмотрению их ходатайства, что привело к приостановлению разбирательства в суде. Действительно, 7 февраля Министр обороны Нидерландов предоставил им статус отказников от военной службы, в результате чего они были освобождены от отбытия действительной воинской повинности. 8 февраля они обратились к командиру дивизии с обжалованием несправедливых действий со стороны командира их подразделения, отдавшего приказ об их аресте. После того, как их жалобы были отклонены, они направили заявление о возмещении принесенного им ущерба на имя Министра обороны Нидерландов, которое было отвергнуто 25 июня того же года.

Рассматривая себя как "полного отказника", г-н Ван ден Бринк (Van den Brink) никогда не требовал предоставления себе статуса отказника от военной службы по религиозно-этическим мотивам. Не явившись 20 ноября 1979 г. своевременно на призывной пункт, он был насильственно доставлен к месту несения воинской службы. В тот же день, в связи с его отказом получить и одеть обмундирование, командир его подразделения распорядился о его аресте за неподчинение приказу и во избежание того, чтобы другие военнослужащие не последовали его примеру. 26 ноября, с согласия военного прокурора, уполномоченный вышестоящий офицер предал его Военному трибуналу и распорядился о помещении его под стражу с целью обеспечения воинской дисциплины в подразделении. Г-н Ван ден Бринк находился под стражей вплоть до судебного процесса по его делу, начавшегося 6 февраля 1980 г. в Военном трибунале. 20 февраля он был признан виновным и приговорен к 18 месяцам лишения свободы с вычетом срока, отбытого в предварительном заключении. Ссылаясь на несоблюдение его прав, вытекающих из Европейской Конвенции о защите Прав Человека, г-н Ван ден Бринк безуспешно обращался с ходатайствами о своем освобождении сначала в Верховный военный трибунал, затем в кассационный суд и, наконец, в Верховный суд. Он был освобожден 12 ноября 1980 г. по отбытии двух третей назначенного срока.

В Ст. 5-1 ЕКПЧ указывается три рода обстоятельств, позволяющих содержать лицо под стражей с тем, чтобы оно предстало перед компетентным судебным органом. Это, в частности, наличие обоснованных подозрений, позволяющих полагать, что заинтересованное лицо совершило правонарушение. В данном случае, никто не оспаривает того факта, что можно было обоснованно подозревать г-да Йонга, Балжэ и Ван ден Бринка в неподчинении, карающимся военным уголовным кодексом. Тем не менее, они утверждали, что примененная к ним мера наказания в виде лишения свободы противоречила Ст. 5-1-с ЕКПЧ, так как она была назначена на основании, не предусмотренном этой статьей, а именно, на основании необходимости поддерживать воинскую дисциплину на должном уровне. Установив, что Военный кодекс Нидерландов просто внес дополнительное условие задержания и предварительного заключения военнослужащего, подозреваемого в совершении правонарушения, не намереваясь при этом создавать дополнительных случаев лишения лица свободы на законных основаниях, Суд не принял аргументацию заявителя. По мнению Суда, мера наказания в виде лишения свободы, примененная к заявителям, соответствовала целям, преследуемым ограничениями, разрешенными Ст. 5-1 ЕКПЧ. За отсутствием материалов, позволяющих полагать, что три вышеперечисленных случая помещения их содержания под стражей были самоуправными, Суд пришел к выводу, что наказание в виде лишения свободы было применено к заявителям "правоммерно". Следовательно, в данном случае Ст. 5-1 ЕКПЧ нарушена не была.

Далее Суд должен был выяснить, являлся ли военный прокурор, к которому были доставлены трое заявителей после их ареста, "судьей, уполномоченным законом осуществлять судебные функции" (Ст. 5-3 ЕКПЧ). Напоминая толкование, данное этому выражению в своем постановлении Шиссера (*Schiesser*), Суд констатирует, что ни одно из перечисленных в нем условий не было соблюдено в данном случае: военный прокурор не был уполномочен "законом" отдавать распоряжения об освобождении из-под стражи заявителей и не обладал к тому же необходимой независимостью, принимая во внимание его карательные функции при военном трибунале. С другой стороны, никто не оспаривает тот факт, что военный трибунал, перед которым предстали затем заявители, обладал всеми качествами судебного органа. Тем не менее, Суд отмечает, что Ст. 5-3 ЕКПЧ направлена на обеспечение оперативности обязательного судебного надзора за содержанием под стражей в соответствии со Ст. 5-1-с ЕКПЧ. В свете обстоятельств дела Суд расценивает как слишком продолжительный срок, истекший с момента ареста заявителей до их предания суду в Военном трибунале. Исходя из этого, Суд пришел к выводу, что каждый из трех заявителей стал жертвой нарушения Ст. 5-3 ЕКПЧ.

Подчеркнув, что гарантии, предоставленные Ст. 5-4 ЕКПЧ, по характеру своему отличаются от тех, что даны в Ст. 5-3 ЕКПЧ, Суд объясняет, что нет никаких оснований для того, чтобы не применять их в совокупности. Принимая во внимание срок, истекший с момента ареста до предания заявителей Военному трибуналу, военный кодекс Нидерландов позволял призывнику, оказавшемуся в предварительном заключении, обращаться после 14 дней нахождения под стражей в военный трибунал с просьбой о назначении срока, в течение которого главнокомандующий должен был либо высказаться в пользу передачи дела на рассмотрение этого судебного органа, либо освободить военнослужащего из-под стражи. Суд считает, что - даже принимая во внимание требования воинской жизни и военного правосудия - заявители не могли добиться "безотлагательного" решения, так как с подобным обжалованием они были вправе обратиться лишь по истечении двух недель с момента ареста. Устав воинской службы предусматривал также возможность обжалования сразу же после предания заявителей суду. В данном случае недоступность разбирательства, вызванная промедлением с началом судебного процесса, лишила заявителей права на "безотлагательное" рассмотрение вопроса о законности их содержания под стражей. Следовательно, Суд пришел к выводу, что имело место нарушение Ст. 5-4 ЕКПЧ.

Так как имевшее место, по их утверждению, различие в обращении с г-ми де Йонгом и Балжэ было объективно и разумно оправдано неминуемой отправкой в Ливан для выполнения специального задания, то Суд установил, что нарушения Ст. 5 ЕКПЧ, взятой в совокупности со Ст. 14 ЕКПЧ, не было.

Идентификационный номер: ECH-1984-S-003

Годди против Италии

Краткая аннотация

Заочное судебное производство (*in absentia*) лица, обвиняемого в совершении уголовного правонарушения и находившегося в то время под стражей в другом городе, когда защитнику этого лица не было сообщено о заседании, и не было возможности воспользоваться действительной защитой назначенного защитника, нарушает право на справедливое судебное разбирательство.

Сокращенное содержание

Г-н Франческо Годди был приговорен в июне 1975 г. региональным судом Форли к 18 месяцам лишения свободы и штрафу 300 тыс. лир по обвинению в ряде уголовных правонарушений.

Решение суда было обжаловано заявителем и опротестовано прокуратурой. Апелляционный суд Болоньи неоднократно переносил слушание дела. 3 декабря 1977 г. он вынес решение *in absentia*, оставив в силе меру наказания, наложенную в Форли, не зная, что заявитель в это время был взят по стражу в Орветто и приговорен к лишению свободы за другие правонарушения. Суд назначил адвоката для представления интересов заявителя: его собственный защитник отсутствовал, поскольку повестка о заседании была выслана не ему, а другому адвокату, который уже не оказывал услуги заявителю.

Узнав о приговоре, заявитель направил в Кассационный суд жалобу по мотивам нарушения процессуального законодательства. 8 ноября 1979 г. Кассационный суд оставил его жалобу без удовлетворения.

Суд должен был проверить заявление о нарушении права на справедливое судебное разбирательство и, более конкретно, право защищать себя против обвинений в совершении уголовных правонарушений в смысле Ст. 6-3-с ЕКПЧ. Суд, прежде всего, отметил, что цель, преследуемая этой Статьей (право собственного выбора представителя своих правовых интересов), не была достигнута апелляционным судом в Болонье, и заявитель не имел возможности конкретной и действительной защиты, предусмотренной этой нормой.

С тем, чтобы удостовериться, в какой степени эта фактическая ситуация была типична для итальянского государства, Суд рассмотрел каждый пункт жалобы, а затем сделал общую оценку.

Суд пришел к выводу, что прокуратура Орветто не могла быть ответственной за отсутствие заявителя на процессе 3 декабря 1977 г., поскольку она предприняла необходимые меры для того, чтобы сообщить ему о заседании. Что касается администрации места заключения, то их вина также не была установлена.

В вопросе о присутствии защитника, выбранного заявителем, Суд пришел к выводу, что упущение в связи с отсутствием такого адвоката носило существенный характер и лишало заявителя «конкретной и действенной защиты».

С точки зрения Конвенции, Суд отметил факт отсутствия адвоката как более, чем беспокоящий, в условиях, когда отсутствовал сам заявитель. В дополнение назначенный судом адвокат, не зная о причинах неявки обвиняемого, не мог добиваться перенесения судебного заседания. В конечном счете, вынесенное региональным судом Форли наказание могло быть, и было в действительности, завышенным.

Что касается защитника, назначенного 3 декабря 1977 г. судом для заявителя, Суд должен был определить, были ли апелляционным судом Болоньи предприняты меры для обеспечения заявителю права на справедливое судебное разбирательство, включая возможность надлежащей квалифицированной защиты.

Суд считал, что назначенный защитник не имел времени и условий, необходимых для изучения материалов дела, подготовки своего выступления и, если бы это было возможным, консультаций своего клиента. Ввиду неоповещения защитника заявителя о дате заседания, апелляционный суд должен был бы, уважая основные принципы независимости адвокатской корпорации, предпринять меры конкретного характера с тем, чтобы позволить назначенному защитнику выполнить свои функции в наилучших условиях.

Обобщив данные этого дела, Суд пришел к выводу, что эти условия означали несоблюдение требований Ст. 6-3с в стадии судопроизводства 3 декабря 1977 г. в апелляционном суде Болоньи.

Идентификационный номер: ECH-1984-S-002

Люберти против Италии

Краткая аннотация

Разбирательство, длившееся 18 месяцев и десять дней, в отношении трех заявлений по поводу прекращения содержания в психиатрическом заведении закрытого типа лица, обвиненного в совершении уголовного правонарушения и оправданного по причине его невменяемого состояния, рассматриваются как слишком длительные и, поэтому, нарушающие право на «незамедлительное» решение судом вопроса, касающегося лишения свободы.

Сокращенное содержание

Г-н Лучиано Люберти был взят под стражу 10 июля 1972 г. по подозрению в убийстве своей любовницы. После вынесения обвинительного вердикта судом присяжных заседателей Рима 17 января 1976 г., он обратился с ходатайством о переквалификации меры наказания ввиду смягчающих обстоятельств. 16 ноября 1979 г. апелляционный суд Рима освободил его от ответственности за убийство ввиду установления факта психической невменяемости в момент совершения деяния, и постановил применить принудительные меры медицинского характера, связанные с содержанием в психиатрическом стационаре в течение двух лет. 17 июня 1981 г. Кассационный суд оставил без удовлетворения протест государственного обвинителя.

19 ноября 1979 г. заявитель обратился с ходатайством об освобождении в Надзорный отдел суда г. Рима, который 5 августа 1980 г. принял решение, что вопрос не относится к его подсудности. Заявитель вслед за этим обратился 16 августа 1980 г. к апелляционному суду присяжных Рима, который приостановил перед этим разбирательство, а также в Надзорный отдел суда г. Неаполя. Этот отдел принял 4 июня 1981 г. решение освободить заявителя из психиатрической лечебницы. Он вышел на свободу 15 июня.

Суд, прежде всего, рассмотрел, является ли решение о содержании заявителя как «душевнобольного лица» нарушением права на свободу и личную неприкосновенность личности (Ст. 5-1 ЕКПЧ). Суд напомнил, что надо признать, что при принятии решения о лишении свободы и личной неприкосновенности заявителя на таком основании, государственные органы власти имели определенные пределы усмотрения, исходя из чего, именно они в первую очередь должны были оценить доказательства, представленные им в данном случае. Задача Суда заключалась в рассмотрении соответствия этих решений властей Конвенции. Лицо может быть признано «психически больным» и лишено на законных основаниях свободы только при выполнении трех минимальных условий: 1) следует убедительно доказать, что оно является психически больным, 2) психическое расстройство должно быть такой степени, которая предполагает принудительные меры медицинского характера, и 3) действие продолжительности содержания в лечебнице должно быть обосновано течением болезни.

Установив, что апелляционный суд присяжных заседателей г. Рима полностью выполнил два первых требования в данном деле, Суд рассмотрел, вышло ли обжалуемое «лишение свободы», которое изначально было совместимо со Ст. 5-1 ЕКПЧ, за рамки периода, оправданного психическим состоянием заявителя.

В период между вынесением решения апелляционным судом присяжных заседателей Рима и прекращением меры пресечения было составлено два акта экспертизы.

Первый акт экспертизы от 5 марта 1980 г. содержал рекомендацию освободить заявителя в интересах поддержания его психического здоровья и, тем самым, противоречил содержанию решения апелляционного суда присяжных заседателей Рима. Однако, по ряду причин Надзорный отдел суда г. Рима подошел к делу осмотительно и сам принял меры к проверке психического состояния заявителя. В связи с тем, что он скрылся в августе 1980 г., возможности дальнейшего психиатрического наблюдения до его нового взятия под стражу в марте 1981 г. не имелось.

В отношении второго доклада (16 апреля 1981 г.) Суд обратил внимание, что он не был заключительной стадией в разбирательстве. Кроме того, поскольку заявитель ранее был диагностирован в качестве душевнобольного и опасного для общества, снятие принудительных мер содержания в лечебном учреждении закрытого типа также касалось сообщения, в котором он будет жить в случае освобождения. В соответствии с этим Надзорный отдел действовал осмотительно, и ему было необходимо некоторое время для рассмотрения дела. Не было доказано, что в Надзорный отдел без весомых причин откладывал свое решение.

Таким образом, Суд пришел к выводу, что в данном случае не было нарушения Ст. 5-1 ЕКПЧ.

Затем он обратился к предполагаемому нарушению Ст. 5-4 ЕКПЧ — право на безотлагательный судебный контроль и безотлагательное определение законности лишения свободы. Суд обратил внимание после анализа своей судебной практики на то, что заявитель внес три ходатайства о прекращении своего содержания в лечебнице. Хотя только последнее заявление привело Суд к принятию решения о законности содержания, Суд заявил, что в расчет должно приниматься не только заявление. Надо было удостовериться в том, имел ли заявитель в конечном счете возможность осуществлять свое право на «безотлагательное» решение этого вопроса у национальных судебных властей, за деятельность которых Италия несла ответственность перед органами Конвенции. В этих целях Суд сделал общую оценку после отдельного изучения каждой из серии разбирательств данного дела.

Разбирательство, возбужденное в Надзорном отделе суда г. Рима, было закончено по апелляционной жалобе после 18 месяцев и 10 дней. Поскольку это было срочное дело, касавшееся лишения свободы, различные отмеченные Судом факторы не объяснили, с его точки зрения, обоснованность продолжительности такого периода времени. Поэтому, по мнению Суда, несмотря на оперативность Надзорного отдела суда г. Неаполя, результатом излишних проволочек, которые характеризовали первую часть разбирательства, стало то, что судебные власти Италии не приняли решение «безотлагательно» по поводу «законности и обоснованности» оспариваемого лишения свободы. Общая оценка материалов, представленных в Суд, привела его к тому выводу, что Ст. 5-4 была нарушена.

Озторк против Германии

Краткая аннотация

Право на бесплатную помощь переводчика в судебном разбирательстве по поводу «административного правонарушения» гарантируется применяемым к уголовному преследованию правом Конвенции на справедливое судебное разбирательство.

Сокращенное содержание

Г-н Абдулбаки Озторк, проживающий в Германии гражданин Турции, находясь за рулем своего автомобиля, оказался виновным в дорожно-транспортном происшествии, причинив ущерб другому автомобилю в размере 5 000 немецких марок. бапреля компетентные власти г. Хайльбронна в силу Закона об административных правонарушениях взыскали с него штраф в размере 60 немецких марок за нарушение правил дорожного движения. Заявитель обжаловал это решение в окружном суде Хайльбронна. Однако, в заключении слушаний, где ему оказывал помощь переводчик, он отозвал свой иск. Окружной суд вынес определение, что он должен нести судебные расходы, включая гонорар переводчика (63 марок 90 пфеннигов).

Суд должен был определить, был ли заявитель лишен права на бесплатную помощь переводчика в нарушение Ст. 6-3 ЕКПЧ. Он рассмотрел сначала применимость этой статьи, действие которой распространяется на уголовные правонарушения, в данном деле.

Суд пришел к выводу, что оспариваемое правонарушение не имеет исключительно административную природу с точки зрения целей Конвенции. Он вновь подтвердил «автономию» термина «уголовный», как он понимается в смысле Конвенции, а затем изучил вопрос, является ли административное правонарушение также и «уголовным». С этой целью Суд сослался на некоторые критерии, выведенные из его прецедентного права. В соответствии с ними, он должен был задаться вопросом, принадлежит ли нормативный акт, определяющий данное правонарушение, к уголовному праву во внутрисударственной правовой системе государства-ответчика. Затем, следовало определить природу вменяемого правонарушения и, в заключении, природу и уровень тяжести наказания, риску которого подвергается заинтересованное лицо, принимая во внимание предмет и цель Ст. 6 ЕКПЧ в смысле обычных значений терминов этой статьи и в законодательстве этого государства.

По законодательству ФРГ, как отметил Суд, вменяемые заявителю факты, то есть несоблюдение Раздела 1-2 Дорожно-транспортных правил, приравнивается к «административным нарушениям». Однако, Суд подчеркнул, что определения, даваемые национальным правом государства-ответчика, имеют только относительное значение. Он заметил, что сама природа правонарушения, рассматриваемая в связи с налагаемым наказанием, представляла существенно значимый фактор.

В этом отношении Суд признал, что введение законодательства об «административных правонарушениях» было значительной вехой в истории реформы германского уголовного права и что привнесенные нововведения представляли собой нечто большее, чем простое изменение терминологии. Однако, Суд обратил внимание, что при устоявшемся значении терминов правонарушения по уголовному праву имеют тенденцию становиться правонарушениями, за которые налагаются различные виды наказания, обычно состоящие из штрафов и наказаний в виде лишения свободы. Во-вторых, он отметил, что нарушение, совершенное заявителем, продолжает квалифицироваться как уголовное в значительной части государств-участников. Более того, Суд усмотрел, что изменения в законодательстве ФРГ относятся главным образом к процессуальному праву. В то время, когда они прямо изменили ряд санкций дорожно-транспортных нарушений такого типа, как в данном деле, Суд счел, что штрафная санкция не потеряла своего репрессивного характера в ходе реформ, являясь характерным признаком уголовных наказаний. На основе этого Суд пришел к выводу, что общая природа применимой нормы и цели наказания, являющихся как предупредительными, так и наказывающими, были достаточными для доказательства того, что оспариваемое правонарушение приобрело «уголовную» природу в смысле Ст. 6-3.

Далее, Суд обратил внимание, что степень серьезности правонарушения сама по себе была несущественной для целей квалификации. Хотя в данном случае серьезность правонарушения была незначительной, Суд не нашел в Конвенции ничего, что могло говорить в пользу того, что правонарушение, на которое ссылается Ст. 6-3, должно носить определенный уровень тяжести. Он счел далее, что возникнет противоречие с целями и задачами Ст. 6 Конвенции, если бы государствам было разрешено изъять из-под ее действия целый ряд правонарушений только на основании того, что они малозначительны.

Суд подтвердил в заключении, что из его решения вопроса применимости Ст. 6 ЕКПЧ не следует, что сам принцип принятой в Германии системы подвергается сомнению. Принимая во внимание большое число незначительных правонарушений, в частности, в области дорожного транспорта, государство-участник имеет достаточные основания для освобождения судов от задачи по их рассмотрению и вынесению по ним наказаний. Изменение подведомственности разбирательства и преследования таких правонарушений в пользу административных властей не является несовместимым с Конвенцией, по мнению Суда, при том условии, что заинтересованное лицо должно иметь возможность обжаловать любое решение в отношении него таким судом, если гарантии Ст. 6 ЕКПЧ не были соблюдены.

Обратившись к вопросу о соблюдении Ст. 6-3 ЕКПЧ в данном деле, Суд пришел к выводу, что вменяемое решение окружного суда Хайльбронна на самом деле представляет собой нарушение этой Статьи, поскольку с заявителя были вслед за этим взысканы расходы по оказанию услуг переводчика, гарантируемых Конвенцией как бесплатные.

Идентификационный номер: ECH-1983-S-003

Ван дер Мусселе против Бельгии

Краткая аннотация

Обязанность адвоката-стажера защищать обвиняемого без оплаты труда или возмещения расходов не нарушает запрет на принудительный или обязательный труд.

Сокращенное содержание

Г-н Ван дер Мусселе занимался адвокатской практикой в Антверпене. 31 июля 1979 г., еще являясь стажером, он был официально назначен отделом правовой помощи и защиты адвокатской ассоциации Антверпена защищать г-на Эбрима, гражданина Гамбии. Г-н Эбрима, обвинительный приговор которому суда первой инстанции был оставлен в силе апелляционной инстанцией, был освобожден из-под стражи 17 декабря 1979 г. в силу ходатайств, принесенных заявителем в пользу осужденного в министерство юстиции.

На следующий день отдел правовой помощи и защиты адвокатской ассоциации Антверпена сообщил г-ну Ван дер Мусселе, что освобождает его от ведения дела и что ввиду неплатежеспособности г-на Эбрима ему не будут выплачены гонорар и издержки по ведению дела.

Заявитель утверждал, что в течение трех лет своего стажа он действовал как назначенный адвокат приблизительно в 50 делах без выплаты вознаграждения.

Суд должен был определить, стал ли заявитель жертвой нарушения Ст. 4 ЕКПЧ (запрет принудительного или обязательного труда) ввиду того, что его труд не оплачивался.

Суд, прежде всего, отметил, что текст Ст. 4-2 ЕКПЧ не дает определения, что означает термин «принудительный труд». Не теряя из вида особого характера и автономии Конвенции, Суд дал толкование Ст. 4 ЕКПЧ в свете Конвенции 29 и 105 Международной Организации Труда, которые действуют почти во всех

подписавших ЕКПЧ государствах-участниках, включая Бельгию. Согласно Ст. 2-1 Конвенции 29, термин «принудительный труд» означает «всякую работу или службу, требуемую от кого-либо под угрозой наказания и на которую это лицо не предложило добровольно своих услуг».

Применяя это определение, Суд счел, что, хотя «услуги», которые оказывались заявителем, могут оправданно рассматриваться как «работа» в смысле Ст. 4 ЕКПЧ, ввиду отсутствия физического и психического принуждения они не могут рассматриваться как принудительные. Оставалось исследовать, могут ли они быть квалифицированы в качестве «обязательных».

Суд пришел к выводу в этой связи, что риск, которому бы подвергся заявитель, представлял бы собой «угрозу наказания», но он придал относительное значение аргументу, основанному на «предварительном согласии», данном заявителем в начале своей карьеры адвоката. Суд счел необходимым учесть все обстоятельства дела в свете принципа соразмерности и подразумеваемых целей Ст. 4 ЕКПЧ.

Суд счел, что Ст. 4-3 ЕКПЧ была показательна в том отношении, что она содержала принципы, которые провели границы гарантированного Ст. 4 ЕКПЧ права. Суд пришел к выводу, что все четыре категории «проведения границ» в Ст. 4-3 ЕКПЧ, при всем их разнообразии, были основаны на общем интересе, социальной солидарности и том, что является нормальным или обычным ходом вещей. Он обратил особое внимание в данном деле, что Ст. 4-3-d ЕКПЧ исключает из понятия «принудительного или обязательного труда» «работу или службу, которая входит в обычные гражданские обязанности». Суд продолжал далее, что услуги, оказанные в данном деле, не выходят за рамки круга нормальной деятельности адвоката. Кроме того, компенсаторным фактором являются преимущества, присущие профессии (исключительное право адвоката на участие в заседаниях и представительстве интересов). Суд также подчеркнул, что оказанные заявителем услуги по существу вносили вклад в его профессиональную подготовку, в такой же степени, как и дела, которые оплачивались клиентами. Более того, Суд признал, что оспариваемая обязанность, которая обеспечила г-ну Эбрима благополучный исход в рамках Ст. 6-3 ЕКПЧ (право защищать себя), было основано на концепции социальной солидарности, в результате чего оно было аналогично «обычным гражданским обязанностям», на которые ссылается Ст. 4-3 ЕКПЧ. Суд пришел к заключению к выводу, что бремя, наложенное на заявителя в отношении часов, уделенных делу г-на Эбрима, не было несоразмерным: всегда оставалось достаточно времени для осуществления его оплачиваемой работы. Хотя он, несомненно, страдал от некоторых предрассудков по причине отсутствия оплаты, вышеуказанные преимущества и относительно небольшие суммы расходов, понесенные им в данном деле способствовали выводу, что его услуги не могут характеризоваться как «принудительный труд» в смысле Ст. 4 ЕКПЧ.

В заключении Суд напомнил два важных фактора. Во-первых, заявитель фактически опротестовывал не принцип правовой помощи сам по себе, а скорее два аспекта его применения - неуплату гонораров и невозмещение расходов. Они были релевантными факторами, если сравнивать это положение с тем, что является соразмерным при нормальном ходе вещей. Во-вторых, Суд обратил внимание, что законодательство ряда государств-участников эволюционировало к использованию средств из государственных фондов для оплаты адвокатов или стажеров-адвокатов, назначенных представлять интересы неплатежеспособных сторон в делах.

Идентификационный номер: ECH-1983-S-002

Минелли против Швейцарии

Краткая аннотация

Решение суда, объявившего об окончании уголовного производства по делу в связи истечением сроков давности, но обязавшего обвиняемого нести некоторые судебные издержки и оплатить возмещение частным обвинителям их расходов, является нарушением права на справедливое судебное разбирательство ввиду несоблюдения принципа презумпции невиновности.

Сокращенное содержание

Заявитель является журналистом. В 1972 г. одна из компаний и ее директор инициировали возбуждение против него дела по обвинению в публикации материалов, порочащих честь и достоинство (диффамации). Разбирательство было приостановлено в 1974 г. в связи с ожидавшимся решением по аналогичным фактам против другой стороны.

12 мая 1976 г. суд присяжных заседателей кантона Цюрих вынес решение, что дело не подпадает под его юрисдикцию в связи с истечением срока давности. Согласно Ст. 293 Уголовно-процессуального кодекса кантона Цюрих, было вынесено определение, что заявитель должен нести две трети расходов по разбирательству и судебные издержки, а также распорядился оплатить возмещение расходов частных обвинителей.

Заявитель, не получив удовлетворения своей кассационной жалобы в кассационном суде кантона Цюрих, направил публично-правовую жалобу ^[28] в Федеральный суд. Она была отклонена 16 мая 1979 г.

Диффамация рассматривается в Швейцарии в качестве правонарушения, квалифицируемого и санкционируемого в силу Уголовного кодекса. Нарушители наказуемы в форме взыскания штрафов или даже лишения свободы, что заносится в судебную уголовную картотеку. В кантоне Цюрих производство по обвинению проводится на основе цюрихского Уголовно-процессуального кодекса.

Исследуя, соблюдался ли принцип презумпции невиновности в данном деле, Суд должен был определить, должен был ли заявитель, в отношении которого несомненно было предъявлено «уголовное обвинение», отвечать на «уголовные обвинения против него» в правоприменительном смысле Ст. 6-2 ЕКПЧ. Суд обратил внимание, что ущемление «гражданского права», такого как право на хорошую репутацию, может формировать состав уголовного правонарушения в смысле этой Статьи. В данном деле он счел, что возбужденное против него разбирательство было по сути уголовным, учитывая характер кодекса, регулирующего данное дело, и тяжесть налагаемых потенциальных наказаний в виде денежного штрафа или даже лишения свободы, которые заносятся в судебную картотеку.

Более того, в ответ на утверждение, что суд присяжных заседателей кантона Цюрих имел чисто административную функцию в данном деле, Суд пришел к выводу, что Ст. 6-2 ЕКПЧ регулирует уголовное преследование в целом, а не только обоснованность обвинения. В кантоне Цюрих решение о наложении издержек судебного производства было нормальной частью уголовных разбирательств по делам о диффамации и было предназначено для устранения некоторых их последствий. В этой связи Суд обратил внимание, что тот факт, что решение о расходах было принято после рассмотрения по существу или что его текст был оформлен другим актом, имел незначительный вес. Две части процесса принятия решения не могут быть разъединены: взыскание расходов было необходимо для закрытия следствия и обвинения.

Обращаясь к вопросу о соблюдении Ст. 6-2 ЕКПЧ в данном деле, Суд заявил, что презумпция невиновности могла бы рассматриваться как нарушенная, когда судебное постановление в его отношении отражает мнение, что он виноват, если его вина до этого не была установлена в соответствии с законом, и, особенно, если обвиняемый не имел возможности осуществить свои права на защиту.

Суд пришел к выводу, что суд присяжных заседателей кантона Цюрих, имея в качестве источника Ст. 293 кантонального Уголовно-процессуального кодекса и цюрихское прецедентное право, обосновал свое решение о взыскании расходов и издержек с заявителя в данном деле на том, что ему предстояло бы выплатить компенсацию, если бы срок давности не истек. Поступая таким образом, он изучил вопросы, которые касаются существа дела, и пришел к выводу, что вина обвиняемого являлась «весьма вероятной». Суд присяжных заседателей показал таким образом, что он уверен в вине обвиняемого без того, чтобы предоставить ему гарантии на справедливое судебное разбирательство, изложенные в Ст. 6 ЕКПЧ. Более того, Суд пришел к выводу, что решение Федерального суда от 16 мая 1979 г. ни в малейшей степени не изменило смысл и объем обоснований, на которые опирался суд присяжных заседателей. Это решение всего лишь подтвердило процессуальные основания решения суда присяжных заседателей и признало правомерными пункты обвинения по существу.

В заключении Суд пришел к выводу, что Ст. 6-2 ЕКПЧ в данном деле была нарушена.

Идентификационный номер: ECH-1983-S-001

Сильвер против Великобритании

Краткая аннотация

Чрезмерный контроль над перепиской заключенных лиц представляет собой нарушение права на соблюдение тайны переписки.

Сокращенное содержание

Все заявители, за исключением одного, содержались в заключении в Соединенном Королевстве во время событий, породивших это дело.

Предметом дела стала пересылка администрацией места исполнения наказаний 62 писем, написанных заявителями в период между январем 1972 г. и маем 1976 г. В дополнение к этому один из заключенных жаловался на задержку отсылки исходящего письма, а другой на изъятие входящего письма. В случае одной заявительницы три письма представляли собой переписку такого рода, которая была запрещена для продолжения, как, например, с содержащимся в заключении братом ее друга, в случае других заключенных письма были получены и посланы при переписке с родственниками, защитниками, членами парламента и журналистами. Переписка касалась различных вопросов - условий содержания в заключении, судебных и следственных дел, денежных операций, семейных и личных дел.

Переписка заключенных была предметом регулирования рядом положений внутреннего распорядка в местах лишения свободы, утвержденных министром внутренних дел в силу Закона 1952г. о местах исполнения наказаний. Во время разбираемых событий, правила внутреннего распорядка были дополнены распоряжениями для директоров мест заключения в форме приказов и инструкций, которые не имели публичного характера. Согласно правилам внутреннего распорядка и распоряжениям, рассматриваемые письма были задержаны или приостановлены для пересылки по ряду причин, включая жалобы на обращение в месте заключения, угрозы насилия, неподобающий язык или материалы, предназначенные для публикации.

С 1 декабря 1981 г. положения по поводу переписки заключенных были существенно изменены, и пересмотренные инструкции по этим вопросам стали с этого времени целиком публиковаться.

Содержавшийся в заключении г-н Сильвер обратился 20 ноября 1972г. с ходатайством к министру внутренних дел за правовой консультативной помощью по поводу предположительно неудовлетворительного обращения в тюрьме. В разрешении на оказание правовой помощи было отказано 18 апреля 1973 г.

По отношению к отказу в правовой помощи, Суд, напоминая свою установившуюся судебную практику, счел, что он представляет собой нарушение Ст. 6-1 ЕКПЧ права на справедливое судебное разбирательство - по мотивам отказа в доступе к правосудию.

Обратившись затем к вопросу, составляло ли задержание 64 писем нарушение Ст. 8 ЕКПЧ права на соблюдение тайны переписки. Поскольку непередача или приостановление переписки представляли собой неоспоримо «вмешательство государственного органа власти», Суд должен был рассмотреть, были ли условия, согласно которым Ст. 8-2 ЕКПЧ разрешает такие меры, соблюдены.

Прежде всего, Суд изучил, было ли вмешательство предусмотрено законом. Тот факт, что оно соответствовало законодательству Великобритании, не вызывал споров. Вместе с тем, Суд, ссылаясь на свою судебную практику, напомнил, что выражение «предусмотренные законом» означало, что вменяемое вмешательство должно было иметь источник во внутригосударственном законодательстве и что соответствующий источник должен быть достаточно доступным гражданам. В этом отношении правовая основа для действий администрации мест заключения должна была находиться не в распоряжениях министра по внутренним делам, которые не имели силы законодательного акта, а в законе о местах исполнения наказаний и правилах внутреннего распорядка, и они, в отличие от первых, которые не предавались гласности, были опубликованы.

Другим требованием является то, что законодательный акт должен быть конкретным с тем, чтобы дать возможность гражданину предвидеть последствия своего поведения в той степени, которая была бы разумной в данных обстоятельствах. Однако, толкование и применение многих законодательных актов было вопросом практики. Учитывая, что распоряжения, установившие практику, которая по общему правилу являлась обязательной для исполнения, могли рассматриваться при определении того, был ли критерий предсказуемости соблюден в данном деле, только в той ограниченной степени, в какой заинтересованные лица были знакомы с содержанием этих распоряжений.

Суд подчеркнул, что вмешательство в личное право должно быть предметом действенного контроля, особенно там, где, как в этом случае, исполнительная власть пользуется широкими дискреционными полномочиями. Однако, он не согласился с тем, что эти гарантии должны быть инкорпорированы в данный нормативный акт, который разрешает вмешательство. Вопрос о гарантиях, будучи тесно связан в вопросе об эффективных средствах защиты, должен рассматриваться в контексте Ст. 13 ЕКПЧ право на эффективное средство защиты при нарушении права, провозглашенного Конвенцией.

Применяя вышеуказанные принципы, Суд не нашел доводов, почему непередача большинства писем не была «предусмотрена законом». Однако, в свете фактов дела, Суд признал, что 13 из 64 писем были задержаны в обстоятельствах, которые могут рассматриваться как «не предусмотренные законом», а поэтому не основанные на законе. Они содержали, главным образом, вопросы юридического представительства или переписку с защитниками, материалы, предназначенные для публикации, нецензурные выражения или жалобы в отношении условий содержания или администрации мест лишения свободы.

Вопрос о том, имело ли вменяемое вмешательство законную цель в смысле Ст. 8-2 ЕКПЧ, не был по сути поставлен перед Судом. Он не усмотрел причин для сомнений в том, что каждое вмешательство имело цель, которая была законной, как, например, «предотвращение беспорядков или преступности», «защита морали» или «защита прав и свобод других».

Суд обратился затем к понятию необходимости вмешательства «в демократическом обществе». Он признал, что часть мер контроля над перепиской заключенных лиц была совместима с Конвенцией. Напоминая некоторые принципы, которые проистекают из его судебной практики, Суд подчеркнул, что государства-участники пользуются определенными, но не неограниченными пределами усмотрения, когда накладывают такие ограничения, но, однако, именно Суд выносит окончательное решение об их совместимости с Конвенцией. В соответствии с этим, Суд напомнил, что вмешательство должно соответствовать «насущной общественной необходимости» и должно быть «соразмерным преследуемой законной цели», а также то, что положения Конвенции, разрешающие исключения, должны толковаться в узком смысле.

Применяя вышеуказанные принципы, Суд счел, что задержание большинства писем не было «необходимо».

Суд пришел к выводу, что, за исключением 7 писем, пересылка или задержка отправления остающихся 57 писем привела к нарушению Ст. 8-1 ЕКПЧ.

Затем Суд перешел к анализу предполагаемого нарушения Ст. 13 ЕКПЧ, взятому совместно с установленными нарушениями Ст. 8 ЕКПЧ.

Напомнив некоторые из принципов, которые следуют из его судебной практики по толкованию Ст. 13 ЕКПЧ, Суд счел, прежде всего, что возможность заявителей обжаловать контроль над их корреспонденцией в Комитет наблюдателей или руководителю комиссии парламента по административным делам, никто из которых не мог принимать обязательные для исполнения решения, не представляет собой «эффективное средство» в смысле Ст. 13 ЕКПЧ.

Суд рассмотрел два других канала для обжалования, а именно ходатайство министру внутренних дел и возбуждение разбирательства в судах. Проверив их соответствующие полномочия, он пришел к выводу, что в той степени, в какой применяемые распоряжения были несовместимы со Ст. 8 ЕКПЧ, эти каналы не представляли собой «эффективное средство». Однако, в той степени, какой эти акты были совместимы со Ст. 8 ЕКПЧ, совокупность этих средств удовлетворяла в тех случаях, в которых они были доступны, требования Ст. 13 ЕКПЧ.

Суд пришел таким образом к выводу, что во всех случаях, где он обнаружил нарушение Ст. 8 ЕКПЧ, и в одном из семи оставленных исключенными дел, Ст. 13 ЕКПЧ была нарушена.

Идентификационный номер: ECH-1983-S-001

Альбер и Ле Конт против Бельгии.

Ключевые слова для алфавитного указателя:

Врач / Профессиональная корпорация врачей / Медицина, право на врачебную практику / Списки членов Профессиональной корпорации врачей, исключение.

Краткая аннотация:

Судебные дела, возбужденные против двух практикующих врачей в судах по дисциплинарным вопросам Профессиональной корпорации врачей, нарушили право на справедливое судебное разбирательство из-за непубличного характера судебного заседания и объявления решений.

Сокращенное содержание:

В июне 1974 г. за выдачу справки о нетрудоспособности без соответствующего серьезного медицинского осмотра совет Профессиональной корпорации врачей провинции Брабан (Brabant) наложил на доктора Альбера (Albert) взыскание в виде временного лишения его сроком на два года права заниматься медицинской практикой. В ноябре 1974 г. апелляционный совет подтвердил это взыскание, а в июне 1975 г. кассационное обжалование, поданное доктором Альбером, было также отвергнуто.

В марте 1974 г. совет Профессиональной корпорации врачей провинции Западная Фландрия наложила на доктора Ле Конта (Le Compte) взыскание в виде лишения права заниматься медицинской практикой сроком на два года за "незаконную рекламу" и "бескорбление Профессиональной корпорации врачей". В октябре апелляционный суд преобразовал взыскание в исключение из списков Корпорации. Доктор Ле Конт безуспешно пытался оспорить это решение: в декабре 1975 г. он был вычеркнут из списка практикующих врачей.

Касательно основного вопроса, рассматриваемого в данном случае и относящегося к оспариваемому нарушению Ст. 6-1 ЕКПЧ, Суд сослался на дело *Ле Конта, Ван Левена и Де Мейера (идентификационный №: ECH-1981-S-001)*, имевшее место в его судебной практике, и отметил, что заявители имели право на "судебное разбирательство" их дела в смысле данной статьи. Что же касается "беспристрастности" апелляционного совета, то здесь Суд предполагает наличие персональной презумпции беспристрастности каждого из членов совета лично, так как обратное доказано не было. Беспристрастность апелляционного совета была также признана с объективной и организационной точек зрения, принимая во внимание тот факт, что -согласно бельгийскому законодательству -заседающие в нем врачи действуют от своего имени. Относительно "открытости" слушаний, Суд отметил непубличный характер как самого заседания, так и объявления решения, вынесенного апелляционным советом. В свете этих соображений Суд счел, что дела доктора Альбера и доктора Ле Конта не были "публично" рассмотрены полноправным судом, открыто выносящим свои решения. Исходя из этого, Суд пришел к выводу о том, что имело место нарушение Ст. 6-1 ЕКПЧ.

Доктор Альбер также утверждал, что не смог воспользоваться гарантиями, представляемыми Ст. 6-2 ЕКПЧ и пунктами а), б) и d) Ст. 6-3 ЕКПЧ. Отметив применимость принципов, изложенных в этих статьях, не только при обвинении лица в совершении уголовного преступления, но также и к дисциплинарным разбирательствам, как в данном случае, Суд проанализировал самую суть жалоб, поданных заявителем. Находя его утверждения бесосновательными, Суд пришел к выводу об отсутствии нарушения Ст. 6-2 ЕКПЧ и пунктов а), б), и d) Ст. 6-3 ЕКПЧ.

Доктор Альбер утверждал также, что обязательное членство в Профессиональной корпорации врачей ущемляло его право на свободу ассоциации с другими лицами, так как эта обязанность выходила за рамки ограничений, дозволенных Ст. 11-2 ЕКПЧ. Не видя причин для отклонения от решения, вынесенного по такому же вопросу в своем постановлении по делу *Ле Конта, Ван Левена и Де Мейера*, Суд пришел к выводу об отсутствии нарушения Ст. 11 ЕКПЧ в связи с тем, что Профессиональная корпорация врачей не может рассматриваться в качестве "ассоциации".

Идентификационный номер: ECH-1982-S-002

Спорронг и Леннрот против Швеции

Краткая аннотация

Разрешения на экспроприацию в течение длительного времени и запреты на строительство, содержание и продление которых не могут быть обжалованы по существу перед судом, представляют собой как нарушение права на беспрепятственное использование своего имущества, так и права на справедливое судебное разбирательство.

Сокращенное содержание

В качестве сонаследников г-на Е. Спорронга, г-жа Спорронг, г-н С.-О. Спорронг и г-жа Атмер стали собственниками земельных участков в центральном округе Стокгольма Нижнем Нормалме, где находятся здания, построенные в 60е годы прошлого века. В июле 1956 г. правительство предоставило городской администрации разрешение на зональную экспроприацию, [29] касающуюся 164 жилых зданий, включая здания, входящие в собственность наследников г-на Спорронга. Намерение заключалось в том, чтобы построить виадук и создать место автостоянки в этой зоне. В силу Закона об экспроприации 1917 г. правительство установило период пяти лет, в течение которого городская администрация под угрозой потери разрешения, должна была вызвать собственников в суд по недвижимости для определения компенсации. Срок был продлен в 1961, 1964 и 1969 гг. В последнем случае на пять лет. В мае 1979 г. разрешение было отозвано по просьбе городской администрации, которая в это время стала следовать политике сокращения числа автомобилей в городе и сохранения существующих застроек. С 1954 по 1979 г. было среди прочего запрещено производить застройку на данных площадях.

Собственность г-на Леннрота, которая находилась в центре Стокгольма, была предметом разрешения на экспроприацию с 1971 по 1979 г. и запрета на строительство с 1968 по 1980 г. Собственность предлагалась для продажи в семи различных случаях, но потенциальные покупатели отказывались после консультаций с городскими властями.

В то время шведское законодательство не предоставляло возможности оспаривания срока действия разрешений или для требований по возмещению за потери, причиненные сроком действия или неиспользованием разрешений. Измененный в 1972 г. Закон по-прежнему исключал вторую из таких возможностей в то время, когда дело слушалось в Суде.

Суд должен был рассмотреть, был ли срок периода, в течение которого действовало разрешение на экспроприацию, сопровождаемое запретами на строительство, незаконным вмешательством в права заявителей на беспрепятственное использование своего имущества (Ст. 1 Протокола 1 ЕКПЧ).

Суд признал, что разрешения на отчуждение оставили незатронутыми права заявителей пользоваться и распоряжаться объектами собственности. Однако, он счел, что на практике, такие разрешения значительно снижают возможность использования этих прав и затрагивают саму сущность права собственности в той связи, что они заведомо предполагают, что отчуждение будет законным и разрешенным городом Стокгольмом в любое время, когда город сочтет это своевременным. Права заявителей на собственность стали таким образом ущербными и условными.

Что касается запрета на строительство, то, с точки зрения Суда, он несомненно ограничил права заявителей на использование своего имущества.

Затем Суд обратился к вопросу, представляли ли собой данные ограничения реальное нарушение беспрепятственного использования своего имущества в смысле Ст. 1 Протокола 1. Для того, чтобы ответить на вопрос, следовало определить, были ли другие требования этой Статьи соблюдены, в частности то, что существовало вмешательство «лишением» собственности, не основанное на общественном интересе (второе предложение, первый параграф) или существовал неоправданный контроль - «контроль за использованием собственности», как он изложен во втором параграфе Ст. 1 Протокола 1 ЕКПЧ.

Суд отметил, что заявители не были формально «лишены своей собственности», они имели право использовать ее, продавать, завещать, дарить или сдавать в ипотеку, учитывая, что шведские власти не приступили к реальной экспроприации собственности заявителей. В отсутствие формальной экспроприации в смысле передачи прав собственности, Суд пришел к выводу, что необходимо смотреть далее внешней стороны дела и исследовать фактическое положение для того, чтобы решить, имела ли место *de facto* экспроприация. Он отбросил эту возможность на том основании, что, хотя собственность потеряла часть своего существа, но на самом деле право отчуждения в данном случае не было упразднено.

Суд, далее, рассмотрел, приравниваются ли меры к «контролю» над использованием собственности. Он определил, что это относится к запрещению на строительство, но не к разрешениям на экспроприацию, которые были начальным этапом в процессе, ведущем к лишению собственности, и потому не подходящим для рассмотрения в этой части.

Третье. Суд рассмотрел разрешения в свете того принципа, что «беспрепятственное использование» собственности должно уважаться (первая фраза Ст. 1 Протокола 1 ЕКПЧ).

Не высказываясь в отношении соответствия разрешений на экспроприацию шведскому законодательству, Суд подчеркнул необходимость проведения справедливого баланса между требованиями общих интересов сообщества и требованиями защиты основных личных прав.

Суд отметил, что особенностью действующего в данном случае законодательства являлось его негибкость: при исключении случая полного отзыва разрешений, для чего требовалось согласие муниципалитета, закон не предоставлял средств, посредством которых положение собственников могло бы быть изменено в более поздний период. В течение длительного периода заявители оставались в полном неведении в отношении судьбы своей собственности и не имели оснований считать, что правительство учтет те сложности, которые они испытывали. Признавая право города Стокгольма на использование недвижимости для осуществления своих проектов и широкие пределы усмотрения, которые имеют государства-участники в отношении ведения своей градостроительной политики, Суд не обнаружил причин, почему шведский законодатель исключил возможность пересмотра через разумные промежутки времени соотношения интересов города и собственников. Кроме того, суд подчеркнул отрицательные последствия длительности действия разрешения.

В заключение Суд констатировал, что заявители несли излишнее и особое бремя, которое могло быть оправданным только, если бы они имели возможность требовать прекращения действия разрешения или возмещения. Но шведское законодательство того времени исключало такую возможность. Поэтому в данном деле имело место нарушение Ст. 1 Протокола 1 ЕКПЧ.

В конечном счете, Суд рассмотрел утверждение, что заявители были жертвами нарушения права на справедливое судебное разбирательство (Ст. 6-1 ЕКПЧ), на том основании, что их требования по поводу разрешений на экспроприацию не были рассмотрены судом.

Суд счел, что Ст. 6-1 применима в данном деле. Право собственности обнаруживает несомненно гражданско-правовой характер, речь шла только о том, возник ли «спор» (*contestation*) по этому поводу между шведскими властями и заинтересованными лицами. По существу заявители и правительство вели спор о соответствии установленных длительных сроков шведскому законодательству. Суд, не считая себя вправе разрешить этот спор, признал, тем не менее, его существование и серьезность. Он констатировал, таким образом, что, ввиду того, что заявители считали незаконным принятие и продление мер, затрагивающих их права на собственность и действующих в течение вышеуказанных сроков, они должны были иметь право на решение этого вопроса национальным судом.

Что касается соблюдения этого права в данном случае, Суд исследовал прежде всего, могли ли заявители возбудить судебное разбирательство для обжалования законности решений муниципального совета и правительства по поводу выдачи и продления разрешений на длительный срок. Суд обнаружил, что решения о выдаче и продлении разрешений могли быть оспорены в административном совете округа, а затем при необходимости в Высшем административном суде. При всем этом, он счел, что оспариваемые решения муниципалитета имели только подготовительный характер и сами по себе не наносили в этой стадии ущерба праву собственности.

Что касается решений правительства в этом отношении, Суд отметил, что они не могли быть предметом обжалования в административных судах. Несомненно, собственник мог, помимо этого, оспаривать их законность в Верховном административном суде по вновь открывшимся обстоятельствам, но в этом случае речь идет об исключительном и редко используемом средстве защиты. Вышеуказанный суд не рассматривает дело по существу, когда проводит рассмотрение вопросов его подведомственности и подсудности, и тем самым не проводит всестороннюю проверку мер, касающихся прав гражданского типа.

Суд пришел к выводу, что Ст. 6-1 ЕКПЧ в данном случае была нарушена, ибо дело заявителей не было рассмотрено судом, уполномоченным на всестороннее рассмотрение дела.

Идентификационный номер: ECH-1982-S-001

Кэмпбелл и Кюенс против Великобритании

Краткая аннотация

Продолжительный риск подвергания ребенка телесному наказанию, применяемому в Шотландии в качестве дисциплинарной меры, представляет собой нарушение права на уважение философских убеждений родителей в процессе образования ребенка.

Сокращенное содержание

Когда г-жа Кэмпбелл обратилась с заявлением в Комиссию, ее сын Гордон, продолжал посещать шотландскую государственную школу, где используются телесные наказания в целях поддержания дисциплины. Региональная академическая служба образования отказала в рассмотрении требований г-жи Кэмпбелл о предоставлении гарантии, чтобы ее ребенок не подвергался подобному наказанию. На практике за время своего пребывания в школе он никогда не наказывался

таким образом.

В результате отказа подвергнуться телесному наказанию сын г-жи Козенс, Джеффри, был временно исключен в сентябре 1976г. из государственной школы в Шотландии. В январе 1977г. дирекция указала, что она сняла меру наказания в форме исключения из школы. Однако это не изменило положение, учитывая, что родители Джеффри настаивали на том, что, если их сын будет вновь принят в школу, он не должен подвергаться телесным наказаниям ни за какой проступок в школе. Джеффри, который в мае 1977 г. вышел из школьного возраста, в школу уже никогда по существу не возвращался.

По шотландскому законодательству того времени преподаватели могли прибегать к умеренным телесным наказаниям в порядке поддержания дисциплины. Если они прибегали к нему на основе незаконного повода или в крайней, произвольной или жестокой форме, то могло быть возбуждено дело по гражданскому иску о возмещении причиненного ущерба или даже по уголовному преследованию.

В данных школах наказание имело форму ударов по ладони кожаной плетью.

Правительство Великобритании заявило о своей приверженности к упразднению телесных наказаний в шотландских школах в качестве меры наказания, но законодательство по этому вопросу не было принято.

Суд рассмотрел первоначально вопрос, представляет ли собой угроза телесного наказания «бесчеловечное и унижающее достоинство обращение» в смысле Ст. 3 ЕКПЧ. Хотя в данном случае на практике применения физического наказания не было, Суд отметил, что если такая угроза была бы реальной и непосредственной, даже неопределенная угроза обращения, запрещенного Ст. 3 ЕКПЧ, могла бы нарушить эту норму.

Применяя свою судебную практику, Суд сделал заключение, что положение, в котором оказались сыновья заявителей не является «пыткой» или «бесчеловечным обращением». Более того, он отметил, что положение двух подростков не представляет собой «унижающее достоинство обращение», если оно не достигло в их глазах или в глазах других минимального уровня тяжести унижения или оскорбления, который должен быть оценен в зависимости от обстоятельств конкретного дела.

Перед лицом среди прочего того, что телесные наказания были общепринятой традицией в Шотландии, Суд не нашел убедительным то, что неопределенный риск подвергнуться телесному наказанию в какой-либо степени унижал или оскорблял учеников. Что касается того, выглядели ли сыновья заявителей сами в своих глазах таким образом, Суд отметил, что нет доказательств, что они ощущали негативные психологические или иные последствия этой ситуации. Джеффри Козенс мог испытывать чувства опасения или беспокойства, но этого не было достаточно для того, чтобы представлять собой «унижающее достоинство обращение». Это относится и к Гордону Кэмпбеллу, которому никогда телесное наказание прямо не угрожало.

На основе этого Суд единогласно пришел к выводу, что нарушения Ст. 3 ЕКПЧ установлено не было.

Затем Суд перешел к рассмотрению предполагаемого нарушения в данном деле Ст. 2 Протокола 1 ЕКПЧ. В отношении обоих заявителей Суд рассмотрел первоначально вторую фразу статьи, в частности, обязательство государств-участников уважать философские убеждения родителей в осуществлении всех функций, которые связаны с образованием и обучением. Суд констатировал, что во-первых, в Шотландии, функции, осуществляемые государством, взявшим на себя обязанность по формированию общей политики в области образования, распространяются и на дисциплину в целом и дисциплину в качестве составной части любой образовательной системы.

В отношении выражения «философские убеждения», Суд усмотрел, что оно не дает повода для расширительного толкования. Тем не менее, в контексте Ст. 2 Протокола 1 ЕКПЧ, Суд констатировал, что она применяется к взглядам, которые достигают определенного уровня серьезности, последовательности и значимости, заслуживают уважения в демократическом обществе, не являются несовместимыми с достоинством человека и не идут в разрез с основным правом ребенка на образование. С точки зрения Суда, взгляды заявителей на телесные наказания соответствовали этим разнообразным критериям и приравнивались к «философским убеждениям» в смысле Ст. 2 Протокола 1 ЕКПЧ.

Суд отклонил тот аргумент, что политика, идущая в направлении постепенного упразднения телесных наказаний, была сама по себе достаточной для «уважения» философских убеждений. Суд также не установил, что всякое другое решение будет неизбежно несовместимым с оговоркой Великобритании к Ст. 2 Протокола 1 ЕКПЧ, согласно которой обязанность уважать философские убеждения была принята только в той степени, в какой она совместима с тем, что «предоставление эффективного образования и обучения не должно вызывать завышенных государственных расходов».

Суд пришел на основе вышесказанного к заключению, что обе заявительницы были жертвами нарушения второго предложения Ст. 2 Протокола 1 ЕКПЧ.

Помимо этого, Суд констатировал, что имелось также нарушение в отношении Джеффри Козенса первого предложения Ст. 2 Протокола 1 ЕКПЧ права на образование. Суд заметил, что его временное исключение из школы имело своим мотивом его отказ и отказ его родителей согласиться на то, что он подвергнется телесному наказанию или подвергнется угрозе такого наказания. Он мог бы вернуться в школу, если бы его родители действовали вопреки своим убеждениям, которые второе предложение Ст. 2 ЕКПЧ обязывает Соединенное Королевство соблюдать. Суд пришел к выводу, что, хотя государство имеет право и обязанность по Ст. 2 Протокола 1 ЕКПЧ регулировать право на образование, она не предполагает, что государство вправе для доступа в учебное заведение ставить условие, которое будет находиться в противоречии с другим правом, защищенным Протоколом.

Идентификационный номер: ECH-1981-S-003

Даджен против Великобритании

Ключевые слова для алфавитного указателя:

Акты мужеложства / Совершеннолетнее лицо, выразившее свое согласие. / Уголовно наказуемое правонарушение, законность / Возрастной порог / Несовершеннолетнее лицо, защита.

Краткая аннотация

Квалификация гомосексуальных отношений, поддерживаемых с обоюдного согласия мужчинами, достигшими возраста 21 года, в качестве уголовного деяния нарушает право на личную жизнь.

Сокращенное содержание

Законом 1861 г. о преступлениях против личности и законом 1885 г. о реформе уголовного права за акты содомии и грубые развратные действия, совершаемые мужчинами в присутствии других лиц или частным образом, в Северной Ирландии были установлены меры наказания – от двух лет лишения свободы (минимальная санкция) до пожизненного заключения (максимальная санкция). Гомосексуальные отношения между взрослыми женщинами на основе обоюдного согласия не имели никакого деликтного характера.

С оговоркой, исключавшей психически больных, служащих вооруженных сил и экипажи торгового флота, гомосексуальные акты между мужчинами старше 21 года и старше, совершаемые на основе обоюдного согласия в частном порядке, не квалифицировались более в качестве правонарушений в Англии и Уэльсе со

времени вступления в силу закона 1967 г. о половых преступлениях, как и в Шотландии, со времени вступления в действие закона 1980 г. об уголовном правосудии.

В июле 1978 г. правительство Великобритании опубликовало законопроект с целью привести законодательство Северной Ирландии на этот предмет в целом в единообразие с законодательством Англии и Уэльса. Однако, вследствие референдума в Северной Ирландии правительство заявило в июле 1979 г., что оно не имеет намерения продолжать законодательную реформу.

Подданный Великобритании тридцатилетний г-н Даджен, проживающий в Северной Ирландии, является гомосексуалистом. С некоторого времени он ведет вместе с другими кампанию в целях реформы законодательства Северной Ирландии о гомосексуализме. В январе 1976 г. полиция допрашивала по подозрению в гомосексуализме: она выслала материалы дела представителю государственного обвинения, хотя г-н Даджен в июле 1977 г. был оповещен, что он не будет уголовно преследоваться.

Суд рассмотрел спорное законодательство сточки зрения Ст. 8-1 ЕКПЧ, которая гарантирует право на уважение личной жизни, включающей половую жизнь. Помимо этого, следственное дело полиции от января 1976 г. доказывало реальность угрозы, нависшей над ним.

Что касается обоснования вмешательства, Суд признал легитимность в демократическом обществе некоторой регламентации мужского полового поведения, как и других форм полового поведения. Применение уголовных санкций имело бы обоснование, если бы оно было направлено на защиту общественности в целом от того, что шокирует или оскорбляет и, даже, если речь идет об обоюдном согласии и частной форме, обеспечивать гарантии против использования и развращения лиц, являющихся особенно уязвимыми как, например, молодежь.

Суд признал затем, что в отношении определения этих стандартов, в Северной Ирландии и Великобритании существуют до определенной степени различные мнения и подходы по поводу морали, и это представляло собой важный элемент. Исходя из этого, моральный климат в Северной Ирландии в области половой жизни, как это проявила, например, враждебность в отношении предполагавшейся реформы законодательства, фигурировал среди данных, которые национальные власти были в полном праве учитывать, проверяя, существует ли «насушная общественная необходимость» для сохранения действующего законодательства неизменным.

Суд отметил, что со времени принятия оспариваемых законов в обществе постепенно стало лучше восприниматься поведение гомосексуалистов. На практике в подавляющем большинстве государств-членов Совета Европы перестали считать, что гомосексуальная жизнь, подобная той, которая обсуждается в данном деле, должна влечь за собой уголовное наказание. Суд подчеркнул, что в самой Северной Ирландии, власти избегали в течение последних лет возбуждать уголовные дела по обвинению в гомосексуализме в отношении мужчин старше 21 года. По мнению Суда, нет смысла говорить о «насушной общественной необходимости» квалифицировать такие акты в качестве правонарушений, за исключением случаев, когда есть достаточные основания считать, что имеется риск нанесения ущерба легкоранним лицам, как, например, молодежи или последствий для общественности. Суд пришел к выводу, что последствия, которые могли нанести ущерб самим существованием спорных законодательных положений для жизни такого лица с гомосексуальными наклонностями, как заявитель, преобладают над аргументами против любого изменения в действующем праве.

Суд не принял решения по поводу вопроса, могло ли нарушение, которое обжаловал заявитель, учитывая, что он не имел отношений с людьми моложе 21 года, быть связано с необходимостью защищать молодых людей. Суд объяснил, что национальные власти должны, прежде всего, обеспечить гарантии, требуемые в этом отношении, в частности, определить возраст, с какого молодые люди могут пользоваться защитой уголовного права.

Суд пришел, таким образом, к выводу, что заявитель испытал и продолжает испытывать неоправданное нарушение права на уважение своей личной жизни Ст. 8 ЕКПЧ.

Идентификационный номер: ECH-1981-S-002

Юнг, Джеймс и Уэбстер против Великобритании.

Ключевые слова для алфавитного указателя:

Наемные работники / Увольнение / Профсоюзы, обязательность членства / Эксклюзивное партнерское соглашение между предприятием и профсоюзом (*Closed Shop Agreement - "эксклюзивное соглашение с мастерской" - договор, заключившийся в Великобритании по утраченному в настоящее время юридическую силу закону между руководством предприятия, фирмы или др. юридического лица и наемными работниками, согласно которому они могли быть членами только того профсоюза, с которым данное юр. лицо заключило соответствующее соглашение, - Д.М.)*

Краткая аннотация

Увольнение служащих по причине их отказа по серьезным мотивам вступать в профессиональный союз в рамках соглашения *closed shop*,^[30] заключенного после начала ими работы на данном предприятии, нарушает право на свободу собраний и ассоциаций.

Сокращенное содержание

В 1975 г. заявители работали в Обществе железных дорог Великобритании (*British Rail*). В том же году это общество заключило с тремя профсоюзами соглашение *closed shop*, ставшее с того момента подобный тип работы в зависимости от участия в одном из них. Отказавшись выполнить это условие, заявители были уволены в 1976 г. Каждый из них считал, что индивид должен пользоваться свободой выбора в отношении членства в профсоюзе. Помимо этого, г-да Юнг и Уэбстер имели возражения против практики и деятельности профсоюзов. В дополнение к этому первый из них возражал против политической ориентации данных профсоюзов.

Во время увольнения заявителей закон о профсоюзах и рабочих отношениях, принятый в 1974 г. и измененный в 1976 г. устанавливал, что увольнение наемного работника за отказ участвовать в работе профсоюза в положении *closed shop* не рассматривалось в качестве злоупотребления, за исключением случаев добросовестного отказа по причине своих религиозных убеждений вступать в любой профсоюз. Поскольку мотивы заявителей не подпадали под последнюю категорию, заявители не могли осуществлять судебную защиту своего права по мотивам незаконного увольнения (с целью получения материального возмещения и, в некоторых случаях, в целях нового принятия на работу или восстановления на работе).

Суд исследовал увольнение в свете права на свободу собраний и ассоциаций, провозглашенного Ст. 11 ЕКПЧ.

Он выделил прежде всего, что ему не надлежало по сути давать оценку системы *closed shop* как таковой с точки зрения Конвенции. Он рассмотрел ее лишь с точки зрения последствий для заявителей.

Что касается вопроса установления, вызывало ли право на свободу объединений неизбежно смежное право не следовать требованию становиться членом профсоюза, Суд счел, что, хотя в Конвенции сознательно опущена общая норма об обязательном членстве, из этого не следует, что каждая и любая обязанность вступать в профсоюз является совместимой со Ст. 11 ЕКПЧ. Он отметил, что угроза увольнения, вызывающая потерю средств к существованию, является очень серьезной формой принуждения, которая в данном случае нависла над наемными работниками, вынужденными вступать до начала исполнения своих обязанностей в определенный профсоюз. По мнению Суда, такой тип принуждения касался существа свободы ассоциаций и представлял собой нарушение Ст. 11 ЕКПЧ. Ввиду того, что заявители были бы уволены, если бы они не вступили в один из указанных профсоюзов, факт, что они могли создать свой профсоюз или присоединиться к другому профсоюзу по своему выбору (вопрос, который был подвергнут сомнению в Суде), ничего не менял в принуждении, которое они испытывали.

Суд упомянул в дополнение, что Ст. 11 должна в данном случае рассматриваться в свете Ст. 9 и 10 ЕКПЧ. Защита личного мнения, гарантированная этими Статьями в форме свободы мысли, совести и религии, является также гарантированной Ст. 11 ЕКПЧ, одна из целей которой заключается также в гарантии свободы ассоциации. Суд, поэтому, констатировал, что имелось, во всяком случае в отношении г-на Янга и Вебстера, нарушение прав, защищенных Ст. 11 ЕКПЧ.

Затем Суд обратился к вопросу о существовании обоснованности этих вмешательств. Ссылаясь на свое прецедентное право, Суд отметил, что вмешательство в осуществление права согласно Ст. 11 не будет совместимо со Ст. 11-2, если оно не будет предписано законом, а также не будет иметь цель или цели, которые являлись бы легитимными согласно этой Статье и были «необходимы в демократическом обществе» при достижении этих вышеуказанных целей. Что касается первых двух условий, которые не были полностью аргументированно изложены перед Судом, было выдвинуто предположение, что данное вмешательство не противоречило им. Они имели по крайней мере определенную цель по защите «прав и свобод других», которая является единственной из целей, указанных в Ст. 11.2, которые могут относиться к делу в данном случае.

Что касается «необходимости» вмешательства, Суд задался вопросом, требовало ли в демократическом обществе достижение целей соглашения 1975 г. между профсоюзными участниками и *British Rail* того, чтобы узаконить увольнение заявителей, нанятых в тот момент, когда обязательство быть членом профсоюза еще не было условием найма на работу. Ссылаясь на свою постоянную судебную практику, Суд напомнил, что выражение «необходимый» не имело гибкого характера в смысле «полезный» или «желательный». Факт, что соглашение *closed shop*, заключенное с *British Rail*, могло представлять в общем виде преимущества, не доказывало само по себе необходимость оспариваемого вмешательства.

Во-вторых, Суд подчеркнул, что плюрализм, терпимость и широта взгляда являются характеристиками «демократического общества». Хотя индивидуальные интересы могут в отдельных случаях быть подчинены интересам групп, демократия не означает, что взгляды большинства должны всегда господствовать. Суд заметил, что должна существовать гармония для осуществления справедливого и соответствующего обращения к меньшинствам с тем, чтобы избежать любого злоупотребления господствующей позицией. В соответствии с этим, сам по себе факт, что точка зрения заявителей разделялась только незначительным числом их коллег, был также недостаточен для Суда.

В-третьих, Суд напомнил, что любое ограничение, наложенное на право, гарантированное Конвенцией, должно быть соразмерно законной преследуемой цели. Отметив, среди прочего, что многие соглашения *closed shop* не требовали от присутствующих рабочих-нечленов вступать в конкретный профсоюз, что согласно статистике большинство членов профсоюзов выступает против увольнения лиц, отказывающихся по серьезным мотивам вступать в профсоюзы, а также то, что в 1975 г. указанные профсоюзы объединяли уже более 95 % персонала *British Rail*, Суд констатировал, что профсоюзы железнодорожников не прекращали борьбу за интересы своих членов, хотя действующее законодательство не позволяло принуждать к вступлению не являющихся членами профсоюзов служащих, которые имели возражения такого же рода, что и заявители. В свете обстоятельств дела, Суд пришел к выводу, что ущерб, нанесенный заявителям, оказывался выше по отношению к тому, что требовалось при осуществлении справедливого равновесия между различными присутствующими интересами и не мог рассматриваться как соразмерный в отношении преследуемых законных целей. Даже принимая во внимание пределы усмотрения государства, Суд констатировал, тем не менее, что спорные ограничения не были «необходимыми» в демократическом обществе» в смысле Ст. 11-2 ЕКПЧ.

Следовательно, нарушение Ст. 11 ЕКПЧ в данном деле имело место.

Идентификационный номер: ECH-1981-S-001

Ле Конт, Ван Левен и Де Мейер против Бельгии.

Ключевые слова для алфавитного указателя:

Врач /Профессиональная корпорация врачей /Медицина, право заниматься врачебной практикой, временное лишение /Списки членов профессиональной корпорации, исключение / Дисциплинарное производство.

Краткая аннотация:

Производство по дисциплинарным делам подпадает под действие права на справедливое судебное разбирательство в тех случаях, когда осуществление «гражданских прав и обязанностей» зависит от их исхода. Так как занятие профессиональной деятельностью тоже может квалифицироваться как «гражданское право», то «право на судебное разбирательство» должно быть обеспечено при разрешении споров о нем. Это право не обязательно предполагает прохождения всех этапов разбирательства в суде в связи с тем, что требования гибкости и эффективности могут оправдывать предварительное вмешательство административных и корпоративных органов. Тем не менее, право на судебное разрешение спора должно быть обеспечено как при рассмотрении фактических обстоятельств дела, так и при изучении юридической его стороны.

Так как дело троих врачей не было заслушано публично полноправным судом, то их право на справедливое судебное разбирательство было игнорировано.

Так как Профессиональная корпорация врачей является институтом публичного права, и преследует цели общего интереса, а именно, обеспечение защиты здоровья, то она не может рассматриваться как «ассоциация» и ее существование не нарушает права на свободу ассоциации с другими лицами, принимая во внимание тот факт, что врачи вправе создавать и присоединяться к другим профессиональным ассоциациям, если они того пожелают.

Сокращенное содержание:

В июне 1971 г., обвинив доктора Ле Конта (Le Compté) в нанесении оскорбления Профессиональной корпорации врачей (далее - Корпорация), за разглашение в прессе санкций, примененных к нему до этого дисциплинарными органами Корпорации, а также в связи с критикой этих органов, Совет Профессиональной корпорации врачей провинции Западная Фландрия наложил на него взыскание в виде временного лишения его права заниматься врачебной практикой сроком на три месяца. Апелляционный совет Корпорации подтвердил это взыскание в октябре 1972 г., отклонив при этом обвинение в нанесении оскорбления. Обжалование этого решения было отвергнуто кассационным судом в мае 1974 года. С тех пор было возбуждено несколько дел в дисциплинарном и уголовном порядках против доктора Ле Конта по причине широкой опласки, приданной его спору с Корпорацией, и из-за его несогласия с мерой наказания, вынесенной ему Корпорацией.

В связи с работой по тарифам, соответствовавшим размеру возмещения расходов на медицинское обслуживание службами социального обеспечения, и за бесплатное распространение журнала, высмеивавшего терапевтов, группа врачей обвинила докторов Ван Левена (Van Leuven) и Де Мейера (De Meeyere) в несоблюдении морально-этических норм поведения врача. 24 июня 1974 г., заслушав обоих врачей, Совет Профессиональной корпорации врачей провинции Восточная Фландрия наложил на них взыскание в виде временного лишения права заниматься врачебной практикой сроком на один месяц. 24 июня 1974 г. апелляционный совет Корпорации сократил срок до 15 дней; в апреле 1975 г. кассационный суд отверг обжалование докторов Ван Левена и Де Мейера.

Доктор Ле Конт и его коллеги Ван Левен и Де Мейер представили свои заявления в Комиссию соответственно в октябре 1974 и 1975 г.г. Все трое утверждали, что в ходе дисциплинарного разбирательства их дел они не смогли воспользоваться гарантиями, предоставляемыми Ст. 6 ЕКПЧ. Кроме того, они заявляли, что обязательная принадлежность к Корпорации и обязанность подчиняться решениям ее дисциплинарных органов игнорируют право на уважение их свободы ассоциации с другими лицами.

Касательно соблюдения Ст. 6-1 ЕКПЧ, Суду надо было прежде всего определить, подлежала ли в данном случае эта статья применению, так как преследование лица в дисциплинарном порядке не относится как таковое к уголовному судопроизводству и, как правило, не приводит к спору о «гражданских правах и обязанностях».

Напомним о существовании в своей судебной практике *дела Рингайсена (Ringelsen)*, Суд подчеркивает, что спор о «гражданских правах и обязанностях»

определяется наличием "любого разбирательства, исход которого имеет решающее значение для прав и обязанностей личного характера." Более того, ссылаясь в своей судебной практике на *дело Кенига (Konig)*, Суд отметил, что право на продолжение занятий профессиональной деятельностью после получения соответствующих разрешений может квалифицироваться как "личное" и, следовательно, "гражданское" в смысле Ст. 6-1 ЕКПЧ. В свете рассмотренных фактических обстоятельств дела, Суд полагает, что в данном случае Ст. 6-1 подлежит применению.

Так как оспаривание решений, вынесенных в отношении заявителей, должно расцениваться как относящееся к области "гражданских прав и обязанностей", Суд отмечает, что они имели право на рассмотрение их дел "судом", отвечающим требованиям Ст. 6-1 ЕКПЧ. Действительно, их делом занимались три органа: провинциальный совет Корпорации, ее апелляционный совет и кассационный суд. Европейский Суд сразу же уточняет, что "право на судебное разбирательство", установленное Ст. 6-1 ЕКПЧ, не должно пониматься как обязывающее производить все рассмотрение дела на всех его этапах "суде", постольку поскольку требования гибкости и эффективности могут оправдывать предварительное вмешательство административных или корпоративных органов. Таким образом, Суд решил, что нет необходимости выяснять соответствует ли провинциальный совет Корпорации всем предписаниям Ст. 6-1 ЕКПЧ. Ссылаясь на свою судебную практику, Суд напомнил далее, что право на судебное разбирательство и на судебное разрешение спора в одинаковой мере относится как к фактическим обстоятельствам дела, так и к его юридической стороне. Следовательно, он должен убедиться, что в рамках предоставленных им полномочий апелляционный совет Корпорации и кассационный суд соответствовали всем условиям Ст. 6-1 ЕКПЧ. Установив, что каждый из вышеперечисленных органов являлся "независимым и беспристрастным судом, созданным на основании закона", Европейский Суд констатировал, что только кассационный суд отвечал требованию открытости судебных заседаний; каковая бы то ни было открытость слушаний в апелляционном совете была вообще и полностью исключена как в ходе самих заседаний, так и при объявлении решений, согласно постановлению ее Королевского Величества от 6 февраля 1970 года. Суд пришел к выводу о наличии нарушения Ст. 6-1 ЕКПЧ на том основании, что дело заявителей не было "публично" заслушано полноправным судом.

По мнению Суда, будучи институтом публичного права, преследующим цели общего интереса, а именно, обеспечение защиты здоровья посредством осуществления силами закона общественного контроля за медицинской практикой, Профессиональная корпорация врачей не является "ассоциацией" в смысле Ст. 11 ЕКПЧ. Так как обязательное регламентирование профессиональной деятельности в рамках единственно избранных организаций, подменяющих собой профессиональные ассоциации и традиционные профсоюзы, характеризует тоталитарные режимы, Суд должен был проверить препятствовало ли существование Корпорации созданию практикующими врачами других профессиональных ассоциаций. Отметив наличие в Бельгии нескольких ассоциаций, созданных с целью защиты профессиональных интересов практикующих врачей, к которым заявители могли присоединиться в любой момент, Суд пришел к выводу о том, что существование Корпорации и вытекающая из него обязанность для врачей состоять в ее списках и подчиняться власти ее органов не имеет ни своим предметом, ни своим следствием ограничение или же лишение свободы ассоциации с другими лицами в том виде, в каком она гарантируется Ст. 11 ЕКПЧ.

Идентификационный номер: ECH-1980-S-002

Гудзарди против Италии.

Ключевые слова для алфавитного указателя:

"Открытая тюрьма" Специальный надзор Насильственное ограничение местопребывания лица определенной территорией Предполагаемый член бандформирования мафиозного типа (далее - "Мафиозо").

Краткая аннотация:

Согласно Ст. 25 ЕКПЧ, частные лица, заявляющие в Европейскую комиссию о нарушениях их прав, изложенных в Европейской Конвенции о защите Прав Человека, не обязаны при этом уточнять какие именно статьи, часть, абзац или право были, по их мнению, нарушены.

Сроки, последствия и порядок исполнения мер специального надзора в совокупности с приказом о насильственном нахождении заявителя в Кала Реале отвечали параметрам заключения в "открытой тюрьме" или помещения в дисциплинарный батальон и лишали, таким образом, свободы предполагаемого "мафиозо".

Сокращенное содержание:

В феврале 1973г. г-н Гудзарди (Guzzardi) был подвергнут предварительному заключению по обвинению в принадлежности к преступному сообществу и в соучастии в положении предпринимателя, освобожденного после выплаты крупного выкупа. Согласно Ст. 272 Уголовного процессуального кодекса Италии срок предварительного заключения не может превышать двух лет. Основываясь на законе 1956г. о лицах, представляющих угрозу для общественной безопасности и нравственности, и на законе 1965 г. о борьбе с мафией, районный суд г. Милана назначил в январе 1975 г. меру, ограничивающую местопребывание г-на Гудзарди поселком Кала Реале (Cala Reale) на острове Азинара (Asinara) сроком на три года. После того как эта мера была подтверждена в апелляционном и кассационном порядке, г-н Гудзарди в ноябре 1975г. подал заявление в Комиссию, чтобы пожаловаться на свою судьбу на острове Азинара. В июле 1976г. районный суд г. Милана решил перевести его на материк, где он и находился на том же положении в одной из итальянских коммун до февраля 1978 года.

В ноябре 1976 г. г-н Гудзарди был оправдан за отсутствием доказательств, но в декабре 1979г. приговорен апелляционным судом г. Милана к восемнадцати годам лишения свободы и к выплате штрафа.

Прежде всего, Суду необходимо было проанализировать три предварительных довода, выдвинутых Италией.

Касательно довода о рассмотрении *ex officio* Комиссией данного случая в свете Ст. 5 и 6 ЕКПЧ, Суд объяснил требование Ст. 25 ЕКПЧ, согласно которому частные лица -заявители утверждают, что они являются жертвами нарушения их прав, изложенных в Европейской Конвенции о защите Прав Человека, не будучи обязанными при этом уточнять какие именно статьи, часть, абзац или право были нарушены. Оспариваемая заявителем ситуация должна быть рассмотрена с точки зрения всей Европейской Конвенции о защите Прав Человека, взятой в совокупности. При выполнении этой задачи Комиссия и суд свободны давать физическим обстоятельствам дела юридическую квалификацию, отличную от той, что ей присваивает заявитель. В данном случае, принимая во внимание имеющийся в деле материал, Суд полагает, что рассматривать его надо в свете Ст. 5 ЕКПЧ.

Перейдя к анализу дела по существу, Суд отметил в предварительном порядке, что в его задачу входит оценка в свете Европейской Конвенции о защите Прав Человека того, каким образом были применены к заявителю законы 1956 и 1965 г.г., и в частности, в каких условиях он находился на острове Азинара с 8 февраля 1975 г. по 22 июня 1976 года.

Напомним, что объявляя "право на свободу", Ст. 5.1 ЕКПЧ подразумевает физическую свободу лица и направлена на то, чтобы никто не мог быть лишен свободы беззаконно, Суд признал, что установление специального надзора в совокупности с судебным ограничением свободы передвижения лица пределами одной конкретной коммуны само по себе не подпадает под действие Ст. 5-1 ЕКПЧ. Принимая в расчет сроки, последствия и порядок приведения в исполнение приказа о насильственном нахождении заявителя в Кала Реале, Суд полагает, что оно соответствует по всем параметрам заключению в "открытой тюрьме" или помещению в дисциплинарный батальон. Следовательно, г-н Гудзарди был подвергнут лишению свободы.

Пункты от а) до ф) включительно Ст. 5-1 ЕКПЧ определяют случаи, в которых разрешено лишение свободы при условии соблюдения порядка, установленного законом. Рассматривая г-на Гудзарди как "бродягу в широком смысле слова", итальянское правительство заявляло в ответ, что лишение его свободы было произведено в соответствии со Ст. 5-1-е ЕКПЧ. Более того, оно утверждало, что - так как лишение свободы разрешено в отношении бродяг - то было бы абсурдным поступать иначе с предполагаемыми "мафиози". Ссылаясь на *дело Де Вилда, Оомса и Версина (De Wild, Ooms et Versyp)*, имевшего место в его судебной практике, Суд прежде всего констатировал, что г-н Гудзарди не подходит под категорию "бродяг". Подчеркнув, что лишение свободы "бродяг" оправдывается не только тем, что они могут рассматриваться как угроза общественной безопасности, он отметил, что, в любом случае, из Ст. 5-1-е не вытекает автоматическая применимость оснований, действительных в отношении бродяг, к любому другому лицу, которое могло бы рассматриваться как опасное. Фактические обстоятельства дела выявили, что лишение свободы заявителя не могло основываться ни на каком другом пункте Ст. 5-1 ЕКПЧ. Исходя из этого, суд пришел к выводу о том, что в ходе своего пребывания на острове Азинара г-н Гудзарди подвергся лишению свободы в нарушение Конвенции.

Г-н Гудзарди утверждал также, что условия его существования на острове Азинара были унижающими для человеческого достоинства. Принимая во внимание все обстоятельства дела, взятые в их совокупности, Суд констатировал, что эти условия не были столь тяжелыми, чтобы подпасть под действие Ст. 3 ЕКПЧ.

Так как разбирательство, проведенное в 1975 г., не предполагало "предъявления уголовного обвинения", а определение "права на свободу" как "гражданского права" стало предметом спора, Суд на основании материалов дела не может прийти к выводу о каком бы то ни было нарушении Ст. 6-1 ЕКПЧ.

Супруга и сын заявителя проживали вместе с г-ном Гудзарди в течение 14 месяцев из 16, проведенных в общей сложности в Кала Реале. Постольку поскольку причина, по которой они были вынуждены покинуть остров, заключалась в том, что он не подал вовремя документы на продление их пребывания, Италия не нарушила Ст. 8 ЕКПЧ.

Относительно жалобы заявителя, касающейся Ст. 9 ЕКПЧ, Суд не считает необходимым рассматривать ее в связи с тем, что заявитель никогда не обращался с просьбами о проведении богослужений в часовне Кала Реале.

Идентификационный номер: ECH-1980-S-001

Девир против Бельгии.

Ключевые слова для алфавитного указателя:

Мясник /Полобовное урегулирование, принудительное /Отказ, право на судебное разбирательство /Начатое производство по делу, доведение до конца, заинтересованность.

Краткая аннотация:

Будучи заключено под принуждением, полюбовное соглашение, предложенное прокурором Его Королевского Величества мяснику, обвиняемому в нарушении регламентации о ценах, лишило заявителя "права на судебное разбирательство".

Сокращенное содержание:

18 сентября 1974 г. работник Генеральной инспекции по экономическим вопросам провел проверку в мясном магазине г-на Девира (Deweert) в г. Лувэне (Louvain) и выявил нарушение постановления министерства от 9 августа 1974 г., относящегося, кроме всего прочего, к установлению цен на свинину. Прокурор Его Королевского Величества при суде первой инстанции г. Лувэна отдал распоряжение о временном закрытии мясного магазина г-на Девира, которому был для этого установлен срок в 48 часов с момента вручения распоряжения. Магазин мог быть снова открыт либо на следующий день после уплаты 10.000 бельгийских франков в счет полюбовного урегулирования, либо в день вынесения судебного решения в отношении выявленного правонарушения. Имея в своем распоряжении 8 дней для того, чтобы согласиться на "мировую", 2 октября г-н Демир внес требуемую сумму и его магазин не был закрыт.

Г-н Демир не предъявил в суд по гражданским делам никакого иска о взыскании не должно уплаченного и о возмещении причиненного вреда и не подал в Государственный Совет жалобу об отмене постановления от 9 августа 1974 года. Тем не менее, 6 февраля 1975 г. он подал в Комиссию заявление о нарушении Бельгийским королевством Ст. 6 ЕКПЧ и Ст. 1 Протокола 1 ЕКПЧ. После кончины г-на Девира 14 января 1978 г. его вдова и дочери информировали Комиссию о том, что они материально и морально заинтересованы в доведении до конца начатого производства по данному делу.

Отвергнув возражение, предъявленное бельгийским правительством, согласно которому не были исчерпаны все возможные внутренние способы обжалования, а также его требование вычеркнуть данный случай из реестра дел, назначенных к судебному разбирательству, Суд рассмотрел жалобы заявителя в свете Ст. 6 ЕКПЧ.

Подчеркнув, что "право на суд" является основополагающим элементом "права на справедливое судебное разбирательство" (Ст. 6-1 ЕКПЧ), Суд признает в данном случае, что уплата 10.000 бельгийских франков, г-н Демир отказался от возможности пользоваться своим правом на рассмотрение его дела в суде. Тем не менее, Суд отмечает, что право на судебное разбирательство имеет слишком большое значение в демократическом обществе, чтобы лицо могло утратить его только лишь в результате данного им согласия на досудебное урегулирование. Кроме того, он отмечает, что г-н Демир отказался от своего "права на суд" под принуждением. Если бы он не внес требуемой суммы, то его мясной магазин оставался бы закрытым вплоть до вынесения решения по выявленному правонарушению. А на это потребовалось бы время, в течение которого заявитель понес бы потери в результате приостановления его профессиональной деятельности. Таким образом, Суд пришел к выводу, что имело место нарушение Ст. 6-1 ЕКПЧ.

Презумпция невиновности и "минимальные права", признаваемые за каждым обвиняемым являются основополагающими составляющими "права на справедливое судебное разбирательство". Установив нарушение этого права, Суду не представляется необходимым рассматривать вопрос о том, имело ли место нарушение Ст. 6 ЕКПЧ в ее частях 2 и 3. А равно, Суд считает излишним определять, нарушило ли, кроме того, взимание 10.000 бельгийских франков Ст. 1 Протокола 1 ЕКПЧ.

Идентификационный номер: ECH-1979-S-004

Вингерверт против Нидерландов.

Ключевые слова для алфавитного указателя:

Душевнобольной, помещение в лечебное учреждение / Психиатрическая больница.

Краткая аннотация:

Право душевнобольного, помещенного в психиатрическую больницу, на лечение, соответствующее его психическому состоянию, как таковое не вытекает из Ст. 5-1-е ЕКПЧ.

Психические расстройства могут служить основанием ограничения или же изменения условий осуществления права на доступное судебное разбирательство и права на дачу показаний в суде, но Ст. 5-4 ЕКПЧ стала бы беспредметной, если бы доступ к судебному разбирательству был невозможен.

Правоспособность лица лично управлять своим имуществом предполагает осуществление частных прав и относится к "гражданским правам и обязанностям" в

смысле Ст. 6-1 ЕКПЧ. Чем бы ни обосновывалось лишение душевнобольного правоспособности управлять своим имуществом, гарантии, изложенные в Ст. 6-1 ЕКПЧ, должны быть соблюдены.

Сокращенное содержание:

17 мая 1968 г., по указанию мэра своей коммуны и после упрощенного разбирательства, г-н Винтерверп (Winterwerp) был помещен в психиатрическую больницу. Шесть недель спустя, по ходатайству своей супруги и с разрешения мирового судьи по месту жительства, он был принудительно оставлен в той же больнице. На основании медицинского заключения, а также требований г-жи Винтерверп и прокурора, окружной суд возобновлял из года в год разрешение на содержание заявителя в психиатрической больнице.

В феврале 1969 г., в соответствии со Ст. 29 закона о душевнобольных, г-н Винтерверп впервые обратился с ходатайством о выписке к руководству больницы. Последнее передало ходатайство прокурору, который, в свою очередь, направил его на рассмотрение окружного суда. Заслушав заявителя в больнице, суд отверг ходатайство. Три следующих ходатайства о выписке, поданных г-ном Винтерверпом, сопровождавшихся негативным заключением руководства больницы, даже не передавались прокурором в окружной суд (Ст. 29-3). Время от времени г-н Винтерверп отпускаясь из больницы на испытательный срок. И каждый раз он помещался туда снова, так как он совершал достаточно серьезные проступки, не осознавая их последствий.

Находясь в психиатрической больнице, г-н Винтерверп был больше не в состоянии управлять своим имуществом. Ему не был назначен временный управляющий имуществом. 11 августа 1971 г. окружной суд назначил ему попечителя.

Принимая во внимание имевшее место, по утверждениям заявителя, нарушение Ст. 5-1 ЕКПЧ, поданное им обжалование поднимало три вопроса. Прежде всего, он утверждал, что лишение его свободы не соответствовало условиям, вытекавшим из формулировки "законное задержание душевнобольного". Напомнив отсутствие в Ст. 5-1-е ЕКПЧ определения термина "душевнобольной", Суд заявил, что, в любом случае, он не может толковаться как позволяющий помещение кого-либо в психиатрическую больницу только по причине отклонения его поведения от общепринятых в данном обществе норм. Равно как и Европейская Конвенция о защите Прав Человека, нидерландское законодательство не содержит определения понятия "душевнобольной", но указывает при этом, на каких основаниях душевнобольное лицо может помещаться в психиатрическую больницу. Среди всего прочего, таким основанием может служить медицинское заключение, подтверждающее необходимость или желательность лечения пациента в психиатрической больнице в связи с тяжестью психического расстройства, делающего его опасным для самого себя и для окружающих. Суд констатирует, что эти основания не несовместимы со смыслом, который следует придавать термину "душевнобольной" в контексте Европейской Конвенции о защите Прав Человека. Относительно "законности" удержания заявителя в психиатрической больнице, Суд напомнил, что в обязанности национальных властей входит оценка доказательств, представленных им в данном конкретном случае. Задача же Суда состоит в проверке соответствия их решений требованиям Конвенции. В данном случае Суд полагает, что нет никаких причин сомневаться в объективности и обоснованности доказательств медицинского характера, на основании которых нидерландские судебные органы дали разрешение на содержание г-на Винтерверпа в психиатрической больнице начиная с 1968 года. Исходя из этого, Суд пришел к выводу, что помещение заявителя в психиатрическое учреждение соответствовало требованиям Ст. 5-1-е ЕКПЧ.

Во-вторых, г-н Винтерверп утверждал, что лишение его свободы не было проведено в "установленном законом порядке". Выяснив, что последнее было осуществлено в установленном национальным законодательством порядке, Суд отметил, тем не менее, что внутреннее право должно соответствовать Конвенции и, в частности, ее общим принципам, утверждаемым или предполагаемым ею. В частности, речь идет о принципе, согласно которому любая мера в виде лишения свободы должна назначаться и приводиться в исполнение соответствующим уполномоченным органом и не нести самоуправного характера. В данном случае, по мнению Суда, этот принцип был соблюден и, следовательно, помещение заявителя в психиатрическую больницу было осуществлено в "установленном законом порядке".

И наконец, заявитель утверждал, что Ст. 5-1-е ЕКПЧ предусматривала наличие права на адекватное лечение, предполагавшее нахождение душевнобольного на лечении в психиатрическом стационаре не более строго определенного срока. Суд считает, что право пациента на лечение, соответствующее его психическому состоянию, само по себе не вытекает из Ст. 5-1-е ЕКПЧ. Суд пришел к выводу об отсутствии нарушения Ст. 5-1 ЕКПЧ.

Касательно нарушения Ст. 5-4 ЕКПЧ, которое - по утверждениям заявителя - также имело место, Суд должен был установить мог ли г-н Винтерверп воспользоваться правом на обжалование в суде законности его содержания в психиатрической больнице. Ссылаясь в своей юридической практике на дело *De Uilda, Ooms и Verschuin (De Wilde, Ooms et Versyp)*, Суд уточнил, что не достаточно проверить, имеет ли ведущее производство по делу судебный характер, и дает ли участвующему в нем лицу гарантии, соответствующие природе обжалованного лишения свободы. Необходимо также принять во внимание особые обстоятельства ведения производства по делу. Признавая, что психические расстройства могут оправдывать ограничение или изменение условий осуществления права на доступное судебное разбирательство и права на дачу показаний, Суд отмечает исчезновение самого предмета Ст. 5-4 ЕКПЧ при невозможности доступа к суду. В данном случае Суд констатировал, что различные решения, требовавшие или разрешавшие помещение г-на Винтерверпа в психиатрическую больницу, исходили каждый раз от органов, либо не обладавших отличительными чертами "суда", либо не обеспечивавших гарантий судебного разбирательства, требуемых Ст. 5-4 ЕКПЧ. Более того, при рассмотрении его ходатайств о выписке (за исключением первого) заявитель не имел доступа к суду. Следовательно, Европейский Суд пришел к выводу о том, что имело место нарушение Ст. 5-4 ЕКПЧ.

Касательно нарушения Ст. 6-1 ЕКПЧ, которое - по утверждению заявителя - также имело место, то, по мнению Суда, правоспособность лица лично управлять своим имуществом включает в себя осуществление частных прав и, следовательно, затрагивает "гражданские права и обязанности" в смысле Ст. 6-1 ЕКПЧ. Таким образом, лишение г-на Винтерверпа этой правоспособности равноценно "определению" его "гражданских прав и обязанностей". Чем бы ни обосновывалось лишение душевнобольного правоспособности управлять своим имуществом, гарантии, изложенные в Ст. 6-1 ЕКПЧ, должны быть соблюдены. Следовательно, имело место нарушение Ст. 6 ЕКПЧ.

Идентификационный номер: ECH-1979-S-003

Айрей против Ирландии.

Ключевые слова для алфавитного указателя:

Установление судом режима раздельного проживания супругов / Безвозмездное рассмотрение дела.

Краткая аннотация:

Выполнение обязательства, взятого на себя в рамках Конвенции, иногда требует принятия некоторых позитивных мер со стороны государства. Обязанность обеспечить реальное соблюдение права на доступное судебное разбирательство подпадает под такого рода обязательства. Ст. 6-1 ЕКПЧ может иногда принудить государство сделать все необходимое для оказания юридической помощи в том случае, если она оказывается необходимой для обеспечения реального доступа к судебному разбирательству, или же если законом предусмотрено представительство стороны адвокатом, или также из-за сложности производства по делу и самого дела.

Непредоставление г-же Айрей юридической помощи по делу о судебном установлении режима ее раздельного проживания с супругом в то время, как она не могла найти ни одного юридического консультанта (*solicitor*), который согласился бы представлять ее в суде в связи с отсутствием у нее необходимых финансовых средств, а также невозможность самой защищать свои интересы из-за сложности делопроизводства в Высшем Суде (*High Court*) и особенностей рассмотрения семейных споров привели к тому, что г-жа Айрей практически оказалась лишена права на доступное судебное разбирательство.

Предоставляя супругам право требовать вынесения судебного решения об установлении режима их раздельного проживания, ирландское семейное

законодательство обязывает сделать действительно доступным это средство защиты прав личности с целью обеспечения реального уважения семейной жизни. Будучи лишена возможности потребовать юридического подтверждения ее фактического раздельного проживания с супругом, заявительница пострадала от нарушения права на уважение ее семейной жизни.

Сокращенное содержание:

В январе 1972 г. г-жа Айрей (Airey) возбудила дело против своего супруга, утверждая, что он алкоголик, и что он ее истязает. Г-н Айрей был приговорен окружным судом г. Корка (Cork) к выплате штрафа за жестокое обращение с супругой. В июне того же года он ее оставил одну с четырьмя детьми и больше в семью не возвращался.

С июня 1972 г. г-жа Айрей добивалась вынесения судебного решения, устанавливающего раздельный режим проживания супругов. Так как безвозмездно такие дела не рассматриваются, то г-жа Айрей обратилась к нескольким юридическим консультантам, но ни один из них не согласился представлять ее за отсутствием у нее соответствующих финансовых средств. В 1973 г. она подала заявление в Комиссию.

Основываясь на своей судебной практике, Суд прежде всего отметил, что Ст. 6-1 ЕКПЧ предполагает наличие права г-жи Айрей на доступность обращения в Высший Суд (*High Court*) с требованием установления раздельного режима проживания супругов. Подчеркнув задачу ЕКПЧ по обеспечению конкретных и действенных прав, а не теоретических и иллюзорных, Суд отметил, что это в особенности относится к праву на доступность обращения в суд, учитывая особое место, занимаемое правом на справедливое судебное разбирательство в демократическом обществе. Принимая во внимание - в спорах об установлении раздельного режима проживания супругов - необходимость доказывания факта супружеской измены, наличия противостественного или жестокого обращения, Суд полагает, что в супружеских конфликтах слишком часто наблюдается такая эмоциональная увлеченность, которая с трудом совместима с необходимой степенью объективности адвокатских прений в суде. Все это, а также сложность делопроизводства в Высшем Суде, свидетельствует о том, что возможность защищать себя лично в суде не обеспечивает права на доступное судебное разбирательство.

Объясняя недоступность правосудия исключительно личным положением г-жи Айрей, а не действиями ирландских властей, Ирландия утверждала, что не может рассматриваться как несущая ответственность за такое положение вещей с точки зрения Европейской Конвенции. Тем не менее, Суд отметил, что препятствие фактического характера может привести к нарушению Конвенции в равной мере, что и юридическое препятствие. Кроме того, выполнение обязательства, взятого на себя в рамках Конвенции, может предполагать принятие некоторых позитивных мер со стороны государства - участника Конвенции. По мнению Суда, обязанность обеспечить реальное соблюдение права на доступное судебное разбирательство, подпадает под такого рода обязательства.

Допуская отсутствие в Конвенции каких-либо положений о назначении бесплатного защитника при рассмотрении гражданского дела, подобно тому, как это предусмотрено при производстве по уголовному делу (Ст. 6-3-с ЕКПЧ), Суд, тем не менее, отмечает, что Ст. 6-1 ЕКПЧ может принудить государство сделать все необходимое для оказания юридической помощи в том случае, если она оказывается необходимой для обеспечения реального доступа к судебному разбирательству, или же если законом предусмотрено представительство стороны адвокатом, или так же из-за сложности производства по делу и самого дела. В свете всех фактических обстоятельств дела, взятых в их совокупности, Суд считает, что в случае с г-жой Айрей речь идет о втором из оснований, перечисленных выше. Следовательно, он пришел к выводу, что г-же Айрей не была предоставлена реальная возможность на практике воспользоваться правом на доступность обращения в Высший Суд с требованием установления раздельного режима проживания супругов.

Заявительница также утверждала, что стала жертвой дискриминации по признаку "имущественного положения", принимая во внимание тот факт, что обращение в суд с целью вынесения решения об установлении режима раздельного проживания супругов было бы облегчено лицу, имеющему соответствующие финансовые средства. Признав нарушение Ст. 6-1 ЕКПЧ, Суд не считал себя обязанным рассматривать данное дело с точки зрения Ст. 14 ЕКПЧ.

В некоторых случаях ирландское семейное законодательство предоставляет супругам право требовать вынесения судебного решения об установлении режима раздельного проживания. Оно признает, что защита их семейной и личной жизни зачастую требует избавить их от обязанности сожительствовать. Таким образом, требование реального уважения личной и семейной жизни накладывает на Ирландию обязательство сделать действительно доступными эти средства защиты прав личности. В данном случае, будучи лишена соответствующих возможностей для обращения в Высший Суд Ирландии, заявительница не смогла потребовать юридического подтверждения ее фактического раздельного проживания с супругом. Исходя из этого, Суд пришел к выводу о том, что заявительница пострадала от нарушения Ст. 8 ЕКПЧ.

Идентификационный номер: ECH-1979-S-002

Маркс против Бельгии.

Ключевые слова для алфавитного указателя:

Внебрачный ребенок / Мать-одиночка / Происхождение по матери / Имущественные права / Право, изменение.

Краткая аннотация:

Право на уважение "семейной жизни" должно быть гарантировано "внебрачным" семьям наравне с "законно зарегистрированными". Во избежание какой бы то ни было дискриминации по признаку рождения государство должно действовать таким образом, чтобы позволить заинтересованным лицам вести нормальную семейную жизнь.

Порядок определения происхождения по матери "внебрачного" ребенка и его последствия, а также объем семейно-родственных отношений, признаваемых бельгийским законодательством за "внебрачной" семьей, нарушают право на уважение семейной жизни и являются дискриминационными.

Право на уважение имущества не гарантирует права на его приобретение путем наследования *ab intestat* (без завещания) или дарения.

Право на вступление в брак и создание семьи не предполагает того, что все связанные с браком юридические последствия в равной мере должны быть применимы к ситуациям, по ряду аспектов сравнимых с состоянием брака.

Сокращенное содержание:

29 октября 1973 г., в соответствии со Ст. 334 гражданского кодекса Бельгии, незамужняя журналистка, г-жа Паула Маркс (Paula Marckx), первая заявительница, признала свою внебрачную дочь, Александру Маркс (Alexandre Marckx), вторую заявительницу, родившуюся несколько дней до этого. Таким образом, она стала полноправной "попечительницей" своей дочери. 30 октября 1974 года, в соответствии со Ст. 349 того же кодекса, Паула Маркс удочерила своего ребенка. Производство по делу об удочерении закончилось 18 апреля 1975 г. вынесением решения о придании акту удочерения юридической силы с момента удочерения. 29 марта 1974 г. заявительницы обжаловали в Комиссии порядок установления "внебрачного" происхождения по материнской линии и его последствия для объема семейно-родственных отношений, признаваемого законом за Александрой Маркс, и имущественных прав ребенка и его матери. Кроме того, заявительницы осуждали тот факт, что мать - одиночка должна удочерять своего ребенка, если она желает в большей степени обеспечить соблюдение прав последнего.

Ссылаясь на свою судебную практику, Суд напомнил о предоставлении Ст. 25 ЕКПЧ - в отсутствии индивидуального акта об исполнении - частным лицам

полномочий утверждать, что тот или иной закон сам по себе нарушает их права, если они рискуют непосредственно пострадать в результате его действия. Сочтя, что именно так и обстоит дело в данном случае, Суд отверг предварительное возражение правительства Бельгии, упрекавшего заявителем в обращении к теоретическим проблемам.

Что касается существа дела, заявительницы основывались, главным образом, на Ст.Ст. 8и 14ЕКПЧ. Прежде всего, Суд подтвердил, что право на уважение "семейной жизни" в одинаковой мере относится к "семье, возникшей в результате внебрачных связей", и что для обеспечения этого права во избежание дискриминации по признаку рождения государство должно действовать таким образом, чтобы заинтересованные лица могли вести нормальную семейную жизнь.

Относительно порядка установления происхождения Александры Маркс по материнской линии, утвержденного бельгийским законодательством, Суд отметил, что необходимость для матери-одиночки признавать своего собственного ребенка не только доказала неполное признание ее материнства в момент рождения ее ребенка, но также и поставило мать перед дилеммой. Действительно, если мать-одиночка желает сохранить за собой возможность свободно распоряжаться своим имуществом в пользу своего ребенка, то она должна отказаться от установления с ним семейных связей, оформленных юридически. Суд полагает, что этот выбор не соответствует требованиям права на уважение "семейной жизни" матери-одиночки. Более того, необходимость признания также покусается на "семейную жизнь" ребенка, принимая во внимание тот факт, что с рождения по момент признания матерью он, с юридической точки зрения, сирота. Исходя из этого, Суд пришел к выводу, что в данном случае имело место нарушение Ст. 8 ЕКПЧ в отношении Паулы и Александры Маркс.

Признав допустимость различия между "внебрачной" и "законной" семьями в период составления ЕКПЧ, Суд отметил, что внутреннее законодательство большинства государств - членов Совета Европы претерпело с тех пор изменение в сторону признания равенства между "внебрачными" и "законнорожденными" детьми. Так как ЕКПЧ должна толковаться в свете сегодняшних условий, то Суд полагает, что установление разницы между матерью-одиночкой и замужней матерью, а равно между "внебрачным" и "законнорожденным" детьми с точки зрения порядка установления происхождения по материнской линии характеризуется недостатком разумного и объективного обоснования. Следовательно, Александра и Паула Маркс стали жертвами дискриминации, несовместимой со Ст. 14 ЕКПЧ, взятой в совокупности со Ст. 8 ЕКПЧ.

Относительно объема семейно-родственных отношений, признаваемого законом за Александрой Маркс, то, по мнению Суда, понятие "семейной жизни" в смысле Ст. 8 ЕКПЧ включает в себя не только отношения с непосредственными родителями, но и с их близкими родственниками. Так вот, согласно бельгийскому праву, признанный и даже усыновленный (удочеренный) "внебрачный" ребенок остается, в принципе, чужим в семье своих родителей. Исходя из этого, Суд считает, что развитие семейной жизни матери-одиночки и ее ребенка может пострадать, если существующий порядок установления происхождения по материнской линии последствиями своими касается только их двоих. Следовательно, даже с этой точки зрения, имело место нарушение Ст. 8 ЕКПЧ в отношении обеих заявителем. Более того, не усмотрев никакого разумного и объективного обоснования установлению различия между объемом признаваемых законом родственных отношений "законной" и "внебрачной" семей, Суд пришел к выводу, что Александра и Паула Маркс стали жертвами дискриминации, противоречащей требованиям Ст. 14 ЕКПЧ, взятой в совокупности со Ст. 8 ЕКПЧ.

Касательно имущественных прав, упомянутых заявительницами, Суд прежде всего уточнил, что Ст. 1 Протокола 1 ЕКПЧ устанавливает право любого лица на уважение "его" имущества. Она не гарантирует права приобретения такового путем наследования *ab intestat* (без завещания) или дарения.

Так как Ст. 1 Протокола 1 ЕКПЧ не подлежит применению к случаю Александры Маркс, и считая, что наследование и дарение между близкими родственниками тесно связаны с семейной жизнью, Суд рассмотрел имущественные права Александры Маркс с точки зрения Ст. 8 ЕКПЧ. Подчеркнув вхождение в понятие семейной жизни отношений социального, морального и культурного характера, а также материальных отношений, Суд уточнил, что Ст. 8 ЕКПЧ все же не требует, чтобы ребенок имел право на определенную долю в наследстве его родителей. Следовательно, он полагает, что Ст. 8 ЕКПЧ, взятая в отдельности, не была нарушена. Тем не менее, Суд отметил, что правоспособность Александры Маркс на получение имущества ее матери была подвержена ограничениям и что у нее не было наследственных прав вне завещания на имущество близких родственников ее матери, в то время как имущественные права любого "законнорожденного" ребенка не были ничем ограничены. Суд полагает, что разнице, существующей в этой области между "законнорожденными" и "внебрачными" детьми, не хватает объективного и разумного обоснования; следовательно, она противоречит требованиям Ст. 14 ЕКПЧ, взятой в совокупности со Ст. 8 ЕКПЧ.

Принимая во внимание отсутствие в самой Ст. 8 ЕКПЧ гарантий абсолютной свободы матери передавать или завещать свое имущество своему же ребенку, Суд считает, что имущественные права Паулы Маркс не противоречили требованиям вышеуказанной статьи. Тем не менее, по мнению Суда, при прочтении Ст. 8 ЕКПЧ в совокупности со Ст. 14 ЕКПЧ следует признать, что Паула Маркс стала жертвой дискриминации, так как установление различия между имущественными правами матери-одиночки и замужней матери лишено объективного и разумного обоснования. Такой же подход применим и к Ст. 1 Протокола 1 ЕКПЧ. В связи с обоснованностью, в некоторых случаях, ряда ограничений, накладываемых на пользование ее имуществом, ограничение, опротестованное Паулой Маркс, само по себе не противоречит требованиям Ст. 1 Протокола 1 ЕКПЧ. Тем не менее, постольку поскольку данное ограничение относится лишь к матерям-одиночкам, а не к замужним женщинам, и поскольку установлению такого различия не хватает объективного и разумного обоснования, Суд пришел к выводу о том, что имело место нарушение Ст. 14 ЕКПЧ, взятой в совокупности со Ст. 1 Протокола 1 ЕКПЧ.

Сославшись на Ст. 3 ЕКПЧ, заявительницы утверждали также, что оспариваемое законодательство ущемляло их человеческое достоинство и подвергало их "бесчеловечному обращению". Единственно Суд пришел к выводу об отсутствии нарушения Ст. 3 ЕКПЧ.

И наконец, по утверждению заявителем, непризнание оспариваемым законодательством за "внебрачными" родителями тех же прав, что и за законно зарегистрированными супругами, нарушает Ст. 12 ЕКПЧ. По словам заявителем, все юридические последствия, связанные с браком, в одинаковой мере должны быть применимы к подобным же ситуациям, сравнимым рядом своих аспектов с состоянием брака. Суд отверг подобный подход заявителем, сочтя, что рассматриваемая проблема выходит за рамки Ст. 12 ЕКПЧ. Исходя из этого, Суд пришел к выводу об отсутствии нарушения данной статьи.

Идентификационный номер: ECH-1979-S-001

Санди Таймс против Великобритании.

Ключевые слова для алфавитного указателя:

Нанесение оскорбления суду (*Contempt of Court*) / Обычное право (*Common law*) / Судебный приказ (постановление, налагающее некоторые ограничения) / Средства массовой информации (*Media*) / Талидомид (*Thalidomide*).

Краткая аннотация:

Будучи несоразмерно преследуемым целям, запрещение Санди Таймс печатать сведения о шедшем судебном процессе по гражданскому делу нарушило право на свободу выражения своего мнения.

Сокращенное содержание:

С 1958 по 1961 г.г. фирма "Дистиллерз Компани" (Distillers Company), далее - Фирма, производила и продавала лекарства, содержащие "талидомид". Это средство выписывалось как болеутоляющее и предназначалось, в частности, для беременных женщин. С 1959 по 1961 г.г. родилось несколько сотен детей с врожденными физическими недостатками; их родители возбудили ряд судебных дел против Фирмы. 24 сентября 1972г., когда уже шло в гражданском порядке судебное разбирательство по этому делу, Санди Таймс опубликовала статью с рассказом о том, что случилось с детьми, пострадавшими от талидомида, и с обьявкой о готовящейся публикации еще одной статьи об истории производства и опробования этого препарата. Тогда Фирма подала официальную жалобу на имя Генерального прокурора Великобритании (Attorney General) утверждая, что публикации Санди Таймс являлись или станут оскорблением суда. Генеральный прокурор потребовал от Высшего Суда (High Court) вынесения судебного приказа, препятствующего появлению в Санди Таймс обьявленной статьи. Судебный

приказ был вынесен в ноябре 1972 года. Санди Таймс безуспешно обжаловала это решение, так как в 1973 г. Палата Лордов подтвердила вынесенный судебный приказ, который был окончательно отменен только в 1976 году.

Наличие "вмешательства со стороны государственных органов" в осуществление Санди Таймс права на свободу выражения своего мнения бесспорно. Следовательно, Суд должен был проверить, соответствовало ли данное вмешательство условиям, предусмотренным Ст. 10-2 ЕКПЧ.

По мнению заявителей, запрещение опубликования статьи не было "предусмотрено законом" в связи с неопределенностью и неясностью самого закона о нанесении оскорбления суду. Отметив, что термин "закон" включает в себя также неписаное право, и что ограничение, наложенное в силу обычного права (*common law*), не может быть исключено из понятия деяний, "предусмотренных законом", по той только причине, что оно не вытекает ни из одного законодательного акта, Суд подчеркнул соблюдение, в данном случае, условий доступности и предполагаемости, характеризующих выражение "предусмотренное законом". Следовательно, Суд расценивает как "предусмотренное законом" вмешательство в осуществление заявителями права на свободу выражения своего мнения. По мнению Суда, Палата Лордов оценила план статьи как подлежащий осуждению в связи с тем, что она могла скомпрометировать авторитет и беспристрастность судебной власти, и такое осуждение является, без всякого сомнения, "законной целью". Так как свобода выражения своего мнения представляет одно из главных оснований демократического общества, Суд подчеркнул, что, с одной стороны, средства массовой информации не должны переходить за рамки, установленные с целью обеспечения добротного отправления правосудия, но с другой стороны, на них возлагается задача распространения информации и идей о вопросах, рассматриваемых судами. Действительно, Ст. 10 ЕКПЧ гарантирует также право широкой публики на получение соответствующей информации. В данном случае, семьи, в которых родились дети с врожденными физическими недостатками, были крайне заинтересованы в ознакомлении с фактическими обстоятельствами дела и с различными возможными решениями. Сопоставив эту заинтересованность с интересами обеспечения авторитета правосудия, Суд пришел к выводу, что инкриминируемое вмешательство не соответствовало настоятельной общественной необходимости. Во всяком случае, таковая необходимость не была достаточно настоятельной, чтобы перевесить заинтересованность общества в свободе выражения своего мнения. Таким образом, Суд считает недостаточными - по причине несоразмерности преследуемой законной цели - основания, оправдывающие наложение ограничений на заявителей. Исходя из этого, он заявил о том, что имело место нарушение Ст. 10 ЕКПЧ.

Выдвигая в качестве аргумента отсутствие каких бы то ни было подобных мер в отношении аналогичных статей в других газетах, Санди Таймс утверждала, что стала жертвой дискриминационного обращения. Она также жаловалась на разницу в правилах, по которым закон о нанесении оскорбления суду применяется к парламенту и к прессе. Напомнив, что защита от всех видов дискриминации относится к сопоставимым ситуациям, Суд отметил, что сравнение с правилами, применяемыми к парламенту, не имело отношения к существу дела. Относительно неприменения к другим газетам подобных ограничений свободы выражения их мнения, Суд отметил отсутствие достаточных доказательств для того, чтобы можно было рассматривать как дискриминационный судебный приказ, вынесенный в отношении публикации статьи в Санди Таймс. Исходя из этого, Суд пришел к выводу об отсутствии нарушения Ст. 14, взятой в совокупности со Ст. 10 ЕКПЧ.

Идентификационный номер: ECH-1978-S-005

Люди́ке, Белька́сем и Кош против Германии

Краткая аннотация

Требование, чтобы обвиняемый, после вынесения обвинительного приговора, оплатил расходы переводчика, услуги которого были необходимы при слушании дела, нарушает право на бесплатную помощь переводчика лицам, обвиняемым в совершении уголовного правонарушения и не владеющих языком, который исползуется в суде.

Сокращенное содержание

Г-н Люди́ке, военнослужащий Вооруженных сил Великобритании в Германии, был в мае 1972 г. признан судом округа Билефельд виновным в нарушении правил дорожного движения. С него был взыскан штраф и судебные расходы, включая расходы на переводчика. После того, как различные обращения по поводу признания недействительным решения о взыскании с него расходов на переводчика, были отклонены, он полностью их оплатил.

Г-н Белка́сем, участвовавший в драке в одном из ночных клубов в Берлине, был признан виновным в нанесении телесных повреждений и приговорен в апреле 1974 г. судом по делам несовершеннолетних в Берлине-Тиргартене к четырем неделям содержания под стражей, выплате штрафа и судебных расходов, включая оплату услуг переводчика. Он безуспешно возражал против оплаты услуг переводчика и не осуществил выплату в ходе производства дела.

В декабре 1973 г. суд присяжных заседателей Аахена вынес обвинительный вердикт г-ну Кошу за нанесение серьезных телесных повреждений, определил ему меру наказания в виде лишения свободы сроком на один год и взыскал с него судебные расходы, за исключением расходов на переводчика. По протесту прокуратуры, оплата услуг переводчика все-таки была с него взыскана. Принимая во внимание, в частности, его семейное положение, уведомление об исполнении решения ему не было направлено, и представитель правительства с согласия министра данной земли, сообщил Суду, что их обязательное взыскание осуществляться в будущем не будет.

Суд рассмотрел дело в свете Ст. 6-3 ЕКПЧ, которая гарантирует право каждого обвиняемого на бесплатное получение услуг переводчика, если он не говорит на используемом на заседании языке или не понимает его. Суд констатировал, что термин «бесплатно» (*gratuitement*) имеет сам по себе ясный и четкий характер. Он предполагает полное освобождение от оплаты или невыполнение обязательства оплачивать расходы услуг переводчика, а не условное отложение, временное освобождение или приостановку.

Суд счел, что из предоставления некоторых прав обвиняемому в силу Ст. 6-3 ЕКПЧ не следует, что в случае вынесения обвинительного приговора осужденному будет необходимо оплатить расходы на переводчика. Если считать, что Ст. 6-3-е ЕКПЧ может разрешать национальным судам переносить их на лиц, которым вынесен обвинительный приговор, то это означало бы, что это преимущество было бы просто перенесено во времени, а для осужденного лица это означало бы и полное лишение этого права. По мнению Суда, подобное толкование лишило бы Ст. 6-3-е значительного объема ее действия, ибо она оставляла бы в силе те отрицательные последствия, которые испытывает обвиняемый, не владеющий используемым в суде языком, что Ст. 6-3-е и стремится как раз устранить. Более того, хотя назначение переводчика возмещает серьезные недостатки положения, которые недостаточно хорошо владеющий используемым в суде языком подсудимый имеет по сравнению с положением, когда он действовал бы лично, остается риск, что назначение или неназначение переводчика зависело бы от обвиняемого, который мог бы находиться под влиянием финансовых соображений.

Суд указал в заключении, что гарантия Ст. 6-3-е ЕКПЧ не сводится только к переводу на судебном заседании - она имеет отношение к письменному и устному переводу всех материалов следствия против обвиняемого, которые ему необходимо понимать, чтобы воспользоваться правом на справедливый судебный процесс. Поскольку все расходы на переводчика, выплату которых суд возложил на заявителей, рассматриваются как расходы, подпадающие под действие Ст. 6-3-е ЕКПЧ, Суд пришел к выводу, что оспариваемые решения судов ФРГ нарушили эту Статью.

Идентификационный номер: ECH-1978-S-004

Класс и другие против Германии.

Ключевые слова для алфавитного указателя:

Меры тайного надзора / Переписка / Почтовые отправления / Телефонная и другие виды телекоммуникационной связи / Закон, меры по исполнению.

Краткая аннотация:

С тем, чтобы не лишать Конвенцию действенности, и при определенных обстоятельствах, лицо может утверждать, что оно стало жертвой нарушения его прав, изложенных в ЕКПЧ, просто в силу существования законодательства, позволяющего принятие мер тайного надзора, не будучи при этом обязанным указывать на применение к нему таковых мер.

Существование полномочий на тайную слежку за своими гражданами характеризует полицейское государство и, следовательно, может быть терпимо, с точки зрения Конвенции, лишь постольку, поскольку такие меры абсолютно необходимы для защиты демократических институтов.

Законодательство Германии о тайной перлюстрации переписки и почтовых отправлений, а также о прослушивании телефонных и других видов телекоммуникационных связи, принятое в интересах обеспечения национальной безопасности, а также с целью предупреждения беспорядков и преступности, расценивается как не нарушающее право на уважение личной и семейной жизни, а также личной переписки.

Сокращенное содержание:

В 1967 г., в рамках законодательства о чрезвычайном положении правительство ФРГ представило на рассмотрение два законопроекта. Первый вносил изменения в статью 10.2 Основного закона Федеральной Республики, позволяя ограничивать право на уважительное отношение к личной переписке; второй, основывавшийся на таком образом измененной Ст. 10.2 Основного закона, разрешал при соблюдении определенных условий осуществлять тайную перлюстрацию переписки, почтовых отправлений и прослушивание телефонной связи без обязательства предварительного уведомления заинтересованного лица. Оба закона, проходящие в тексте под условным обозначением "G10" (далее - законы о тайном надзоре), были обнародованы соответственно 24 июня и 13 августа 1968 года. Согласно этим законодательным актам, принятие и исполнение надзорных мер не могли быть обжалованы в судебном порядке. Контроль за данными мерами должен был осуществляться комитетом из шести парламентариев, назначаемых Бундестагом на основе пропорциональности, и комиссией из трех членов, назначаемых этим комитетом на срок избрания парламента.

Прокурор, г-н Класс (Klass), трое адвокатов и один судья обратились в Федеральный конституционный суд, осуждая неконституционность законов о тайном надзоре, постольку поскольку они не обязывали органы власти, принимавшие эти меры, уведомлять о них заинтересованных лиц, и поскольку они исключали любую возможность обжалования таких мер в судебном порядке. Постановлением от 15 декабря 1970 г. Федерального конституционного суда законы о тайном надзоре были объявлены недействительными в связи с их несовместимостью со статьей 10.2 Основного закона ФРГ, и потому что они исключали уведомление заинтересованного лица о принятии в его отношении мер надзора в то время, как это могло делаться без компрометации целей, преследуемых разрешенными ограничениями. В связи с тем, что резолютивная часть этого постановления имела силу закона, правительство ФРГ предложило внести изменения в законы о тайном надзоре. Тем временем, 1 июня 1971 года, группа из пяти юристов подала заявление в Комиссию, утверждая, что законы о тайном надзоре, видоизмененные и истолкованные Федеральным конституционным судом, противоречили Ст. 6, 8 и 13 ЕКПЧ. По мнению федерального правительства, данное заявление должно расцениваться как неприемлемое, так как сами заявители не были "жертвами" осуждаемого нарушения, а само заявление основывалось на предполагаемой возможности оказаться под тайным надзором.

Подчеркнув, что, в принципе, заявителю не достаточно утверждать, что закон самим фактом своего существования нарушает его права, гарантированные Конвенцией, Суд отметил, что, в отсутствие специфических мер по исполнению закона, он может нарушать как таковой права лица, если оно испытывает непосредственно на себе его действие. В данном случае тайный характер оспариваемых мер не позволял заявителям сообщить о существовании конкретных мер, затрагивавших именно их. Заботясь о действительности Конвенции, Суд согласился с тем, что при некоторых обстоятельствах лицо может претендовать на роль жертвы нарушения его прав в силу самого существования законодательства, позволяющего принятие мер тайного надзора, не будучи при этом обязанным доказывать действительное применение к нему таких мер. Следовательно, согласно Ст. 25 ЕКПЧ, г-н Класс и другие заявители были вправе утверждать, что они стали "жертвами" нарушения их прав, изложенных в Конвенции. Исходя из этого, Суд должен был определить, соответствовало ли оспариваемое законодательство требованиям положений Конвенции.

Подчеркнув, что право тайной слежки за гражданами присуще полицейскому государству, и что, с точки зрения ЕКПЧ, такое положение терпимо лишь постольку, поскольку оно абсолютно необходимо для защиты демократических институтов, Суд сразу же подтвердил вхождение телефонных переговоров в понятие "личной жизни" и "переписки", устанавливаемое Ст. 8 ЕКПЧ. В данном случае, никто не оспаривал того, что меры тайного надзора являются "вмешательством со стороны государственных органов" в осуществление любым лицом права на уважение его личной и семейной жизни, а также его переписки; в равной мере никем не оспаривается, что это "вмешательство" было "предусмотрено законом" и представляло из себя меру, имеющую своей целью обеспечение национальной безопасности и/или "защиты порядка" и "предотвращение уголовных преступлений" (Ст. 8-2 ЕКПЧ).

Подчеркнув существование риска подрыва или даже разрушения демократии на основании ее защиты, исходящего от любого закона, разрешающего установление тайного надзора, Суд объяснил, что ему предстояло проверить, были ли предусмотрены оспариваемым законодательством соответствующие гарантии от возможных злоупотреблений. По этому вопросу заявители настаивали на отсутствии права на обжалование в суде решения об установлении тайного надзора и какого бы то ни было уведомления поднадзорного лица о принятых в его отношении мерах. Так как комитет из пяти парламентариев и Комиссия "G10" были независимы от органов власти, осуществлявших тайный надзор, и были наделены достаточными полномочиями для обеспечения постоянного и действенного контроля, то Суд полагает что осуществление любым лицом права на уважение его личной и семейной жизни, а также его переписки; в равной мере никем не оспаривается, что это "вмешательство" было "предусмотрено законом" и представляло из себя меру, имеющую своей целью обеспечение национальной безопасности и/или "защиты порядка" и "предотвращение уголовных преступлений" (Ст. 8-2 ЕКПЧ).

Подчеркнув существование риска подрыва или даже разрушения демократии на основании ее защиты, исходящего от любого закона, разрешающего установление тайного надзора, Суд объяснил, что ему предстояло проверить, были ли предусмотрены оспариваемым законодательством соответствующие гарантии от возможных злоупотреблений. По этому вопросу заявители настаивали на отсутствии права на обжалование в суде решения об установлении тайного надзора и какого бы то ни было уведомления поднадзорного лица о принятых в его отношении мерах. Так как комитет из пяти парламентариев и Комиссия "G10" были независимы от органов власти, осуществлявших тайный надзор, и были наделены достаточными полномочиями для обеспечения постоянного и действенного контроля, то Суд полагает что осуществление любым лицом права на уважение его личной и семейной жизни, а также его переписки; в равной мере никем не оспаривается, что это "вмешательство" было "предусмотрено законом" и представляло из себя меру, имеющую своей целью обеспечение национальной безопасности и/или "защиты порядка" и "предотвращение уголовных преступлений" (Ст. 8-2 ЕКПЧ).

Подчеркнув существование риска подрыва или даже разрушения демократии на основании ее защиты, исходящего от любого закона, разрешающего установление тайного надзора, Суд объяснил, что ему предстояло проверить, были ли предусмотрены оспариваемым законодательством соответствующие гарантии от возможных злоупотреблений. По этому вопросу заявители настаивали на отсутствии права на обжалование в суде решения об установлении тайного надзора и какого бы то ни было уведомления поднадзорного лица о принятых в его отношении мерах. Так как комитет из пяти парламентариев и Комиссия "G10" были независимы от органов власти, осуществлявших тайный надзор, и были наделены достаточными полномочиями для обеспечения постоянного и действенного контроля, то Суд полагает что осуществление любым лицом права на уважение его личной и семейной жизни, а также его переписки; в равной мере никем не оспаривается, что это "вмешательство" было "предусмотрено законом" и представляло из себя меру, имеющую своей целью обеспечение национальной безопасности и/или "защиты порядка" и "предотвращение уголовных преступлений" (Ст. 8-2 ЕКПЧ).

Идентификационный номер: ECH-1978-S-003

Кениг против Германии.

Ключевые слова для алфавитного указателя:

Практикующий врач / Медицина, разрешение заниматься врачебной практикой, лишение / Клиника, разрешение на эксплуатацию, лишение / Административное разбирательство / Гражданские права, определение.

Краткая аннотация:

Будучи правами "личного" характера, права на продолжение эксплуатации частной клиники и на занятие врачебной практикой относятся к "гражданским".

Из-за сделанного ими выбора в ведении судебного процесса вторая и четвертая палаты административного суда Франкфурта нарушили право практикующего врача на судебное разбирательство его дела в "разумные сроки".

Сокращенное содержание:

В 1960 г. г-н Кениг (Konig), врач - специалист по болезням уха, горла и носа открыл клинику для проведения операций по исправлению физических недостатков в г. Бад Хомбург (Bad Homburg) расположенном на территории западно-германской земли Хессен (Land Hessen) Будучи владельцем клиники, он ее содержал,

руководил ею и был единственным работавшим в ней практикующим врачом. Местная профессиональная корпорация врачей возбудила против него ряд дел в связи с его непрофессиональным поведением. В июле 1964 г. суд, рассматривающий дела, относящиеся к осуществлению медицинских профессий (далее - Профессиональный медицинский суд), при административном суде г. Франкфурта объявил, что г-н Кениг недостоин заниматься врачебной практикой. В октябре 1970 г. Профессиональный медицинский суд при административном суде земли Хессен отклонил апелляцию г-на Кенига. В связи с неспособностью г-на Кенига вести дела клиники соответствующим образом и нехваткой у него усердия и знаний, требуемых для технического и административного руководства ею, префект земли Хессен (*Regierungspräsident*), находящийся в Висбадене, изыал у него разрешение на эксплуатацию клиники. 13 июля 1967 г. г-н Кениг безуспешно опротестовал это решение. Затем, 9 ноября 1967 г., он обжаловал его в апелляционном порядке во франкфуртском административном суде, четвертая палата которого отвергла его апелляцию 22 июня 1977 года. К моменту вынесения постановления Европейским Судом по Правам Человека, административный суд земли Хессен еще не вынес решения по обжалованию г-ном Кенигом решения четвертой палаты административного суда Франкфурта.

Так как его профессиональная непригодность и несоблюдение им морально-этических норм поведения врача были установлены профессиональными медицинскими судами соответственно в 1964 и 1971 г.г., то префект Дармштадта (Darmstadt) лишил г-на Кенига разрешения заниматься медицинской практикой. Г-н Кениг безуспешно опротестовал это решение 18 мая 1971 года. Тогда, 20 октября 1971 г., он подал апелляцию в административный суд г. Дармштадта. По причине неподсудности ему дела этот суд направил его на рассмотрение в административный суд Франкфурта, вторая палата которого отклонила обжалование 9 июня 1976 года. Решение этой палаты было подтверждено административным судом земли Хессен 2 мая 1978 года.

В своем заявлении в Комиссию г-н Кениг осуждал продолжительность сроков рассмотрения дел, возбужденных в связи с лишением его соответствующих разрешений.

Суд утверждает, что Ст. 6-1 ЕКПЧ подлежит применению к фактическим обстоятельствам данного дела, так как права, затронутые решениями о лишении его соответствующих разрешений, были "личными правами" и на этом основании должны рассматриваться как "гражданские права" в смысле Ст. 6-1 ЕКПЧ. Затем Суд подчеркнул, что в его задачу не входит оценка германской системы делопроизводства в административных судебных органах, и что - если эта система приводит к нагромождению дел, находящихся в производстве, - то только самому государству принадлежит право извлекать из этого соответствующие выводы и, в случае необходимости, упростить ее для обеспечения соблюдения Ст. 6-1 ЕКПЧ.

Далее, Суд рассмотрел вопрос о том, превысила ли продолжительность оспариваемых производств "разумные сроки". Прежде всего, он отметил, что отсчет истечения сроков начался с момента опротестования г-ном Кенигом лишения его соответствующих разрешений; после чего Суд проанализировал сроки каждого из разбирательств, взятого отдельно.

Относительно производства по делу о лишении г-на Кенига разрешения эксплуатировать клинику, Суд отметил, что более 10 лет и 10 месяцев прошло, а никакого решения по существу этого дела не было вынесено, и что потребовалось ждать почти 10 лет вынесения судебного решения в первой инстанции. Оценивая различные материалы дела, Суд пришел к выводу, что разного рода затяжки, вызванные трудностью следствия и поведением заявителя, сами по себе не оправдывают сроков разбирательства дела. По мнению Суда, основную причину такой продолжительности следует искать в рассмотрении дела четвертой палатой административного суда Франкфурта, которая могла бы раньше довести разбирательство до конца. Следовательно, "разумные сроки", требуемые Ст. 6-1 ЕКПЧ, были нарушены.

Относительно производства по делу о лишении заявителя разрешения заниматься врачебной практикой, Суд отметил, что оно заняло более пяти лет. Оценив различные материалы дела, взятые в совокупности, и приняв во внимание важность для заявителя результатов разрешения спора, - а речь шла о самом его профессиональном существовании, - и даже несмотря на затягивание, вменяемое в вину поведению заявителя, Суд считает, что рассмотрение дела не было проведено с необходимой оперативностью. В связи с превышением "разумных сроков" разбирательства Суд пришел к выводу о том, что имело место нарушение Ст. 6-1 ЕКПЧ.

Идентификационный номер: ECH-1978-S-002

Тайрер против Великобритании.

Ключевые слова для алфавитного указателя:

Телесные наказания, назначаемые по решению суда / Мера наказания, унижающая человеческое достоинство / Порка / Унижение / Местные требования.

Краткая аннотация:

Телесное наказание, назначенное судом пятнадцатилетнему школьнику, унижает его человеческое достоинство и нарушает Ст. 3 ЕКПЧ.

Недопустимо ссылаться на "местные требования", упоминаемые в Ст. 63 ЕКПЧ, для оправдания меры наказания, противоречащей Ст. 3 ЕКПЧ.

Сокращенное содержание:

Получив несколько ударов тростью за пронос пива в школу, г-н Тайрер, пятнадцатилетний житель острова Мэн, вместе с тремя другими молодыми людьми напал на выдавшего их школьника. Признанный виновным за нападение, г-н Тайрер был приговорен 7 марта 1972 г. к трем ударам розгой местным судом по делам несовершеннолетних. В тот же день в полицейском участке, в присутствии своего отца и врача, он был вынужден прислушаться брюки и трусы и склониться над столом для получения трех ударов розгой (статья 5.1 закона 1927 г. о мировых судьях и простых полицейских судах, измененная статьей 8 закона 1960 г. о простых полицейских судах).

Не будучи частью Великобритании, остров Мэн все же является зависимой от Короны ее Величества территорией, за международные отношения которой Великобритания несет ответственность, и к которой применимы положения Конвенции в силу заявления, сделанного британским правительством в соответствии со Ст. 63 ЕКПЧ.

21 сентября 1972 г. г-н Тайрер подал заявление в Комиссию, а в январе 1976 г. заявил ей о своем желании взять его обратно. В марте того же года Комиссия решила все же, что данное дело поднимало вопросы общего характера, относящиеся к соблюдению Конвенции и, следовательно, требовало углубленного рассмотрения спорных моментов.

Суд должен был выяснить, была ли мера, назначенная г-ну Тайреру "наказанием, унижающим человеческое достоинство," и противоречащим требованиям Ст. 3 ЕКПЧ. Уточнив наличие определенной степени "унижения" в "наказании, унижающем человеческое достоинство", Суд подчеркнул, что Ст. 3 ЕКПЧ объясняет унижение личности не только фактом ее осуждения, но и приведением меры наказания в исполнение. Широкая огласка может усилить степень унижения, но и отсутствие таковой не обязательно препятствует классификации понесенного наказания как "унижающего человеческое достоинство". Даже если лицо не было унижено в глазах других, то оно может быть унижено в своих собственных. В данном случае, хотя заявителю и не было нанесено тяжелых телесных повреждений, назначенная ему мера наказания состояла в обращении с ним как с материалом, оказавшимся в руках органов государственной власти; она стала посягательством на его человеческое достоинство и физическую неприкосновенность, что конечно же, по мнению Суда, представляет степень унижения, свойственную понятию "наказания, унижающего человеческое достоинство". Следовательно, телесное наказание, назначенное судом г-ну Тайреру, расценивается как нарушение Ст. 3 ЕКПЧ.

Далее, Суд должен был рассмотреть, может ли его вывод о нарушении Ст. 3 ЕКПЧ быть изменен в связи с соответствием меры наказания, примененной к г-ну

Тайреру, "местным требованиям", предусмотренным Ст. 63 ЕКПЧ. Отметив, что мнение местной общественности не может само по себе рассматриваться как доказательство необходимости телесных наказаний, назначаемых судом в качестве средства устрашения для поддержания общественного порядка, Суд констатировал, что никакие "местные требования", относящиеся к обеспечению соблюдения общественного порядка, не могут дать право государству прибегать, в силу Ст. 63 ЕКПЧ, к мерам наказания, противоречащим требованиям Ст. 3 ЕКПЧ. Исходя из этого, Суд подтвердил свой вывод, согласно которому телесное наказание, вынесенное заявителю, нарушило Ст. 3 ЕКПЧ.

Идентификационный номер: ECH-1978-S-001

Ирландия против Великобритании.

Ключевые слова для алфавитного указателя:

Чрезвычайные меры / Ирландская Республиканская Армия / "Пять методов" / Специальные внесудебные полномочия / Плохое обращение / минимальная тяжесть.
Краткая аннотация:

Чтобы подпасть под действие Ст. 3 ЕКПЧ, плохое обращение должно достичь минимальной степени тяжести, оценка которой зависит от всех обстоятельств дела, а именно, от продолжительности плохого обращения, от его физических и психических последствий, а также, зачастую, от пола пострадавшего лица, от его возраста и состояния здоровья.

Пытка и бесчеловечное или унижающее человеческое достоинство обращение строго запрещены, какими бы ни были деяния пострадавшего от них лица и даже в случае чрезвычайного положения, угрожающего жизни нации.

Причинив физические и моральные страдания, а также тяжкие психические расстройства во время допросов, вызвав у пострадавших от них лиц чувства страха, угнетенности и неполноценности, "пять методов" ведения допроса "с пристрастием" лиц, содержавшихся под стражей в неуставленных центрах в Северной Ирландии, являются "бесчеловечным и унижающим человеческое достоинство обращением".

Часто повторявшиеся по одной и той же схеме, истязания, которым подвергали сотрудники северо-ирландской полиции многих лиц, содержавшихся под стражей в Палас Барракс осенью 1971 г., стали устоявшейся практикой, подпадающей под действие Ст. 3 ЕКПЧ. Причинившие тяжкие страдания и телесные повреждения, эти истязания приобрели характер "бесчеловечного обращения".

В случае чрезвычайного положения, угрожающего жизни нации, любая Высокая Договаривающаяся Сторона вправе принять меры, отступающие от обязательств, накладываемых на нее Ст. 5 ЕКПЧ, только в такой степени, в какой это требуется остротой положения.

Разумно рассматриваемые как абсолютно необходимые для обеспечения общественной безопасности, отступления от Ст. 5 ЕКПЧ, вызванные внесудебными мерами лишения свободы, не нарушили ЕКПЧ.

Сокращенное содержание:

16 декабря 1971 г. правительство Ирландии ("правительство-заявитель") подало в Комиссию исковое заявление на правительство Великобритании и Северной Ирландии ("правительство-ответчик"). Суть этого дела составлял кризис в Северной Ирландии.

Точнее, правительство-заявитель обжаловало объем и способы применения мер по задержанию, содержанию под стражей и интернированию, принятых властями Северной Ирландии на основании "внесудебных" полномочий. Эти специальные полномочия, к которым правительство Северной Ирландии прибегло 9 августа 1971 г., остались в силе и после 30 марта 1972 г., когда функции правительства и парламента Северной Ирландии были переданы органам власти Великобритании. По замыслу, такие специальные полномочия должны были прежде всего применяться в отношении Ирландской Республиканской Армии (далее - ИРА), но после 5 февраля 1973 г. они также использовались и против лиц, подозреваемых в причастности к "лояльному" терроризму. Правительство-заявитель утверждало, что меры, принятые на основании этих полномочий, привели к плохому обращению с лицами, лишенными свободы.

Таким образом, Суд должен был высказаться по поводу существования целой устоявшейся практики, а не конкретных, индивидуальных случаев. Напомнив, что в его задачу входит не судебное рассмотрение террористической деятельности отдельных лиц и объединений, а лишь вынесение решений по жалобам, поданным правительством-заявителем в Комиссию, Суд отметил необходимость, по выполнению вышеуказанной задачи, в любом случае, не терять из виду события, составляющие задний план спора.

Перед тем, как приступить к рассмотрению заявлений о плохом обращении, Суд подчеркнул, что плохое обращение подпадает под действие Ст. 3 ЕКПЧ в том случае, если его тяжесть достигает определенного минимума, оценка которого зависит от всех обстоятельств дела, таких как продолжительность плохого обращения, его последствий для физического и психического состояния лица, а иногда от пола, возраста и состояния здоровья пострадавшего. Далее, Суд отметил, что -каковы бы ни были деяния пострадавшего -Конвенция строго запрещает применение пыток или же бесчеловечного или унижающего человеческое достоинство обращения. Он отметил, что абсолютный характер этого запрещения усилен Ст. 15-2 ЕКПЧ, предусматривающей, что Ст. 3 не терпит никаких отступлений даже в случае общественной опасности, угрожающей жизни нации.

Обратившись к фактическим обстоятельствам дела, Суд проанализировал прежде всего плохое обращение, имевшее место в неуставленных центрах, где проводились допросы. Из общей массы задержанных в августе и октябре 1971 г., четырнадцать лиц было отобрано и отведено в один или несколько неуставленных центров, где они были допрошены "с пристрастием". К ним, в частности, применялось пять особых методов допроса, состоявших в "лишении лица ориентации в пространстве" и "лишении его сенсорных чувств". Применявшиеся одновременно, преднамеренно и в течение долгих часов, они причиняли как физические и моральные страдания, так и тяжкие психические расстройства во время допросов. Вызвав у пострадавших от них лиц чувства страха, угнетенности и неполноценности, эти методы приобретали характер "унижающих человеческое достоинство". Следовательно, Суд пришел к выводу о том, что они расцениваются как "бесчеловечное и унижающее человеческое достоинство обращение" в смысле Ст. 3 ЕКПЧ. Напротив, по мнению Суда, эти методы не были "пыткой" в связи с тем, что причиняемые ими страдания не достигали такой степени интенсивности и жестокости, которые предполагает это понятие. Правительство-заявитель одновременно ссылалось на другие формы обращения, присовокупленные к "пяти методам", которые также противоречили требованиям Ст. 3 ЕКПЧ. Следуя примеру Комиссии, Суд установил, что это было верно только в отношении одного лица. Так как констатация единичных случаев не может служить доказательством их широкой распространенности на практике, Суд пришел к выводу о том, что никакого другого широко практиковавшегося обращения, противоречащего требованиям Конвенции, в этих центрах установлено не было.

Относительно обращения, которому подвергались задержанные в Палас Барракс (Palace Barracks) осенью 1971 г., то, исходя из материалов дела, Суд отмечает, что сотрудники северо-ирландской полиции (*Royal Ulster Constabulary - RUC*) подвергали истязаниям многих лиц, содержавшихся там под стражей. Часто повторявшиеся по одной и той же схеме, эти истязания не могли рассматриваться как отдельные случаи: взятые в совокупности, они являлись устоявшейся практикой. По мнению Суда, это обращение, причинившее тяжкие страдания и телесные повреждения, имело "бесчеловечный" характер. Но одновременно он не квалифицирует их как "пытку", так как причиняемые ими страдания не достигали такой степени интенсивности, которую предполагает это понятие.

Правительство-заявитель также обжаловало объем и применение мер по задержанию, содержанию под стражей и интернированию, принятых северо-ирландскими властями на основании данных им "внесудебных" полномочий. Оно утверждало, что лишение свободы, вызывавшееся осуществлением этих полномочий с августа 1971 г. по март 1975 г. не отвечало требованиям Ст. 5 ЕКПЧ. Одобрив заключения Комиссии, которые, кстати, не оспаривались правительством-ответчиком, Суд признал, что - в том виде, в каком они осуществлялись - специальные полномочия не соответствовали требованиям Ст. 5 ЕКПЧ по целому ряду пунктов. Таким образом, Суду предстояло определить, оправдывало ли чрезвычайное положение, угрожавшее жизни нации, применение Ст. 15 ЕКПЧ, разрешавшей правительству

-ответчику отступать от своих обязательств, предусмотренных Ст. 5 ЕКПЧ. Считая на основании фактических обстоятельств дела абсолютно ясным существование подобного чрезвычайного положения, Суд подчеркнул, что национальные власти, постоянно и напрямую сталкивающиеся с настоятельными и непосредственными требованиями текущего момента, находятся в лучшем положении при определении характера и объема отступлений необходимых для отведения опасности, угрожающей жизни нации. В данном случае, суд должен был убедиться, что, поступая таким образом, государство отступает от своих обязательств "только в такой степени, в какой это требуется остротой положения". В свете фактических обстоятельств дела, Суд полагает, что принятые внесудебные меры могли разумно рассматриваться как абсолютно необходимые для обеспечения общественной безопасности. Рассценивая внесудебные полномочия как необходимые с августа 1971 г. по март 1975 г., Суд пришел к выводу, что Великобритания не перешла за грань предела усмотрения, предоставленного государствам - участникам Конвенции Ст. 15-1 ЕКПЧ. Так как требования этой статьи были выполнены, то - при данных обстоятельствах дела - отступления от Ст. 5 ЕКПЧ не нарушили Конвенцию.

Утверждая наличие дискриминации по признаку политических убеждений на том основании, что до февраля 1973г. специальные полномочия использовались лишь только против лиц, подозреваемых в принадлежности к ИРА, правительство-заявитель настаивало на нарушении Ст. 14 ЕКПЧ, взятой в совокупности со Ст. 5 ЕКПЧ. На основании имеющихся у него в распоряжении материалов, и принимая во внимание пределы своих контрольных полномочий, Суд отметил, что цель, преследуемая при использовании специальных полномочий (до 5 февраля 1973г. речь шла о ликвидации ИРА), могла рассматриваться как законная, и используемые для ее достижения средства не представлялись несоразмерными. После 5 февраля внесудебные меры лишения свободы служили задачам борьбы с терроризмом как таковым. Суд объяснил, что он не может упрекнуть Великобританию в попытках использовать эти полномочия во всех удобных представлявшихся случаях. Принимая во внимание тот факт, что изначальная разница в обращении не имела продолжения, Суд пришел к выводу о том, что факт какой бы то ни было дискриминации не установлен, противоречащей Ст. 5 ЕКПЧ, взятой в совокупности со Ст. 14 ЕКПЧ.

Так как меры, обжалованные правительством-заявителем на основании Ст. 6 ЕКПЧ, были теми же, которые оно упоминало на основании Ст. 5 ЕКПЧ, то Суд констатировал, что отступления от гарантий судебного характера последней статьи в одинаковой мере применимы к отступлениям от Ст. 6 ЕКПЧ. Установив, что отступления от Ст. 5 ЕКПЧ соответствовали требованиям Ст. 15 ЕКПЧ, Суд пришел к идентичному выводу в отношении отступлений от Ст. 6 ЕКПЧ. Равно, он не установил никакой дискриминации, противоречащей требованиям Ст. 14 ЕКПЧ и 6 ЕКПЧ, рассмотренных в совокупности.

Идентификационный номер: ECH-1976-S-003

Хандисайд против Великобритании.

Ключевые слова для алфавитного указателя:

Непристойные печатные издания / Школьный учебник / Книги, наложение ареста, конфискация и уничтожение.

Краткая аннотация:

Наложение ареста, конфискация и уничтожение всех имевшихся в распоряжении экземпляров книги, предназначенной для детей и подростков, не рассматриваются как ущемление свободы издателя на выражение своего мнения на том основании, что они были соразмерны законной цели охраны нравственности.

Будучи законными и имея своей конечной задачей защиту общих интересов, конфискация и уничтожение всех экземпляров книги, предназначенной для детей и подростков, не нарушили права собственности ее издателя.

Сокращенное содержание:

Появившаяся сначала в Дании, а затем, после перевода и ряда адаптаций, в нескольких других государствах - членах Совета Европы, "Красная книжечка школьника" - "The Little Red Schoolbook" (далее - школьный учебник), была посвящена общим проблемам воспитания и образования молодежи. Примерно одна десятая ее часть касалась вопросов полового воспитания. В сентябре 1970г. г-н Хандисайд (Handyside) владелец лондонского издательства "Стаж 1", купил права на публикацию школьного учебника в Великобритании. Он проконсультировался с различными лицами по поводу ценности книги с целью ее опубликования в Великобритании, предусмотренном на 1 апреля 1971 года. Как только тираж был отпечатан, г-н Хандисайд направил около ста экземпляров на рецензию в ряд местных и национальных ежедневных печатных изданий, а также в редакции педагогических и медицинских журналов.

30 марта 1971 г., в результате появления жалоб в нескольких известных британских газетах и в соответствии с законами о непристойных печатных изданиях 1959/1964 г.г., Генеральный прокурор Великобритании (*Director of Public Prosecutions*) ходатайствовал о проведении дознания силами лондонской полиции. 31 марта и 1 апреля полиция наложила арест на все экземпляры школьного учебника, обнаруженного ею в издательстве и в типографии. Почти 18.800 экземпляров ускользнули из поля зрения полиции и были затем распроданы заказавшим их школам.

Против г-на Хандисайда было возбуждено судебное дело и 1 июля Суд малой инстанции (*Magistrates' Court*) г. Ламбес (Lambeth) признал его виновным, присудил его к уплате штрафа и вынес определение о конфискации с целью дальнейшего уничтожения тиража силами полиции. Г-н Хандисайд подал апелляцию, но безуспешно, так как 29 октября решение, вынесенное в первой инстанции, было подтверждено, а арестованные и конфискованные экземпляры - уничтожены. 15 ноября того же года пересмотренное издание этого же школьного учебника появилось на свет, не вызвав никаких преследований.

Г-н Хандисайд утверждал, что его свобода на выражение своего мнения не была соблюдена. Действительно, никто не оспаривает, что наложение ареста, конфискация и уничтожение экземпляров школьного учебника явились "вмешательством органов государственной власти" в осуществление им права на свободу выражения своего мнения. Таким образом, Суду предстояло определить, были ли обоснованы с точки зрения Ст. 10-2 ЕКПЧ "ограничения" и "санкции", на которые жаловался заявитель.

Убедившись, что оспариваемые ограничения были "предусмотрены законом", постольку поскольку они основывались на законе о непристойных печатных изданиях 1959/1964г.г., Суд рассмотрел вопрос о том, преследовали ли они законную цель "охраны нравственности". Придавая особую важность читательской аудитории, которой предназначался школьный учебник (дети и подростки), Суд отметил, что некоторые из его разделов (и, прежде всего, относящихся к вопросам полового воспитания, и ее подраздел, озаглавленный "Будь самим собой") могли бы быть неправильно истолкованы. Суд признал, что английские судьи были, таким образом, вправе полагать, что данное издание могло бы оказать зловерное воздействие на нравственность многих из его молодых читателей.

Суду оставалось определить, было ли "необходимо в демократическом обществе" накладывать арест на тираж школьного учебника, а затем конфисковать и уничтожать его. По мнению Суда, в связи с отсутствием понятия нравственности, единообразно толкуемого везде в Европе, национальные органы власти, в силу непосредственного и постоянного контакта с повседневной действительностью в их странах, должны произвести первоначальную оценку реальности настоящей общественной потребности, включаемой в данном случае в понятие "необходимости". Далее, Суд должен был убедиться в возможности примирить данную оценку со свободой выражения своего мнения в том виде, в каком она охраняется Ст. 10 ЕКПЧ, уделяя при этом особое внимание принципам, присущим "демократическому обществу". Подчеркнув основополагающую важность свободы выражения своего мнения в таком обществе, в равной мере относящейся к юробию, шокирующим или беспокоящим идеям и информации, Суд объяснил свою обязанность проверить, были ли соразмерны законной преследуемой цели все формальности, условия и санкции, примененные к пользованию свободой выражения своего мнения. Рассмотрев оспариваемые меры в свете всего дела, взятого в совокупности, и на основании имеющихся материалов, Суд заключил, что принятые в данном случае меры были соразмерны преследуемой законной цели. Исходя из этого, Суд пришел к выводу об отсутствии нарушения Ст. 10 ЕКПЧ.

Относительно предполагаемого нарушения Ст. 1 Протокола 1 ЕКПЧ, жалоба заявителя была направлена против двух мер: во-первых, наложения ареста 31 марта и 1 апреля 1971 г. на полиграфические матрицы и сотни экземпляров школьного учебника; и во-вторых, их конфискации с последующим уничтожением в соответствии с постановлением суда от 29 октября 1971 года. Никто не оспаривает того, что эти две меры ущемили право г-на Хандисайда на "уважение его имущества". Таким образом, Суду предстояло определить были ли эти меры обоснованы.

Относясь к "пользованию имуществом", наложение ареста подпадает под действие второго абзаца Ст. 1 Протокола 1 ЕКПЧ, возводящего государства - участники Конвенции в положение единственных судей, оценивающих "необходимость" вмешательства. Суду же надо только проконтролировать законность и конечную цель наложенного ограничения. Суд установил, что оспариваемые меры были назначены на основании Ст. 3 законов о непристойных печатных изданиях 1959/1964 г.г. и в ходе "предусмотренного законом" разбирательства. Наложение ареста было направлено на обеспечение "охраны нравственности" в том виде, в каком компетентные британские органы власти понимали ее в рамках предоставленного им предела усмотрения. Отметив вхождение понятия "охраны нравственности", использованного в смысле Ст. 10 ЕКПЧ, в более широкое понятие "общих интересов" в смысле второго абзаца Ст. 1 Протокола 1 ЕКПЧ, Суд пришел к выводу, что оспариваемая мера не нарушила данной статьи.

Относясь к "лишению собственности", конфискация и уничтожение тиража школьного учебника подпадает под действие первого абзаца Ст. 1 Протокола 1 ЕКПЧ. По мнению Суда, оспариваемые меры соответствуют исключениям, предусмотренным этим положением, принимая во внимание их принятие "в интересах общества" и их соответствие общему принципу международного права, разделяемого всеми государствами - участниками Конвенции, согласно которому подлежат конфискации с целью дальнейшего уничтожения все предметы, использование коих расценивается в предусмотренном законом порядке как неправомерное и опасное для общего интереса. Исходя из этого, Суд пришел к выводу об отсутствии какого бы то ни было нарушения Ст. 1 Протокола 1 ЕКПЧ. Придя к выводу о том, что ограничения свободы выражения своего мнения и права собственности г-на Хандисайда преследовали законные цели с точки зрения Ст. 10 ЕКПЧ и Ст. 1 Протокола 1 ЕКПЧ, Суд на счел себя обязанным рассматривать жалобу заявителя, касающуюся Ст. 18 ЕКПЧ.

Касательно якобы имевшей место незаконной разнице в обращении, на которую жаловался заявитель, Суд указал, что имеющиеся в его распоряжении материалы дела не свидетельствуют о наличии какой бы то ни было дискриминации. Исходя из этого, Суд пришел к выводу об отсутствии какого бы то ни было нарушения Ст. 14 ЕКПЧ, взятой в совокупности со Ст. 10 ЕКПЧ или же Ст. 1 Протокола 1 ЕКПЧ.

Идентификационный номер: ECH-1976-S-002

Кьелдсен, Букс, Мадсен и Педерсен против Дании

Краткая аннотация

Обязательное образование в области половых отношений в государственных школах не нарушает право на уважение религиозных и философских взглядов родителей при обучении своих детей.

Сокращенное содержание

Заявители (родители детей школьного возраста), обжалуют «интегрированное» (обязательное образование в области половых отношений), введенное Законом 27 мая 1970г. в государственных школах Дании. Они сочли, что указанное половое образование затрагивает этические вопросы, и поэтому предпочитают сами осуществлять обучение детей в этой области. Однако, их ходатайства по освобождению детей от этого типа образования были отклонены отвечающими за образование учреждениями.

Суд изучил оспариваемое законодательство в свете второго предложения Ст. 2 Протокола 1 ЕКПЧ, где говорится о том, что государство должно уважать, при осуществлении функций, имеющих отношение к образованию и обучению, права родителей на то, чтобы образование и обучение предоставлялись в соответствии с их собственными религиозными и философскими взглядами.

Даже если датские родители свободны в том, чтобы давать детям образование в домашних условиях или направлять их в частные учебные заведения, которым государство платит существенные субсидии, государственные школы не исключаются из-под действия Ст. 2 Протокола 1 ЕКПЧ. Государство должно уважать религиозные и философские убеждения родителей посредством «всей системы государственного образования».

Суд отметил, что право, изложенное во второй фразе Ст. 2 Протокола 1 ЕКПЧ, является дополнением к основному праву на образование, и, тем самым, соотносится с ответственностью, близко связанной с осуществлением и использованием права на образование. С другой стороны, Суд напомнил, что положения Конвенции и Протокола должны читаться как целое, так, чтобы право на образование, личную и семейную жизнь и свободу религии, мысли, совести и информации уважались в возможно большей степени.

По мнению Суда, из этого следует, что подготовка и утверждение учебной программы относится, главным образом, к полномочиям государств-участников, ибо речь шла в значительной степени о проблеме целесообразности, о которой Суд не желал высказываться и решение которой могло широко варьироваться от страны к стране и в зависимости от времени. Суд констатировал, что второе предложение Ст. 2 Протокола 1 ЕКПЧ, в частности, не возбраняло государствам распространять с помощью образования или обучения сведения и знания, которые прямо или косвенно носили религиозный или философский характер. Суд заявил, что в действительности оказалось очень сложным найти дисциплину, преподаваемую в школе, которая в той или иной степени не имела бы религиозного или философского оттенка.

Тем не менее, Суд счел, что государства, осуществляя функции в образовании и обучении, должны обращать внимание на то, чтобы знания или сведения, включенные в учебную программу, распространялись на объективной, критической и плюралистической основе. Государству воспрещается следовать доктринам, которые могли бы рассматриваться как не уважающие религиозные и философские убеждения родителей.

При всем этом, Суд констатирует, что рассматриваемое законодательство было направлено, прежде всего, на то, чтобы информировать учеников с тем, чтобы им позволить в определенный момент с осмотрительностью относиться к самим себе и проявлять в этом отношении уважение к другим с тем, чтобы не оказаться в затруднительном положении и не причинить сложности другим из-за недостатка знаний. Поэтому Суд констатировал, что эти соображения носили моральный характер и не переходили границу того, что демократическое государство может рассматривать как общественный интерес. Датское законодательство, по мнению Суда, не несет в себе попытку индоктринации, имеющую целью навязать определенное половое поведение, и не касается прав родителей просвещать детей, давать им советы и осуществлять в их отношении естественные воспитательные функции.

Суд признал, что злоупотребления могли заключаться в характере применения действующих нормативных актов. Он подчеркнул, что компетентным властям надлежало следить с самой большой осмотрительностью за тем, чтобы религиозные и философские воззрения родителей не игнорировались на этом уровне из-за неосторожности, недостатка тактичности или по причине неуместного прозелитизма. Поскольку перед Судом не была поставлена проблема такого рода в данном деле, он принял решение, что Ст. 2 Протокола 1 ЕКПЧ была нарушена.

Идентификационный номер: ECH-1976-S-001

Энгель и другие против Нидерландов.

Ключевые слова для алфавитного указателя:

Военнослужащие, отбывающие срочную воинскую службу. / Вооруженные силы / Армейская дисциплина / Дисциплинарное взыскание.

Краткая аннотация:

Сама по себе воинская служба не является лишением права на свободу. Тем не менее, если мера дисциплинарного воздействия, примененная к военнослужащему, принимает форму ограничения, явным образом отклоняющегося от нормальных условий армейской жизни, то она влечет лишение такового его права на свободу. "Строгий арест" и "направление в дисциплинарный батальон" в том виде, в котором они были предусмотрены законодательством Нидерландов в 1971 г., лишали лиц, к которым эти меры были применены, их права на свободу.

Государство не может уйти от своей основополагающей обязанности обеспечивать право на справедливое судебное разбирательство, квалифицировав правонарушение как дисциплинарное. В обществе, соблюдающем верховенство права, лишение свободы, которое может быть назначено в качестве меры наказания, относится к "уголовной" области, если его характер, срок и порядок исполнения делают эту меру ощутимо суровой. Направление в дисциплинарный батальон", в том виде, в каком оно предусматривалось в 1971 г. законодательством Нидерландов, относится к "уголовной" области.

Делопроизводство в Верховном военном суде ущемило право на справедливое судебное разбирательство на том основании, что разбирательство проходило в закрытом судебном заседании (*in camera*), в то время как недопущение прессы и широкой публики не было ничем обосновано.

Постольку поскольку условия и требования армейской и гражданской жизни разные, то разница и даже некоторое неравенство в обращении с военнослужащими и гражданскими лицами оправданы.

Сокращенное содержание:

В 1971 г., в момент подачи заявления в Комиссию, г-да Энгель (Engel), ван дер Вель (van der Wiel), де Вит (de Wit), Дона (Dona) и Шуль (Schul), проходили срочную воинскую службу в рядах вооруженных сил Нидерландов в качестве рядовых и низших офицерских чинов. По обвинению в самовольной отлучке г-дам Энгелю и ван дер Велю было назначено наказание в виде "легкого и усиленного" ареста. В связи с неподчинением г-на Энгеля наложенному на него дисциплинарному взысканию он подвергся предварительному двухдневному помещению под стражу в условиях "строгости ареста" пока он не получил трое суток "строгости ареста" за игнорирование первого взыскания.

Г-н де Вит был обвинен в небрежном вождении автомобиля и неподчинении приказам; г-да Дона и Шуль были привлечены к ответственности за публикацию в редактируемом ими журнале Ассоциации призывников статьи, направленной на подрыв армейской дисциплины. Изначально все трое были направлены в дисциплинарный батальон. После безуспешного обращения к соответствующему офицеру, назначенному для рассмотрения жалоб рядового и низшего офицерского состава, каждый из них обжаловал решение в Верховном военном суде, который сократил срок пребывания г-на Шуля в дисциплинарном батальоне с 4 до 3 месяцев (то же самое относилось и к г-ну Дона); а срок, назначенный г-ну де Виту, был сведен к 12 суткам "усиленного ареста". Что же касается остальных обжалованных решений, то Верховный военный суд подтвердил их. В то время как их обжалования рассматривались, г-да Шуль и Дона оставались в течение месяца под предварительным арестом. Через несколько дней после вынесения решения Верховным военным судом все трое начали отбывать свои сроки наказания.

Подчеркнув в предварительном порядке, что действие ЕКПЧ в равной мере распространяется как на гражданских лиц, так и на военнослужащих, находящихся в рядах вооруженных сил, Суд отметил необходимость не упускать из виду особенности армейской жизни при толковании и применении норм Конвенции.

Прежде всего, пятеро заявителей утверждали, что вынесенные в их отношении взыскания являлись мерами лишения свободы, а обращение с ними носило дискриминационный характер.

По мнению Суда, утверждая "право на свободу", Ст. 5-1 ЕКПЧ предполагает физическую свободу лица и направлена на то, чтобы никто не мог быть ее лишен произвольно. Суд отметил, что сама по себе, служба в рядах вооруженных сил не является лишением свободы, и что при обеспечении воинской дисциплины каждое государство располагает определенным пределом усмотрения. Далее, Суд признал, что границы, которые государства не должны переходить в силу Ст. 5 ЕКПЧ, разные в зависимости от того, идет ли речь о военнослужащем или о гражданском лице. Тем не менее, взыскания или же иные дисциплинарные меры, применяемые к военнослужащим, не выходят из поля действия Ст. 5 ЕКПЧ. Если дисциплинарная мера, примененная к военнослужащему, приводит к ограничениям, явно отклоняющимся от нормальных условий жизни в вооруженных силах государств - участников Конвенции, она может нарушать его право на свободу.

Основываясь на этих посылах, Суд полагает, что в данном случае никакого лишения свободы не последовало за назначением "легких арестов" г-д Энгеля и ван дер Веля, потому как - согласно закону от 27 апреля 1903 г. о воинской дисциплине (далее - закон 1903 г.) - они не были помещены под стражу и продолжали выполнять свои обычные воинские обязанности. По причинам подобного же порядка Суд не рассматривает как лишение свободы помещение на 12 суток под "усиленный арест" г-на Вита, а также и предварительное задержание г-д Дона и Шуля. С другой стороны, помещение под "строгий арест" г-на Энгеля и перевод в "дисциплинарный батальон" г-на Дона и г-на Шуля привело к их лишению свободы, так как первый был помещен в камеру, а второй - в место, которое ему было запрещено покидать.

Таким образом, Суду необходимо было установить, были ли эти оба случая лишения свободы обоснованы с точки зрения Ст. 5-1 ЕКПЧ. В свете фактических обстоятельств дела он полагает, что "назначение в дисциплинарный батальон" г-д Дона и Шуля не нарушило их права на свободу, так как законное содержание под стражей лица на основании признания его виновным компетентным судом, в данном случае Верховным военным судом, разрешается Ст. 5-1 ЕКПЧ. Зато, по мнению Суда, предварительное помещение под "строгий арест" г-на Энгеля нарушило его право на свободу, так как оно не было направлено ни на обеспечение выполнения обязательства, предписанного законом (Ст. 5-1-б ЕКПЧ), ни на задержание его с тем, чтобы он предстал перед компетентным судебным органом (Ст. 5-1-с ЕКПЧ).

По утверждениям господ Энгеля, Дона и Шуля, они также стали жертвами дискриминационного обращения на том основании, что военнослужащие рядового и низшего офицерского состава, находясь под предварительным арестом, бывшим по форме отбывания наказания "строгим", содержались под стражей в камерах, в то время как офицеры отбывали то же наказание либо у себя дома, либо в казарме. Кроме того, только обычные рядовые рисковали оказаться направленными в дисциплинарный батальон. Напомнив, что иерархическая структура, свойственная армии, предполагает наличие дифференцирования в соответствии со званием, и что военнослужащие различных званий несут разную ответственность, оправдывающую некоторое неравенство в дисциплинарной области, Суд отметил, что в 1971 г., когда на заявителей были наложены оспариваемые взыскания, международное гуманитарное право терпимо относилось к подобного рода неравенству. Более того, в это время обжалованные различия имели свое соответствие во внутренних правовых системах практически всех государств - участников Конвенции. Считая, что в данном случае нидерландская законодательная власть не злоупотребила предоставленной ей ЕКПЧ свободой действия, и что принцип соразмерности был соблюден, Суд пришел к выводу об отсутствии какого бы то ни было нарушения с ее стороны Ст. 5-1 ЕКПЧ, взятой в совокупности со Ст. 14 ЕКПЧ.

Во-вторых, заявители утверждали, что производство, ведшееся по их делам военными органами власти и в Верховном военном суде, не соответствовало требованиям Ст. 6 ЕКПЧ, а также что обращение с ними было дискриминационным.

Ограничивая свой анализ рамками воинской службы, Суд должен был определить, применимы ли требования Ст. 6 ЕКПЧ к военному дисциплинарному производству, и если да, то в какой степени. Подчеркнув невозможность для государства уйти от основополагающего обязательства предоставлять право на справедливое судебное разбирательство, квалифицируя правонарушение как дисциплинарное, Суд отметил, что при установлении случаев, когда "дисциплинарное" правонарушение приводит к вынесению "обвинения уголовного порядка", необходимо принимать в расчет не только характер правонарушения как такового, но также и суровость меры наказания, которая может быть назначена. В обществе, соблюдающем верховенство закона, лишение свободы, которое может быть назначено в качестве меры наказания, относится к "уголовной" области, если его характер, сроки и порядок исполнения наносят значительный вред. В случае с г-ном Энгелем, Суд отмечает, что срок максимального взыскания, которое мог бы наложить на него Верховный военный суд, был слишком коротким (2 дня "строгости ареста"), чтобы можно было рассматривать его как относящееся к "уголовной" области. Напротив, "направление в дисциплинарный батальон" было в 1971 г. самым суровым взысканием, предусматриваемым военным дисциплинарным правом Нидерландов, и заявители, г-н де Вит, г-н Дона и г-н Шуль, рисковали быть подвергнутыми лишению свободы сроком до 6 месяцев. Следовательно, "обвинения" изначально выдвинутые против них, относились к "уголовной" области. Принимая во внимание фактические обстоятельства дела, Суд установил, что трое заявителей смогли воспользоваться всеми гарантиями, предусмотренными Ст. 6-1 ЕКПЧ, за исключением требования "открытости разбирательства", в связи с тем, что производство по их делам в Верховном военном

суде шло в закрытом судебном заседании (*in camera*). Недопущение прессы и широкой публики не было оправдано ни одним из исключений, перечисленных в Ст. 6 ЕКПЧ, и на этом основании Суд пришел к выводу, что по этому пункту имело место нарушение права заявителей на справедливое судебное разбирательство.

Все заявители утверждали, что они также стали жертвами дискриминационного обращения на том основании, что дисциплинарное производство не несет в себе такого же числа гарантий, что и уголовное, ведущееся в отношении гражданских лиц. Повторно объяснив разницу между двумя родами делопроизводства различиями, существующими в условиях армейской и гражданской жизни, Суд пришел к выводу об отсутствии, в данном случае, какого бы то ни было нарушения Ст. 6 ЕПЧ, взятой в совокупности со Ст. 14 ЕКПЧ.

В-третьих, г-н Дона и г-н Шуль утверждали, что наложенное на них взыскание нарушало их права на свободу выражения своего мнения и на свободу ассоциации с другими лицами, ссылаясь при этом на Ст. 10, 11, 14, 17 и 18 ЕКПЧ.

Касательно Ст. 10 ЕКПЧ, Суд отметил, что оспариваемое взыскание предусматривалось законом 1903 г., взятым в совокупности с Военным уголовным кодексом Нидерландов; оно преследовало законную цель "предотвращения беспорядков", предполагающую также обеспечение порядка в рядах вооруженных сил. И наконец, Суд установил, что, в данном случае, на заявителей было наложено взыскание в связи со злоупотреблением с их стороны свободой выражения их мнения. Следовательно, решение о принятии санкций в их отношении не нарушило Ст. 10 ЕКПЧ.

Относительно Ст. 10 ЕКПЧ, взятой в совокупности со Ст. 14 ЕКПЧ, принимая во внимание существующую разницу между условиями армейской и гражданской жизни, Суд установил, что заявители не стали жертвами дискриминационного обращения. Отметив обоснованность с точки зрения Ст. 10-2 ЕКПЧ ограничения права заявителей на свободу выражения своего мнения, Суд не считал необходимым рассматривать их жалобу на имевшее, по их утверждениям, место нарушение Ст. 10 ЕКПЧ, взятое в совокупности со Ст. 17 и 18 ЕКПЧ.

Повторив еще раз, что г-н Дона и г-н Шуль подверглись взысканиям в связи с использованием ими свободы выражения своего мнения с целью подрыва воинской дисциплины, а не по причине их принадлежности к Ассоциации призывников, Суд отметил, что фактические обстоятельства дела не позволяют прийти к заключению о нарушении права заявителей на свободу ассоциации с другими лицами. Таким образом, Суду не надо было определять, была ли Ст. 11 ЕКПЧ нарушена сама по себе или в совокупности со Ст. 14, 17 и 18 ЕКПЧ.

Идентификационный номер: ECH-1975-S-002

Национальный профсоюз бельгийских полицейских против Бельгии.

Ключевые слова для алфавитного указателя:

Полиция, коммунальная / Профессиональный союз, консультация.

Краткая аннотация:

Свобода создавать профсоюзы и вступать в них для защиты своих интересов (далее - профсоюзная свобода) является одной из форм или особых разновидностей свободы ассоциации с другими лицами.

Так как свобода защищать профессиональные интересы членов профсоюза гарантируется Ст. 11 ЕКПЧ, члены профсоюза имеют право на то, чтобы мнение их профсоюза было заслушано. Консультация с профсоюзами является одним из многих других средств защиты этого права и не составляет неотъемлемой части свободы на ассоциацию с другими лицами.

Сокращенное содержание:

В конце 1974 г. Национальный профсоюз бельгийских полицейских, куда мог свободно вступить любой сотрудник коммунальной полиции, представлял примерно половину личного состава коммунальной полиции Бельгии. Насчитывая в своих рядах более 12.000 сотрудников, этот род полиции составлял менее 10% общего личного состава полиции в коммунах и провинциях страны.

Согласно Ст. 9 закона от 27 июля 1961 г., с наиболее представительными организациями сотрудников коммунальной и провинциальной полиции должен был консультироваться министр внутренних дел при выработке любого нормативного акта, относящегося к ряду областей, затрагивавших всех сотрудников коммунальной полиции. Постановлением его Королевского Величества от 2 августа 1966 г., измененного в 1969 году, предусматривалось, что только организации, открытые для всех сотрудников провинциальной и коммунальной полиции, и защищающие их профессиональные интересы, могут участвовать в процедуре консультаций. Вынося это постановление, правительство преследовало цель обеспечить проведение уравновешенной и связанной кадровой политики, принимающей во внимание профессиональные интересы всех сотрудников полиции, служащих как в коммунах, так и в провинциях Бельгии.

Будучи организацией недостаточно представленной и защищающей интересы строго определенной категории работников, Национальный профсоюз бельгийской полиции был исключен из процедуры консультаций. 6 ноября 1969 г. Государственный Совет отверг его требование об отмене королевского постановления. 5 марта 1970 г. он подал заявление в Комиссию, утверждая, что имело место нарушение Ст. 11 и 14 ЕКПЧ.

Хотя профсоюзная свобода и является одной из форм или особых разновидностей свободы ассоциации с другими лицами, Суд отметил, что консультация профсоюзов не может рассматриваться как неотъемлемая часть этой свободы. Утверждение, что подобное право может вытекать из свободы на ассоциацию с другими лицами, равноценно тому, чтобы допустить, что Социальная хартия 1961 г. стала шагом назад, поскольку она обязывает подписавшие ее государства "способствовать равноправным консультациям между наемными работниками и работодателями", одновременно не подготовив соответствующей почвы для "права на консультации с профсоюзами".

Предусмотрев, что право любого лица создавать профсоюзы и вступать в них имеет целью "защиту своих интересов", Ст. 11 ЕКПЧ охраняет свободу защиты профессиональных интересов членов профсоюза через профсоюзные акции. Следовательно, члены профсоюза имеют право на то, чтобы мнение их профсоюза было заслушано. Подчеркнув требование ЕКПЧ о предоставлении национальными законодательствами профсоюзам возможности защищать интересы своих членов, Суд отметил, что консультации с профсоюзами являются лишь одним из средств этой борьбы. Принимая во внимание фактические обстоятельства дела, Суд установил, что профсоюз - заявитель мог действовать и действовал самыми различными способами в отношении бельгийского правительства с целью защиты интересов своих членов. Исходя из этого, Суд пришел к выводу об отсутствии вмешательства в право, гарантированное Ст. 11-1 ЕКПЧ, и о вытекающей отсюда ненужности принятия во внимание Ст. 11-2 ЕКПЧ.

Далее Суду необходимо было определить, была ли нарушена Ст. 11 ЕКПЧ, взятая в совокупности со Ст. 14 ЕКПЧ, так как мера, сама по себе соответствующая требованиям той или иной статьи Конвенции, утверждающей то или иное право или свободу, может нарушать эту статью, если будет установлен ее дискриминационный характер.

Напомнив о делах, связанных в его судебной практике со Ст. 14 ЕКПЧ, Суд отметил, что не любое различие в обращении при осуществлении прав и свобод, признанных ЕКПЧ, запрещено, так как равенство в обращении нарушено бывает только тогда, когда различие в обращении не имеет разумного и объективного обоснования. По мнению Суда, в данном случае, не будучи излишне тяжким по сравнению с законной целью, преследуемой правительством, неудобство, которое испытали члены организации, защищающей интересы строго определенной категории работников, - такой как организация - заявитель, - было оправдано не только в своем принципе, но и своим объемом. Так как принцип соразмерности был соблюден, то Суд пришел к выводу, что Бельгия не нарушила Ст. 11 ЕКПЧ, взятую в

совокупности со Ст. 14 ЕКПЧ.

Идентификационный номер: ECH-1975-S-001

Голдер против Великобритании.

Ключевые слова для алфавитного указателя:

Заклоченный / Бунт / Клевета / Адвокат, войти в контакт / Переписка, запрещенная.

Краткая аннотация:

Право на обращение в суд является неотъемлемой частью права на справедливое судебное разбирательство. Это право не имеет абсолютного характера: оно может быть ограничено на законных основаниях.

Запрещая заключенному встретиться с адвокатом с целью предъявления иска о клевете поремному надзирателю, Министр внутренних дел нарушил право заключенного на доступное судебное разбирательство.

Препятствование кому-либо даже во вступлении в переписку является одной из наиболее радикальных форм "вмешательства" в осуществление "права на уважение переписки".

Решение Министра внутренних дел, препятствовавшее общению в любой форме заключенного с адвокатом, нарушило его право на уважение переписки.

Сокращенное содержание:

Вечером 24 октября 1969 г. в комнате отдыха тюрьмы Паркхест (Parkhurst), расположенной на острове Уайт (Wight), вспыхнул мятеж. Г-н Голдер (Golder), приговоренный в 1965 г. за вооруженный грабеж, находился в комнате отдыха в момент начала беспорядков. На следующий день, при установлении личности нападавших, один из надзирателей, раненых при усмирении мятежа, указал в частности и на него. 26 октября все подозреваемые заключенные были отделены от основного контингента. 28 и 30 октября г-н Голдер допрашивался полицией, после чего ему было сообщено, что он был опознан как один из нападавших на раненого надзирателя, и что его фамилия уже якобы была сообщена властям с тем, чтобы они могли принять решение о возбуждении дела против него.

5 ноября надзиратель изменил свои предыдущие показания, уточнив, что он не уверен в присутствии г-на Голдера среди нападавших. Через два дня другой надзиратель заявил, что на протяжении большей части беспорядков г-н Голдер находился рядом с ним. В тот же день г-н Голдер вернулся в свою камеру и ему не было предъявлено никакого иска.

20 марта 1970 г. г-н Голдер обратился с ходатайством к Министру внутренних дел о разрешении ему проконсультироваться с адвокатом с целью предъявления иска о клевете обвинявшему его надзирателю. 6 апреля ему сообщили об отклонении его ходатайства, а 12 июля 1972 г. он был условно досрочно освобожден.

Ст. 6-1 ЕКПЧ не провозглашает определенно и недвусмысленно право на доступное судебное разбирательство (буквально - "право доступа к судам" Д.М.). И поэтому, Суду прежде всего предстояло решить, ограничивалось ли оно гарантией права на справедливое судебное разбирательство в рамках уже находящегося в производстве дела, или же оно признавало право на доступное судебное разбирательство за любым лицом, желающим предъявить иск в споре, касающемся его гражданских прав и обязанностей. Суд отметил, что принцип, позволяющий представить спор гражданского характера на рассмотрение судьи, является одним из основополагающих во всемирно признанном праве. Толкуя Ст. 6-1 ЕКПЧ в контексте этого принцип и в свете предмета и целей Конвенции, Суд подчеркнул, что справедливость, открытость и оперативность судебного разбирательства (гарантируемые явным образом и недвусмысленно Ст. 6-1 ЕКПЧ) лишаются какого бы то ни было значения, если бы сначала не было самого разбирательства. Следовательно, Суд полагает, что право на доступное судебное разбирательство является неотъемлемой частью права, провозглашаемого Ст. 6-1 ЕКПЧ. В данном случае, запрещая заявителю встретиться с адвокатом, Министр внутренних дел воспрепятствовал предъявлению гражданского иска о клевете. Таким образом, он воспрепятствовал доступу заявителя к судебному разбирательству.

Признавая, что право на доступное судебное разбирательство не абсолютно, и что оно может подлежать установленным законом ограничениям, Суд должен был определить, были ли в случае с г-ном Голдером эти ограничения обоснованы. Если бы заявитель и смог бы встретиться с адвокатом, то никакого разбирательства не было бы проведено в отношении работника тюремного персонала, предъявившего ему обвинения при исполнении своих служебных обязанностей. Согласно закону о тюрьмах 1952 г. (*Prison Act 1952*) и Правилам внутреннего тюремного распорядка 1964 г. (*Prison Rules 1964*), тюремный персонал подчиняется Министру внутренних дел. Отказав г-ну Голдеру в возможности проконсультироваться с адвокатом, Министр внутренних дел сам оценил перспективы исхода предполагаемого разбирательства, в то время как такая оценка должна делаться независимым и беспристрастным судом. Право заявителя на доступное судебное разбирательство было не только ограничено, но и вовсе не соблюдено. Исходя из этого, суд пришел к выводу о том, что имело место нарушение Ст. 6-1 ЕКПЧ.

Что касается предполагаемого нарушения Ст. 8 ЕКПЧ, то, по мнению Суда, отсутствие перехвата или цензуры переписки г-на Голдера с адвокатом не значит, что Ст. 8 ЕКПЧ не подлежит применению в данном случае. Действительно, препятствование кому-либо даже во вступлении в переписку является одной из наиболее радикальных форм "вмешательства" в осуществление "права на уважение переписки". Суд признал, что "вмешательство" в осуществление г-ном Голдером этого права было "предусмотрено законом", так как Ст. 33.2 и 34.8 Правил внутреннего тюремного распорядка 1964 г. запрещали заключенным общаться с внешним миром без соответствующего на то разрешения Министра внутренних дел. Кроме того, Суд подтвердил, что "необходимость" вмешательства в осуществление осужденным его права на "уважение его переписки" должна оцениваться в зависимости от естественных и разумных требований его содержания под стражей. В данном случае, переписка заявителя была бы подготовительным этапом в возбуждении дела в гражданском порядке. С точки зрения Суда, это не является достаточной причиной для того, чтобы можно было опасаться за "общественный порядок или предотвращение преступлений". Следовательно, Суд пришел к выводу, что решение Министра внутренних дел не было "необходимо в демократическом обществе" и нарушило Ст. 8 ЕКПЧ.

Идентификационный номер: ECH-1971-S-001

Де Уилд, Оомс и Версиш против Бельгии.

Ключевые слова для алфавитного указателя:

Бродяжничество / Содержание под стражей / Реабилитация / Добровольная явка.

Краткая аннотация:

"Добровольная явка" лица с целью помещения его под стражу не достаточна для установления отсутствия нарушения права на свободу.

Установление законности содержания лица под стражей не лишает его права на соответствующее судебное разбирательство, с тем, чтобы оно могло оспорить законность своего задержания. Использование одного судебного органа (в лице судьи) удовлетворяет требованиям Ст. 5-4 ЕКПЧ при условии, что ведомое им разбирательство имеет судебный характер и предоставляет лишенному свободы лицу гарантии, соответствующие назначенной ему меры лишения свободы. Закон 1891 г. "О борьбе с бродяжничеством и попрошайничеством" этим условиям не удовлетворяет.

Дисциплинарные взыскания и досмотр переписки, наложенные на заявителей в ходе их пребывания в центрах для содержания лиц без определенного места

жительства, совместимы с требованиями Ст. 3, 4-3-а и 8-2 ЕКПЧ.

Сокращенное содержание:

18 апреля 1966 г. г-н Де Уилд (Wilde) явился в полицейский участок г. Шарлеруа (Charleroi) и заявил, что он безуспешно пытался найти какую-нибудь работу, и что у него нет ни постоянного места жительства, ни денег. Час спустя, квалифицировав его как бродягу, заместитель комиссара полиции передал его в распоряжение прокуратуры г. Шарлеруа. При попытке к побегу г-н Де Уилд был пойман полицией. На следующий день, в соответствии со ст. 13 закона "О борьбе с бродяжничеством и попрошайничеством" 1891 г., полицейский суд (*tribunal de police*) г. Шарлеруа передал г-на Де Уилда в распоряжение правительства с целью заключения его сроком на два года в центр для содержания лиц без постоянного места жительства. Прокуратуре было поручено принять соответствующие меры по приведению этого решения в исполнение. Г-н Де Уилд неоднократно переводился из одного центра в другой. Будучи помещен туда, он неоднократно обращался к Министру юстиции, ссылаясь на нарушение Ст. 3и 4ЕКПЧ. Г-н Де Уилд вышел на свободу 16 ноября 1966 года. Согласно докладу администрации пенитенциарных учреждений, где он находился, за все время его заключения на него было наложено только одно дисциплинарное взыскание в виде временного лишения возможности просмотра кинофильмов и свиданий в комнате для посетителей. Его содержание под стражей продлилось несколько менее семи месяцев, так как три из них он уже отбыл по приговору за кражу.

12 декабря 1966 г. г-н Оомс (Ooms) заявил комиссару полиции г. Намюр (Namur), что он бродяга, и обратился с просьбой поступить с ним соответствующим образом, если только одна из служб социального обеспечения не сможет найти ему работу. В тот же день, в соответствии со ст. 16 закона 1891 г., суд г. Намюр передал его в распоряжение правительства с целью дальнейшего помещения в учреждение, специализирующееся на помощи лицам без определенного места жительства, в то время как прокуратуре было поручено принять меры по приведению в исполнение этого решения. Г-н Оомс помещался в ряд специализированных учреждений. 12 апреля 1966 г. он обратился в Министерство юстиции с ходатайством об освобождении. Он заявил, что болен туберкулезом, и что его родители были согласны заняться им с целью помещения его на лечение в санаторий. Основываясь на отрицательном заключении врача и директора учреждения, где г-н Оомс находился, министерство сочло его ходатайство преждевременным. Тогда г-н Оомс обратился к премьер-министру, в то время как его мать направила очередное заявления на имя Министра юстиции. Все эти ходатайства были отвергнуты как безосновательные. Г-н Оомс был освобожден *ex-officio* 21 декабря 1966 г., то есть год спустя после того, как поступил в распоряжение правительства.

Имея при себе письмо Службы социальной реадaptации с просьбой о предоставлении ему койки-места на одну ночь, г-н Версип предстал 3 ноября 1965 г. перед заместителем комиссара Брюссельской полиции. Заявив об отсутствии у него постоянного места жительства, работы и средств к существованию, он обратился с настоятельной просьбой о его направлении в благотворительную колонию. Убедившись в отсутствии каких-либо препятствий к этому, полиция передала 4 ноября г-на Версипа в распоряжение прокуратуры. Несколько часов спустя, в соответствии со ст. 13 закона 1891 г., полицейский суд Брюсселя передал его в распоряжение правительства с целью дальнейшего помещения под стражу в центр содержания лиц без определенного места жительства сроком на два года; прокуратура приняла меры по исполнению этого решения. 22 августа 1966 г. г-н Версип обратился в Министерство юстиции с просьбой предоставить ему возможность продолжить свою реабилитацию в гражданском обществе. В ответ ему было сообщено, что его случай может быть рассмотрен при условии, если сумма его "выходных накоплений" засвидетельствует о его способности работать должным образом. Г-н Версип вышел на свободу год спустя в соответствии с решением Министерства юстиции от 3 августа 1967 г.

Г-да Де Уилд, Оомс и Версип подали свои заявления в Комиссию, ссылаясь на нарушение целого ряда статей Конвенции. В связи с тем, что все эти дела касаются некоторых аспектов бельгийского законодательства о бродяжничестве, Комиссия решила объединить их в одно дело.

Прежде всего, Суд подтвердил, что право на свободу имеет слишком большую важность для личности, чтобы она могла быть лишена пользования им только в силу добровольной передачи себя в руки правосудия. Таким образом, "добровольная явка" лица с целью дальнейшего помещения его под стражу не достаточна для установления отсутствия нарушения права на свободу (Ст. 5 ЕКПЧ). Необходимо было тщательным образом проверить, было ли лишение их свободы законным. Установив принадлежность Де Уилда, Оомса и Версипа к категории "бродяг", Суд указал, что ни один из них не был передан в распоряжение правительства в незаконном или не установленном законом порядке. Исходя из этого, Суд пришел к выводу, что не было никаких оснований рассматривать их содержание под стражей как противоречащее требованиям Ст. 5-1-е ЕКПЧ.

Тем не менее, даже если их содержание под стражей и было "законным", Суд должен был проверить, имели ли заявителя право на соответствующее разбирательство с тем, чтобы оспорить свое содержание под стражей (Ст. 5-4 ЕКПЧ). Суду необходимо было не только установить, соответствовал ли судья, вынесший решение о помещении их под стражу, характеристикам "суда"; он должен был также оценить, предоставило ли имевшее место разбирательство заинтересованным лицам гарантии, соответствовавшие назначенному им лишению свободы. В данном случае, Суд отметил, что лишение свободы, примененное к заявителям, было подобно тем, что выносятся судами по уголовным делам; но заявители не смогли воспользоваться гарантиями, сходными с теми, что существуют при производстве, ведущимся в уголовном порядке (в частности, речь идет о праве на защиту). Закон 1891 г. не позволял Де Уилду, Оомсу и Версипу поставить под вопрос правомерность их содержания под стражей. Исходя из этого, Суд пришел к выводу, что по этому пункту имело место нарушение Ст. 5-4 ЕКПЧ, и что такой вывод делал излишним рассмотрение вопроса о применимости к данному случаю Ст. 6и 13ЕКПЧ. Касательно отклонения ходатайств об освобождении, направленных заявителями в Министерство юстиции, Суд установил, что Ст. 5-4 ЕКПЧ нарушена не была, так как заявители имели возможность обратиться в Государственный Совет, но ей не воспользовались.

Так как "бродяжничество", согласно бельгийскому законодательству, не является "правонарушением", а судья не "приговаривал" заявителей ни к какой "мере наказания", то Суд счел, что имевшее место, по утверждению заявителей, нарушение Ст. 7 ЕКПЧ явно может не приниматься в расчет.

Находясь в местах лишения свободы, заявители вынуждены были работать. Суд полагает, что эта обязанность, имевшая своей целью реабилитацию заявителей, входило в рамки, установленные Ст. 4-3-а ЕКПЧ. Де Уилд и Версип жаловались также на то, что дисциплинарные взыскания, вызванные их отказом от работы, представляли из себя "бесчеловечные и унижающие их человеческое достоинство наказания". На основании имеющихся в его распоряжении материалов Суд пришел к выводу об отсутствии нарушения Ст. 3 ЕКПЧ.

Касательно имевшего место, по утверждениям заявителей, нарушения Ст. 8 ЕКПЧ, Суд признал, что досмотр переписки лишенных свободы заявителей бесспорно являлся "вмешательством со стороны государственных органов власти" в право на уважение их переписки. Тем не менее, Суд отметил, что это вмешательство было "предусмотрено законом" и "необходимо в демократическом обществе" по причинам, предусмотренным Ст. 8-2 ЕКПЧ. Следовательно, Ст. 8 ЕКПЧ нарушена не была.

Идентификационный номер: ECH-1970-S-001

Делькур против Бельгии.

Ключевые слова для алфавитного указателя:

Делопроизводство в кассационной инстанции / Мошенничество / Злоупотребление доверием / Подлог и использование заведомо подложных документов.

Краткая аннотация:

Основополагающие гарантии, содержащиеся в Ст. 6 ЕКПЧ, должны быть предоставлены также и в кассационной инстанции.

Принимая во внимание тот факт, что в Бельгии отдел прокурорского надзора Генеральной прокуратуры при Кассационном суде выступает в роли помощника и

консультанта суда, присутствие его работника при вынесении решения в совещательной комнате не расценивается как нарушение права на справедливое судебное разбирательство.

Сокращенное содержание:

23 ноября 1963 г. г-н Делькур (Delcour), директор одной компании, был арестован по обвинению в мошенничестве, в злоупотреблении доверием, в подлоге и в использовании заведомо подложных документов, в выписке чеков без обеспечения и векселей на несуществующего плательщика, а также в пользовании услугами, заведомо не имея средств для их оплаты. 21 сентября 1964 г., объявив его виновным по 36 из 43 пунктов обвинения, исправительный суд г. Брюгге (Bruges) назначил ему меру наказания в виде лишения свободы сроком на один год и уплаты штрафа в размере 2.000 бельгийских франков. Г-н Делькур и прокуратура опротестовали это судебное решение. 17 марта 1965 г. апелляционный суд г. Гант счел установленными все предъявленные ему обвинения, включая и те, по которым он был оправдан в первой инстанции. Срок лишения свободы был доведен до пяти лет, после отбытия которого г-н Делькур должен был "поступить в распоряжение правительства" сроком на десять лет.

Г-н Делькур обжаловал в кассационном порядке постановление апелляционного суда и решение, вынесенное исправительным судом г. Брюгге. 20 мая 1965 г. он подал записку с подробным изложением своей позиции; отдел прокурорского надзора Генеральной прокуратуры при апелляционном суде не воспользовался своим правом дать ответ на его записку. Открытое судебное заседание по его делу состоялось 21 июня 1965 г. во второй палате кассационного суда, на котором заявитель присутствовал без своего адвоката. Кассационный суд заслушал выступление судьи-докладчика и заключения, представленные помощником Генерального прокурора в апелляционных и кассационных инстанциях (*Avocat general*), требовавшего отклонения обоих обжалований. Своим решением, вынесенным 21 июня 1965 г. после обсуждения в совещательной комнате, кассационный суд отверг обжалования г-на Делькура. Работник отдела прокурорского надзора Генеральной прокуратуры при кассационном суде присутствовал при обсуждении решения в совещательной комнате.

20 декабря 1965 г. г-н Делькур подал заявление в Комиссию, ссылаясь на нарушение Ст.Ст. 5,6,7 и 14 ЕКПЧ. Комиссия объявила все его жалобы неприемлемыми за исключением той, что касалась присутствия сотрудника отдела прокурорского надзора Генеральной прокуратуры при кассационном суде при обсуждении решения в совещательной комнате. В ходе рассмотрения Комиссией дела по существу заявитель жаловался, кроме всего прочего, на то, что ему было неизвестно до начала судебного заседания заключение отдела прокуратуры при кассационном суде и на то, что ему не было предоставлено последнего слова. Суд принял к рассмотрению эти новые жалобы на том основании, что они относились к роли отдела прокурорского надзора генеральной прокуратуры при кассационном суде.

Прежде всего, суд отметил, что разбирательства в кассационном порядке не выходят из поля действия Ст. 6-1 ЕКПЧ. Хотя кассационная инстанция лишь подтверждает или отвергает решение судьи, разрешающего дело по существу, выносимое ей решение может оказаться главным для обвиняемого.

Касательно присутствия работника отдела прокурорского надзора Генеральной прокуратуры при кассационном суде при вынесении решения в совещательной комнате, Суд отметил его соответствие ст. 39 постановления его Королевского Величества от 15 марта 1815 года. Изучив задачи Кассационного суда Бельгии и отдела прокурорского надзора Генеральной прокуратуры при нем, Суд пришел к заключению о соответствии требованиям Ст. 6-1 ЕКПЧ системы, установленной ст. 39 постановления от 15 марта 1815 года. Относительно применения ее к данному случаю, Суд установил отсутствие оснований полагать, что отдел прокурорского надзора Генеральной прокуратуры при Кассационном суде не смог соблюсти своей обязанности быть беспристрастным и независимым.

Суд отверг, как лишённые оснований, "новые жалобы" заявителя. Так как в задачу отдела прокурорского контроля Генеральной прокуратуры при Кассационном суде входило консультирование суда и оказание ему помощи при надзоре за законностью обжалуемых решений, то вполне естественно, что его работник изложил свое мнение в конце судебного заседания.

Принимая во внимание характер делопроизводства в Кассационном суде Бельгии, Суд пришел к выводу, что г-н Делькур смог воспользоваться правом на справедливое судебное разбирательство своего дела. Следовательно, Ст. 6 ЕКПЧ нарушена не была.

Идентификационный номер: ECH-1968-S-003

Дело, "относящееся к некоторым аспектам законов об использовании языков в системе образования Бельгии".

Ключевые слова для алфавитного указателя:

Образование, языковой режим / Язык, дискриминация / Регионы, где используется один язык общения.

Краткая аннотация:

"Право на образование" влечет обязательство государств гарантировать право доступа к существующим учебным заведениям, а также право на официальное признание пройденного курса обучения в соответствии с правилами, действующими в каждом конкретном государстве. Оно не накладывает на государство никаких требований лингвистического порядка. Таким образом, языковой режим образования в Бельгии нарушен не был.

Меры, принимаемые в области образования, могут затронуть право на уважение личной и семейной жизни. Лингвистический режим образования в Бельгии не вызвал подобных последствий.

Пользование правами и свободами, признанными Конвенцией, должно обеспечиваться без какой-либо дискриминации. Конвенция не предусматривает всеобщего права на недискриминацию.

Равенство в обращении нарушается только в том случае, если устанавливаемому различию в обращении не хватает объективного и разумного обоснования; последнее должно оцениваться по отношению к цели и последствиям рассматриваемой меры, и принимая во внимание принципы, обычно преобладающие в демократическом обществе. Обращение также является дискриминационным, если явно установлено отсутствие разумной связи между используемыми средствами и законной преследуемой целью.

Основываясь исключительно на месте жительства родителей, положения бельгийского закона препятствовали доступу некоторых детей к школам с обучением на французском, расположенным в шести коммунах вокруг Брюсселя и имеющих свой собственный статус, и тем самым нарушили право этих детей на образование из-за своего дискриминационного характера.

Сокращенное содержание:

С июня 1962 г. по январь 1964 г. жители ряда коммун и их окрестностей, принадлежащих по закону к "голландско-говорящему району" (за исключением уроженцев г. Крайнем (Kraainem), относящегося к административному округу, наделенному собственным статусом), подали в Комиссию заявления, направленные против Бельгии. Выступая как от своего собственного имени, так и от имени своих несовершеннолетних детей (общим числом более 800), заявители - все франко-говорящие, жаловались на ряд законодательных актов, принятых в Бельгии, и в частности, на закон от 30 июля 1963 г. о регламентации использования языков в образовательной системе, а также на раздел закона от 2 августа 1963 г. об использовании языком в административной области, который относился к "персоналу, учащимся и обучающему контингенту". Среди всего прочего, они упрекали бельгийское государство в том, что оно

- ничего не сделало для образования на французском языке в коммунах проживания или, если что-то и сделало, то неадекватным образом (в случае с г. Крайнем);

- лишает в их коммунах субсидий учебные заведения, не приводящие свою деятельность в соответствие с положениями о языке школьного законодательства;

- отказывается официально утверждать аттестаты и дипломы, выдаваемые этими заведениями;

- препятствует доступу их детей к классам с обучением на французском, существующим в некоторых местах;

- обязывает родителей делать выбор между помещением детей в местные школы с образованием на голландском и направлением их на учебу в район Брюсселя, где преподавание может вестись на французском.

По утверждениям заявителей, имело место нарушение Ст.Ст. 8 и 14 ЕКПЧ, а также Ст. 2 Протокола 1 ЕКПЧ.

Прежде чем высказываться по специфическим вопросам, поднятым Комиссией, заявителями и бельгийским правительством, Суд начал с анализа смысла и объема статей Европейской Конвенции о защите Прав Человека, упомянутых заявителями и объявленных приемлемыми Комиссией.

Прежде всего, Суд рассмотрел Ст. 2 Протокола 1 ЕКПЧ. По его мнению, в первом же предложении этой статьи, предусматривающей, что "никому не может быть отказано в праве на образование", закрепляется настоящее право на образование. Принимая во внимание наличие в государствах - членах Совета Европы официальной системы общего образования в момент открытия Протокола для подписания, установленное им "право на образование" обязывало их гарантировать лицам, находящимся под их юрисдикцией, право пользования средствами образования, которые имелись в наличии на тот момент. По мнению Суда, первое предложение Ст. 2 Протокола 1 ЕКПЧ гарантирует право доступа к существующим образовательным заведениям, а также право на получение, в соответствии с правилами, действующими в каждом из государств, официального признания пройденного курса обучения. Напротив, Европейская Конвенция о защите Прав Человека не налагает никаких определенных обязательств в отношении объема предоставляемых средств обучения, организации или же субсидирования этих заведений. В частности, ничего не говорится о языке, на котором должно вестись обучение для обеспечения соблюдения права на образование.

Обратившись далее к анализу Ст. 8 ЕКПЧ, Суд разъяснил, что сама по себе эта статья не гарантирует права на образование, так как ее предметом является главным образом защита личности от беззаконного вмешательства органов государственной власти в ее личную и семейную жизнь. Тем не менее, так как Европейская Конвенция о защите Прав Человека должна рассматриваться как единое целое, то может случиться, что тот или иной предмет, которому специально посвящено одно из ее положений, может относиться рядом своих аспектов к другим положениям Конвенции. Полагая, что меры, принятые в области образования, могут затрагивать право на уважение личной и семейной жизни, Суд подчеркнул свое намерение рассмотреть фактические обстоятельства дела с точки зрения как первого предложения Ст. 2 Протокола 1 ЕКПЧ, так и Ст. 8 ЕКПЧ.

Относительно Ст. 14 ЕКПЧ, то Суд сначала отметил, что гарантия от дискриминации в обращении, *inter alia* по признаку языка, не может существовать самостоятельно, сама по себе. Касательно "пользования правами и свободами, изложенными в настоящей Конвенции", необходимо рассматривать принцип недискриминации как составную часть каждой из статей Конвенции, закрепляющей права и свободы. Следовательно, мера, сама по себе соответствующая требованиям статьи, устанавливающей то или иное право или свободу, может тем не менее нарушать эту статью, если она приобретает дискриминационный характер. Констатируя, что зачастую некоторое неравноправие в правах было направлено исключительно на выправление фактического неравноправия, Суд уточнил, что Ст. 14 ЕКПЧ не запрещает любое различие в обращении при осуществлении признанных прав и свобод, так как равенство в обращении бывает нарушено лишь тогда, когда установлению различия в обращении недостает объективного и разумного обоснования. Существование такого обоснования должно оцениваться в сопоставлении с целью и последствиями рассматриваемой меры, принимая во внимание принципы, обычно преобладающие в демократическом обществе.

Применяя эти соображения ко всем особым вопросам, поставленным перед ним, и рассмотрев каждый из них в отдельности, Суд пришел к выводу, что ни одно из оспариваемых положений не нарушило Ст. 8 ЕКПЧ, взятую в отдельности или в совокупности со Ст. 14 ЕКПЧ. А равно, не имело места нарушение Ст. 2 Протокола 1 ЕКПЧ. Тем не менее, Суд отметил, что Ст. 14 ЕКПЧ, рассмотренная в совокупности со Ст. 2 Протокола 1 ЕКПЧ, была нарушена статьей 7.3 закона от 2 августа 1963 года. Действительно, будучи дискриминационной по своему характеру, эта статья нарушила право на образование некоторых детей. Основываясь исключительно на месте жительства родителей, она препятствовала их доступу к школам, в которых обучение велось на французском языке в шести коммунах в окрестностях Брюсселя, и которые обладали своим собственным статусом.

Идентификационный номер: ECH-1968-S-002

Неймайстер против Австрии.

Ключевые слова для алфавитного указателя:

Мошеничество / Предварительное заключение / Оставление обвиняемого на свободе до рассмотрения его дела судом / Банковская гарантия.

Краткая аннотация:

Предметом Ст. 5-3 ЕКПЧ является следующее: сделать обязательным освобождение лица из-под стражи до рассмотрения его дела в суде, начиная с того момента, когда дальнейшее содержание его под стражей становится ненужным. Гарантия, предоставление которой обуславливало освобождение обвиняемого из-под стражи до суда, имела своей целью обеспечение его присутствия в судебном заседании.

Забота об оперативности разбирательства не может освободить судей от обязанности принять все необходимые меры для выяснения обоснованности обвинения. Принимая во внимание сложность дела, производство по которому, объективно говоря, было продолжительным, судебное разбирательство не вышло за пределы разумных сроков, предусматриваемых Ст. 6-1 ЕКПЧ.

Рассмотрение ходатайства об освобождении из-под стражи до суда принадлежит к уголовной области, но не относится к определению обоснованности обвинения. Следовательно, принцип равенства процессуальных возможностей здесь применению не подлежит.

При рассмотрении обжалования предварительного заключения необходимо выносить решение "безотлагательно": проведение полного производства в письменном виде или заслушивание устных выступлений сторон нежелательно.

Сокращенное содержание:

В августе 1959г. было начато дознание в отношении г-на Неймайстера (Neumeister), владельца и директора крупной фирмы, подозреваемого в соучастии в крупномасштабном мошеничестве. После предъявления ему обвинения 23 февраля 1961г., он на следующий же день был подвергнут предварительному заключению. 12 мая он был освобожден из под стражи под честное слово до рассмотрения его дела судом и, с разрешения следователя, в июле покинул Вену, чтобы провести свой отпуск в Финляндии. На следующий год, на основании серьезных обвинений, выдвинутых против него еще одним, основным обвиняемым по его делу, он снова был арестован и вторично подвергнут предварительному заключению 12 июля 1962 года.

Г-н Неймайстер четырежды обращался с ходатайствами об оставлении его на свободе до рассмотрения его дела судом. Опасаясь возможного побега г-на Неймайстера, совещательная палата районного суда по уголовным делам г. Вены отвергла три первых ходатайства, даже не приняв во внимание банковские гарантии в размере 200.000 и 250.000 австрийских шиллингов, предъявленные г-ном Неймайстером в доказательство отсутствия какого бы то ни было риска. 12 июля 1963 г. он подал заявление в Комиссию, ссылаясь на нарушение целого ряда положений Конвенции.

6 ноября 1963г., обратившись в четвертый раз с ходатайством об оставлении его на свободе до рассмотрения дела в суде, г-н Неймайстер довел сумму предлагаемой им банковской гарантии до одного миллиона австрийских шиллингов. Советательная палата венского районного суда по уголовным делам распорядилась о его освобождении из-под стражи до суда в обмен на предоставление банковской гарантии в размере 2 миллионов австрийских шиллингов. Эта сумма была снижена до одного миллиона 17 марта 1964г. после предъявления г-ну Неймайстеру обвинительного заключения. 16 сентября 1964г., по окончании проверки платежеспособности гаранта, он был освобожден из-под стражи до рассмотрения его дела судом.

Судебный процесс начался 9 ноября 1964г. в районном суде по уголовным делам г. Вены. Отложенные 18 июня 1965г. после 102 дней судебных заседаний, слушания по делу возобновились 4 декабря 1967 года. В момент вынесения постановления страсбургским Судом судебный процесс в Вене все еще продолжался.

В соответствии со Ст. 5-3 ЕКПЧ, любое арестованное или содержащееся под стражей лицо "имеет право на судебное разбирательство в течение разумного срока или на освобождение до суда". Еще раз настояя на презумпции невиновности любого обвиняемого вплоть до момента его осуждения, Суд разъяснил, что предметом Ст. 5-3 ЕКПЧ является наложение обязанности освобождения из-под стражи, начиная с того момента, когда исчезает дальнейшая необходимость содержания лица под стражей. Любое отклонение от этого правила должно быть выявлено и обосновано национальными судебными органами.

Обратившись к анализу фактических обстоятельств дела, Суд отметил, что г-н Неймайстер дважды подвергался предварительному заключению: в первый раз - с 24 февраля по 12 мая 1961 г., и во второй - с 12 июля 1962 г. по 16 сентября 1964 года. В связи с несоблюдением заявителем сроков, установленных Ст. 26 ЕКПЧ для обжалования первого случая, Суд не может рассматривать вопрос о его соответствии требованиям ЕКПЧ. Тем не менее, он учитывает его при оценке разумности продолжительности второго срока предварительного заключения, так как - если предположить, что г-н Неймайстер будет осужден, - то срок лишения свободы, установленный назначенной ему мерой наказания, должен быть сокращен на все время, проведенное им в предварительном заключении.

Ст. 5-3 ЕКПЧ предусматривает, что освобождение из-под стражи "может ставиться в зависимость от предоставления гарантии явки в суд". В данном случае, опасность неявки в суд г-на Неймайстера вследствие его бегства была тем основанием, на которое ссылались австрийские власти при отклонении его трех первых ходатайств об оставлении его на свободе до суда. Прекрасно отдавая себе отчет в причинах, заставлявших их в еще большей степени опасаться побега после разоблачительных показаний, сделанных основным обвиняемым по делу г-на Неймайстера, Суд счел, что другие обстоятельства, относящиеся, в частности, к характеру заявителя и его всесторонней привязанности к стране, где он находился под следствием, должны бы также быть приняты в расчет. Более того, принимая во внимание сокращение присужденного срока на время, отбытое в предварительном заключении, в случае осуждения, Суд констатировал следующее: чем больше срок, уже проведенный в предварительном заключении, тем меньше стремление к побегу. В свете всех вышеперечисленных соображений Суд счел, что - начиная с октября 1962г., когда заявитель обратился с первым ходатайством об освобождении до суда, - возможность его неявки в суд была небольшой; таким образом, не было необходимости обуславливать его освобождение из-под стражи представлением гарантий". Действительно, Суд подчеркнул, что "гарантии", предусмотренные Ст. 5-3 ЕКПЧ, имеют целью обеспечение присутствия обвиняемого в судебном заседании; калькуляция его размеров не должна производиться, как это имело место в данном случае, в зависимости от суммы ущерба, подлежащего возмещению в случае осуждения заявителя. На этом основании Суд пришел к выводу, что удержание в предварительном заключении г-на Неймайстера с 12 июля 1962 г. по 16 сентября 1964 г. нарушило Ст. 5-3 ЕКПЧ.

Далее, Суд должен был выяснить, вышло ли производство по делу г-на Неймайстера за пределы разумных сроков, предусмотренных Ст. 6-1 ЕКПЧ. Суд установил, что более семи лет прошло с момента предъявления обвинения г-ну Неймайстеру (23 февраля 1961 г.), и с тех пор не было вынесено никакого судебного решения по обоснованности обвинения с тем, чтобы можно было осудить его или оправдать. Суд отметил, что - в большинстве случаев - подобная продолжительность выходит за пределы "разумных сроков". Тем не менее, принимая во внимание сложность дела и учитывая, что забота об оперативности не может освободить судей от необходимости принятия всех мер, требуемых для выяснения обоснованности обвинения, Суд пришел к заключению, что фактические обстоятельства дела не позволяют сделать вывод о нарушении Ст. 6-1 ЕКПЧ.

И наконец, ссылаясь на Ст. 6-1 ЕКПЧ и/или 5-4 ЕКПЧ, г-н Неймайстер утверждал также, что пострадал от несоблюдения принципа равенства процессуальных возможностей при рассмотрении его ходатайств о его освобождении из-под стражи до суда. Прежде всего, Суд отметил, что обжалования, относящиеся к случаям предварительного заключения, подпадают под действие уголовного права, где требования к справедливому судебному разбирательству - в контексте Ст. 6-1 ЕКПЧ - сводятся к разбирательству, имеющему своей целью выяснение обоснованности обвинения. В связи с тем, что это не имеет ничего общего с рассмотрением ходатайства об освобождении до суда, Суд счел, что Ст. 6-1 ЕКПЧ в данном случае применению не подлежит. Касательно Ст. 5-4 ЕКПЧ, то она предусматривает за каждым лицом, лишенным свободы в результате ареста или содержания под стражей, право на обжалование в "суде", который "безотлагательно" решает вопрос о законности его задержания и выносит решение о его освобождении в случае незаконности задержания. Напомнив, что термин "суд" предполагает, что орган власти, призванный выносить решения, должен обладать судебным характером, как в данном случае, и что он не должен быть связан с последующим разбирательством, Европейский Суд отметил, что, в любом случае, для "безотлагательного" вынесения решения при рассмотрении обжалования предварительного заключения проведение полного производства в письменном виде или заслушивание устных выступлений сторон нежелательно, так как это обязательно вызовет затягивание рассмотрения вопроса. Следовательно, Суд пришел к выводу, что разбирательство, проведенное австрийскими судебными органами при рассмотрении ходатайств заявителя о его освобождении из-под стражи до суда, не нарушило ни Ст. 6-1 ЕКПЧ, ни Ст. 5-4 ЕКПЧ.

Идентификационный номер: ECH-1968-S-001

Вемхофф против Германии

Краткая аннотация

В особо сложном деле по подозрению в нарушении трастового договора право заявителя находиться на свободе до суда не было нарушено, даже если содержание под стражей достигло трех лет и пяти месяцев, учитывая, что при расследовании не имелось неоправданных задержек.

Сокращенное содержание

Заявитель является гражданином Германии, проживающим в Берлине. Во время ареста он был биржевым дилером.

Заявитель был арестован и заключен под стражу 9 ноября 1961 г. по подозрению в участии в правонарушении, связанном с нарушением трастового договора. В ордере на арест утверждалось, что в случае нахождения заявителя на свободе, есть основания считать, что он может скрыться и попытаться уничтожить доказательства.

В течение 1961 и 1962 годов заявитель неоднократно ходатайствовал об освобождении из-под стражи, но все они были оставлены без удовлетворения берлинскими судами, которые ссылались на мотивы, фигурирующие в вышеуказанном ордере на арест. Некоторые ходатайства с целью условного освобождения были сделаны заявителем в 1963 и 1964 годах, но и они были по тем же мотивам отклонены берлинскими судами.

Следствие касалось крайне сложных махинаций с чеками и продолжалось с 9 ноября 1961г. по февраль 1964г. без сколько-нибудь значительных перерывов. Согласно новому ордеру на содержание под стражей, выданному 7 июля 1964г. в силу нового обвинительного заключения в отношении заявителя, по-прежнему существовал риск, что по причине возможной строгой меры наказания заявитель может скрыться.

Судебное заседание по делу заявителя началось 9 ноября 1964 г. После допроса 97 свидетелей, 3 медицинских экспертов и 4 финансовых экспертов, региональный суд признал 7 апреля 1965 г. заявителя виновным в особо тяжком правонарушении по длительному злоупотреблению доверием и определил ему меру наказания в виде лишения свободы сроком на блет и 6 месяцев, а также в виде штрафа 500 марок ФРГ, при этом период содержания под стражей во время следствия был включен в срок лишения свободы по приговору. Суд распорядился в ходе процесса о продолжении срока временного содержания по мотивам, указанным в постановлении о содержании под стражей от 7 июля 1964 г.

После вынесения обвинительного приговора заявитель потребовал еще раз изменить меру пресечения на временное содержание на свободе, но суд оставил его ходатайство без удовлетворения. Обжалование этого решения также было отклонено апелляционным судом 17 мая 1965 г.

17 декабря 1965 г. Федеральный суд отклонил жалобу заявителя на обвинительный приговор регионального суда. Время, которое он провел под стражей со времени обвинительного приговора 7 апреля 1964 г., ввиду того, что оно превысило три месяца, должно было засчитываться как часть срока наказания по приговору.

8 ноября 1966 г. после того, как две трети срока истекли, заявитель был условно освобожден постановлением регионального суда от 20 октября 1966 г.

Прежде всего, Суд рассмотрел дело заявителя в отношении второй части Ст. 5-3 ЕКПЧ право любого, кто законно взят по стражу, на суд в течение разумного срока или на освобождение из-под стражи до суда. Суд счел, что термин «разумный» в Ст. 5-3 ЕКПЧ применяется к временному содержанию под стражей подследственного в ходе следствия. Более того, Суд счел, что следует считать, что защита против излишне продолжительного содержания под стражей в ходе следствия, которую Ст. 5 ЕКПЧ гарантирует подозреваемым, должна распространяться до момента оглашения приговора, а не прекращаться в момент открытия судебного заседания. Суд придерживался мнения, что период содержания подследственного, подпадающий под действие Ст. 5-3 ЕКПЧ, должен заканчиваться в день, когда суд вынес обвинительный или оправдательный приговор, а не когда приговор окончательно вступил в законную силу. Суд подчеркнул, что лицо, осужденное в суде первой инстанции вне зависимости от того, находилось ли оно или нет под стражей в этот момент, подпадает под защиту Ст. 5-1 а ЕКПЧ, которая допускает лишение свободы после вынесения приговора, поскольку срок до вынесения апелляционного решения не может подпадать под действие Ст. 5-3, но может давать основания для нарушения «разумного срока», указанного в Ст. 6-1 ЕКПЧ.

Суд далее указал, что при оценке обоснованности характера содержания под стражей всегда следует действовать в свете обстоятельств конкретного дела. Суд подчеркнул, что перед тем, как обратиться к органам, созданным на основе Конвенции, дела по поводу предполагаемых нарушений Ст. 5-3 должны стать предметом рассмотрения во внутригосударственных органах защиты прав, а, следовательно, мотивированных решений со стороны национальных судебных органов власти. С точки зрения Суда, именно последние должны были указывать обстоятельства, которые привели их к принятию решения о необходимости лишения свободы в общественных интересах лица, подозреваемого в совершении правонарушения, но не осужденного. Аналогичным образом это лицо должно указывать в своих ходатайствах как причины, отвергающие заключения, сделанные властями на основе фактов, так и другие обстоятельства, говорящие в пользу освобождения из-под стражи.

В свете всех этих факторов, Суд счел, что опасения судов ФРГ в отношении, что заявитель уничтожит доказательства, были обоснованы с точки зрения характера правонарушений, в которых заявитель подозревался, и крайней сложности дела. В отношении угрозы бегства, то Суд подчеркнул, что заключительное положение Ст. 5-3 ЕКПЧ показывает, что, когда причина заключения под стражу по тем мотивам, что подозреваемый может скрыться и не явиться на суд, исчезает, можно осуществить условное освобождение подозреваемого из-под стражи, при получении от него гарантий, обеспечивающих его явку.

В данном деле Суд счел, что поведение заинтересованного лица в отношении залога не было такого рода, что давало основания предполагать, что он был расположен к тому, чтобы дать такие гарантии. В этих условиях Суд счел, что он мог бы прийти к выводу, что существует нарушение Ст. 5-3 ЕКПЧ, если бы продолжительность была связана с медлительностью предварительного следствия по делу г-на Вемхофа между 9 ноября 1961 г. и 7 апреля 1965 г., с периодом между окончанием следствия и внесением обвинительного заключения, с периодом между внесением обвинительного заключения и открытием процесса, либо продолжительностью процесса (продолжавшегося до 7 апреля 1965 г.).

На этот предмет Суд счел, что образ действия судебных властей не может подвергаться какой-либо критике. Исключительная длительность следствия и суда были вызваны крайней сложностью дела и другими неизбежными причинами для отсрочек.

В отношении предполагаемого нарушения Ст. 6-1 ЕКПЧ права на то, чтобы дело было рассмотрено в разумный срок, Суд отметил, что конкретная цель этого положения в уголовных делах заключается в том, чтобы обвиняемые не оставались слишком долго под угрозой обвинения и чтобы они были либо оправданы, либо признаны виновными. Не подлежит, поэтому, сомнению, что период, который должен приниматься в расчет для исчисления сроков при применении этого положения, должен продолжаться до вынесения приговора об оправдании или признании виновным, пусть даже оно принимается в рамках апелляционного или кассационного обжалования. Поэтому нет никакого смысла прекращать защиту против крайней длительности рассмотрения периодом открытия заседания суда. В таком случае период, который должен приниматься в расчет для вынесения оценки соблюдения Ст. 6-1 ЕКПЧ, совпадает в основном с периодом содержания под стражей, защищенным Ст. 5-3 ЕКПЧ. Вследствие этого, Суд, не обнаружив нарушения со стороны судебных властей обязанности в отношении особой тщательности и оперативности, требуемых этой нормой, должен был *a fortiori* признать, что также не было и нарушения Ст. 6-1 ЕКПЧ.

В данном деле не было нарушения ни Ст. 5-3, ни Ст. 6-1 ЕКПЧ.

Идентификационный номер: ECH-1961-S-001

Лоулесс против Ирландии

Краткая аннотация

Не будучи основаны на Статьях Конвенции по защите индивидуума против произвольного ареста, особые полномочия по содержанию под стражей лиц, подозреваемых в террористической деятельности в период чрезвычайного положения, о котором своевременно и должным образом был уведомлен Генеральный секретарь Совета Европы, не нарушают Конвенцию.

Сокращенное содержание

Заявитель является строительным рабочим, проживающим в Дублине. Он стал членом ИРА (*Irish Republican Army*) в январе 1956 г.

Вслед за новым всплеском террористических нападений в 1954 году и затем во второй половине 1956 года. 11 июля 1957 г. заявитель был арестован в третий раз по подозрению в участии в незаконной организации ИРА.

Арест был проведен в силу особых полномочий по аресту и содержанию под стражей, предоставленных министру внутренних дел на основе закона о преступлениях против государства (с изменениями) 1940 г. В силу этого закона, министр внутренних дел наделялся особыми полномочиями по выдаче ордера на арест и содержание под стражей без суда лиц, которых он рассматривает в качестве «участующих в деятельности, которая наносит ущерб сохранению общественного мира и порядка или безопасности государства». Правительство также должно было в соответствии с законом создать, как можно раньше после принятия соответствующего закона, назначенную правительством Комиссию, состоящую из одного представителя Вооруженных сил и двух юристов, все с как минимум семилетним опытом или стажем работы, к которым любое арестованное или содержащееся под стражей лицо может в силу закона обратиться через правительство.

Особые полномочия были введены в действие 8 июля 1957 года Манифестом правительства Ирландии, опубликованным 5 июля 1957 г. Вскоре после публикации Манифеста, премьер-министр заявил, что он освободит любое лицо, задержанное в соответствии с этим законом, если оно выразит согласие «на уважение

Конституции и законов Ирландии» и «откажется от участия или помощи незаконной организации».

8 сентября 1957 года заявитель обратился за осуществлением такого права на пересмотр своего ареста в Комиссию по задержанию, созданную в силу закона 1940 года. Комиссия назначила свои слушания 20 сентября. Однако, 18 сентября 1957 г. защитник заявителя обратился с заявлением в Высокий суд Ирландии для условного освобождения согласно процедуре *habeas corpus*. Комиссия по арестам отложила слушания до принятия решения по заявлению. 11 октября Высокий суд оставил заявление без рассмотрения. Заявитель направил жалобу в Верховный суд, который оставил ее без удовлетворения 3 декабря 1957. Комиссия по задержанию возобновила после этого рассмотрение дела. 11 декабря заявитель лично обещал устно перед Комиссией отказаться от участия в незаконной деятельности в смысле закона 1940 года. На следующий день он был освобожден из-под стражи.

Ирландский министр по внешним связям сообщил в своем письме от 20 июля 1957 года Генеральному секретарю Совета Европы, что особые полномочия в силу закона 1940 года вступили в действие (Ст. 15-3 ЕКПЧ).

Прежде всего, Суд установил, что, несмотря на связанную с ИРА деятельность заявителя, никакое государство-участник не освобождается от действия Ст. 17 ЕКПЧ, в силу которой они обязаны в отношении других государств-участников проводить линию поведения, основанную на Конвенции. Эта Статья констатирует, что никакое лицо не должно в силу этой Статьи иметь право быть вовлеченным в деятельность или совершение действий, которые имеют целью уничтожить права и свободы, предоставленные Конвенцией другим лицам. Суд констатировал, что общая цель Ст. 17 ЕКПЧ заключалась в предупреждении того, чтобы тоталитарные группы могли использовать в свою пользу принципы, положенные в основу Конвенции. Однако, для достижения этой цели не следует лишать всех прав и свобод тех, кто вовлечен в деятельность, направленную на уничтожение прав и свобод других. Ст. 17 ЕКПЧ охватывает своим действием главным образом права, которые позволили бы, если их применять, вывести из них право усиленно продолжать такую деятельность (как и права, гарантированные Ст. 9, 10 и 11 ЕКПЧ). В данном же случае заявитель пытался применить защиту по Ст. 5, б) 7 ЕКПЧ, которые защищают любое лицо против произвольного ареста или содержания под стражей без суда.

Принимая во внимание обстоятельства этого дела, Суд констатировал, что только Ст. 5-1-с и 5-3 ЕКПЧ применяются в данном случае. По мнению Суда, Ст. 5-1-с ЕКПЧ позволяет принимать меру пресечения, связанную с лишением свободы лишь с тем, чтобы препроводить арестованное или содержащееся под стражей лицо к правомочному судебному органу, идет ли речь о лице, в отношении которого есть обоснованные мотивы для подозрения в совершении правонарушения, или о лице, в отношении которого есть достаточные причины считать необходимым предупредить совершение им преступления или бегство после совершения преступления. Суд подчеркнул, что невозможно толковать Статью 5-1-с отдельно от Ст. 5-3 ЕКПЧ, вместе с которой они формируют общее целое. Статья налагает обязательство доставить задержанное лицо к суду либо в целях рассмотрения проблемы лишения свободы, либо проведения суда по существу. Суд подчеркнул в заключении в этой связи, что, если значение, которое придается этому обязательству является неточным, то любое лицо, подозреваемое в умысле совершить правонарушение, может быть арестовано и помещено под стражу всего лишь на основе административного решения на неограниченный период без того, чтобы такой арест или содержание под стражей могли рассматриваться как нарушение Конвенции.

Используя это толкование, Суд пришел к выводу, что заявитель не был задержан, чтобы быть доставленным к правомочному судебному органу, и что во время содержания под стражей он не был препровожден к суду в течение «разумного срока». Исходя из этого, его лишение свободы не соответствовало Ст. 5-1-с и 5-3 ЕКПЧ, взятым в совокупности. Однако, для того, чтобы это представляло нарушение Конвенции, было необходимо, чтобы Суд рассмотрел, не имело ли это лишение свободы других правовых оснований, учитывая особые обстоятельства дела.

Вследствие этого Суд обратился к изучению вопроса, было ли задержание заявителя основано на праве отступления от этих положений, признанного государствами-участниками в Ст. 15 при некоторых исключительных обстоятельствах.

Что касается существования явной угрозы для жизни нации, Суд счел, что это выражение должно быть включено в обычный и нормальный смысл слов. Выражение означает положение кризиса или неминуемой исключительной опасности, которая затрагивает население в целом и представляет угрозу для организованной жизни сообщества, формирующего государство. Суд констатировал, что в обстоятельствах данного дела правительство Ирландии имело основания заявить, что такая опасность существовала в Республике Ирландии и что, вследствие этого, оно было вправе предпринять в силу Ст. 15-1 ЕКПЧ меры, отступающие от обязательств, наложенных Конвенцией.

Суд затем перешел к вопросу об изучении, были ли эти меры были «строго продиктованы положением». Суд счел, что военный и подпольный характер ИРА или несопоставимых с ней формирований, а также страх, которые они внушали населению, факт, что они действовали главным образом в Северной Ирландии, вне юрисдикции правительства Ирландии, а также крайне серьезные последствия для всего населения в целом в случае, если бы Особые полномочия не были введены в силу, приводили к выводу, что меры были такие, какие требовало существовавшее положение. Более того, закон 1940 г. сопровождался определенным количеством гарантий, имевших целью предотвращение злоупотреблений при применении меры пресечения в виде режима административного задержания: постоянный контроль парламента, создание «Комиссии по задержанию», составленной из трех экспертов, которую суды общей юрисдикции могли обязать выполнять свои функции и, в конце концов, существование гарантии освобождения из-под стражи, даваемой публично правительством, которое в такой демократической стране, как Ирландия, представляло собой юридическое обязательство освобождать всех лиц, взявших на себя вышеупомянутое обязательство.

В заключении, Суд констатировал, что принятые меры «были в соответствии с другими обязательствами, вытекающими из международного права» и, помимо этого, пришел к выводу о том, что письмо, направленное правительством Ирландии Генеральному секретарю Совета Европы 20 июля 1957 г., переставляло собой нотификацию, достаточную в целях Ст. 15-3 ЕКПЧ. Оно было выслано всего лишь двенадцать дней спустя после введения в действие особых мер вместе со всеми соответствующими документами, включая указание причин по введению вышеуказанных особых полномочий.

Исходя из сказанного, Суд пришел к выводу, что, хотя задержание заявителя без доставления к суду, не нашло правового подтверждения в Ст. 5 ЕКПЧ, оно находило, тем не менее, свой источник в праве на отступление от положений, которое должным образом было осуществлено правительством Ирландии согласно Ст. 15 ЕКПЧ и поэтому не представляло собой нарушение Конвенции.

КОНВЕНЦИЯ О ЗАЩИТЕ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА И ОСНОВНЫХ СВОБОД

(Рим, 4 ноября 1950 года)

Правительства, подписавшие настоящую Конвенцию, являющиеся членами Совета Европы,

принимая во внимание Всеобщую декларацию прав человека, провозглашенную Генеральной Ассамблеей Организации Объединенных Наций 10 декабря 1948 года,

учитывая, что эта Декларация имеет целью обеспечить всеобщее и эффективное признание и осуществление провозглашенных в ней прав,

считая, что целью Совета Европы является достижение большего единства между его членами и что одним из средств достижения этой цели является поддержание и дальнейшее осуществление прав человека и основных свобод, вновь подтверждая свою глубокую приверженность этим основным свободам, которые являются основой справедливости и мира во всем мире, и соблюдение которых наилучшим образом обеспечивается, с одной стороны, подлинно демократической

политической системой и, с другой стороны, общим пониманием и соблюдением прав человека, с которым они связаны,

преисполненные решимости как Правительства европейских стран, придерживающихся единых взглядов и имеющих общее наследие политических традиций и идеалов, уважения свободы и верховенства права, сделать первые шаги на пути коллективного осуществления некоторых из прав, сформулированных во Всеобщей декларации,

согласились о нижеследующем:

Статья 1

Обязательство уважать права человека

Высокие Договаривающиеся Стороны обеспечивают каждому человеку, находящемуся под их юрисдикцией, права и свободы, определенные в разделе I настоящей Конвенции.

РАЗДЕЛ I ПРАВА И СВОБОДЫ

Статья 2

Право на жизнь

1. Право каждого человека на жизнь охраняется законом. Никто не может быть умышленно лишен жизни иначе как во исполнение смертного приговора, вынесенного судом за совершение преступления, в отношении которого законом предусмотрено такое наказание. 2. Лишение жизни не рассматривается как нарушение настоящей статьи, когда оно является результатом абсолютно необходимого применения силы:
 - a. для защиты любого лица от противоправного насилия;
 - b. для осуществления законного ареста или предотвращения побега лица, задержанного на законных основаниях;
 - c. для подавления, в соответствии с законом, бунта или мятежа.

Статья 3

Запрещение пыток

Никто не должен подвергаться пыткам и бесчеловечному или унижающему достоинство обращению или наказанию.

Статья 4

Запрещение рабства и принудительного труда

1. Никто не должен содержаться в рабстве или подневольном состоянии.
2. Никто не должен привлекаться к принудительному или обязательному труду.
3. Для целей данной статьи термин "принудительный или обязательный труд" не включает:
 - a. любую работу, которую обычно должно выполнять лицо, находящееся в заключении согласно положениям статьи 5 настоящей Конвенции или условно освобожденное от такого заключения;
 - b. любую военную службу, а в тех странах, в которых в качестве законного признается отказ от военной службы на основании убеждений, службу, назначенную вместо обязательной военной службы;
 - c. любую службу, обязательную в случае чрезвычайного положения или бедствия, угрожающего жизни или благополучию населения;
 - d. любую работу или службу, которые входят в обычные гражданские обязанности.

Статья 5

Право на свободу и безопасность

1. Каждый человек имеет право на свободу и личную неприкосновенность. Никто не может быть лишен свободы иначе как в следующих случаях и в порядке, установленном законом:
 - a. законное содержание лица под стражей после его осуждения компетентным судом;
 - b. законный арест или задержание лица за невыполнение законного решения суда или с целью обеспечения выполнения любого обязательства, предписанного законом;
 - c. законный арест или задержание лица, произведенное с тем, чтобы оно предстало перед компетентным судебным органом по обоснованному подозрению в совершении правонарушения или в случае, когда имеются достаточные основания полагать, что необходимо предотвратить совершение им правонарушения или помешать ему скрыться после его совершения;
 - d. задержание несовершеннолетнего лица на основании законного постановления для воспитательного надзора или его законное задержание произведенное с тем, чтобы оно предстало перед компетентным органом;
 - e. законное задержание лиц с целью предотвращения распространения инфекционных заболеваний, а также душевнобольных, алкоголиков, наркоманов или бродяг;
 - f. законный арест или задержание лица с целью предотвращения его незаконного въезда в страну или лица, против которого принимаются меры по его высылке или выдаче.
2. Каждому арестованному незамедлительно сообщаются на понятном ему языке причины его ареста и любое предъявляемое ему обвинение.
3. Каждое лицо, подвергнутое аресту или задержанию в соответствии с положениями подпункта (с) пункта 1 настоящей статьи, незамедлительно доставляется к судье или к иному должностному лицу, уполномоченному законом осуществлять судебные функции, и имеет право на судебное разбирательство в течение разумного срока или на освобождение до суда. Освобождение может ставиться в зависимость от предоставления гарантий явки в суд.
4. Каждый, кто лишен свободы путем ареста или задержания, имеет право на разбирательство, в ходе которого суд безотлагательно решает вопрос о законности его задержания и выносит постановление о его освобождении, если задержание незаконно.
5. Каждый, кто стал жертвой ареста или задержания в нарушение положений настоящей статьи, имеет право на компенсацию.

Статья 6

Право на справедливое судебное разбирательство

1. Каждый человек имеет право при определении его гражданских прав и обязанностей или при рассмотрении любого уголовного обвинения, предъявляемого ему, на справедливое и публичное разбирательство дела в разумный срок независимым и беспристрастным судом, созданным на основании закона. Судебное решение объявляется публично, однако пресса и публика могут не допускаться на судебные заседания в течение всего процесса или его части по соображениям морали, общественного порядка или государственной безопасности в демократическом обществе, а также когда того требуют интересы несовершеннолетних или для защиты частной жизни сторон, или - в той мере, в какой это, по мнению суда, строго необходимо - при особых обстоятельствах, когда публичность нарушала бы интересы правосудия.

2. Каждый человек, обвиняемый в совершении уголовного преступления, считается невиновным, до тех пор пока его виновность не будет установлена законным порядком.

3. Каждый человек, обвиняемый в совершении уголовного преступления, имеет как минимум следующие права:

- a. быть незамедлительно и подробно уведомленным на понятном ему языке о характере и основании предъявленного ему обвинения;
- b. иметь достаточное время и возможности для подготовки своей защиты;
- c. защищать себя лично или через посредство выбранного им самим защитника или, если у него нет достаточных средств для оплаты услуг защитника, иметь назначенного ему защитника бесплатно, когда того требуют интересы правосудия;
- d. допрашивать показывающих против него свидетелей или иметь право на то, чтобы эти свидетели были допрошены, и иметь право на вызов и допрос свидетелей в его пользу на тех же условиях, что и для свидетелей, показывающих против него;
- e. пользоваться бесплатной помощью переводчика, если он не понимает языка, используемого в суде, или не говорит на этом языке.

Статья 7

Наказание исключительно на основании закона

1. Никто не может быть осужден за какое-либо уголовное преступление на основании совершения какого-либо действия или за бездействие, которое согласно действовавшему в момент его совершения национальному или международному праву не являлось уголовным преступлением. Не может также налагаться наказание более тяжкое, нежели то, которое подлежало применению в момент совершения уголовного преступления.

2. Настоящая статья не препятствует преданию суду и наказанию любого лица на основании совершения какого-либо действия или за бездействие, которое в момент его совершения являлось уголовным преступлением в соответствии с общими принципами права, признанными цивилизованными странами.

Статья 8

Право на уважение частной и семейной жизни

1. Каждый человек имеет право на уважение его личной и семейной жизни, неприкосновенности его жилища и тайны корреспонденции.

2. Не допускается вмешательство со стороны государственных органов в осуществление этого права, за исключением вмешательства, предусмотренного законом и необходимого в демократическом обществе в интересах государственной безопасности и общественного спокойствия, экономического благосостояния страны, в целях предотвращения беспорядков или преступлений, для охраны здоровья или нравственности или защиты прав и свобод других лиц.

Статья 9

Свобода мысли, совести и религии

1. Каждый человек имеет право на свободу мысли, совести и религии; это право включает свободу менять свою религию или убеждения и свободу исповедовать свою религию или придерживаться убеждений как индивидуально, так и сообща с другими, публичным или частным образом, в богослужении, учении и выполнении религиозных и ритуальных порядков.

2. Свобода исповедовать религию или придерживаться убеждений подлежит лишь ограничениям, установленным законом и необходимым в демократическом обществе в интересах общественного спокойствия, для охраны общественного порядка, здоровья или нравственности или для защиты прав и свобод других лиц.

Статья 10

Свобода выражения мнения

1. Каждый человек имеет право на свободу выражать свое мнение. Это право включает свободу придерживаться своего мнения и свободу получать и распространять информацию и идеи без какого-либо вмешательства со стороны государственных органов и независимо от государственных границ. Настоящая статья не препятствует государствам осуществлять лицензирование радиовещательных, телевизионных или кинематографических предприятий.

2. Осуществление этих свобод, налагающее обязанности и ответственность, может быть сопряжено с формальностями, условиями, ограничениями или санкциями, которые установлены законом и которые необходимы в демократическом обществе в интересах государственной безопасности, территориальной целостности или общественной безопасности или защиты прав и свобод других лиц. Настоящая статья не препятствует введению законных ограничений на осуществление этих прав лицами, входящими в состав вооруженных сил, полиции или административных органов государства.

Статья 11

Свобода собраний и ассоциаций

1. Каждый человек имеет право на свободу мирных собраний и на свободу ассоциации с другими, включая право создавать профессиональные союзы и вступать в таковые для защиты своих интересов.

2. Осуществление этих прав не подлежит никаким ограничениям, кроме тех, которые установлены законом и которые необходимы в демократическом обществе в интересах государственной безопасности и общественного спокойствия, в целях предотвращения беспорядков и преступлений, для охраны здоровья и нравственности или защиты прав и свобод других лиц. Настоящая статья не препятствует введению законных ограничений на осуществление этих прав лицами, входящими в состав вооруженных сил, полиции или административных органов государства.

Статья 12

Право на вступление в брак

Мужчины и женщины, достигшие брачного возраста, имеют право вступать в брак и создавать семью в соответствии с национальным законодательством, регулирующим осуществление этого права.

Статья 13

Право на эффективные средства правовой защиты

Каждый человек, чьи права и свободы, признанные в настоящей Конвенции, нарушены, имеет право на эффективные средства правовой защиты перед государственным органом даже в том случае, если такое нарушение совершено лицами, действовавшими в официальном качестве.

Статья 14

Запрещение дискриминации

Пользование правами и свободами, признанными в настоящей Конвенции, должно быть обеспечено без какой-либо дискриминации по признаку пола, расы, цвета кожи, языка, религии, политических или иных убеждений, национального или социального происхождения, принадлежности к национальным меньшинствам, имущественного положения, рождения или любым иным обстоятельствам.

Статья 15

Отступление от соблюдения обязательств в чрезвычайных ситуациях

1. В период войны или иного чрезвычайного положения, угрожающего существованию нации, любая из Высоких Договаривающихся Сторон может принимать меры в отступление от своих обязательств по настоящей Конвенции только в той степени, в какой это обусловлено чрезвычайностью обстоятельств при условии, что такие меры не противоречат другим ее обязательствам по международному праву.
2. Это положение не может служить основанием для отступления от положений статьи 2, за исключением случаев гибели людей в результате правомерных военных действий, или от положений статьи 3, пункта (1) статьи 4 и статьи 7.
3. Любая из Высоких Договаривающихся Сторон, использующая это право отступления, информирует исчерпывающим образом Генерального секретаря Совета Европы о введенных ею мерах и о причинах их принятия. Она также ставит в известность Генерального секретаря Совета Европы о прекращении действия таких мер и возобновлении осуществления положений Конвенции в полном объеме.

Статья 16

Ограничение на политическую деятельность иностранцев

Ничто в статьях 10, 11 и 14 не может рассматриваться как препятствие для Высоких Договаривающихся Сторон вводить ограничения на политическую деятельность иностранцев.

Статья 17

Запрещение злоупотреблений правами

Ничто в настоящей Конвенции не может толковаться как означающее, что какое-либо государство, какая-либо группа лиц или какое-либо лицо имеет право заниматься какой-либо деятельностью или совершать какие-либо действия, направленные на уничтожение любых прав и свобод, признанных в настоящей Конвенции, или на их ограничение в большей степени, нежели это предусматривается в Конвенции.

Статья 18

Пределы использования ограничений в отношении прав

Ограничения, допускаемые по настоящей Конвенции в отношении указанных прав и свобод, не должны применяться для иных целей, кроме тех, для которых они были предусмотрены.

РАЗДЕЛ II

ЕВРОПЕЙСКИЙ СУД ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА

Статья 19

Учреждение Суда

В целях обеспечения соблюдения обязательств, принятых на себя Высокими Договаривающимися Сторонами по настоящей Конвенции и Протоколам к ней, образуется Европейский Суд по правам человека, далее именуемый Суд. Он работает на постоянной основе.

Статья 20

Количество судей

Число судей, входящих в состав Суда, равно числу Высоких Договаривающихся Сторон.

Статья 21

Предъявляемые к судьям требования

1. Судьи должны обладать самыми высокими моральными качествами и удовлетворять требованиям, предъявляемым при назначении на высокие судебные должности, или быть правоведами с общепризнанным авторитетом.
2. Судьи участвуют в работе Суда в личном качестве.
3. На протяжении всего срока пребывания в должности судьи не должны осуществлять никакой деятельности, несовместимой с их независимостью, беспристрастностью или с требованиями, вытекающими из постоянного характера их полномочий; все вопросы, возникающие в связи с применением положений настоящего пункта, решаются Судом.

Статья 22

Выборы судей

1. Судья от каждой из Высоких Договаривающихся Сторон избирается Парламентской ассамблеей большинством поданных за него голосов из списка, включающего трех кандидатов, представляемых этой Высокой Договаривающейся Стороной.
2. Аналогичная процедура действует при доукомплектовании состава Суда в случае присоединения новых Высоких Договаривающихся Сторон, а также при заполнении открывающихся вакансий.

Статья 23

Срок полномочий

1. Судьи избираются сроком на шесть лет. Они могут быть переизбраны. Однако срок полномочий половины судей первого состава истекает через три года с момента избрания.
2. Судьи, чей срок полномочий истекает через первые три года, определяются Генеральным секретарем Совета Европы путем жребия сразу после их избрания.
3. В целях обеспечения, насколько это возможно, обновляемости состава Суда наполовину каждые три года Парламентская ассамблея может до проведения любых последующих выборов принять решение о том, что срок или сроки полномочий одного или нескольких избираемых судей будут иными, нежели шесть лет, но в любом случае не более девяти и не менее трех лет.

4. В случаях, когда речь идет о более чем одном сроке полномочий и Парламентская ассамблея применяет положения предыдущего пункта, определение сроков полномочий производится Генеральным секретарем Совета Европы путем жребия сразу после выборов.
5. Судья, избранный для замещения другого судьи, срок полномочий которого еще не истек, занимает этот пост на срок, оставшийся от срока полномочий его предшественника.
6. Срок полномочий Судей истекает по достижении ими 70 лет.
7. Судьи занимают свои посты вплоть до замены. Вместе с тем после замены они продолжают рассматривать уже поступившие к ним дела.

Статья 24

Отстранение от должности

Судья может быть отстранен от должности, только в случае, если прочие судьи большинством в две трети голосов принимают решение о том, что он перестает соответствовать предъявляемым требованиям.

Статья 25

Секретариат и референты

У Суда имеется Секретариат, функции и организация которого определяются Правилами процедуры Суда. Суд пользуется услугами референтов.

Статья 26

Пленарные заседания Суда

На пленарных заседаниях Суд:

- a. избирает своего Председателя и одного или двух заместителей Председателя сроком на три года; они могут быть переизбраны;
- b. образует Палаты, создаваемые на определенный срок;
- c. избирает Председателей Палат Суда; они могут быть переизбраны;
- d. принимает Правила процедуры Суда; и
- e. избирает руководителя Секретариата и одного или нескольких его заместителей.

Статья 27

Комитеты, Палаты и Большая Палата

1. Для рассмотрения переданных ему дел Суд образует комитеты в составе трех судей, Палаты в составе семи судей и Большую Палату в составе семнадцати судей. Палаты Суда на определенный срок образуют комитеты.
2. Судья, избранный от государства, являющегося стороной в споре, является ex-officio членом Палаты и Большой Палаты; в случае отсутствия такого судьи или если он не может участвовать в заседании, данное государство назначает лицо, которое выступает в качестве судьи.
3. В состав Большой Палаты входят также Председатель Суда, заместители Председателя Суда, Председатели Палат и другие члены Суда, назначенные в соответствии с Правилами процедуры Суда. В тех случаях, когда дело передается в Большую Палату в соответствии с положениями статьи 43, в ее заседаниях не должен участвовать ни один из судей Палаты, вынесшей постановление, за исключением Председателя этой Палаты и судьи от соответствующего государства, являющегося стороной в деле.

Статья 28

Заявления комитетов о неприемлемости жалобы

Комитет единогласным решением может объявить неприемлемой индивидуальную жалобу, поданную в соответствии со статьей 34, или исключить ее из списка подлежащих рассмотрению дел, если такое решение может быть принято без дополнительного изучения жалобы. Это решение является окончательным.

Статья 29

Решения Палат о приемлемости жалобы и по существу дела

1. Если не было принято никакого решения, предусмотренного статьей 28, Палата выносит решение о приемлемости индивидуальной жалобы, поданной в соответствии со статьей 34, и по существу дела.
2. Палата выносит решение о приемлемости жалобы государства, поданной в соответствии со статьей 33, и по существу дела.
3. Решение о приемлемости жалобы выносится отдельно, если Суд, в порядке исключения, не примет решение об обратном.

Статья 30

Уступка юрисдикции в пользу Большой Палаты

Если дело, находящееся на рассмотрении Палаты, поднимает серьезный вопрос, касающийся толкования положений Конвенции или Протоколов к ней, или если решение вопроса может войти в противоречие с ранее вынесенным Судом постановлением, Палата может до вынесения своего постановления уступить юрисдикцию в пользу Большой Палаты, если ни одна из сторон не возражает против этого.

Статья 31

Полномочия Большой Палаты

- a. Большая Палата выносит решения по жалобам, поданным в соответствии со статьей 33 или статьей 34, когда какая-либо из Палат уступила юрисдикцию на основании положений статьи 30, или когда дело направлено ей в соответствии с положениями статьи 43;
- b. рассматривает просьбы о вынесении консультативных заключений, представленные в соответствии с положениями статьи 47.

Статья 32

Компетенция Суда

1. В ведении Суда находятся все вопросы, касающиеся толкования и применения положений Конвенции и Протоколов к ней, которые могут быть ему переданы в случаях, предусмотренных положениями статей 33, 34 и 47.
2. В случае спора относительно компетенции Суда по конкретному делу вопрос решается Судом.

Статья 33

Межгосударственные дела

Любая Высокая Договаривающаяся Сторона может передать в Суд вопрос о любом предполагаемом нарушении положений Конвенции и Протоколов к ней другой Высокой Договаривающейся Стороной.

Статья 34

Индивидуальные жалобы

Суд может принимать жалобы от любого физического лица, любой неправительственной организации или любой группы частных лиц, которые утверждают, что явились жертвами нарушения одной из Высоких Договаривающихся Сторон их прав, признанных в настоящей Конвенции или в Протоколах к ней. Высокие Договаривающиеся Стороны обязуются никоим образом не препятствовать эффективному осуществлению этого права.

Статья 35

Условия приемлемости

1. Суд может принимать дело к рассмотрению только после того, как были исчерпаны все внутренние средства правовой защиты, в соответствии с общепризнанным нормам международного права, и в течении шести месяцев, считая с даты вынесения национальными органами окончательного решения по делу.
2. Суд не принимает к рассмотрению никакую индивидуальную жалобу, поданную в соответствии со статьей 34, если она:
 - a. является анонимной; или
 - b. является по существу аналогичной той, которая уже была рассмотрена Судом, или уже является предметом другой процедуры международного разбирательства или урегулирования, и если она не содержит новых относящихся к делу фактов.
3. Суд объявляет неприемлемой любую индивидуальную жалобу, поданную в соответствии со статьей 34, если сочтет ее несовместимой с положениями настоящей Конвенции или Протоколов к ней, явно необоснованной или злоупотреблением правом подачи жалобы.
4. Суд отклоняет любую переданную ему жалобу, которую сочтет неприемлемой в соответствии с настоящей статьей. Он может сделать это на любой стадии разбирательства.

Статья 36

Участие третьей стороны

1. В отношении любого дела, находящегося на рассмотрении какой-либо из Палат или Большой Палаты, каждая Высокая Договаривающаяся сторона, гражданин которой является заявителем, вправе представлять письменные замечания и принимать участие в слушаниях.
2. В интересах надлежащего отправления правосудия Председатель Суда может пригласить любую Высокую Договаривающуюся Сторону, не являющуюся стороной в деле, или любое заинтересованное лицо, не являющееся заявителем, представить письменные замечания или принять участие в слушаниях.

Статья 37

Исключение жалобы из списка

1. Суд может на любой стадии разбирательства принять решение об исключении жалобы из списка подлежащих рассмотрению дел, если обстоятельства позволяют сделать вывод о том, что:
 - a. заявитель не намерен добиваться рассмотрения своей жалобы; или
 - b. спор был урегулирован; или
 - c. по любой другой причине, установленной Судом, дальнейшее рассмотрение жалобы является неоправданным.Тем не менее, Суд продолжает рассмотрение жалобы, если этого требует соблюдение прав человека, гарантированных в настоящей Конвенции и Протоколах к ней.
2. Суд может принять решение восстановить жалобу в списке подлежащих рассмотрению дел, если сочтет, что это оправдано обстоятельствами.

Статья 38

Рассмотрение дела с участием заинтересованных сторон и процедура дружественного урегулирования

1. Если Суд объявляет жалобу приемлемой, он:
 - a. продолжает рассмотрение дела с участием представителей заинтересованных сторон и, если это необходимо, осуществляет расследование, для эффективного проведения которого заинтересованные государства создают все необходимые условия.
 - b. предоставляет себя в распоряжение заинтересованных сторон с целью обеспечения дружественного урегулирования дела на основе соблюдения прав человека, признанных в настоящей Конвенции и Протоколах к ней.
2. Разбирательство в порядке, предусмотренном положениями подпункта (b) пункта 1, носит конфиденциальный характер.

Статья 39

Достижение дружественного урегулирования

В случае дружественного урегулирования Суд исключает дело из своего списка посредством вынесения постановления, в котором дается лишь краткое изложение фактов и принятого решения.

Статья 40

Открытые судебные заседания и доступ к документам

1. Если в силу исключительных обстоятельств Суд не примет иного решения, его заседания являются открытыми.
2. Доступ к документам, переданным на хранение в Секретариат, является открытым, если Председатель Суда не примет иного решения.

Статья 41

Справедливая компенсация

Если Суд объявляет, что имело место нарушение положений Конвенции или Протоколов к ней, а внутреннее право Высокой Договаривающейся Стороны допускает возможность лишь частичного возмещения, Суд, в случае необходимости, присуждает выплату справедливой компенсации потерпевшей стороне.

Статья 42

Постановления Палат

Постановления Палат становятся окончательными в соответствии с положениями пункта 2 статьи 44.

Статья 43

Направление дела в Большую Палату

1. В течение трех месяцев, считая с даты вынесения Палатой постановления, любая из сторон в деле в исключительных случаях может подать прошение о его направлении на рассмотрение Большой Палаты.
2. Комитет в составе пяти членов Большой Палаты принимает прошение, если дело поднимает серьезный вопрос, касающийся толкования или применения положений настоящей Конвенции или Протоколов к ней, или другой серьезный вопрос общего характера.
3. Если комитет принимает прошение, то Большая Палата выносит по делу свое постановление.

Статья 44

Окончательные постановления

1. Постановление Большой Палаты является окончательным.
2. Решение любой из Палат становится окончательным:
 - a. если стороны заявляют, что не будут обращаться с прошением о направлении дела в Большую Палату; или
 - b. спустя три месяца после вынесения постановления отсутствует прошение о направлении дела в Большую Палату; или
 - c. если комитет Большой Палаты отклоняет прошение о направлении дела согласно положениям статьи 43.
3. Окончательное постановление подлежит публикации.

Статья 45

Мотивирование постановлений и решений

1. Постановления, а также решения о приемлемости или неприемлемости жалоб должны быть мотивированными.
2. Если постановление в целом или частично не выражает единогласного мнения судей, то любой судья вправе представить свое особое мнение.

Статья 46

Обязательная сила и исполнение постановлений

1. Высокие Договаривающиеся Стороны обязуются исполнять окончательные постановления Суда по спорам, в которых они являются сторонами.
2. Окончательное постановление Суда направляется Комитету министров, который осуществляет надзор за его исполнением.

Статья 47

Консультативные заключения

1. Суд может по просьбе Комитета министров выносить консультативные заключения по юридическим вопросам, касающимся толкования положений Конвенции и Протоколов к ней.
2. Такие заключения не должны затрагивать ни вопросы, относящиеся к содержанию или объему прав или свобод, сформулированных в Разделе I Конвенции Протоколах к ней, ни другие вопросы, которые Суду или Комитету министров, возможно, потребовалось бы рассмотреть после обращения, предусмотренного Конвенцией.
3. Решение Комитета министров запросить консультативное заключение Суда принимается большинством голосов представителей, имеющих право заседать в Комитете.

Статья 48

Компетенция Суда в отношении консультативных заключений

Вопрос о том, относится ли поданная Комитетом министров просьба о вынесении консультативного заключения к компетенции Суда, как она определена в статье 47, решает Суд.

Статья 49

Мотивирование консультативных заключений

1. Консультативные заключения Суда должны быть мотивированными.
2. Если консультативное заключение в целом или частично не выражает единогласного мнения судей, то любой судья вправе представить свое особое мнение.
3. Консультативное заключение Суда направляется Комитету министров.

Статья 50

Расходы на содержание Суда

Расходы Суда несет Совет Европы.

Статья 51

Привилегии и иммунитеты Судей

Члены Суда при исполнении своих функций пользуются привилегиями и иммунитетами, предусмотренными в статье 40 Устава Совета Европы и в соглашениях, заключенных на ее основе.

РАЗДЕЛ III

ПРОЧИЕ ПОЛОЖЕНИЯ

Статья 52

Запросы Генерального Секретаря

По получении запроса от Генерального секретаря Совета Европы любая Высокая Договаривающаяся Сторона представляет разъяснения относительно того, каким образом ее внутреннее право обеспечивает эффективное выполнение любого из положений настоящей Конвенции.

Статья 53

Гарантии в отношении признанных прав человека

Ничто в настоящей Конвенции не может быть истолковано как ограничение или умаление любого из прав человека и основных свобод, которые могут обеспечиваться законодательством любой Высокой Договаривающейся Стороны или любым иным соглашением, в котором она участвует.

Статья 54

Полномочия Комитета министров

Ничто в настоящей Конвенции не наносит ущерба полномочиям Комитета министров, возложенным на него Уставом Совета Европы.

Статья 55

Отказ от иных средств урегулирования споров

Высокие Договаривающиеся Стороны согласны с тем, что, кроме случаев заключения особого соглашения об этом, они не воспользуются действующими между ними договорами, конвенциями или декларациями с целью передачи на рассмотрение, путем направления жалобы, спора, возникшего в связи с толкованием или применением положений настоящей Конвенции, иными средствами урегулирования, нежели те, которые предусмотрены настоящей Конвенцией.

Статья 56

Применение к территориям

1. Любое государство при ратификации или в любое время впоследствии может заявить путем уведомления Генерального секретаря Совета Европы о том, что настоящая Конвенция, согласно пункту 4 настоящей статьи, распространяется на все территории или на любую из них, за международные отношения которых оно несет ответственность.
2. Действие Конвенции распространяется на территории, указанные в уведомлении, начиная с тридцатого дня после получения этого уведомления Генеральным секретарем Совета Европы.
3. Положения настоящей Конвенции применяются на упомянутых территориях с надлежащим учетом местных требований.
4. Любое государство, которое сделало заявление в соответствии с пунктом 1 настоящей статьи, впоследствии может в любое время заявить от имени одной или нескольких территорий, к которым это заявление относится, что оно признает компетенцию Суда принимать жалобы от физических лиц, неправительственных организаций или групп частных лиц как это предусмотрено статьей 34 Конвенции.

Статья 57

Оговорки

1. Любое государство при подписании настоящей Конвенции или при сдаче на хранение ратификационной грамоты может сделать оговорку к любому конкретному положению Конвенции в отношении того, что тот или иной закон, действующий в это время на его территории, не соответствует этому положению. Настоящая статья не предусматривает оговорок общего характера.
2. Любая оговорка, сделанная в соответствии с положениями настоящей статьи, должна содержать краткое изложение соответствующего закона.

Статья 58

Денонсация

1. Высокая Договаривающаяся Сторона может денонсировать настоящую Конвенцию только по истечении пяти лет, считая с даты, когда она стала Участником Конвенции, и по истечении шести месяцев после направления уведомления Генеральному секретарю Совета Европы, который информирует об этом другие Высокие Договаривающиеся Стороны.
2. Денонсация не освобождает соответствующую Высокую Договаривающуюся Сторону от ее обязательств по настоящей Конвенции в отношении любого действия, которое могло явиться нарушением таких обязательств и могло быть совершено ею до даты вступления денонсации в силу.
3. Любая Высокая Договаривающаяся Сторона, которая перестает быть членом Совета Европы, на тех же условиях перестает быть и Стороной настоящей Конвенции.
4. Конвенция может быть денонсирована в соответствии с положениями предыдущих пунктов в отношении любой территории, на которую распространено ее действие согласно положениям статьи 56.

Статья 59

Подписание и ратификация

1. Настоящая Конвенция открыта для подписания Государствами-членами Совета Европы. Она подлежит ратификации. Ратификационные грамоты сдаются на хранение Генеральному секретарю Совета Европы.
2. Настоящая Конвенция вступает в силу после сдачи на хранение десяти ратификационных грамот.
3. Для тех государств, которые впоследствии ратифицируют Конвенцию, она вступает в силу с даты сдачи на хранение их ратификационных грамот.
4. Генеральный секретарь Совета Европы уведомляет все Государства-члены Совета Европы о вступлении Конвенции в силу, о Высоких Договаривающихся Сторонах, ратифицировавших ее, и о сдаче ратификационных грамот, которые могут быть получены впоследствии.

Совершено в Риме 4 ноября 1950 года на английском и французском языках, причем оба текста имеют одинаковую силу, в единственном экземпляре, который хранится в архиве Совета Европы. Генеральный секретарь направляет заверенные копии всем подписавшим Конвенцию государствам.

- [1] Английское и французское издание рассматривают решения с 1968 по 1993. Последующие решения Европейского Суда по Правам Человека на английском и французском были опубликованы в основных выпусках Бюллетеня.
- [2] Перевод решений с ECH1961S001 по ECH1993S008
- [3] Редакторская правка решений с ECH1961S001 по ECH1993S008
- [4] Перевод решений с ECH19942001 по ECH19982007
- [5] Сокращенное название Конвенции - Европейская Конвенция по Правам Человека. Далее ЕКПЧ. В данном тексте нумерация Статей соответствует версии Конвенции, действовавшей до 1 ноября 1998г. Следует обратить внимание, что действующая в настоящее время версия Конвенции содержит нумерацию ряда Статей, которая в некоторых случаях отличается от нумерации предшествующей версии Конвенции (Примечания здесь и далее Сергея А. Беляева).
- [6] Толкование понятия «справедливое судебное разбирательство» носит главным образом процессуальный характер, охватывающий гарантии, изложенные в Статьях 5 и 6 Конвенции, и не включает в себя проверку обоснованности внутригосударственного судебного решения по существу.
- [7] Лицо, обратившееся с заявлением в Суд в Страсбурге, обозначается в данном тексте как «заявитель». В публикациях о Суде иногда фигурируют другие термины: «истец», «жалобщик», «петиционер», «ходатай».
- [8] В правовой системе Швейцарии под публично-правовой жалобой понимается жалоба, подаваемая в Федеральный суд по признакам нарушения конституционного или административного права.
- [9] В целях уяснения задач и методики судопроизводства и правоприменения в Страсбурге следует обратить внимание, что Суд рассматривает судебные решения внутригосударственных инстанций исключительно в свете тех обязательств, которые возлагаются *expressis verbis* на государства-участники Конвенцией.
- [10] Термин "юриспруденция" используется в данном тексте как синоним терминам "прецедентное право" и "судебная практика".
- [11] Возмещение осуществляется государством-ответчиком.
- [12] Коллегиальные суды на уровне провинций Испании, уполномоченные рассматривать уголовные и гражданские дела в первой и второй инстанции.
- [13] Действия по обращению граждан в определенное верование.
- [14] Название избирательного объединения нескольких оппозиционных антиклерикально-ориентированных политических групп в 80-х годах в ФРГ.
- [15] Тип жалобы в Конституционном суде Испании по поводу нарушений прав и свобод. Ее правосубъектный состав включает в себя физических и юридических лиц, которые должны ссылаться на «защищенный законом интерес», уполномоченного по правам человека (*Defensor del Pueblo*) и прокуратуру.
- [16] Должностное лицо в Великобритании и некоторых других странах англосаксонской системы права, являющееся членом правительства и выполняющее среди прочего функции надзора за следствием.
- [17] Речь идет об оговорках, которые могут быть сделаны государствами-участниками при подписании Конвенции. Подразумевается, что ссылки в оговорках на внутригосударственное законодательство должны сопровождаться текстами законодательных актов.
- [18] Международной неправительственной правозащитной организацией.
- [19] Коллегиальный судебный орган общей юрисдикции, осуществляющий судопроизводство в отношении всей территории Испании.
- [20] Имеются в виду возражения правительства, которые высказывались при рассмотрении дела в Комиссии, в настоящее время в Палате Суда. Обычно возражения касаются вопросов приемлемости заявлений в свете критериев Суда в Страсбурге.
- [21] Принцип "строгой ответственности" заключается в том, что стороне обвинения и суду требуется установить только факт причинения вреда, но нет необходимости определять субъективную вину правонарушителя.
- [22] Оспаривание представляет собой в свете юриспруденции Комиссии и Суда более адекватный перевод по сравнению с используемым в ряде русских переводов Конвенции термина «определение». *Contestation* - слово, используемое во французском тексте Конвенции.
- [23] Термин «гражданские права и обязанности» подлежит "автономному" толкованию в практике Суда, что означает, что квалификация отношений Судом в Страсбурге не обязательно соответствует определению их природы на национальном уровне.
- [24] "Корона" - Королева и соответствующий министр, в данном случае - министр общественного здравоохранения и защиты окружающей среды.
- [25] Одна из палат Высокого суда юстиции Великобритании.
- [26] В английском оригинале - *Board of Visitors*. Орган контроля над местом исполнения наказаний и регулирования конфликтов, возникающих в рамках исполнения правил внутреннего распорядка в местах лишения свободы в Великобритании.
- [28] В законодательстве Швейцарии термин "публично-правовая жалоба" применяется к жалобам в Федеральный суд, основанным на конституционном или административном праве.
- [29] В данном случае термин означает обусловленное некоторыми требованиями отчуждение прав собственности.
- [30] Соглашение между руководством предприятия и определенными профсоюзами о том, что обязательным условием работы на предприятии является членство наемных работников в данных профсоюзах.